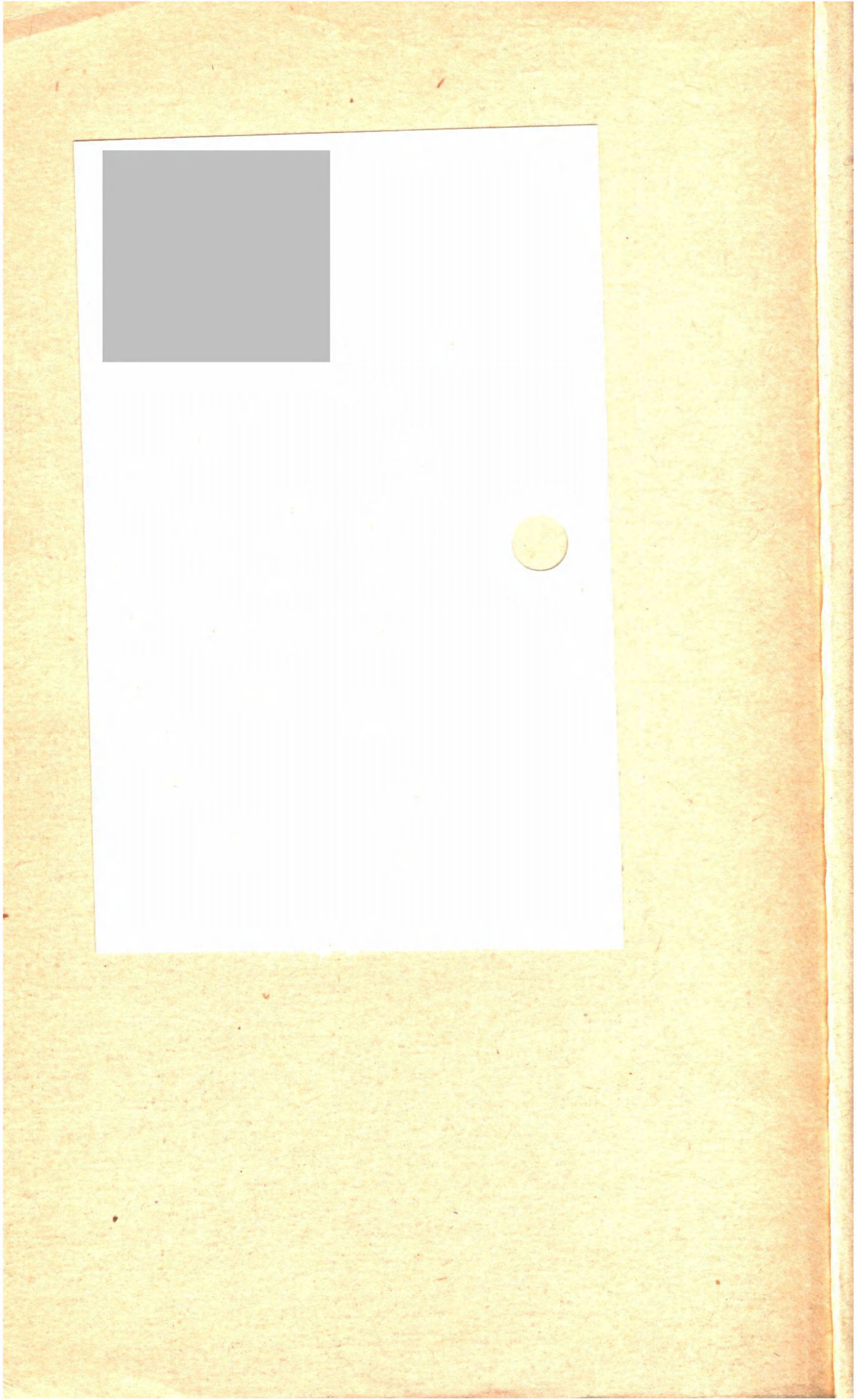
И. Ф. ПЛОТНИКОВ

ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В ТЫЛУ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК

И. Ф. ПЛОТНИКОВ

ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В ТЫЛУ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК

Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918—1920 гг.

Свердловск Издательство Уральского университета 1989

ББК 66.61 (2р 36)
П 39

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В. П. Наумов;
кафедра истории КПСС Челябинского пединститута

Плотников И. Ф.
П 39
Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918—1920 гг. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.— 336 с.
ISBN 5-7525-0045-1

В монографии на основе архивных материалов раскрывается деятельность Сибирского бюро ЦК РКП(б) по руководству большевистским подпольем и повстанческо-партизанским движением в годы гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.
Книга предназначена для историков, краеведов, широкого круга читателей.

П $\frac{0902020000-45}{182(02)-89}$ ББК 66.61 (2р 36)

Научное издание
Плотников Иван Федорович
Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918—1920 гг.
Редактор А. В. Данилова
Младший редактор И. Б. Остаркова
Технические редакторы Е. В. Ромашова, А. И. Долженко
Корректоры Г. Г. Быкова, Т. А. Мурычева, А. А. Герасимов

ИБ № 337
Подписано к печати 22.05.89. Сдано в набор 1.08.88. НС 15142.
Формат 84×108 1/32. Уч.-изд. л. 19,93. Усл. печ. л. 17,64.
Усл. кр.-отт. 17,96. Бумага типограф. 2. Печать офсетная.
Гарнитура литературная Тираж 1600 экз. Заказ 00109. Цена 4 р. 10 к.

Издательство Уральского университета. 620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 13б.
Типография изд-ва Удмуртского обкома КПСС. 426000, Ижевск, Воткинское шоссе, 10-й км.

ISBN 5-7525-0045-1

Семидесятилетию образования и начала деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война и иностранная военная интервенция явились тяжелым испытанием для всех трудящихся Советской республики, вдохновляющей и организующей их силы — Коммунистической партии.

Ленинская партия искала и находила новые формы и методы борьбы, вооружала ими массы, вела их за собой. При этом она опиралась на свой богатейший опыт деятельности в дооктябрьский период. «Большевизм проделал, — писал В. И. Ленин, — пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта»[1].

В деятельности партии определяющую роль играл ее аппарат и боевой штаб—Центральный Комитет, возглавляемый В. И. Лениным. «Наш ЦК, — отмечал В. И. Ленин,— сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную»[2]. Центральный Комитет в самых трудных условиях гражданской войны работал

как коллективный руководящий орган партии, направляя деятельность местных партийных, государственных и общественных организаций, военных учреждений, организовал борьбу коммунистов и сплачивавшихся вокруг них беспартийных трудящихся не только в советской части страны, но и в тылу врага.

Одной из ярких и значительных страниц в истории Коммунистической партии стала борьба подпольных большевистских организаций, широких трудящихся масс против интервентов и белогвардейцев в восточных районах страны. Деятельность коммунистов-подпольщиков Урала, Сибири и Дальнего Востока с самого начала направлял Центральный Комитет непосредственно, а с декабря 1918 г. через Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) и его отделение.

Под руководством Центрального Комитета партии бюро ЦК и его отделение проделали исключительно большую работу и сыграли важную историческую роль в борьбе с колчаковщиной. Изучение опыта работы Сибирского бюро позволяет глубже проникнуть в существо работы ЦК партии в период гражданской войны, выявить и проанализировать формы и методы руководства борьбой нелегальных организаций коммунистов, широких масс трудящихся в тылу противника.

Направления усовершенствования форм и методов работы партии, в том числе ее Центрального Комитета, определялись историческими условиями и особенностями борьбы: обстановкой гражданской войны, иностранной военной интервенции, огромными размерами восточных районов страны, особенностями их социально-экономического положения и др.

Опыт работы бюро ЦК и подпольных организаций, руководство ими революционной борьбой трудящихся масс, повстанческим и партизанским движением, достигшим на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке несравненно большего размаха, чем в других окраинных районах страны и сыгравшим поистине огромную роль в общей борьбе за разгром врага, имеет большое значение.

Еще в ходе гражданской войны В. И. Ленин указывал на особо важное значение опыта борьбы за освобождение Сибири. «Следует ознакомиться,— писал он,— с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Кол-

чаком и освобождения Сибири красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета»[3].

Большое научное и познавательное значение имеет изучение и освещение деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б), которое в период борьбы за освобождение Урала официально именовалось также и Урало-Сибирским. Этим и обусловливается двойное наименование данного партийного органа в названии книги и нередко в ее тексте.

История формирования и деятельности Сибирского бюро ЦК получила освещение как в специальных статьях и сообщениях, так и в работах, посвященных гражданской войне. Однако эта проблема исследована еще недостаточно. Нет единой обобщающей крупной работы в виде монографии, отдельной книги, необходимость в которой давно назрела[4].

Из-за ограниченного объема данной книги автор не имеет возможности дать во введении историографический и источниковедческий обзоры. Это делалось нами в целом ряде публикаций, в том числе и в последние годы[5]. По этим же причинам на деятельности подпольных организаций автор останавливается кратко[6], главное внимание уделяя деятельности бюро и его отделения.

Следует оговориться, что состояние источников, в том числе документов самого бюро ЦК, их недостаточность, отсутствие по ряду вопросов или противоречивый характер многих из них затрудняли исследование. Мы вынуждены были на этих моментах останавливаться специально, нередко вступая в полемику с другими исследователями. Автор не считает, что в его книге все вопросы нашли разрешение. Тема заслуживает дальнейшего изучения.

Глава первая

ОБРАЗОВАНИЕ БЮРО ЦК И ЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

1. Положение во вражеском тылу. Решение ЦК партии о создании Сибирского бюро ЦК РКП(б)

Возникновение Сибирского бюро ЦК партии и его отделения было вызвано особой обстановкой, сложившейся к концу 1918 г. как в восточных районах, так и в стране в целом. Сферой деятельности бюро ЦК и отделения являлись Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Урал, Сибирь и Дальний Восток — три тесно связанных между собой гигантских края. Их площадь (включая часть бывшего Степного края, относившуюся к Сибири) составляет около 15 млн квадратных километров, т. е. две трети территории всей страны. Однако здесь проживало немногим более 1/6 части населения республики. Всего в рассматриваемом районе проживало более 26 млн человек[1]. Плотность населения, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, была крайне низкой. Городское население составляло менее 10%. Урал, Сибирь и Дальний Восток были многонациональными районами с резким преобладанием русского населения (на Урале — около 70%, в Сибири — около 80%). Кроме русских в этих районах проживали украинцы, белорусы, башкиры, татары, чуваши, казахи, мордва, мари, коми, удмурты, ханты, манси, буряты, якуты, эвенки, тувинцы, луораветланы, намыланы, латыши, эстонцы, литовцы, немцы и др.

Степень экономического развития Урала и Сибири была различной. Урал являлся одним из относительно развитых промышленных районов страны. В 1913 г. он давал 1/5 часть чугуна, железа и стали, выплавляемых

в стране. На долю Сибири же приходился совершенно незначительный процент промышленного производства — в начале XX столетия 1,8%. Ведущими отраслями на Урале и в Сибири были горнозаводская и фабрично-заводская промышленность. Исключительно важную роль в хозяйственной жизни Сибири и других восточных районов играли железные дороги с их мастерскими и другими предприятиями.

На Урале и в Сибири имелись кадры рабочего класса. Промышленных рабочих вместе с железнодорожниками в 1917 г. на Урале насчитывалось 358,6 тыс. человек[2]. В Сибири наемных рабочих, постоянно и непосредственно занятых в промышленном производстве, на железных дорогах, было 294 тыс. человек[3]. Если учесть количество промышленных рабочих на Дальнем Востоке, то их общая численность в указанных районах приближалась к 700 тыс. Несмотря на свою немногочисленность, рабочий класс Сибири, Дальнего Востока, не говоря уже об Урале, был мощной революционной силой.

Сибирь, Дальний Восток и часть Урала представляли собой аграрные, крестьянские районы. Урал был краем наиболее крупного казенного землевладения, где горнозаводчикам, помещикам и казне принадлежала почти половина всей земли[4]. В Сибири, на Дальнем Востоке помещичьего землевладения в его классической форме не было. Однако и здесь имелись остатки крепостничества в виде владений царской семьи (68 млн гектаров), владений казачьих офицеров. В Сибири преобладало крестьянское землепользование на казенных землях. Здесь не стоял так остро, как в губерниях европейской части России, земельный вопрос.

Особенности в положении крестьянства Сибири, Дальнего Востока, части Урала, немногочисленность рабочего класса в этих краях, исключая горнозаводский Урал, порождали большие трудности в борьбе за победу Октября и упрочение его завоеваний. Осложнялось дело высоким процентом кулачества и низким бедноты, а также наличием казачьих войск, в тот период в основной массе настроенных контрреволюционно,— Оренбургского, Забайкальского, Сибирского, Амурского, Уссурийского, Семиреченского, Енисейского. Таким образом, в Сибири, на Дальнем Востоке и на Урале имелись не только большие социальные силы, которые могли идти за большевиками и шли за ними, но и социальная среда для деятельности контрреволюционных сил.

В рассматриваемых восточных районах среди масс накануне гражданской войны вели работу крупные партийные организации. На Урале к маю 1918 г. партийные организации, руководимые Уральским обкомом РКП(б), насчитывали примерно 38—40 тыс. человек[5]. Накануне Октября в Сибири было до 10 тыс. коммунистов[6]. К началу гражданской войны их стало, очевидно, не менее 15 тыс. Несколько тысяч коммунистов действовало на Дальнем Востоке. Партийные организации, все коммунисты вели упорную борьбу за защиту завоеваний Октября. Однако положение на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке весной, к лету 1919 г., стало ухудшаться. Резко усилились колебания среднего крестьянства, мелкобуржуазных слоев города. В итоге они отошли от Советской власти, стали смыкаться с сельской и городской буржуазией. В. И. Ленин отмечал: «Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружились в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»[7].

Международная и внутренняя реакция использовала колебания средних слоев крестьянского населения и мелкой городской буржуазии восточных, как и других районов, почти непрекращавшуюся вооруженную борьбу против Советской власти белоказаков и кулацкие мятежи для организации открытой иностранной военной интервенции и усиления гражданской войны.

Советская республика, рожденная победой Великой Октябрьской социалистической революции и завоевавшая в результате заключения Брестского договора мирную передышку, в самом начале социалистического строительства подверглась нападению со стороны империалистических государств. С весны 1918 г. в стране, в том числе и на ее востоке, началась полоса иностранной военной интервенции и гражданской войны.

В качестве своей ударной силы международный империализм использовал чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных Временным буржуазным правительством. Он насчитывал около 50 тыс. солдат и офицеров и находился на пути к Тихому океану. Эшелоны корпуса растянулись вдоль Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Опираясь на контрреволюционно настроенное офицерство, империалисты, чехословацкие буржуазные националисты развернули среди солдат лживую антисоветскую пропаганду и смогли повести их за собой [8]. Подготовка корпуса к эвакуации, его продвижение к Владивостоку во второй половине мая 1918 г. были фактически прекращены.

Мятеж белочешского корпуса готовился по указанию империалистов Англии, Франции и США. Выступление корпуса началось 25 мая 1918 г. Контрреволюционное выступление белочехословацкого корпуса послужило сигналом для повсеместных кулацко-белогвардейских и прочих антисоветских мятежей.

Советская республика в тот период оказалась не в состоянии разгромить объединенные силы внешней и внутренней контрреволюции. Враг захватил огромные районы страны: Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье, Среднюю Азию, Кавказ, Украину, Молдавию, Белоруссию, Прибалтику, север европейской части страны. Над республикой нависла смертельная опасность.

Под руководством Центрального Комитета РКП(б) и Советского правительства жизнь всей страны была перестроена на военный лад. Все было подчинено интересам разгрома врага, спасения Советской республики. Огромная работа, проведенная Коммунистической партией и Советским правительством под руководством В. И. Ленина, позволила резко увеличить численность и поднять боеспособность Красной Армии, упрочить тыл, мобилизовать все ресурсы страны, усилия широких масс трудящихся на победоносную борьбу с врагом.

Летом и почти до конца осени 1918 г. главным фронтом республики оставался Восточный. Здесь были сосредоточены основные силы антисоветской коалиции. Постепенно партия и правительство также сконцентрировали на Восточном фронте крупные силы, которые в августе начали наступление. К середине осени 1918 г. войска Восточного фронта освободили Поволжье и значительную часть Урала. Красная Армия успешно вела борьбу и на других фронтах.

Однако осенью 1918 г. и в последующие месяцы положение Советской республики оставалось сложным. В связи с капитуляцией Германии осенью 1918 г. мировая империалистическая война закончилась. ВЦИК 13 ноября объявил все условия Брестского договора аннулированными, все обязательства Советской власти об уплате контрибуции и территориальных уступках недействительными. Но поражение Германии было использовано империалистами стран Антанты для усиления интервенции и помощи белогвардейцам в России.

Численность войск Англии, США, Франции, Японии и других стран к концу 1918 г. была доведена до 400 тыс. солдат и офицеров. В некоторых западных районах по предложению Антанты оставила свои войска и Германия. Численность белогвардейских войск увеличилась до 700 тыс. человек. Но вместе с тем росла и укреплялась Красная Армия. Осенью 1918 г. в ней имелось уже более 800 тыс. человек, а в марте — уже полтора миллиона человек, из которых почти половина находилась на фронтах [9]. И все же в начале весны 1919 г. и тем более осенью 1918 г. враг имел большое превосходство, особенно в военной технике. Осенью и зимой острая борьба развернулась на Южном фронте. Перестав быть в ноябре 1918 г. главным, Восточный фронт, на котором также решалась судьба Советской республики, продолжал оставаться одним из важнейших. Соединения Восточного фронта в большинстве своем в борьбе с врагом на протяжении зимы 1918—1919 г. добились значительных успехов.

Продвинулись вперед 1-я, 2-я, 4-я, 5-я и Туркестанская армии. Были освобождены Уфа, Бирск, Оренбург, Уральск, Орск.

Иначе сложилась обстановка на северном участке фронта, где сражалась 3-я армия. Ее бойцы были необычайно утомлены непрерывными боями, полки сильно поредели, пополнений поступало недостаточно. Сказались действия вредителей, контрреволюционного подполья в ее ближайшем тылу, особенно в Перми. И когда действовавшая на северном участке фронта Сибирская армия Гайды, достигшая численности 42 тыс. человек, перешла в наступление, 35-тысячная 3-я армия не выдержала, стала отступать, оставила Пермь.

В целом положение на фронтах гражданской войны улучшилось, были освобождены обширные районы. Но с наступлением весны 1919 г. обстановка в стране вновь

резко обострилась. И это было связано с положением дел на Восточном фронте: контрреволюция развернула новое наступление.

Каким было положение в захваченных интервентами и белогвардейцами районах Урала, Сибири и Дальнего Востока? Там повсюду установился кровавый контрреволюционный режим. Возникли местные белогвардейские правительства: в Омске — Временное Сибирское правительство во главе с бывшим кадетом, не утратившим своей связи с основной буржуазной партией, П. В. Вологодским, в Самаре — правительство под названием Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) во главе с эсером В. К. Вольским, областное правительство Урала, которое возглавил кадет П. В. Иванов.

Доминирующими были омское и самарское правительства. Между ними велась упорная борьба. Представители Антанты, стремившейся во что бы то ни стало задушить Советскую власть во всей Российской республике, оказывали на белогвардейцев давление, требуя создать единый орган власти. Во второй половине сентября 1918 г. на так называемом «государственном совещании» в Уфе образуется Директория под председательством эсера Н. Д. Авксентьева, объявленная Временным всероссийским правительством. Она обосновалась в Омске, сделав сибирское правительство своим аппаратом власти. Фактически же власть находилась не у Директории, а именно у омского правительства, ибо оно пользовалось широкой поддержкой интервентов, белогвардейской военщины и сибирской буржуазии. В белогвардейские органы власти входили, помимо кадетов, представители мелкобуржуазных партий, главным образом правые эсеры.

Как и в других захваченных контрреволюцией районах, на Урале и в Сибири были ликвидированы все политические завоевания трудящихся, восстановлена буржуазная диктатура, реставрирована частная собственность на средства производства. На местах восстанавливались дореволюционные учреждения: институт губернаторов (под видом губернских комиссаров, затем — управляющих губерниями), городские думы, земства, институт старост, полиция (под названием милиции), разнообразные карательные органы и т. д.

В области экономической были возрождены буржуазно-помещичьи порядки. Произведена денационализа-

ция промышленности, банков; земли, полученные крестьянами от Советской власти, возвращались прежним владельцам. Был отменен 8-часовой рабочий день. Снижалась заработная плата рабочих. С трудящихся крестьян взимались непосильные налоги, включая «недоимки» за 1916—1918 гг. Все это привело к резкому ухудшению экономического положения трудящихся, особенно рабочих, поставленных на грань голода.

Политическое и экономическое наступление контрреволюции на трудящиеся массы сопровождалось террором, беспощадно истреблялись коммунисты, советские активисты, красноармейцы, передовые рабочие и крестьяне. Тюрьмы были переполнены. По Транссибирской магистрали курсировали «поезда смерти». Во всех этих злодеяниях принимали участие эсеры и меньшевики. Но крайне правые силы внутренней реакции и интервентов не удовлетворяли действия Директории и других правительственных учреждений, в которых преобладали эсеры и меньшевики. В высших кругах белогвардейцев и интервентов все чаще поднимался вопрос о «сильной власти», о военной диктатуре. Велась усиленная подготовка правительственного переворота, вдохновителями которого были представители Англии и США, сибирские кадеты, а исполнителями — группа высших белогвардейских офицеров.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. члены Директории— эсеры были арестованы и позднее высланы за пределы России. Собравшийся после ареста членов Директории совет министров вручил всю полноту власти адмиралу А. В. Колчаку, привезенному в октябре из Владивостока интервентами. Колчаку был присвоен титул Верховного правителя России. Ярый монархист и деспот Колчак приступил к выполнению воли международного империализма и российских капиталистов и помещиков. Диктатура Колчака явилась продолжением и логическим завершением доколчаковской разновидности буржуазной диктатуры. При Колчаке буржуазия стала более открыто, с чудовищным цинизмом расправляться с народными массами, ускорила восстановление царских порядков и учреждений.

Резко усилилось наступление реакции на трудящихся. Продолжалось увеличение рабочего дня, снижение заработной платы. Цены на многие виды продуктов выросли подчас в 5—10 раз. Хищническое хозяйничание временщиков-капиталистов, разграбление предприятий,

разрушения, причиненные войной, привели к полной дезорганизации и упадку промышленного производства. В катастрофическом состоянии находился железнодорожный транспорт. В экономику Сибири, Урала все больше вторгались иностранные капиталисты, прибиравшие к своим рукам все новые и новые предприятия, транспорт, вывозившие в свои страны огромные ценности.

Продолжалось наступление на крестьян. За первые полгода колчаковского правления, к началу мая 1919 г., налоги возросли в 4 раза. Производились массовые реквизиции. Правительство Колчака не решалось на немедленное и полное изъятие у трудящихся крестьян земли, полученной от Советской власти, но готовилось к проведению этого акта в случае упрочения своего положения. С приходом к власти Колчака стала еще более реакционной политика и в области национальных взаимоотношений.

Чудовищными репрессиями колчаковское правительство стремилось запугать трудящихся, подавить их волю к революционной борьбе. Но результат получился обратный: в тылу армии Колчака стало нарастать революционное движение. Зимой и весной 1919 г. произошли новые, коренные сдвиги в соотношении классовых сил в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке в пользу Советской власти. «Колчак дал нам,— говорил В. И. Ленин,— миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»[10].

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, залитых интервентами и белогвардейцами кровью, развертывалась работа коммунистов. Уже летом 1918 г. действовало немало подпольных организаций партии большевиков, главным образом в крупных городах. К осени процесс консолидации партийных сил, становления большевистского подполья в основном завершился.

Важную роль в развертывании работы коммунистов среди масс, мобилизации их на борьбу с контрреволюцией сыграли решения I Сибирской (Западно-Сибирской) нелегальной конференции РКП(б), состоявшейся в Томске 1—5 сентября (18—22 августа ст. ст.) 1918 г.[11]

Конференция обсудила ряд важных вопросов: о текущем моменте и задачах подпольных организаций, организационный устав, о методах борьбы, о финансах и др. Главной задачей, которая ставилась перед большевистким подпольем, была подготовка и проведение

вооруженного восстания рабочих, солдатских и крестьянских масс в общесибирском масштабе для прорыва белогвардейского фронта, свержения контрреволюционной власти Колчака. Конференция разоблачала эсеров и меньшевиков, звала к решительной борьбе против них, предупреждала, что никаких компромиссов и соглашений с ними не должно быть. Мобилизуя коммунистов на решительную борьбу с белогвардейцами, конференция приняла решение о переводе всех большевистских подпольных организаций на военное положение и принятии устава, отвечавшего задачам дня. Был избран подпольный областной комитет РКП(б) в составе председателя К. М. Молотова, членов М. И. Сычева (Франц Суховерхов), М. М. Рабиновича (Леонид, Костин), И. С. Дмитриева, С. А. Дитмана (Раймонд), кандидата в члены К. П. Ильмера (Вейс) [12].

Решения этой подпольной конференции, тактика подпольных организаций вообще получили дальнейшее развитие и конкретизацию в резолюциях II Сибирской (I Общероссийской) конференции РКП(б), состоявшейся также в Томске 23—24 ноября (или в середине ноября) 1918 г.

На ней делегаты обсудили доклад Сибирского ОК (о текущем моменте), доклады с мест, вопросы о партийной тактике, организационно-партийной и военной работе. Конференция сделала анализ международного и внутреннего положения страны, указала на нарастание революционности трудящихся масс, на то, что контрреволюция резко толкает мелкую буржуазию Сибири к пролетариату, в сторону Советской власти. Определяя задачу и тактику большевистских организаций, конференция ориентировала на «всеобщее восстание рабочих, беднейших крестьянских и солдатских масс». Однако предусматривались и «восстания, охватывающие более или менее крупные районы при наличии особо благоприятных условий» и «местные восстания для удара в тыл контрреволюционным бандам» «при приближении советских войск к тому или иному центру Сибири»[13]. Ставилась задача дальнейшего разоблачения мелкобуржуазных партий, отказа от объединения и политических соглашений с ними. Этим самым отвергалась линия одного из видных сибирских большевиков Б. З. Шумяцкого (Андрей Червонный), добивавшегося от Сибирского ОК и некоторых местных комитетов объединения с эсе-

рами и меньшевиками. Общесибирская конференция в то же время не исключала сближения с левыми мелкобуржуазными группами [14].

Конференция избрала новый состав подпольного центра Сибири, Урала и Дальнего Востока, переименовав его из обкома в Центральный Комитет РКП(б) Сибири. В него вошли А. Я. Нейбут (Петр Большой) — председатель, А. А. Масленников (Раугялло, Валентин), М. М. Рабинович (Костин), М. С. Русаков (Михаил Беленький) и В. С. Митряев (Дмитриев) [15].

Принятые на общесибирской нелегальной конференции решения, выработанная тактика подпольных организаций позволили активизировать деятельность подпольных организаций и добиться уже к концу 1918 г. крупных успехов в революционной борьбе. Общая численность коммунистов в организациях достигла нескольких тысяч, а вместе с беспартийными подпольщиками, по приблизительным подсчетам (точных данных нет), — до 10 тыс. человек. В крупнейших организациях насчитывалось до 250 членов и более [16].

Деятельность большевистского подполья на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке направлялась Центральным Комитетом партии. Как в целом организация борьбы с интервентами и белогвардейцами, так и общее руководство большевистским подпольем в их тылу осуществлялись В. И. Лениным. Он живо интересовался обстановкой в тылу противника, в том числе за линией Восточного фронта, состоянием нелегальной работы и на основе анализа разносторонней информации определял важнейшие направления борьбы коммунистов-подпольщиков за массы, за разгром интервентов и белогвардейцев. В 1919 г. в «Речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт», говоря о развале колчаковщины, о вооруженных выступлениях масс в Сибири, Ленин прямо ссылался на «сведения», которые он получал «из колчаковского тыла» [17]. В письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!», написанном В. И. Лениным и являвшимся директивным для всех, в том числе и подпольных организаций, выдвигалась огромной важности задача: не ослаблять, а усиливать наступление на Колчака. При этом, как указывалось в письме, наступление должно быть усиленным «силами восстающих на Урале рабочих, силами приуральских крестьян» [18]. В до-

кладе «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» В. И. Ленин отмечал, что «победа на Урале будет переломом к полной победе всей массы сибирского населения над колчаковщиной»[19]. На «революцию в колчакии», т. е. в тылу врага на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, Ленин возлагал особые надежды и прилагал максимум усилий для ее развертывания. Перед коммунистами и всеми трудящимися, находившимися в тылу Колчака, ставилась задача предельно возможной помощи Красной Армии в борьбе за полный его разгром.

В. И. Ленин вникал и в конкретные вопросы налаживания, повышения уровня партийной, революционной работы на Урале и в Сибири. Широко известно, что он вел длительную беседу с Д. Д. Киселевым, к тому времени трижды переходившим линию фронта и готовившимся к новой поездке в Сибирь и на Дальний Восток с партийным заданием. Беседа В. И. Ленина с Киселевым продолжалась около часа. Владимир Ильич интересовался буквально всем, но особенно революционной борьбой масс, партизанским движением, его характером, тем, какие органы создаются на освобожденной территории. Когда Д. Д. Киселев однозначно сказал, что в освобожденных районах создаются не земские управы, а Советы, по лицу Владимира Ильича пробежала тень сомнения. Киселев показал вырезки из белогвардейских газет, подтверждавшие его слова. Ленин просиял и сказал, что вести Киселев привез действительно хорошие. Он остался очень доволен сообщенными Киселевым новостями, особенно «советской формой партизанского движения» и, естественно, вынес из них очень многое[20]. В. И. Ленин в мае 1919 г. беседовал с бывшим членом ЦИК Советов Сибири В. Д. Виленским-Сибиряковым, прибывшим из вражеского тыла, советовал написать о событиях в тылу Колчака статью в газету[21]. Ленин, как и ряд других членов ЦК РКП(б), встречался с Ф. А. Сатке, давая ему установки по развертыванию повстанческого движения среди рабочих-шахтеров и иностранных военнопленных, принимал участие в определении задания М. К. Аммосову и т. д.[22] И таких встреч, очевидно, было немало. В. И. Ленин знакомился с докладами, письмами и другими материалами, поступавшими из-за линии фронта, в частности от члена подпольного Сибирского ОК П. Ф. Парнякова, посланца подпольных организаций П. Ф. Лапшина и др.[23]

Роль В. И. Ленина выражалась не только в его практической деятельности, непосредственном участии в делах урало-сибирского большевистского подполья.

Идеи и само имя Ленина постоянно вдохновляли коммунистов-подпольщиков, рабочих и трудящихся крестьян Урала и Сибири на замечательные подвиги, стойкость и целеустремленность в борьбе. Факты огромного авторитета В. И. Ленина среди трудящихся, достижение успехов в результате пропаганды коммунистами его идей неоднократно признавались белогвардейцами. Так, уфимские правые эсеры в конце лета 1918 г. в своей газете писали о распространении среди широких трудящихся масс ленинских идей, усилении большевистской агитации, глубокой вере трудящихся в то, что родной властью являются только Советы, о том, что агитаторы рассказывали о В. И. Ленине, как об «истинном защитнике и поборнике прав пролетариата»[24].

Год спустя, когда революционное движение в тылу войск Колчака и интервентов достигло мощного размаха, белогвардейцы вновь и вновь указывают на «повышенную деятельность красных агитаторов» и громадный авторитет в массах вождя Коммунистической партии. «Обаяние имени Ленина, — говорится в одном из документов,— здесь (речь идет об Алтайской губернии.— *И. П.*) было столь велико, что на основании его заочных «приказов», переданных населению агитаторами, часть населения отказалась от уборки собственного своего хлеба до прихода красной рати, убегала в лес и прочее»[25].

Содержание документа говорит само за себя. Что касается «заочных приказов» В. И. Ленина, то они, точнее — конкретные директивные указания или общие идейно-политические установки, как и указания ЦК партии, его секретариата, передавались подпольным партийным организациям по различным каналам.

Как отмечалось нами во введении, в источниках, и советско-партийных, и белогвардейских, содержатся данные о некоторых директивах и инструкциях В. И. Ленина для партийных работников. Осведомительный отдел штаба Западной армии Колчака в середине июля 1919 г. в своей газете сообщил о перехвате приказа В. И. Ленина, в котором он давал «инструкции своим агентам по проведению дезорганизации и развала в рядах нашей армии». Далее отмечалось, что «одним из важнейших пунктов этой инструкции является создание

в наших войсках ячеек, которые всячески старались бы сеять вражду между рядовым и командным составом». Колчаковцы на страницах одной из своих газет признавались в том, что работа коммунистов в их войсках в соответствии с ленинскими указаниями «имеет... громадное разлагающее влияние на солдат»[26].

У трудящихся, оказавшихся под пятой интервентов и белогвардейцев, имя В. И. Ленина было постоянно на устах, как самое любимое и дорогое. На различных съездах, собраниях трудящихся и партизан В. И. Ленин неоднократно избирался почетным председателем. Его именем назвался один из полков, солдаты которого восстали и перешли на сторону Красной Армии (об этом подробнее будет рассказано ниже). Имя Ленина носили некоторые партизанские отряды Сибири и Дальнего Востока, например, «Российский имени Владимира Ильича Ульянова (Ленина) советский партизанский отряд» в Томской губернии и «Особый дальневосточный отряд имени В. И. Ленина» в Приморье[27]. В листовках, выпускавшихся подпольщиками, содержался призыв к сплочению вокруг «товарища Ленина»[28].

Следовательно, В. И. Ленин — вождь Коммунистической партии, направлявший деятельность ее ЦК, был и вдохновителем, и руководителем революционной борьбы коммунистов и трудящихся масс в «колчакии».

Величие Ленина проявлялось не только в том, что он осуществлял лично сам, чем он руководил непосредственно и систематически, но и в его особом умении открывать и привлекать к ответственной руководящей работе наиболее талантливых соратников, организаторов. Одним из ближайших и верных соратников В. И. Ленина был Я. М. Свердлов — председатель ВЦИК и секретарь ЦК РКП (б). Свердлов до своей безвременной кончины в марте 1919 г. осуществлял руководство организационной работой Центрального Комитета партии. Именно он являлся непосредственным организатором и руководителем большевистским подпольем в тылу противника, в том числе за линией Восточного фронта. Я. М. Свердлов, превосходно знавший многих видных партийных работников Урала, Сибири и Дальнего Востока, особенности этих районов, осуществлял идеи, замыслы, установки В. И. Ленина.

В январе 1919 г. Я. М. Свердлов направил на Восточный фронт И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому,

членам комиссии ЦК РКП(б), телеграмму, в которой указывалось на необходимость роспуска областного Совета и областного комитета партии Урала. Далее в телеграмме говорилось: «Этим уездам (имеются в виду прифронтовые уезды Пермской и Вятской губерний.— *И. П.*) сообщить, что сделано пермяками для налаживания нелегальной работы занятых местах, прошу сообщить ходе работ комиссии. Ильич просит передать, чтобы за несколько дней до выезда обратно снестись с ним»[29]. Как можно заключить, данные указания и вопросы последовали как результат предварительной беседы В. И. Ленина с Я. М. Свердловым. Общей была и забота о налаживании нелегальной партийной работы в тылу войск Колчака.

Ленин необычайно высоко ценил Я. М. Свердлова. В «Речи памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г.» он говорил: «Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководящих деятелей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы,— о которой я могу сказать здесь лишь слишком кратко,— выработать в себе замечательное чутье практика, замечательный талант организатора...»[30]

Я. М. Свердлов к работе по руководству большевистским подпольем на Урале и в Сибири привлекал видных коммунистов — работников ЦК РКП (б) и ВЦИК — секретаря ЦК Е. Д. Стасову, помощника секретаря ЦК и зав. секретариатом ЦК К. Т. Свердлову (Новгородцеву), члена ВЦИК Г. И. Окулову (Теодорович), наркома внутренних дел Г. И. Петровского и др.

Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым сделал многое для обеспечения действенного руководства урало-сибирско-дальневосточным большевистским подпольем. Между ЦК и Сибирским областным подпольным комитетом партии (ЦК РКП(б) Сибири) поддерживались связи. ЦК партии, так же, как и некоторые прифронтовые партийные

комитеты, военно-политические и специальные органы, направлял в уральские и сибирские города опытных работников и курьеров, деньги, информацию и передавал директивные указания. Однако связи не были достаточно устойчивыми и регулярными. Помощь подполью была явно недостаточной, причем не только партийными работниками, денежными средствами, но и в разработке тактической линии большевистских организаций, борьбе с отклонениями от ленинских взглядов в ряде из них. Так, требовалась помощь в организации решительного отпора Б. З. Шумяцкому, вновь и вновь настаивавшему в своих тезисах и письме «Наши задачи», направленных руководителям подполья, на политическом блоке с мелкобуржуазными партиями. От повышения уровня руководства подпольными организациями со стороны ЦК партии в решающей степени зависел успех борьбы трудящихся масс в тылу противника в целом.

Центральный Комитет испытывал значительные затруднения при подготовке коммунистов к подпольной работе и в переправе их в тыл врага, передаче в Сибирь и на Урал денежных средств, информационных сведений, директивных указаний, так как не было специального партийного учреждения, которое ведало бы этой работой. А между тем в условиях усиления белого террора с приходом к власти Колчака, массовым вовлечением в работу контрразведки, охранных отделений, других карательных органов бывших царских, специально подготовленных и многоопытных жандармов, полицейских, сыщиков, провокаторов, подпольные большевистские организации стали нести особенно большие потери. Без пополнения их рядов опытными партийными кадрами невозможно было успешно решать задачи по развертыванию работы в массах в обстановке нарастающей революционной, в том числе и стихийной, борьбы. Руководители сибирско-уральского подполья, представители местных нелегальных организаций неоднократно просили ЦК РКП(б) об усилении им помощи, о создании специального руководящего органа.

Руководители Омской подпольной партийной организации А. А. Масленников и А. Я. Нейбут направляют в ЦК партии видного подпольного работника А. Я. Бакаева с информацией и просьбой о получении необходимой помощи. Нейбут в записке на имя Я. М. Свердлова от 28 октября писал: «С тов. Бакаевым нами послана в ЦК подробная информация о нашей работе и наших

требованиях. Всё имевшееся у меня уже употреблено в дело. Впредь сноситесь только с нами и для связи посылайте только старых испытанных товарищей. Мы делаем большое дело, и к нашим требованиям поэтому отнеситесь с сугубой серьезностью. Поклон всем вам и до скорого свидания»[31]. Примерно такого же характера было письмо А. А. Масленникова от 29 октября Я. М. Свердлову и И. В. Сталину[32].

Путь А. Я. Бакаева в Москву был труден и долог. Он выехал 1 ноября, сделал остановки в Челябинске и Уфе, связался с местными подпольными организациями, принял деятельное участие в их работе. По пути в Уфу его тщательно обыскали белогвардейцы: они распороли пальто, брюки, гимнастерку, оторвали подошвы сапог, но ничего не нашли, так как письма и прочее Бакаев прятал то в хлебе, то в куске колбасы. Шел пешком и, заночевав в стоге сена, сильно простудился. В Уфе он пробыл до 6 декабря, из-за действий провокатора едва не был арестован. Уфимские коммунисты организовали переход Бакаева через линию фронта, обеспечив его документом как подрядчика по закупке продовольствия для одного из белогвардейских полков. Фронт удалось перейти в районе ст. Сарай-Гир. Через Самару добрался до Москвы[33].

В середине декабря 1918 г., еще до прибытия в Москву А. Я. Бакаева, в ЦК партии созрела идея создания для руководства коммунистическим подпольем в Сибири специального органа. Несомненно, большое значение для принятия решения имели доклады и доставленная осенью 1918 г. из Сибири А. Я. Валеком, Е. С. Федоровой, К. О. Эзерманом и, вероятно, другими коммунистами информация. Обстоятельства и даже время создания этого органа пока что выяснены далеко не до конца, поэтому остановимся на них специально.

В распоряжении исследователей имеется запись в протоколе заседания бюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина от 17 декабря 1918 г. следующего содержания и характера:

«7. Работа в Сибири. Решено создать Центральный отдел ЦК партии для ведения всей работы. Постановлено образовать Сибирское бюро ЦК в составе тт. Нейбута, Масленникова, Франца, Голощекина и Смирнова»[34].

Следует прежде всего отметить, что первая часть документа («7. Работа в Сибири. Решено создать Центральный отдел ЦК партии для ведения всей работы»)

отпечатана на машинке, а вторая («Постановлено образовать Сибирское бюро ЦК в составе тт. Нейбута, Масленникова, Франца, Голощекина и Смирнова») написана рукой Я. М. Свердлова. Обе части документа сформулированы как постановления, причем по существу своему резко разнятся между собой. Л. М. Спирин по этому поводу высказал точку зрения, что первая часть документа — проект, а вторая — принятое на его основе конкретное, реальное постановление бюро ЦК 17 декабря[35]. А. М. Шиндин не соглашается со Спириным и заявляет: «...обе части взаимосвязаны и составляют общее содержание документа. В первой из них определяется характер органа — Центральный отдел ЦК партии и его задачи — руководить всей работой в Сибири. Во второй — эта мысль конкретизируется: определены форма и направление отдела «Сибирское бюро ЦК РКП(б)», поименно называется его состав»[36].

Полагаем, что ни ту ни другую точку зрения принять нельзя, хотя они и представляют несомненный интерес. По нашему мнению, на заседании бюро принято постановление в первом варианте формулировки. Поскольку в этом постановлении не указывалось на персональный состав «Центрального отдела ЦК», то, вероятно, это должны были определить или само бюро ЦК партии на одном из своих последующих заседаний, или секретарь ЦК Я. М. Свердлов (возможно, по согласованию с В. И. Лениным, другими членами ЦК). Ясно лишь одно, что ЦК партии был весьма озабочен делами коммунистов в Сибири (именно в Сибири, так как организацией подпольной работы на Урале занимался Уральский обком РКП(б), тогда еще существовавший и действовавший, и другие прифронтовые партийные и военные органы) и решил радикально усилить помощь и уровень руководства ими. Однако воплотить полностью в жизнь, конкретизировать постановление бюро от 17 декабря было не просто. Помочь в этом могли свежая информация о положении дел коммунистов в Сибири и их возможные конструктивные предложения. И все это в ЦК поступило через несколько дней в связи с приездом А. Я. Бакаева.

Вторую часть документа, ее появление мы как раз и связываем с последовавшей конкретизацией первой части после подработки вопроса в секретариате ЦК, особенно с момента прибытия А. Я. Бакаева. Мы убеждены (надеемся, в этом убедится и читатель), что вто-

рая часть документа, написанная рукой Я. М. Свердлова, появилась после 17, не ранее 21 декабря, а конкретнее — между 21 и 24 декабря 1918 г.

Какие тому доказательства? Вот они. Содержание постановления (второй его части) совершенно явственно говорит о том, что оно сформулировано с учетом информации Бакаева, писем, просьб и предложений А. А. Масленникова и А. Я. Нейбута. В ЦК стало известно о том, что эти виднейшие партийные работники живы, находятся на свободе (Масленников вырвался из Омского концентрационного лагеря 7 октября, совершив побег через подкоп) и полны решимости развернуть подпольную партийную, революционную работу в общесибирском масштабе. Особенно много давало в этом отношении обширное письмо Масленникова, подписанное «Александр». Он, в частности, писал, что «работа должна наладиться и может быть налажена», что «скоро состоится сибирская конференция и создастся центр». При этом Масленников указывал на ограниченность действий избранного на I подпольной конференции партийного комитета, действительно не сумевшего стать руководящим органом всего сибирско-уральско-дальневосточного коммунистического подполья[37]. А. Я. Нейбут, особенно А. А. Масленников, находившийся в туруханской ссылке вместе с Я. М. Свердловым и И. В. Сталиным, хорошо были известны членам ЦК партии.

Идея образования Сибирского бюро ЦК РКП(б) и как центра по руководству большевистским подпольем в Сибири, и как связующего звена между ЦК партии, руководством подпольных организаций и самими организациями определенно навеяна письмом А. А. Масленникова. В Сибирское бюро были включены три (из пяти) подпольных работника, а именно: А. Я. Нейбут, А. А. Масленников, а также М. И. Сычев (Франц Суховерхов), который к тому времени, 15 октября, погиб в Томске, но об этом ни ЦК партии, ни А. Я. Бакаеву еще не было известно.

О тесной связи вопросов о создании, составе Сиббюро ЦК, с одной стороны, и письмами Масленникова и Нейбута, их содержанием — с другой, свидетельствует записка Я. М. Свердлова, адресованная руководителям сибирского большевистского подполья. В ней говорилось о получении записок из Омска, доставленных «Комарцом» (А. Я. Бакаевым), о том, что ЦК «ни на минуту не забывает» о сибирских коммунистах, что «теперь

решили создать специальное Сибирское бюро ЦК», в которое включили и авторов записок в ЦК [38].

Для доказательства того, что А. Я. Бакаев прибыл после 17 декабря, приведем следующие данные. Бакаев в автобиографии, составленной в 1934 г., писал, что в Москву он прибыл «во второй половине декабря 1918 г., сделал устный доклад генсекретарю ЦК партии (так ошибочно именуется должность секретаря ЦК) тов. Свердлову Якову Михайловичу и передал ему записку от т. Масленникова (добавим — и от Нейбута.— *И. П.*). После чего Политбюро ЦК организовало Сибирское бюро ЦК, руководителями которого были тт. Голощекин Ф. И., Смирнов И. Н. и Гончарова Д. К.» [39]. В воспоминаниях, написанных три года спустя, А. Я. Бакаев называет точные даты своих перемещений по пути в Москву: «12 декабря добрался до Самары, оттуда 16-го отправился в Москву, куда прибыл 21 декабря». Далее он пишет: «Сделал информацию и доклад т. Я. М. Свердлову, передал ему письмо Омского комитета. Пробыл в Москве до 1 января 1919 г., в течение которого времени в Центральном Комитете обсуждалось письмо Омского комитета и мой доклад. Результат обсуждения ЦК РКП(б) выразился: в организации Сибирского бюро при ЦК по работе в Сибири и немедленной его деятельности» [40].

Обращает на себя внимание то, что приведенные А. Я. Бакаевым даты (названные и другие) подтверждаются документами. Видимо, таковыми пользовался и сам автор. Подтверждается его датировка времени прибытия и отъезда из Уфы и перехода линии фронта данными воспоминаний уфимских коммунистов. Наконец, что особенно важно, дата прибытия А. Я. Бакаева в Москву, в ЦК партии, день встречи со Свердловым — именно 21 декабря — зафиксированы самим Яковом Михайловичем. В тот же день Я. М. Свердлов направляет его к И. Н. Смирнову с запиской: «Предъявитель сего т. Бакаев, член Омского комитета. Он привез мне письма от Нейбута и Масленникова. Ты расспроси его подробно. Необходимо дать сведения и в Совет [41], а Бакаева, по-моему, следует задержать на неделю, чтобы он поехал вместе с тобой в Самару, затем поедет обратно» [42]. Бакаев в последующие дни находился вместе со Смирновым, был в курсе дел формирования Сиббюро ЦК, возможно, приглашался в него вновь .

Из приведенных данных следует, что вопрос о создании Сибирского бюро ЦК РКП(б), как такового, о его составе решен не ранее 21 декабря, но, полагаем, и не позднее 24 декабря. Именно 24 декабря Я. М. Свердлов выдает Ф. И. Голощекину удостоверение как «военно-окружному комиссару Уральского округа»[43]. С этого дня кончается переписка Свердлова о выполнении поручений Голощекиным. Очевидно, он в тот же или на следующий день выезжает в Вятку, где приступает к выполнению обязанностей члена бюро ЦК, имея на руках упоминавшуюся записку Я. М. Свердлова, адресованную руководителям сибирского партийного подполья с указанием в ней на факт создания бюро и его состав.

Скорее всего решение об этом было принято как конкретизирующее постановление от 17 декабря в конце периода «21—24 декабря», возможно (и скорее всего), именно 24 декабря, ибо после встречи Я. М. Свердлова с А. Я. Бакаевым 21 декабря требовалось время для обмена мнениями между членами ЦК, бесед с Ф. И. Голощекиным, И. Н. Смирновым, оказавшимися к тому времени в Москве, возможно, специально вызванными туда. В какой организационной форме это было сделано — мы не знаем. Быть может, вопрос решался на очередном заседании Политбюро или Оргбюро с указанием Я. М. Свердлову внести поправку, дополняющую постановление 17 декабря, что и было зафиксировано рукой Свердлова, так как вновь ставить вопрос на повестку дня не имело смысла. Возможно, в указанные дни заседаний бюро ЦК не было (документальных данных на этот счет не имеется), и Я. М. Свердлов вписал в протокол от 17 декабря новый, конкретизированный вариант постановления после обмена мнениями и согласования на этот счет в ЦК, с В. И. Лениным, так сказать, «в рабочем порядке». Таким образом, прежнее решение фактически было изменено и в жизнь в том виде, как оно было сформулировано, не проводилось.

Итак, ЦК партии 17 декабря 1918 г. принимает решение о создании для руководства партийной подпольной работой в Сибири специального органа — «центрального отдела», а спустя примерно неделю, возможно 24 декабря,— решение, учитывающее просьбы и предложения видных подпольных партийных работников о создании Сибирского бюро ЦК РКП(б) в составе конкретно названных членов. Следовательно, создание бюро

было делом не однодневного акта, как это считается до сих пор, а многодневной работы ЦК партии и завершилось примерно 24 декабря 1918 г.

Бюро ЦК преднамеренно было составлено из работников, находившихся как в советской части России (Ф. И. Голощекин и И. Н. Смирнов), так и в тылу врага (А. Я. Нейбут и А. А. Масленников). Предполагалось, что Нейбут и Масленников, не оставляя непосредственной подпольной работы в колчаковском тылу, будут поддерживать тесный контакт с другими членами бюро ЦК, участвовать в подготовке и принятии решений, их реализации. Конкретно формы согласования действий членов Сибирского бюро в советской части страны и остальных, находившихся в Омске и одновременно осуществлявших практическое руководство подпольными организациями, могли быть найдены в процессе текущей работы. В одном из первых писем двух членов бюро с фронта в ЦК указывалось, что Сибирское бюро и руководящий орган подпольных организаций Сибири составляют «единый партийный центр»[44]. На этом документе мы ранее уже останавливались, указывали на определенные ошибки его составителей. В рассматриваемом же аспекте важно подчеркнуть стремления Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова во что бы то ни стало наладить связи и организовать с членами бюро, находившимися за линией фронта, совместную, согласованную работу. Больше того, в конце января или начале февраля 1919 г. И. Н. Смирнов в ЦК писал, что в ближайшем будущем «надо мне или Жоржу (одна из партийных кличек Ф. И. Голощекина.— *И. П.*) идти туда», т. е. за линию фронта[45].

Замысел об объединении деятельности, с одной стороны, представителей ЦК и, с другой, руководителей сибирско-уральского подполья, осведомленных о положении в тылу колчаковской армии лучше, чем кто-либо другой, сосредоточивших в своих руках нити по руководству революционной борьбой против Колчака, был глубоко продуманным. Использовался богатейший опыт деятельности большевиков в период царизма, когда руководящий центр партии состоял из двух частей: одна находилась в России, другая — за границей, вне досягаемости охранки.

Однако крайняя сложность обстановки на фронте, в тылу колчаковской армии, не позволила осуществить

первоначальный замысел. Ни одной встречи между двумя группами членов Сибирского бюро не произошло. И в декабре, и в январе члены ЦК РКП(б) Сибири, в том числе А. Я. Нейбут и А. А. Масленников, вновь пишут в ЦК партии о необходимости создания специального органа ЦК. Они даже посылали зарегистрированный в секретариате ЦК РКП(б) 18 января 1919 г. своего рода мандат на имена В. М. Косарева, З. И. Лобкова и А. Я. Валека, как на «коллективного представителя» для сношения с советскими учреждениями, с ЦК партии, и последний просили об организации «регулярной присылки денег, информации» и «активных товарищей»[46]. О создании Сиббюро ЦК им еще не известно. Нейбут, возможно, даже не узнал о создании Центральным Комитетом партии Сиббюро и включении его самого в состав данного партийного органа. Из нескольких посланцев бюро, имевших поручение связаться с сибирским подпольным центром и проинформировать о решении ЦК партии, раньше всех до Омска добрался А. И. Катунин, но это было уже в феврале 1919 г. (и, очевидно, не в начале месяца, ибо к линии фронта он был направлен не раньше 22 января) [47]. А. Я. Нейбут 2 февраля был арестован, а через 6 дней, после пыток, расстрелян. А. А. Масленников знал о бюро ЦК, но после встречи с Катуниным вскоре (в начале апреля 1919 г.) и он был схвачен колчаковцами и казнен. Фактически бюро ЦК с момента создания и вплоть до августа 1919 г. работало в составе только Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова [48]. В дальнейшем оно пополняется другими членами, но подпольные работники в него уже не входят. Ф. И. Голощекин полностью переключился на работу в Сибирском бюро. И. Н. Смирнов до апреля оставался и членом бюро РВС Востфронта. Место пребывания бюро было определено по местонахождению Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта. С освобождением Уфы накануне 1919 г. бюро ЦК, как и Реввоенсовет армии, обосновалось в этом городе.

2. Формирование отделения бюро. Подбор кадров и выработка направлений, принципов и методов деятельности бюро ЦК

В дни решения Центральным Комитетом вопроса о создании бюро его члены находились в Москве. Ф. И. Го-

лощекин приехал в Москву из Перми к 11 декабря 1918 г. Ему, как члену Уралобкома партии и главному политическому комиссару 3-й армии, было поручено доставить какой-то груз, ценности, вероятно, и информацию, документы. Я. М. Свердлов выдал ему 11 декабря документ, удостоверяющий, что все «отправленное из Перми... принято в полном порядке»[49]. В последующие дни ведется переписка о выдаче Ф. И. Голощекину различных материалов и отправке с ним специального вагона. Вероятно, это вначале было связано с выполнением им задания Уралобкома, а уж затем и ЦК, в качестве члена созданного Сиббюро. Голощекину было выдано удостоверение, как военно-окружному комиссару Уральского округа. Будучи составленным на бланке ВЦИК за подписью его председателя Я. М. Свердлова, оно было весьма авторитетным, открывало перед Ф. И. Голощекиным широкие возможности в деятельности и камуфлировало его как члена Сиббюро, одного из руководителей большевистского подполья в тылу врага. И. Н. Смирнов же приехал в Москву не позднее 21 декабря.

Оба они могли быть вызваны в ЦК специально на предмет переговоров о включении их в состав бюро ЦК. Но скорее всего они приехали по обычным служебным командировкам, и на них пал выбор для включения в состав бюро после 17 декабря при подработке вопроса. Был учтен их большой опыт дореволюционной нелегальной работы, знание сибирских и прифронтовых условий, имеющиеся у них как видных военно-политических работников Восточного фронта реальные возможности для оперативного налаживания контактов с нужными организациями и лицами.

Ф. И. Голощекин и И. Н. Смирнов провели в Москве большую подготовительную работу по обеспечению деятельности бюро, неоднократно встречались с Я. М. Свердловым. Для начала работы членам бюро была выдана крупная денежная сумма, различное имущество, в том числе одежда для переправляющихся в тыл врага коммунистов. Завершив 24 декабря работу в Москве, Ф. И. Голощекин выехал на фронт, в Вятку, куда после падения Перми эвакуировались Уралобком и Реввоенсовет 3-й армии; 1 января 1919 г. в Уфу выехал Смирнов [50]. Он добирался долго даже для того времени — две недели [51]. В Уфе были заняты специальные помещения

под само бюро ЦК и для проживания лиц, привлекавшихся для подготовки к переходу линии фронта. Предатель Сатке сообщал белогвардейцам, что бюро разместилось в Уфе в доме № 27 по Центральной улице [52].

Работа бюро конспирировалась. О его существовании и характере деятельности в той или иной степени был поставлен в известность узкий круг лиц — члены Реввоенсовета 5-й армии, руководители особого, политического отдела штаба, местного (Уфимского) Ревкома, затем — комитета партии. Принципы конспирации, однако, не всегда в должной степени соблюдались в отношении лиц, готовившихся к переходу линии фронта. Нередко с каждым из них общались, решая разные вопросы, почти все сотрудники, часто оба и члена бюро, причем под своими именами [53].

Наверстывая упущенное в связи с длительным переездом из Москвы, Смирнов с помощью А. Я. Бакаева развертывал работу интенсивно. Он установил контакт с бывшими руководителями Уфимской подпольной организации — Ф. И. Локацковым, назначенным председателем губсовнархоза, М. А. Чистяковым и др. От них были получены ценные сведения о подпольных организациях, с которыми руководители Уфимского комитета были связаны. Наиболее обстоятельные относились к Миньярской и Симской подпольным организациям. Смирнову стало, в частности, известно, что там хранится около двух миллионов рублей бывшего Симского горного округа, о чем он сообщает 17 января телеграммой в ЦК. В ЦК были взяты адреса и явки, полученные осенью 1918 г. от А. Я. Валека, Е. С. Федоровой, а также других коммунистов, прибывавших из-за линии фронта во все крупнейшие города Сибири и Урала. К сожалению, как потом выяснилось, к январю—февралю 1919 г. большая часть их устарела.

Шло формирование аппарата бюро ЦК. Секретарем бюро ЦК утвердил Д. К. Гончарову, члена партии с 1904 г., лично знакомую с В. И. Лениным и Н. К. Крупской [54]. После отъезда членов бюро на фронт Гончарова оставалась в Москве и выполняла работу по приобретению различных материалов и доставки их в Уфу. В штате сотрудников бюро остался А. Я. Бакаев. Ценнейшим сотрудником бюро стал и член партии с 1906 г. К. О. Эзерман (М. И. Шмидт, Тамм, Хромой) [55]. К тому времени он вторично (в декабре) был послан руководителями

подполья в ЦК (полагаем, что именно с письмом и мандатом на имя В. М. Косарева и других, зарегистрированными в ЦК 18 января)[56]. Он прибыл в Уфу, связался там с руководителями подполья, латышской группой и, учитывая, что Красная Армия в те дни на центральном и южном участках Восточного фронта успешно наступала, оставался в городе в ожидании его скорого освобождения. Эзерман встретился 1 января 1919 г. с начальником особого отдела 5-й армии, а затем выехал в Москву[57].

И. Н. Смирнову стало известно о том, что К. О. Эзерману предстоит возвращение в Уфу для обратного (уже четвертого) перехода линии фронта. В упоминавшейся телеграмме от 17 января Смирнов просит ЦК: «Это предписание (речь шла о необходимости присылки письменного указания миньярским и симским подпольщикам на предмет передачи хранившихся ими денег Сибирскому бюро. — *И. П.*) пришлите сюда немедленно вместе с другими документами с Эзерманом. Обеспечьте его вагоном, который наполните популярной литературой. Необходимо вагон направить срочно...»[58]

Вскоре О. К. Эзерман приехал в Уфу. В связи с тем, что его приметы стали известны колчаковцам, решено было на сей раз во вражеский тыл его не посылать. Он остался в бюро, для которого явился сущим «кладом», обладая уменьем фабриковать печати, штампы, документы, выполнять другие квалифицированные, ответственные работы.

В число сотрудников вошли М. А. Чистяков (Митрошкин), Э. С. Гольцман, Б. Норман, И. А. Ананьин (Ананьев), И. И. Шеломенцев и др. Все они были опытными коммунистами, обладали навыками организации нелегальной революционной работы. М. А. Чистякову, только что вышедшему из уфимского подполья, поручили техническую сторону дела, в том числе связь с подпольными организациями. Некоторое время работой в бюро был занят и З. И. Лобков (Голубев), одновременно готовившийся к переходу в тыл врага[59]. З. И. Лобков прибыл в Уфу из Вятки, вероятно, с Ф. И. Голощекиным, ибо с лета 1918 г. он выполнял работу при Уралобкоме РКП(б) и 3-й армии.

Точного времени прибытия Ф. И. Голощекина в Уфу мы не знаем, но приблизительно назвать можем. В записке руководителям подполья, датированной 7 января, он писал, что «через 2—3 дня» отправится в Уфу. Сле-

довательно, выехал он из Вятки около 10 января. Добирался, вероятно, железной дорогой, через Нижний Новгород — Симбирск. Надо полагать, что на это понадобилось не менее двух недель. Документы косвенно это подтверждают. В двадцатых числах января Смирнов направляет в ЦК доклад бюро; судя по его содержанию, Голощекина в Уфе еще не было. Речь в докладе идет о произведенной посылке в Челябинск и Омск денег (с Трениным-Алексеевским и А. И. Катуниным). А это было сделано 22—25 января [60]. Речи нет о К. М. Туманове, посланном с особым поручением и денежной суммой 28 января [61]. Следовательно, доклад был написан между 24 и 28 января. Следующий доклад, подписанный обоими членами бюро ЦК, судя по содержанию, составлен в самом конце января или 1—2 февраля [62]. Следовательно, Ф. И. Голощекин прибыл в Уфу вскоре после 24 января, в пределах недели, считая с этого дня. За время пребывания в Вятке Ф. И. Голощекин отчитался о выполнении задания перед обкомом партии и с помощью его руководителей приступил к выполнению задания ЦК по линии Сиббюро. ЦК партии предусмотрел для развертывания активной работы использовать не только участок 5-й, но и 3-й армии.

Я. М. Свердлов совместно с членами бюро ЦК в Москве, очевидно, и в присутствии Голощекина, в общих чертах рассмотрел вопрос о создании в Вятке специального учреждения, которое также должно было организовать нелегальную работу в тылу противника. Подтверждением тому могут быть следующие документальные данные. Ф. И. Голощекин из Москвы выехал в Вятку не только по поводу выполнения задания Уралобкома, но и, как будет показано далее, для развертывания работы по созданию партийного органа, непосредственно подчиненного Сибирскому бюро ЦК [63]. После отъезда Ф. И. Голощекина из Москвы, в конце декабря 1918 г., Я. М. Свердлов провел совещание с И. Н. Смирновым и К. М. Ракаем (Бакаем). Последнему было поручено «организовать связь с Сибирью через лесничества и лесничих Урала» [64]. Ракай получил для ведения работы деньги, а также соответствующий мандат и письмо к Ф. И. Голощекину. Оба документа выданы за подписью члена бюро ЦК И. Н. Смирнова.

К. М. Ракай должен был работать в Вятке под руководством члена бюро ЦК Ф. И. Голощекина. В начале января 1919 г. К. М. Ракай выехал из Москвы к месту

назначения[65]. Следовательно, Центральный Комитет партии не ограничился созданием аппарата Сибирского бюро с местонахождением при Реввоенсовете 5-й армии. В помощь бюро для работы на северном участке фронта направляется Ракай.

Изученные документы позволяют считать, что К. М. Ракай прибыл в Вятку после отъезда Ф. И. Голощекина, т. е. после 9—10 января, очевидно, во второй половине месяца. В документах, вышедших в тот период из-под их пера, нет упоминания о совместной работе. Больше того, местные партийные работники направляли телеграфный запрос членам бюро в Уфу относительно личности К. М. Ракая, его задач и т. д.[66], чего бы не потребовалось, будь в Вятке Голощекин. Позднее в одном из докладов отделения бюро указывалось: «После отъезда из Вятки тов. Голощекина отделение не сразу приступило к работе ввиду того, что некоторые товарищи не могли своевременно прибыть в гор. Вятку. Кроме того, несколько дней было потрачено на подыскивание квартиры и вообще на создание внешней обстановки, позволяющей приступить к работе. После того как эти предварительные условия были выполнены, отделение приступило к работе. В Вятке в это время находились тт. Уфимцев, Баранов (Неволин), Килин и только что прибывший тов. Ракай»[67]. Из приведенного документа видно, что из указанных работников, начавших после отъезда Ф. И. Голощекина собираться в Вятке, последним прибыл К. М. Ракай.

Вероятно, о посылке К. М. Ракая в Вятку Ф. И. Голощекин узнал от И. Н. Смирнова лишь по приезде в Уфу. Письмо Смирнова для передачи Ф. И. Голощекину, врученное в Москве К. М. Ракаю, так и осталось у него на руках[68]. Ф. И. Голощекин по прибытии в Вятку проинформировал руководителей обкома и исполкома Уралсовета о создании Центральным Комитетом бюро ЦК и необходимости организации в Вятке специального партийного органа, работающего в контакте с бюро и под его руководством. В окончательном виде, в деталях, этот вопрос, очевидно, был решен не в Москве, а именно в Вятке, на месте. Обращает на себя внимание то, что К. М. Ракай получил от Я. М. Свердлова и И. Н. Смирнова поручение «организовать связь с Сибирью», тогда как Ф. И. Голощекиным в Вятке вопрос решался о налаживании связи с большевистским подпольем на Урале и о руководстве им.

Необходимость создания партийного органа по руководству подпольной работой на Урале обусловливалась неудачами войск Красной Армии в районе Перми, временной утратой к январю 1919 г. большей части территории Урала и намечавшейся ликвидацией Уральского обкома партии, который, наряду с решением других задач, уделял внимание и организации подпольной работы в тылу врага. В первых числах января 1919 г. вопрос о создании в Вятке специального партийного органа был решен. Для работы в нем Ф. И. Голощекиным были приглашены А. Г. Белобородов, Н. И. Уфимцев [69], С. Ф. Баранов и С. А. Килин (последний фактически с самого начала работал лишь на правах сотрудника). А. Г. Белобородов, занятый на руководящей работе в Уральском обкоме РКП(б), облсовете, затем в Вятском губернском революционном комитете, в состав упомянутого учреждения не вошел. Но он оказывал действенную помощь отделению, особенно в подборе для него опытных коммунистов. По его поручению этой работой длительное время занимался видный коммунист В. Ф. Сивков. Несколько позднее в состав отделения был кооптирован коммунист А. А. Ляк [70].

Таким образом, в январе 1919 г. в Вятке возникло отделение Сибирского бюро ЦК РКП(б). Его председателем являлся Н. И. Уфимцев, секретарем — А. А. Ляк (президиум), членом — С. Ф. Баранов [71]. Этот состав был утвержден членами бюро, а затем и ЦК партии [72].

Возникают вопросы: в каком отношении отделение находилось с группой К. М. Ракая? Есть ли основание рассматривать их как единое целое? Правомерно ли считать, что отделение было создано, как это утверждается в отдельных публикациях, Ракаем?

В соответствии с замыслом ЦК и бюро ЦК К. М. Ракай должен был работать параллельно с отделением бюро и выполнять задание по налаживанию системы связи с тылом противника через лесничества. В письме от 15 февраля на имя А. Г. Белобородова, полученном членами отделения 9 марта через Сырченко, говорилось: «Тов. Бакаю поручено организовать связь с Сибирью через лесничества и лесничих Урала. Он в организации этой связи действует самостоятельно и, установив связь, передает ее вашему бюро (т. е. отделению бюро.— *И. П.*). На эту работу дано 30 000 руб. и ему Смирновым выдан мандат и письмо к Филиппу. Если бы т. Филипп был в Вятке, то он должен был бы работать под его руко-

водством. Тов. Филиппа заменил Белобородов, и вы должны проверить его деятельность и держать его в указанных рамках. Тов. Бакай не только от т. Смирнова получил определение своих обязанностей, но и т. Свердлов в присутствии Смирнова (по согласованию со Смирновым) совершенно точно так же очертил круг обязанностей Бакая: организовать связь через лесничества, работать в контакте и под руководством Сиббюро»[73].

Практически же получилось так, что К. М. Ракай, увидевший по прибытии в Вятку, что там Ф. И. Голощекиным сформировано отделение бюро ЦК, счел возможным включиться в его работу. Он претендовал на роль председателя отделения, уделяя налаживанию связи через лесничества незначительное внимание. К. М. Ракай вошел в состав отделения бюро и пытался ввести в него в качестве сотрудника А. Н. Сударикова (последний, возможно, также приехал из Москвы). Этот факт членами отделения характеризовался следующим образом: «В отделение бюро вошел тов. Ракай и приглашенный им тов. Судариков, при этом последний был посвящен в работу и введен в отделение по личной инициативе тов. Ракая. Бывшие в это время в Вятке члены отделения хотя и были против вхождения тов. Сударикова, как человека совершенно незнакомого и новичка в нашей партии (Судариков пришел от левых эсеров только в конце 1918 г.), но особенно не возражали, так как полагали, что тов. Ракай имеет из ЦК Сибирского бюро особые полномочия на этот счет»[74].

Между К. М. Ракаем и другими работниками с каждым днем усиливались разногласия по целому ряду вопросов, в связи с чем страдало все дело. Отрицательно сказывался, в частности, отказ К. М. Ракая от распределения работы между членами отделения бюро[75]. На практике это часто приобретало курьезные формы: под документами отделения в одни и те же дни, в феврале, имело место сочетание подписей: «председатель Ракай, член Уфимцев»; «председатель Уфимцев, член Ракай».

Н. И. Уфимцев обращался по прямому проводу к членам бюро ЦК с жалобой на действия Ракая и просьбой сообщить о его задачах и отношении к отделению бюро. Ф. И. Голощекин сообщил, что «в бюро, работающем в вашем направлении, назначены Уфимцев, Баранов и Килин, которые и ответственны за всю работу и находятся в подчинении нам, т. е. бюро... Бакай послан для работы в том направлении. Никаких особых полно-

мочий ему не дано»[76]. В письме от 15 февраля на имя А. Г. Белобородова члены Сибирского бюро, дав более полное разъяснение обязанностей К. М. Ракая, решительно подчеркнули, что он в отделение не должен входить [77].

В связи с тем что отношения между членами отделения бюро и Ракаем, не желавшим выходить из его состава, ухудшились, во время повторного разговора по прямому проводу Ф. И. Голощекин потребовал от Ракая «немедленно сдать все дела и отправиться в Москву», сделать там отчет о своей работе [78].

Примерно в середине марта К. М. Ракай выехал в Москву [79]. Не числился больше в числе работников отделения и Судариков. Следовательно, вхождение в отделение К. М. Ракая было эпизодическим явлением и ни ЦК, ни членами бюро ЦК не было утверждено. Следует, однако, отметить, что К. М. Ракай вместе с членами отделения, официально введенными в его состав и утвержденными Сибирским бюро, в целом провел полезную работу в Вятке. Нельзя лишь согласиться с заявлением К. М. Ракая при отчете в Политбюро ЦК РКП(б), что отделение в Вятке было организовано под его «руководством»[80]. Как указывалось выше, этот орган был создан Ф. И. Голощекиным еще до приезда Ракая. Введенный в его состав Уфимцев прибыл в Вятку раньше Ракая. Поскольку Белобородов не включался в работу, то именно на Уфимцева падало руководство всем делом.

Роль Ф. И. Голощекина как организатора отделения подтверждается целым рядом документов. Ф. И. Голощекин в письме сибирским коммунистам от 7 января 1919 г. прямо указывал: «Для постановки работы я организовал технический аппарат в Пермском направлении»[81]. Здесь имеется в виду именно отделение бюро, а не система связи К. М. Ракая через лесничества, как полагают некоторые авторы [82]. В докладе Сибирского бюро Центральному Комитету партии о работе в январе 1919 г. мы находим тому подтверждение полное. «Для Пермского направления,— говорится в докладе,— выделена тройка: тт. Уфимцев, Баранов и Килин, которым поручено организовать постоянную границу на Кунгур, Пермь и заводы Северного Урала»[83]. Отделение, как извещались Центральный Комитет и бюро ЦК в начале марта 1919 г., разместилось по адресу: ул. Коммуны, дом № 22, квартира 7 [84]. В воспоминаниях сотрудника

(кучера) отделения В. С. Ермакова указывается адрес: ул. Сибирская, дом 22[85]. Очевидно, это тот же адрес, только название улицы дано устаревшее, дореволюционное. В распоряжение отделения были предоставлены бланки паспортов, другие необходимые материалы, образцы белогвардейских документов, фонд которых все время пополнялся.

Так обстояло дело с налаживанием в Вятке работы по обеспечению связи с коммунистами-подпольщиками и руководства их деятельностью. В отделении постепенно сложилась группа опытных сотрудников. Помимо С. А. Килина, занимавшегося подготовкой коммунистов к переходу линии фронта, в качестве сотрудников работали М. А. Медведев, Мясников, а затем Я. Т. Желтов, И. Г. Феофанов, А. Н. Беломоин, А. М. Батагов, В. А. Болотов и др.[86] Все они были опытными коммунистами, в большинстве своем начинали революционную партийную работу в условиях царизма в Сысерти, под Екатеринбургом, после победы Октября находились на ответственных постах на своем заводе и в Екатеринбурге, сражались с белогвардейцами.

Так, М. А. Медведев работал в Екатеринбургской, затем областной ЧК, А. Н. Беломоин и И. Г. Феофанов возглавляли исполком Сысертского Совета, воевали[87].

Все работали ответственно, зная, как много зависит от них в развертывании революционной борьбы на Урале и в Сибири. Важную роль по изготовлению документов выполнял М. А. Медведев; И. Г. Феофанов заведовал хозяйством. Если процесс формирования штата сотрудников бюро занял самое непродолжительное время и был закончен в основном в двадцатых числах января, то аналогичная работа по отделению завершилась только в феврале, а в некоторых отношениях — в первой половине марта 1919 г. Это, естественно, не могло не сказаться на темпах и результатах работы каждого из этих органов в первые месяцы.

Значительную сложность представляет собой вопрос в названии бюро и его отделения.

На ранних этапах освещения истории образования и деятельности бюро ЦК и отделения, а также большевистского подполья, его руководящего центра, в силу ограниченного круга источников, которыми пользовались авторы, неправильного понимания и трактовки ряда из них, существовала неимоверная путаница. Писали о бюро ЦК, о нескольких бюро. Бюро ЦК «размещали»

то в тылу врага, то по советскую сторону фронта, причем в том и другом случае в самых различных пунктах. Поскольку это уже пройденный этап, нет надобности воспроизводить все существовавшие точки зрения. Важно отметить то, что в документах и материалах, в том числе и белогвардейских, содержатся данные о реально и мнимо существовавших большевистских партийных органах, именуемых «бюро», с различными вариантами названия.

К настоящему времени все советские документы с такими данными опубликованы. Обратимся к ним. Ранее мы писали, что в Тюмени в июле 1918 г. было создано «Организационное бюро РКП(б) Сибири», просуществовавшее до начала сентября, пока не возник Сибирский (Западно-Сибирский) подпольный областной комитет РКП(б). Во второй половине декабря 1918 г. создается «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». На нелегальной конференции сибирско-уральско-дальневосточных организаций РКП(б), состоявшейся в марте 1919 г., в соответствии с принятым «Уставом Российской Коммунистической партии (большевиков) для Сибири и Урала» избирается подпольный «Сибирский областной комитет РКП(б)», а при нем создаются «Уральское» и «Восточно-Сибирское» бюро, причем последнее уже в самом Уставе называется и просто «Восточным»[88].

Отделение Сибирского бюро ЦК РКП(б) с самого начала своей деятельности именуется отделением не «Сибирского», а «Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)». Само Сибирское бюро ЦК уже с середины февраля 1919 г. часто также стало называться «Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б)», одновременно употребляется и прежнее название. Эта двойственность в наименовании бюро имела место до конца июля 1919 г., пока не был освобожден Урал и ликвидировано отделение. Больше того, с конца марта 1919 г. и до конца своего существования в связи с временной ликвидацией бюро отделение именуется не отделением, а «Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б)». Напомним, что само бюро ЦК имело ту особенность, что состояло как бы из двух частей: членов, находившихся по советскую сторону фронта, и членов, действовавших в тылу врага, причем одновременно входивших в сибирско-уральский подпольный центр. Бюро ЦК, т. е. его члены, находившиеся в Уфе, употребляли термины: «Сибирский ЦК, составляющий с Сибирским бюро единый партийный центр»,

«Сибирское бюро, находящееся в Омске» (в последнем случае имелись в виду члены бюро в Сибири—А. Я. Нейбут и А. А. Масленников)[89]. Но об этом мы уже писали.

О причинах двойственного наименования бюро и наименовании отделения как бюро мы скажем далее. Но уже здесь следует заметить, что без специального изучения вопроса, при использовании отрывочных мест различных документов авторы, пытаясь осветить вопрос о бюро ЦК, его названии, местоположении, или становились в тупик, или выбирали какой-то ошибочный вариант его трактовки, писали о двух, трех бюро ЦК. Некоторыми авторами принимались на веру и ошибочные положения, имевшиеся в колчаковских документах[90], в частности, о том, будто «Урало-Сибирское бюро» (или Центральное бюро — комитет) находились в тылу белогвардейского фронта, в Челябинске, причем создание и руководство им связывалось с именем З. И. Лобкова[91].

Постепенно, шаг за шагом наслоения отметались, вопрос выяснялся. Исследователям стало ясно, что бюро ЦК было одно, размещалось при Реввоенсовете 5-й армии, приступило к своей работе в Уфе, в Вятке же находилось его отделение, именовавшееся некоторое время так же, как бюро, что Сибирское и Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б), в сущности, не разные органы, а один и тот же партийный орган, лишь по-разному именовавшийся. Но если раньше бюро, как правило, в публикациях называлось «Урало-Сибирским», так его именовали, в частности, составители документальных сборников 20—50-х годов, то с начала 60-х годов происходит резкое изменение, рядом авторов это название отбрасывается как неправильное, «незаконное», «не утвержденное» и т. д. То же самое говорится об отделении бюро, о его изначальном наименовании (как «отделения Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)»). «Палка перегибается в другую сторону» — так можно по этому поводу сказать. Дело дошло до того, что составители сборника «Гражданская война на Южном Урале» стали искажать подлинные документы, переделывая в них подписи «Урало-Сибирское» на «Сибирское».

Рядом авторов утверждается, что и бюро, и отделение следует называть только «Сибирским бюро», «отделением Сибирского бюро». Так, А. М. Шиндин пишет: «Сиббюро было органом ЦК партии, и только его пос-

тановления могут быть основанием для решения вопроса о названии, преобразовании, составе, объеме и содержании работы этого органа. Известны три таких постановления ЦК. В первом из них (декабрь 1918 г.) бюро было названо «Сибирское бюро ЦК». В годы деятельности урало-сибирского большевистского подполья ЦК РКП(б) не преобразовывал Сиббюро и не менял его названия. Попытка к этому была сделана И. Н. Смирновым. 17 января он обратился в ЦК РКП(б) с просьбой создать Урало-Сибирскую коммунистическую партию и преобразовать Сиббюро ЦК в Урало-Сибирское бюро ЦК. 22 января 1919 г. Оргбюро ЦК партии ответило на его телеграмму решением, в котором оно подтвердило постановление ЦК РКП(б) от 17 декабря 1918 г. о едином названии Сиббюро ЦК и о его назначении как самостоятельной партийной единицы, запрещало преобразовывать и переименовывать Сибирское бюро в Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б). На заключительном этапе третьего периода Пленум ЦК партии в своем постановлении от 20 апреля 1920 г. «Об организации и составе Сибирского бюро ЦК РКП(б)» еще раз подтвердил это название»[92].

Мы в одном аспекте уже касались этого высказывания А. М. Шиндина, его ошибочности в том смысле, будто бюро предлагало преобразовать и переименовать свой орган, создать коммунистическую партию Сибири и Урала и т. п. Даже при самом поверхностном знакомстве с упомянутой телеграммой Смирнова в ЦК от 17 января[93] становится ясным, что ничего подобного он не предлагал. В телеграмме содержится не предложение преобразовать, переименовать и т. д., а только просьба, причем по частному вопросу, чтобы ЦК выдал «предписание» — письмо для предъявления миньярско-симским коммунистам-подпольщикам о передаче хранившихся ими денег на нужды сибирско-уральского подполья, а именно Сибирского ЦК РКП(б), как с ноября 1918 г. стал именоваться подпольный центр. С точки зрения И. Н. Смирнова, убедить миньярцев исполнить предписание могло такое его содержание, из которого было бы видно, что Сиббюро ЦК и ЦК РКП(б) Сибири взаимосвязаны и являются практически как бы единым партийным центром; во-первых, занимаются одним общим делом, во-вторых, руководители Сибирского ЦК (А. Я. Нейбут и А. А.

Масленников) одновременно входят в Сиббюро ЦК. Спустя примерно неделю, еще до получения ответа ЦК, Смирнов вновь излагает свою просьбу, но уже в самой простой, ясной форме: «Необходимо похвалить их (миньярских коммунистов. — *И. П.*) за бережливость, дать приказ за авторитетными подписями, чтобы они деньги передали в Сибирский ЦК»[94]. Будь сформулированной просьба в телеграмме в такой форме, вероятно, не последовало бы рассмотрения вопроса на заседании Оргбюро ЦК (разве что последовало бы требование переименовать подпольный ЦК в ОК).

Ошибка (и беда) И. Н. Смирнова заключалась в другом: он не отреагировал отрицательно на факт употребления руководителями подполья термина «коммунистическая партия Сибири» (РКП(б) Сибири) и переименования «обкома» в «ЦК», что явно отдавало сепаратизмом и ЦК было осуждено. Мы сомневаемся в том, что Смирнов употребил выражение «Сибирско-Уральская коммунистическая партия», как пишет А. М. Шиндин и как это значится в публикации в сборнике документов (составитель он же). При публикации текст телеграммы, вероятно, искажен. В выявленном нами тексте документа, который, очевидно, и является подлинником, значится не «Сибирско-уральской коммунистической партии», а «Сибирско-уральский комитет партии»[95]. А это уже совсем другое дело, и рассматриваемый отрывок телеграммы читается так: «Сибирский ЦК, составляющий с Сибирским бюро единый партийный центр — Сибирско-уральский комитет партии». Здесь член бюро тоже вольно употребляет условную формулировку, вовсе не предлагая слить на деле Сиббюро и ЦК Сибири в единый партийный центр («Сибирско-уральский комитет партии»). Он предлагает другое: сделать предписание миньярцам более убедительным, мотивированным (распоряжение дается от бюро или самого ЦК, а деньги должны быть отправлены другому органу, да еще находящемуся вне Урала, в Сибири). Следовательно, предложения о преобразовании — переименовании бюро ЦК в январе в действительности не возникало.

Что касается двух других постановлений ЦК — от 17 декабря 1918 г. и 20 апреля 1920 г., то по этому поводу необходимо сказать следующее. Бюро ЦК действительно было создано как «Сибирское», но не 17

декабря, а несколько позднее. Добавим только, что и в декабре 1918 г. ЦК поступил гибко, не «цеплялся» за моменты формального порядка. Создавшийся орган первоначально был назван «Центральным отделом», а затем «Сибирским бюро», как более приемлемым, точнее выражающим задачи, направление и район деятельности. В 1920 г. (только не 20-го, как полагает А. М. Шиндин, а 8 апреля[96]) и речи не могло быть о том, именовать ли бюро «Сибирским» или «Урало-Сибирским». К тому времени, когда не только Урал, но и почти вся Сибирь были освобождены, вопрос стоял практически о новом органе, радикальной реорганизации прежнего. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК в ноябре — декабре 1919 г. было преобразовано в «Сибирское областное бюро РКП(б)», а в апреле 1920 г., в соответствии с решениями IX съезда партии, оно вновь реорганизуется в официальный орган ЦК — «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» наряду с другими аналогичными территориальными бюро ЦК (Донским, Уральским и пр.).

Теперь пора сказать о том, что Центральный Комитет вовсе не запрещал употребление наименования бюро как «Урало-Сибирского». Более того, если брать по аналогии формулировки в его других постановлениях, нежели в декабре 1918 г. и апреле 1920 г., то он «узаконивал», официально признавал и утверждал это название. Но прежде подчеркнем, что члены бюро ЦК многие документы, в частности все четыре изданных листовки, подписывали от имени «Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)». Это наименование сотрудниками, посланцами бюро и отделения, а также ответственными работниками ЦК до момента освобождения Урала и выполнения бюро функций не только по руководству сибирским, но и уральским партийным подпольем применялось очень широко. Это непреложный факт, и он сам по себе значит многое. А теперь об «узаконении» или «неузаконении»

Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 25 марта 1919 г. под председательством В. И. Ленина, рассмотрел вопрос «Об Уральско-Сибирском бюро»[97]. На основе его решения в последующие дни ряду работников Центральный Комитет выдал мандаты и удостоверения, как представителям «Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)»[98]. Коммунисты, подобранные ЦК для под-

польной работы, направляются в распоряжение «Урало-Сибирского» («Сибирско-Уральского») бюро [99]. Эти документы А. М. Шиндину, очевидно, не были известны. Но он определенно знал, что в момент ликвидации отделения бюро Центральный Комитет партии (его оргбюро) вновь формулирует вопрос как «Об Урало-Сибирском бюро»[100].

Следовательно, бюро действительно именовалось и так, и эдак, причем самим Центральным Комитетом в своих совершенно официальных решениях, документах. И вообще, с нашей точки зрения, этому не придавалось столь уж важного, особого значения. Речь идет все же не меньше, но и не больше, нежели о названии партийного органа. И это не главное. Хотелось бы обратить внимание на то, что в протоколе оргбюро за 30 июля 1919 г. бюро одновременно именуется и «Урало-Сибирским», и «Сибирским»[101], так же, как это делали работники ЦК, члены и сотрудники бюро [102].

Обратимся теперь к наименованию отделения бюро, его роли и соотношению с самим бюро с конца марта 1919 г. В отношении этого партийного органа отдельными авторами высказываются совсем не лестные, ни на чем не основанные, бездоказательные отзывы. А. М. Шиндин пишет: «И. Ф. Плотников преувеличивает роль Северного отделения [103], считая, что оно осуществляло функции Сиббюро ЦК на втором периоде, оправдывает стремление членов его бюро к расширению своих полномочий», что «функции Сибирского бюро отделению не передавались. У его работников самостоятельно и открыто проявилась тенденция к расширению своих полномочий, к присвоению себе прав Сибирского бюро, к преобразованию отделения в отдел ЦК партии», что им в этом и в переименовании отделения в «Урало-Сибирское бюро» было отказано [104]. Нечто подобное утверждается и в энциклопедии по гражданской войне: «В ряде документов в февр. — июле 1919 г. Сев. отд. именовало себя «Урало-Сиб. бюро ЦК РКП(б)», что явилось присвоением прав представит. органа ЦК и не получило поддержки ЦК»[105].

Из приведенных «смело»-нелестных высказываний в адрес отделения бюро, которое неправильно категорично именуется «Северным», могут следовать выводы, что оно без санкции ЦК стало расширять свои полномочия, присваивать права бюро, через его голову об-

ращаться в ЦК (и безрезультатно, — получало отказы) и приняло его видоизмененное (параллельное) название. При восприятии такой голословной точки зрения отделение действительно выглядело бы непритлядно (да и роль ЦК партии, и бюро, не смогших вроде бы «призвать к партийному порядку» «зарвавшихся» членов органа в Вятке, становится в этом отношении неясной). Заметим, что речь идет о важном и крупном партийном органе, с конца марта, как будет показано далее, перешедшем в прямое подчинение ЦК РКП(б).

В действительности дело обстояло далеко не так. Допущенные А. М. Шиндиным в основе своей несправедливые оценки действий отделения, определенное противопоставление его бюро ЦК и ЦК партии проистекают во многом из его мнения, что мартовское постановление ЦК о временной ликвидации или временной приостановке деятельности бюро мало что изменило. Он считает, что «в работе Сиббюро не было перерыва», причем в данном случае имеет в виду не только и не столько то, что отделение продолжало работу. На самом деле приостановка деятельности была, что специально и подробно будет рассмотрено нами в дальнейшем.

Приведем документальные данные по вопросу об отделении и вникнем в их существо. Во время принятия Центральным Комитетом постановления о временной ликвидации бюро его член Ф. И. Голощекин и председатель отделения Н. И. Уфимцев находились в Москве, встречались с работниками ЦК, решали различные вопросы [106]. Сохранился документ, выданный ЦК партии В. И. Хотимскому о направлении его в отделение для посылки в Сибирь, на котором значится, что это делается «согласно предложению т. Голощекина» [107]. В отделение бюро ЦК посылал и других коммунистов, которым предстояло переправляться в Сибирь и на Южный Урал. Следовательно, нет оснований для утверждений, будто отделение само, без ведома ЦК и членов бюро, расширило свои функции, стало направлять коммунистов за пределы Северного и Среднего Урала. Происходит переписка, обмен мнениями между отделением и Голощекиным и в дальнейшем [108]. ЦК вызывал руководителя и членов отделения в Москву, принимал их доклад, информацию, давал задания, в частности С. Ф. Баранову, для работы в Сибири [109].

Одним словом, отделение делало большую и полезную работу и отнюдь не вопреки ЦК и бюро ЦК, а с их одобрения.

Орган в Вятке, как мы уже отмечали, с самого начала официально именовался «Отделением Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)», а с конца марта — «Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б)». Отделение для переписки и связи с другими организациями и работниками, не посвященными в деятельность бюро ЦК, пользовалось другим названием, имея соответствующие печать и бланки, — «Особая комиссия Вятского губернского Военно-Революционного комитета» (на печати значилось: «Особая комиссия Вятского губ. Р.-В. Комитета»[110]). Выступать под именем отделения юридически не существовавшего, временно ликвидированного органа, который при определенных обстоятельствах (не будь в высшей степени большой настойчивости Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова) могли бы и не восстановить, было явно неудобно. Это затрудняло бы отношения с партийными и другими органами. Но главное, о чем следует сказать, все же не в этом. Переименование отделения в бюро также не было самовольным актом, имеющиеся документы — тому доказательство. Пленум ЦК 25 марта рассмотрел вопрос «Об Уральско-Сибирском бюро». По всей видимости, решался он в комплексе: и о временной ликвидации бюро, и о последующей работе отделения бюро. Именно с этого времени и не самими членами отделения, а Центральным Комитетом оно именуется уже «Урало-Сибирским бюро». Уфимцеву лично и другим членам отделения — А. А. Ляку и С. Ф. Баранову для передачи 26 марта выдаются мандаты ЦК (с печатью ЦК и соответствующими подписями) как «представителям» «Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)»[111]. Выше мы отмечали, что с этого времени ЦК коммунистов в Вятку направляет с указанием — в распоряжение «Урало-Сибирского бюро». Отделение с этого времени пользуется печатью с надписью «Урало-Сибирск. бюро Ц. К. Р. К. П.»[112].

Нам представляется, что хотя отделение восприняло второе, параллельное название бюро («Урало-Сибирское»), именовалось как «бюро», но в данном случае оно и его члены не получили все же всех полномочий временно ликвидированного бюро ЦК. Об этом могут

свидетельствовать такие данные. Членам отделения мандаты были оформлены не как членам бюро ЦК, а как его «представителям». В одном из документов отделения, составленном в начале апреля 1919 г., сказано: «Членами Урало-Сибирского бюро являются товарищи: Н. И. Уфимцев, С. Ф. Баранов, А. А. Ляк, снабженные мандатами Цека»[113]. Но в данном случае, очевидно, имеются в виду удостоверения, выданные ЦК 26 марта с формулировкой «представители» бюро ЦК. Забегая вперед, скажем, что много времени спустя, 19 июня, А. А. Ляку возобновляется мандат с такой же формулировкой — «представитель Урало-Сибирского бюро при ЦК РКП(большевиков)»[114]. В период с марта по начало июня члены отделения под документами подписываются как «члены» бюро (вот в этом, возможно, было превышение полномочий), но со времени восстановления бюро, с июня, — как «представители» бюро [115].

Мы полагаем, что в обстановке временной ликвидации бюро ЦК, нецелесообразности пересмотра персонального состава бюро, расширения задач «замещения» им Сиббюро и потребовалось ввести институт «представителей» бюро, как именовались партийные должности Баранова, Ляка и Уфимцева. Таким образом, как нам кажется, есть все основания говорить о том, что по предложению (или требованию) ЦК отделение бюро «представляло», в определенной степени замещало бюро, выполняло его задачи и справлялось с ними достаточно успешно, сыграв крупную роль в руководстве большевистским подпольем.

Факт, что бюро ЦК, как и его отделение, именовались «Урало-Сибирскими», подтверждается многочисленными документами, включая решение Пленума ЦК партии, как и то, что бюро продолжало одновременно именоваться и «Сибирским» и печати своей («Сибирское бюро. Центральный Комитет Р. К. П.»[116]) не меняло. Исторический, документально установленный факт не оспорить. Дело в другом: чем же объяснить двойственность в наименовании бюро ЦК?

Постановка вопроса и принятие постановления ЦК партии об образовании бюро относятся к 17—24 декабря 1918 г., когда еще во многих районах Урала сохранялась Советская власть. Стойкое сопротивление 3-й армии в ноябре и первой половине декабря на Сред-

нем и Северном Урале, большие успехи Красной Армии на центральном и южном участках Восточного фронта позволяли надеяться на скорое и полное освобождение этого обширного края от колчаковцев. За Сибирь же при самых оптимистических прогнозах предстояло драться длительное время. Кроме того, в то время Уралом занимался Уральский обком РКП(б). Вот почему в процессе подготовки вопроса и в дни его решения речь шла о создании партийного центра по руководству большевистским подпольем именно в Сибири. Рассмотренный вопрос в ЦК формулировался как «Работа в Сибири». Есть некоторые основания полагать, что и местом пребывания создаваемого органа первоначально намечалась Сибирь. В процессе обсуждения, подработки вопроса решение было принято, как мы видели, иное. В связи с захватом колчаковцами районов Северного и Западного Урала, захлебнувшимся наступлением Красной Армии в Златоустовском направлении, подготовкой ликвидации и ликвидацией Уралобкома партии Сибирское бюро в действительности становится органом по руководству подпольной деятельностью коммунистов не только в Сибири, но и на Урале. Небезынтересно привести отрывок из воспоминаний одного из членов бюро ЦК И. Н. Смирнова: «Сибирское бюро предполагало начать свою работу установлением связи с Сибирью, и задача представлялась в Москве таким образом, что связь надо иметь, главным образом, с Сибирью. Урал в значительной части еще находился в наших руках. В северной части Урала находились третья Красная Армия, а пятая — продвигалась на Восток от Уфы.

Однако уже с первых дней пребывания в Уфе мы увидели, что перед нами стоит еще более неотложная задача — получение связи с уральскими заводами, находившимися во власти колчаковской армии»[117].

Переключение основного внимания бюро на Урал продиктовала сама жизнь, обстановка, необходимость решения особо актуальных военно-политических задач соединениями Восточного фронта. Это с одной стороны. А с другой стороны, это объясняется крайне большими трудностями в установлении и поддержании регулярных связей с сибирским подпольем, систематической координации действий с ним, его руководством и несравнимо большими возможностями в разверты-

вании работы на Урале, в ближайшем тылу противника. В докладах бюро все это явственно просматривается [118].

Таким образом, бюро с самого начала своей деятельности, особенно с февраля 1919 г., становится не Сибирским лишь, а Урало-Сибирским органом. Тот факт, что бюро выступает как Урало-Сибирское, объяснялся и тем, что оно в своей структуре имело отделение для работы специально в зоне Урала. Вот почему мы и в названии книги, и нередко в тексте даем двойное наименование бюро «Сибирское (Урало-Сибирское)». Это вместе с тем исключает разные бытовавшие или бытующие кривотолки насчет двух бюро ЦК, попытки «оторвать» отделение от бюро, противопоставить их друг другу и т. д.

Создав Сибирское бюро, Центральный Комитет партии спешит сообщить об этом в Сибирь, руководителям большевистского подполья. Я. М. Свердлов передал Ф. И. Голощекину перед его отъездом в Вятку широко известную ныне записку. В различных изданиях записка Свердлова датируется по-разному. Сейчас датировать ее можно совершенно точно. В записке говорится о «Сибирском бюро». Следовательно, она написана не ранее 21 декабря, т. е. до приезда А. Я. Бакаева, но и не позднее 24 декабря. Полагаем, что она написана Я. М. Свердловым именно 24 декабря, во время последней встречи с Ф. И. Голощекиным, когда тот уезжал и когда ему самому, как мы отмечали, было выдано удостоверение. В этой записке, написанной красными чернилами, руководители большевисткого подполья А. Я. Нейбут, А. А. Масленников и другие извещались о создании специального бюро и принимаемых мерах по усилению подпольным организациям помощи. Записка по тону и содержанию была весьма оптимистичной: «Мировая революция сделала такие шаги вперед, что остановить ее никаким силам империалистов не удалось. Внутренне мы крепче, чем когда-либо. Возможны временные неудачи, но значения они не могут иметь. Мы победим. Установим прочную связь, и работа пойдет полным ходом. Привет всем вам от всех нас»[119].

Ф. И. Голощекин, завершая работу в Вятке, в том числе по определению состава и организации отделения бюро, решил послать руководителям подполья записку

и от своего имени. Он извещает 7 января подпольщиков о создании отделения бюро ЦК («Технического аппарата в Пермском направлении»), о том, что для подпольного центра в Перми оставлено 500 тыс. рублей и направляется с «тов. Андреем» еще 100 тыс. рублей [120]. Здесь имелись в виду полмиллиона рублей, врученных группе коммунистов во главе с А. Я. Валеком (Яков, Петров, Богданов) для передачи сибирскому подпольному центру перед оставлением Красной Армией Перми. Сто тысяч рублей были вручены Ф. И. Голощекиным А. А. Григорьеву (Андрей Голицын). Ф. И. Голощекин сообщал также, что для работы в районе Челябинск — Екатеринбург он направил двух работников (имеется в виду С. Г. Логинов (Дмитриев) [121]) и одного курьера (О. Д. Гержеван-Латти) [122]. Передав письма А. А. Григорьеву, который вместе с другими готовился к переходу линии фронта, Ф. И. Голощекин, как уже говорилось, из Вятки примерно 10 января выехал в Уфу.

Записки Я. М. Свердлова и Ф. И. Голощекина содержали важную информацию о том, что в распоряжение сибирских подпольных организаций должно быть передано 600 тыс. рублей. Эта сумма могла бы существенно помочь усилению революционной работы в Сибири. Но ни писем, ни указанных денег сибирско-уральский подпольный центр, к сожалению, не получил.

Письма Я. М. Свердлова и Ф. И. Голощекина, удостоверение на имя А. А. Григорьева и 100 тыс. рублей были искусно помещены в чемодан с двойным дном и вручены А. А. Григорьеву. Такой же конспиративный метод был применен для перевоза денежной суммы (300 тыс. руб.), врученной Логинову. Благополучно перейдя линию фронта, Григорьев, Логинов и Гержеван-Латти 7 февраля 1919 г. прибыли в Екатеринбург. А. А. Григорьев в конце февраля уехал в Челябинск. Во второй половине марта чемодан он передал Л. З. Годисовой — омской подпольщице, некоторое время работавшей в Кургане. Она в 20-х числах марта увезла чемодан в Омск, но в связи с арестами в этом городе уехала в Новониколаевск и там в середине апреля была арестована. Деньги и письма были изъяты колчаковцами [123].

Группа А. Я. Валека также не сумела передать деньги Центральному Комитету РКП(б) Сибири из-за

ареста коммунистов-курьеров колчаковцами и захвата ими партийных денег. В документах бюро ЦК отмечается, что А. Я. Валек и его группа (Я. Анисимов, А. Антропов, П. П. Хорохорин, Факелов, Гальперин и Р. И. Валек — жена А. Я. Валека) направлены в тыл врага бюро ЦК, хотя это произошло еще до приезда Ф. И. Голощекина в Вятку (группа была оставлена в Перми при отступлении из нее Красной Армии в ночь на 25 декабря). Очевидно, до отъезда в первой половине декабря в Москву Ф. И. Голощекин, как член Уралобкома партии, имел прямое отношение к подготовке группы Валека для работы в тылу врага.

Сотрудники бюро ЦК и отделения совершенствовали свое мастерство, приемы и методы конспирации, исходя из стоявших перед ними общих задач. В воспоминаниях членов бюро отмечается, что Центральным Комитетом партии Сибирскому бюро поручалось установление прочной и регулярной связи с коммунистами, работавшими в Сибири, информирование их о положении в Советской России, передача директив ЦК, развертывание революционной борьбы, в том числе постановка разведки, дезорганизация вражеского тыла путем разрушения железнодорожных путей, военных складов, разложение белогвардейских войск, подготовка вооруженного восстания. Позднее к этому прибавилось и руководство партизанским движением, охватившим обширные районы Сибири и Урала [124].

Таким образом, бюро было учреждено для руководства всей работой подпольных организаций с одновременным оказанием им разносторонней помощи. Как уже отмечалось, после принятия решения ЦК задачи и район деятельности бюро были расширены. Бюро возглавило работу и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и на Урале.

Прибыв в Уфу, члены бюро ЦК из всей совокупности обширных задач решили выделить определяющие, главные. «По плану Сибирского бюро, — писали они в середине двадцатых чисел марта 1919 г., после эвакуации из Уфы, — курс работы в Сибири и на Урале должен сводиться главным образом к организации вооруженного восстания. Отсюда вытекает необходимость сосредоточить главные силы на работе в войсках и по организации рабочих в боевые единицы, а также стараться ввести в организованное русло сти-

хийное движение крестьян и рабочих»[125]. Определение коренных задач бюро по руководству большевистским подпольем совпало с постановкой таковых в решениях II Сибирской (I Общесибирской) конференции РКП(б), доставленных в Уфу к моменту ее освобождения, а затем в Москву в январе 1919 г.[126]. Но подготовка широких трудящихся масс к вооруженному восстанию против Колчака потребовала постоянной и напряженной подпольной работы. Речь шла о ее целенаправленности, подчинении всей совокупности организационной и политической работы в городе, деревне и на фронте главному — восстановлению в восточных районах Советской власти, что могло быть успешно достигнуто лишь посредством одновременных ударов по врагу со стороны Красной Армии и трудящихся масс Урала и Сибири.

Среди задач, которые стояли в центре внимания бюро ЦК, была работа в белогвардейских войсках.

Придавая особое значение военной работе, бюро наметило проводить ее в двух главных направлениях: в прифронтовой полосе и в тылу колчаковской армии. Прифронтовая работа велась в районе расположения действующих белогвардейских частей. Ее важнейшей целью было всяческое содействие переходу на нашу сторону неприятельских войск, организация диверсий (взрывов складов, мостов и пр.), распространение революционной литературы, большевистская агитация среди солдат и т. д. Тыловая работа в войсках противника сводилась прежде всего к организационно-агитационной деятельности, установлению связей подпольных военных организаций [127].

Военно-боевую работу в прифронтовой полосе было намечено проводить прежде всего собственными силами, минуя сибирско-уральский подпольный центр, опираясь на местные уральские подпольные организации и используя помощь политических и разведывательных организаций 5-й и других армий Восточного фронта. Для этой работы предусматривалось направлять: а) ответственных руководителей политической и военной работы; б) работников с военной подготовкой, способных руководить боевыми действиями; в) подпольщиков для военно-технической работы [128].

Задачи отделения, работавшего в Вятке, были в общем теми же, что и задачи бюро ЦК. Во время пребы-

вания в Вятке Ф. И. Голощекин дал членам отделения краткую установку о направлениях работы. Эти задачи сводились к организации партийной работы путем создания и объединения партийных ячеек, развертывания агитации и пропаганды, к получению разносторонней информации о положении во вражеском тылу, к организации боевых сил и подготовке вооруженного восстания для установления Советской власти. Последнему направлению работы отделением, как и бюро, со временем уделяется все больше внимания.

С целью более продуманного ведения работы, оказания максимальной помощи большевистскому подполью Сибирское бюро выделило 5 районов: преддверие Урала, Южный Урал, Северный Урал, Западная Сибирь и Средняя Сибирь. Хотя в документах бюро речь идет о развертывании работы на Урале и в Сибири, обычно не упоминается о Дальнем Востоке, в указанном случае — даже о Восточной Сибири, тем не менее предусматривалась организация работы во всем вражеском тылу. Во-первых, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток изредка посылались работники, курьеры уже в первые месяцы работы, во-вторых, бюро осуществляло руководство деятельностью коммунистов в отдаленных восточных районах через нелегальный областной комитет (ОК, ЦК), являвшийся, как уже отмечалось, руководящим центром для всего подполья региона. Но приходится вновь подчеркивать, что в период борьбы за освобождение Урала развертыванию работы в этом крае бюро уделяло особое внимание.

Между бюро и отделением на Урале произведено было разграничение функций, районов действий. Формируя отделение, Ф. И. Голощекин поставил перед его членами задачу «организовать постоянную границу (т. е. линию связи с подпольными организациями. — *И. П.*) на Кунгур, Пермь и заводы Северного Урала»[129]. Члены отделения решили обозначить территориальные рамки своей работы более определенно. «При обсуждении этого вопроса, — писали они в Уфу, — для нас не было ясно, какой, собственно, район подлежит нашему обслуживанию, и до выяснения решили ограничиться горнозаводским Уралом с Челябинском, как конечным пунктом на юге»[130]. При сопоставлении приведенных документов можно видеть, что члены отделения бюро определенно расширили район своей

деятельности, ибо вели речь о большей части Урала, занятой врагом. Эта часть Урала была разбита на 9 районов: Пермский, Лысьвенский, Кунгурский[131], Богословский, Гороблагодатский, Нижнетагильский, Алапаевский, Екатеринбургский и Кыштымский. Каждый из них включал сеть городов и заводских поселков, в прошлом связанных между собой экономически. В сферу своего обслуживания отделение не включило большую часть Южного Урала, в частности заводы Златоустовского и Симского округов, а также другие занятые врагом районы Уфимской губернии (Башкирии) и Оренбуржья, так как они находились в непосредственной близости от места расположения Сибирского бюро. Намеченные отделением план работы и район действий бюро были приняты и утверждены.

Члены, сотрудники бюро и отделения тщательно изучали положение в тылу противника, особенно в районах, которые должны были стать объектом непосредственного внимания в развертывании работы. Использовалась информация партийных и специальных советских органов, разведданные, сообщения переходивших линию фронта коммунистов. Велись допросы перебежчиков и пленных. В частности, Сибирскому бюро ценные сведения дали перебежчики — сибиряки Лямкин и Степаненко. Как вспоминал В. С. Ермаков, председатель отделения бюро Н. И. Уфимцев, сотрудник Я. Т. Желтов совместно с руководителями Военного контроля 3-й армии в сопровождении небольшого отряда красноармейцев-мадьяр ездили по фронтовым частям и отобрали для тщательных допросов о положении в тылу противника 13 пленных[132]. Полученные данные использовались не только в бюро и отделении, но и передавались в партийные и военные органы.

На всем протяжении работы бюро и отделения между их членами поддерживалась постоянная и тесная связь через письма, доставлявшиеся сотрудниками-курьерами, и телеграф. Письма с северного участка Восточного фронта на центральный и обратно быстро доставлять не удавалось. Порой эта почтовая операция занимала две-три недели[133]. Приходилось прибегать к телеграфной связи. Но переговоры велись лишь по некоторым организационным вопросам, да и то с большой предосторожностью. Отделение направляло членам бюро доклады, информировало о проделанной

работе и планах на будущее. Сибирское бюро ежемесячно, иногда и чаще направляло доклады, а также записки, телеграммы в ЦК партии. Два больших доклада, не считая других материалов, было послано непосредственно в Центральный Комитет и отделением бюро. В Москву неоднократно выезжали члены бюро и отделения и их сотрудники. Таким образом, несмотря на большое расстояние, разделявшее Сибирское бюро и его отделение с Москвой, вся деятельность этих органов постоянно контролировалась и направлялась Центральным Комитетом партии.

Для организации работы и помощи подпольным организациям Урала и Сибири бюро и его отделению были переданы огромные денежные суммы. Мы уже отмечали, что бюро относило к сфере своей деятельности оказание помощи партийному подполью посылкой денежных сумм специально для подпольного центра с А. Я. Валеком (500 тыс. руб.) и А. А. Григорьевым (100 тыс. руб.). Следует иметь в виду, что общая сумма денежных средств группы Валека была гораздо большей. Было вручено 300 тыс. руб. С. Г. Логинову на организацию разведывательно-политической работы. В декабре — начале января для начала работы членам бюро было выдано в Москве (И. Н. Смирнову 31 декабря) 150 тыс. и в Вятке (Ф. И. Голощекину) 500 тыс. рублей [134]. Но вскоре эти деньги были почти полностью израсходованы, и бюро запросило ЦК о новых, более крупных суммах (И. Н. Смирнов 17 января запрашивал 3 млн. руб.). По распоряжению Я. М. Свердлова от 26 января 1919 г. в Уфе для Сибирского бюро был открыт кредит «до двух миллионов» рублей [135]. Несколько позднее бюро получило возможность использовать такую же сумму, спрятанную при отступлении Красной Армии на Южном Урале. Отделением бюро от руководителей Уральского областного комитета партии и других органов с января по май включительно было получено 2 398 897 руб., причем большая часть этих денег — из фонда, и ранее предназначавшегося именно на организацию нелегальной работы на Урале [136]. Частично на нужды подпольной работы пошли деньги в сумме 30 тыс. руб., переданные перед отъездом в Вятку К. М. Ракаю. Таким образом в январе в распоряжении бюро и его отделения оказалось 7 млн рублей (не считая 900 тыс., увезенных

Логиновым, Валеком и Григорьевым для передачи подпольному центру). Даже по тому времени, когда деньги резко обесценивались, это была огромная сумма. Создавалась возможность для постановки работы бюро и помощи сибирско-уральскому большевистскому подполью наилучшим образом.

Бюро и его отделение организовали свою работу на строго конспиративных началах. Помещения, в которых они разместились, числились за другими учреждениями[137]. Для подготовки коммунистов к переходу в тыл врага и для временного пребывания вернувшихся с Урала и из Сибири работников снимались специальные квартиры[138].

Все необходимое для бюро, в том числе и самая разнообразная одежда для экипировки коммунистов, готовившихся к переходу линии фронта, приобреталось в Уфе или Вятке от имени различных организаций — окружного военного комиссара Урала, Вятского ревкома и т. д. Одежда не раз закупалась в Уфимском городском общественном ломбарде[139]. Однако на месте не всегда удавалось приобрести необходимое, поэтому различные материалы доставлялись из Москвы Д. К. Гончаровой, К. О. Эзерманом, сотрудником отделения А. М. Батаговым и др.[140] Так, Батагов 17 мая был командирован в Москву в ЦК партии для приобретения необходимых отделению вещей. ЦК направил его 21 мая в ВЧК к М. С. Кедрову — председателю Особого отдела, который помог в выполнении задания. Президиум ВЦИК выдал 6 июня А. М. Батагову документ для беспрепятственного провоза вещей («Вещи, закупленные в Москве, отобранию не подлежат. Вещей пять мест»)[141]. Использовались различные «оказии», в том числе поездки в Москву самих членов бюро и отделения. Возникала необходимость и в необычных материальных ценностях, специфическом наборе денежных знаков и т. д. Это, в частности, видно из телеграмм и писем бюро в ЦК. В одном из писем (вторая половина января) на имя К. Т. Новгородцевой бюро отмечало: «Несколько дней тому назад нами была послана в ЦК телеграмма, в которой мы просили срочно выслать драгоценные камни для Сибири. Отсутствие денежных знаков старого образца заставляет нас вторично обратиться к вам с той же просьбой. Кроме того, их переправлять будет легче»[142]. В письме содержалась прось-

ба и о присылке костюмов, гравера, умеющего делать печати, образцов печатей, «форм бумаг для иностранных подданных», паспортные бланки [143].

Через ЦК, ВЧК, местные партийные и советские организации бюро и его отделение были обеспечены большим числом паспортов и паспортных бланков, различных удостоверений, студенческих свидетельств, учетных карточек и т. д. Отделением бюро была использована значительная часть из выданных Уралобкомом РКП(б) коммунисту В. А. Иванченко 300 паспортных книжек, 100 бланков годичных паспортов и большого количества старых паспортов [144]. Как в бюро, так и в отделении работали специалисты-граверы (К. О. Эзерман, М. А. Медведев и др.). От качества их работы по изготовлению печатей, штампов, фабрикации документов вообще зависели не только успех операций, но и жизнь коммунистов-подпольщиков.

Особой сложностью отличалась работа тех членов и сотрудников бюро, которые готовили коммунистов для подпольной работы в тылу врага. В период работы бюро в Уфе особенно плодотворно в этом направлении трудился М. А. Чистяков, являвшийся одним из руководителей местной подпольной организации до освобождения города. Он подготовил, проинструктировал несколько десятков человек [145]. Одни сотрудники занимались переправой коммунистов через фронтовую линию, другие — хозяйственными делами. Строгое распределение функций между сотрудниками, своеобразная специализация была целесообразной не только из деловых, но и конспиративных соображений. Члены бюро ЦК и отделения вообще стремились к тому, чтобы прибывающие в их распоряжение коммунисты за все время подготовки к переходу в тыл колчаковской армии работали обычно под руководством одного-двух сотрудников и общались только с ними. Прилагались меры к изоляции отдельных лиц и групп друг от друга, засекречивались пункты намечаемой работы, подлинные и вымышленные имена и т. д.

И все же, несмотря на меры предосторожности, соблюдение правил конспирации, белогвардейцам очень скоро стало известно о существовании бюро ЦК и его отделения и их практической работе. Например, начальник отдельного северного отряда 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса колчаковской армии

13 апреля 1919 г. командирам частей писал: «Советскими деятелями организовано особое Бюро, которое имеет в Вятке отделение, посылает на Урал и в Сибирь своих шпионов, которые, имея подложные паспорта и крупные суммы денег, под видом буржуев, пленных или с женщинами переходят фронт... В отношении переходящих фронт или обнаруживающихся при занятии местности лиц — не обывателей этой местности — быть осторожными, тщательно обыскивать, т. к. документы бывают даже зашиты в белье; при малейшем подозрении присылать в штаб отряда при всех вещах, документах и деньгах, при арестованном найденных. Случаи перехода шпионов на нашем участке были...»[146] О том, что врагу стало известно о деятельности бюро, узнали и его члены. Об этом сообщалось в докладах в ЦК и в переписке между отделением и бюро. Председатель отделения сообщал Ф. И. Голощекину: «...мы получили три приказа (секретных), где белые отмечают существование Урало-Сибирского бюро и его Вятского отделения и говорят о нашей работе»[147].

Белогвардейская контрразведка стала тщательно изучать методы работы бюро, охотиться за его посланцами, усилив охрану и патрулирование на тех лесных участках, где не было сплошной линии фронта. Они даже попытались внедрить в отделение бюро своего агента. Белогвардейцы использовали с этой целью опрометчивость и неопытность коммуниста М. И. Соловьева (Миша Пашийский). Вместе с П. Н. Спиридоновым М. И. Соловьев был послан отделением бюро в Надеждинск для организации и руководства подпольной работой. Но во время проезда по железной дороге в Пермь они были арестованы колчаковцами. Поводом для ареста послужило то, что один из них неосторожно достал солидную пачку царских денежных знаков, что в белогвардейском тылу было редкостью. Арестованных обыскали, доставили в Пермь и посадили в местную тюрьму. Прежде чем устроить пытку и допрос, как это обычно делалось колчаковскими садистами из контрразведки, к М. И. Соловьеву был подослан провокатор-надзиратель, выдавший себя за коммуниста (или родственника коммуниста). Ему удалось вызвать доверие Соловьева и получить сведения не только о цели перехода линии фронта последним, но и о бюро ЦК, его отделении.

Этим обстоятельством решил воспользоваться начальник контрразведки (военного контроля) в Перми подполковник Н. М. Никифоров[148]. Он подробно проинструктировал шпика и поставил перед ним задачу — под видом связного от М. И. Соловьева проникнуть в отделение бюро ЦК. Соловьев, не подозревая о провокации, вручил контрразведчику две записки. В одной из них, адресованной к товарищу, очевидно, партийному работнику, знавшему о существовании отделения, говорилось, что податель «человек вполне надежный, партийный, если можно, пусти к себе на квартиру, он много расскажет новостей, а также постарайся направить его к Белобородову — к Ракаю»[149].

Другая записка была адресована членам отделения непосредственно. В ней М. И. Соловьев писал: «Проехал до Усолья благополучно, в Кизеле был задержан, все отобрали, одежду, деньги. Сижу в Перми по паспорту до получения справок; пока все идет благополучно. На днях буду освобожден и буду в Надеждинском. Связь имею, встретив дорогой знакомых.

Письмо посылаю через надзирателя — родственника коммуниста, человек вполне надежный, [так] что можно ему доверить. Наши живут хорошо, пока больше писать нельзя, когда буду на свободе, то постараюсь сообщить подробней, шлите денег немного на содержание или укажите, где бы можно получить.

Миша Надеждинский-Пашийский. Не знаю, дойдет ли это письмо или нет — шифровать не было времени»[150].

М. И. Соловьев был уверен, что скоро освободится, полагая, что он задержан лишь до выяснения некоторых формальностей и о его партийности белогвардейцы и не подозревают. Знакомство с агентом контрразведки он принимал за факт установления связи с подпольщиками. Вражеский разведчик явился в отделение бюро, предъявил записку Соловьева и «проинформировал» о «революционной» работе в Перми. Вражеский агент держался уверенно. Но у опытных партийцев его рассказ и поведение из-за некоторых несообразностей сразу же вызвали подозрение. Ко лбу мнимого подпольщика приставили револьвер и он сразу же сознался во всем, на допросе дал ценные для отделения сведения о положении в Перми. Разведотдел штаба Сибирской армии, находившийся в Екатеринбур-

ге, 5 февраля со сфабрикованными документами направил через линию фронта, в Вятку, своих агентов И. Г. Молева и Н. И. Наумова. Не исключено, что и они имели задание выявить отделение бюро ЦК [151].

После этого каждого человека, прибывшего с Урала и из Сибири как курьера, представителя какой-либо организации, члены отделения тщательно проверяли, опасаясь новой провокации. Так, внимательно были проверены документы А. И. Чижова (Арканников; Смирнов), посланного в ЦК с письменной информацией Сибирским областным комитетом партии. В связи с тем что Чижов жил и работал в Омске короткое время, он мало что знал о местных подпольных организациях. В беседе с членами отделения бюро ЦК показал неосведомленность по ряду вопросов, допускал некоторые противоречия. Вот почему члены отделения усомнились в принадлежности А. И. Чижова — курьера Сибирского ОК — к подполью, в подлинности его информации [152]. Направляя А. И. Чижова со своим посыльным в ЦК, руководители отделения написали: «Считаем нужным сообщить Центральному Комитету, что к ходокам из Сибири нужно относиться с чрезвычайной осторожностью, т. к. у нас был уже случай, когда пришедший ходок оказался агентом контрразведки белых»[153]. Проверка показала, что Чижов действительно был членом омской подпольной организации. В дальнейшем он некоторое время работал в бюро ЦК, а затем вновь отправился в Сибирь [154].

Об осведомленности колчаковцев относительно посланцев бюро ЦК и урало-сибирских организаций, провале части из них главным образом в прифронтовой полосе знали и руководители подполья. В тетради, отобранной колчаковцами при аресте члена Сибирского подпольного обкома РКП(б) А. Н. Усова (Будилин) в апреле 1919 г., значилось: «При отправке курьеров нам необходимо соблюдать самую строгую конспирацию, так как у белых получаются точные сведения о документах (бумагах и деньгах), с которыми едут курьеры. Много курьеров было арестовано на фронте. Колчаковские 1000-рублевые билеты более удобны к перевозке, чем керенские, потому отпечатайте их и посылайте нам вместе с керенскими»[155]. Во многом сходный текст содержится в письме члена обкома П. Ф. Парнякова в ЦК партии [156]. Приведенный нами текст (в тет-

ради) представлял собой или черновик письма Парнякова, оказавшийся у А. Н. Усова, или наброски собственного письма последнего в ЦК с использованием данных письма первого.

По получении сведений, в том числе копий приказов белогвардейского командования, свидетельствовавших об осведомленности врага относительно существования и деятельности Сибирского бюро ЦК и его отделения, руководители стали проявлять еще большую осторожность, особенно при подборе и подготовке коммунистов для работы в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

Находясь в тяжелом положении, дорожа каждым опытным коммунистом, дельным сотрудником или недопонимая значения работы во вражеском тылу, многие местные партийные и советские руководители направляли работников в распоряжение бюро ЦК с неохотой. Бюро и отделение с таким отношением к их нуждам не могли примириться.

Они не раз обращались за помощью в Центральный Комитет партии с просьбой посодействовать в откомандировании в их распоряжение того или иного работника. Так, ЦК помог отозвать с ответственной работы бывшего члена ЦК партии И. С. Белостоцкого (Сидоренко), П. И. Смирнова, Г. Е. Иванова, С. Г. Грачева (Петров), А. Ф. Фадеева и других, пожелавших отправиться в тыл врага. Удовлетворена была и просьба А. В. Шишкова, работавшего в наркомате внутренних дел Украины, который писал: «Я был бы очень рад теперь поехать, ибо сердцем, душою я ... там — в далекой, холодной, но родной Сибири»[157]. Члены бюро жаловались на то, что «людей у нас маловато, особенно годных на ответственную работу»[158] и настойчиво просили ЦК направлять в их распоряжение ответственных работников, чтобы создать «достаточный резерв»[159].

Центральный Комитет партии в начале 1919 г. разослал всем губкомам циркулярное письмо, в котором предлагал откомандировать в его распоряжение для подпольной работы старых нелегальных работников-добровольцев, известных губкому[160]. Это был важный практический шаг ЦК по привлечению опытных коммунистов в распоряжение Сибирского бюро ЦК.

В Москву в ЦК РКП(б) прибывают работники из Петрограда и других городов и направляются в Уфу

или Вятку. Так, во время пребывания Ф. И. Голощекина и Д. К. Гончаровой в марте 1919 г. в Москве с помощью работников ЦК было подобрано и направлено в бюро несколько коммунистов для ответственной работы и двое для работы в качестве связных [161]. В числе работников, в первые месяцы 1919 г. направленных в бюро и отделение Центральным Комитетом партии, были В. И. Хотимский (Белопольский), А. А. Григорьев, С. Г. Логинов, А. Я. Михеева, А. А. Карлов (Васильев), Д. Д. Киселев (Моцный) и др. Всех их откомандировали на Урал и в Сибирь с ответственными поручениями. Среди прибывших в бюро из Москвы был И. А. Ананьин (Ананьев) [162].

Но подавляющая часть работников для переправы во вражеский тыл была подобрана в Уфе и Вятке членами бюро и отделения при содействии местных партийных организаций и политотделов 5-й и 3-й армий. В числе первых в Сибирское бюро, как уже отмечалось, прибыли З. И. Лобков, бывший до начала гражданской войны одним из руководителей Омской (Акмолинской) областной партийной организации, и И. Б. Борисов (Цветков). Члены бюро для работы пригласили немало коммунистов Миньяра, Сима и других южноуральских заводов, находившихся в Уфе (например, К. М. Туманов, Ф. Е. Фатеев, В. П. Заикин, М. В. Летучев, Е. Е. Энтальцев и др.) [163], военных работников С. Д. Павлова, И. И. Антонова и др.

Развертывалась работа по подбору партийных кадров и в отделении бюро, однако вначале крайне медленно. Руководители партийных учреждений, к которым обращались члены отделения, дальше обещаний не шли. Отделение вынуждено было поставить вопрос о привлечении коммунистов перед местными руководящими партийными органами. Было созвано совещание представителей Уральского, Вятского губернского и городского комитетов партии. На нем выступил представитель отделения с разъяснением, какую сложную работу предстоит провести, чтобы создать или укрепить подпольные организации и группы на Урале. Он подчеркнул, что работа отделения бюро ЦК, и тем более предстоящая деятельность коммунистов во вражеском тылу, необычайно сложна и ответственна. Поэтому для ее проведения требовались наиболее опытные и абсолютно надежные, беззаветно преданные партии

работники. Участники совещания горячо откликнулись на просьбу членов отделения бюро и приняли соответствующее постановление. После этого в распоряжение отделения бюро стало направляться значительно больше коммунистов [164].

Партийными органами отбирались коммунисты из числа ответственных работников, в значительной части с дореволюционным партийным стажем. В их числе были члены партии с 1896 г. А. Ю. Юрш, с 1902 г.— М. П. Туркин (Турчанинов), с 1904 г. — Н. С. Завьялов, с 1905 г. — П. И. Смирнов, В. М. Лифанов, И. П. Маликов, с 1907 г. — А. Ф. Фадеев и др.[165] Некоторым коммунистам передавались соответствующие распоряжения. Таковое, например, 19 февраля было передано Г. Е. Иванову: «Согласно постановлению совещания областного и губернского комитетов партии вы отзываетесь из коллегии и передаетесь в наше распоряжение для выполнения ответственной партийной работы. Предлагаем Вам в кратчайший срок закончить Ваши дела в коллегии и явиться в наше распоряжение»[166]. Аналогичное отношение было направлено и в коллегию управления Камско-Воткинского горного округа, членом которой состоял Г. Е. Иванов [167].

В данном и других подобных случаях привлечение коммунистов на подпольную работу выглядело партийной мобилизацией. На деле все было несколько иначе. Такие жесткие распоряжения требовались главным образом для беспрепятственного и оперативного решения вопроса об освобождении коммунистов от выполняемой ими работы.

С явившимися в распоряжение отделения бюро ЦК коммунистами в обязательном порядке проводились беседы. Им указывалось на характер, трудности и большую опасность предстоящей работы. Если следовал отказ от выполнения предлагаемого поручения или проявлялись заметные колебания, боязнь, то такие работники возвращались на прежнюю работу [168]. Немало коммунистов отделением бюро было отобрано для работы из числа лиц, подавших заявления [169]. Вот одно из таких заявлений:

«В губернский комитет РКП (большевиков) члена РКП (большевиков) организации станции Вятка II Тарасова Павла Федоровича, № партийного билета

11 (Пермской организации)

Заявление.

Прошу губернский комитет РКП сделать все от него зависящее для того, чтобы иметь возможность быть связующим звеном между товарищами, работающими подпольно в тылу белых. Изъявляю желание посвятить себя этой работе.

2.III.19 г. Тарасов Павел»[170].

Просьба пермского рабочего, члена большевистской партии с мая 1917 г. П. Ф. Тарасова была удовлетворена.

Добровольцы прибывали и из некоторых прифронтовых партийных организаций. В феврале 1919 г. в ряде поселков побывал С. Ф. Баранов. В Верещагино он выяснил, что местный комитет РКП(б) уже предпринимал попытки послать на подпольную работу в белогвардейский тыл несколько работников. Но из-за отсутствия связей комитета с воинскими частями коммунисты задерживались заставами или разведкой. Была достигнута договоренность, что коммунисты, желающие отправиться на Урал, будут поступать в распоряжение отделения бюро. Рекомендованный Верещагинским комитетом РКП(б) и добровольно вызвавшийся пойти либо для связи, либо для постоянной подпольной работы на Урал член партии Ф. Т. Бессонов был сразу же направлен в Вятку. С. Ф. Баранов рекомендовал направить его в Чусовской завод, с тем чтобы оставленных там в свое время работников он разослал с поручениями по другим районам Урала[171].

В конспиративных целях в партийных организациях Вятки и других выбытие коммунистов, направленных за линию фронта, мотивировалось то срочной командировкой в Москву, то необходимостью неотложного лечения и т. д. Так, И. П. Маликову, являвшемуся председателем Вятского губсовпрофсоюза, специальным решением 18 мая был разрешен «месячный отпуск по болезни согласно заключению комиссии врачей»[172]. Отделение бюро брало на себя заботу о материальной поддержке семей коммунистов, отправлявшихся во вражеский тыл[173]. Пособие жене или старшему члену семьи коммуниста, посылаемого в тыл врага, отделение выдавало в сумме 600 руб., остальным членам семьи —

по 100 руб.[174] Матери двух сыновей-коммунистов, направлявшихся в тыл врага, был выдан документ:

«Удостоверение

Предъявитель сего Лидия Гавриловна Фофанова, мать коммуниста тов. Фофанова Николая, ныне находящегося в продолжительной командировке, отправляя партийное поручение по Особой комиссии Вятского губернского Военно-Революционного комитета.

Просьба ко всем организациям и представителям Советской власти оказывать тов. Фофановой всяческие законные требования.

Подпись: Уфимцев
25/V»[175].

На всех коммунистов для окончательного решения вопроса о посылке их на Урал запрашивались характеристики. От них требовалось поручительство нескольких членов партии. Выбор, как правило, оказывался удачным, и характеристики, поступавшие в отделение бюро, были исключительно положительными. Так, на запрос отделения о Ф. Г. Коркодинове секретарь Вятского общегородского комитета партии 19 апреля 1919 г. отвечал: «Я работал с тов. Коркодиновым на станции Пермь II в депо с 1911 г. С 1913 г. тов. Коркодинов начал посещать нелегальные собрания и принимал участие в агитации среди рабочих с 1915 г. по 1917 г. Во время моего пребывания на империалистических фронтах я не знал, как шла работа. Я приехал в конце 1917 г. и снова увидел тов. Коркодинова за работой, когда он уже был членом районного комитета Коммунистической партии и казначеем; среди товарищей пользовался общим доверием. Лично же я его знаю как испытанного, честного члена партии, ставшего с первых дней революции на платформу Советской власти»[176].

С помощью ответственных политработников подбор коммунистов производился и среди красноармейцев. Так, за несколько месяцев около 20 человек было направлено в отделение из Особой бригады 3-й армии[177]. Подбирал их чаще всего комиссар М. Н. Миков. В одной из сопроводительных на имя Н. И. Уфимцева Миков писал: «Посылаю Вам товарищей Старкова и Суханова. Оба товарища рабочие из Кизеловского угольного треста, коммунисты, конечно. В настоящее время были красноармейцами 22-го Кизеловского полка. Старков

работал в Кизеловских организациях безупречно. Член партии, а Суханов из Половинки. Один слесарь, и второй по лаборатории работает. Суханова хорошо знаем, сам тов. Старков и тов. Исупов рекомендуют также Суханова, как я Старкова. Глубоко надеюсь, что выполнят задачу, какая им будет дана»[178]. Кандидатуры В. Ф. Старкова и А. С. Суханова отделением бюро были одобрены. Принимались меры для подбора коммунистов из числа башкир и татар для работы среди населения и солдат, как принято было говорить, «мусульман». О направленном в отделение Хусаине Богданове председатель Вятского губернского бюро коммунистов-татар писал, что он «стойкий и безусловно надежный член нашей партии»[179]. Уже к началу марта 1919 г. в распоряжении отделения бюро оказалось около 40 человек. В результате тщательной проверки до десяти человек было отклонено по болезни, недостатку опыта и т. д. Некоторые из них были отосланы обратно и по политическим мотивам [180]. Так, А. А. Кожевникову было отказано в отправке на Урал в связи с тем, что в Коммунистической партии он состоял лишь с октября 1918 г., до того являясь левым эсером [181].

В подготовке коммунистов к подпольной работе в тылу врага принимали участие все члены Сибирского бюро и отделения и некоторые сотрудники. Мы уже отмечали, что в бюро ЦК особенно много в этом отношении было сделано М. А. Чистяковым. В подготовке к нелегальной работе руководителей групп участвовал и член бюро Ф. И. Голощекин. Налаживанием линий переправ, техникой перевода коммунистов через фронтовую линию в бюро занимались А. Я. Бакаев, Б. Норман, К. О. Эзерман и др.

В Вятке работу по подготовке коммунистов для нелегальной деятельности успешно вели А. А. Ляк, другие члены бюро, сотрудник С. А. Килин. В отличие от бюро отделение для переправы коммунистов на Урал ввело специальную систему резидентов. Резидентами были: на участке 30-й дивизии член партии с 1902 г. В. А. Иванченко, в 29-й дивизии — член партии с 1905 г. А. А. Пастоногов, а в Особой бригаде — ее комиссар М. Н. Миков [182]. Если первые двое были освобожденными сотрудниками отделения, то М. Н. Миков продолжал выполнять обязанности комиссара. Но под его руководством непосредственную работу развернул спе-

циально освобожденный от должности комиссара полка опытный коммунист кизеловец Н. П. Терентьев. Терентьев и сам переходил линию фронта, благополучно возвращался, принося ценные сведения для командования 3-й армии [183].

Коммунисты переходили в тыл колчаковской армии под видом кооператоров, купцов, студентов, крестьян-извозчиков, странников-богомольцев, бывших солдат, возвращавшихся из германо-австрийского плена и т. д. Довольно часто посланцы бюро ЦК, отделения снабжались документами военнопленных и включались в партии военнопленных, большими группами переходивших фронт. Колчаковцы отмечали, что «при известной изворотливости агенты красных, снабженные документами оставшихся в Советской России военнопленных, не могут быть изобличены ни самими военнопленными, в среде которых они находятся, ни тем более на пропускных пунктах фронта или беглом, хотя бы и подробном опросе»[184]. На опыте талантливо организованной Н. П. Терентьевым работы можно остановиться особо, как на примере, позволяющем хотя бы в минимальной степени представить ее сложность. Терентьев длительное время успешно «доводил» до полной готовности к работе в тылу белой армии работников, прибывавших из отделения и получавших там некоторые указания. Вместе с тем он организовал и их переправу за линию фронта. Для него обычно снимался отдельный домик где-либо на окраине деревни. В одном из писем М. Н. Миков А. А. Ляку писал: «Посылаю точный адрес конспиративной квартиры. В дер. Воробьи (1 1/2 верстах от Никольского).

Дом вдовы Оксиньи Воробьевой. На правой руке последний дом, в нем живет Николай Петрович Терентьев. Дом занимает он только один, хозяйка в другом доме живет. Теперь он не похож. Бороду сбрил, в кожаной тужурке. Публика чтобы к нему приезжала; он будет приезжать за мной. Ряд подготовительных работ ведет. Лошадь есть. Еще телегу купим. Вышлите мандат ему. Ему дал от себя временно»[185]. Такие мандаты-удостоверения отделения были даны и Микову, и Терентьеву, но ими разрешалось «пользоваться лишь в исключительных условиях»[186].

С Н. П. Терентьевым по прибытии жили и те, кому предстояло перейти линию фронта. Некоторое время

ему помогали в работе коммунисты Козлов и Плясунов [187].

Терентьев проявлял настоящее искусство, необычайную смекалку, умение определить: в какой одежде, под видом представителя какой профессии, сословия направить в тыл врага того или иного товарища. Нередко подпольщики маскировались под купцов, торговцев, переезды, «возвращение» которых в «колчакию» казалось бы естественным. В таком случае подыскивалась соответствующая одежда, делалась прическа, часто отращивалась борода, вырабатывались соответствующие манеры, «привычки», продумывалась умелая, «натуральная» демонстрация склонностей к религиозным обрядам и пр. Огромное значение имела работа над речью, словарем. «Купцу» положено было при случае в беседе с колчаковцами ругать Советскую власть за «отнятые» блага и хвалить колчаковцев за их возвращение, да так, чтобы все это было как раз в меру и не вызывало подозрений. А каково было это для убежденного коммуниста, люто ненавидевшего колчаковских изуверов! Но и этих внешних данных было недостаточно. Следовало обладать обширными сведениями из жизни купечества, знать «деятельность» торговцев хотя бы в одном каком-то городе, иметь сведения о ярмарках в Нижнем Новгороде, Ирбите и т. п.

Переходили линию фронта на участке Особой бригады коммунисты под видом возвращающихся из германского плена солдат, подводчиков, мобилизованных красными и теперь возвращающихся под Пермь. Если коммунист готовился к переходу в тыл белых под видом крестьянина-коновозчика, то для него доставали изнуренную лошадь распространенной на Северном Урале породы, старенькие покосившиеся розвальни, соответствующую сбрую. Большое внимание уделялось экипировке самого возницы. Приходилось одеваться в грязную, ветхую одежду, какой-нибудь потрепанный малахай, старый ватник со стегаными брюками, подшитые валенки, старую опояску и потрепанные рукавицы, причем такие, на которых были бы следы длительного обращения с вожжами. Нельзя было игнорировать самые что ни на есть кажущиеся мелочи. В частности, белье «крестьянин» должен был иметь обычное, домотканое. Перед отъездом к линии фронта «возница» основательно запускал себя: не брился, не стригся, от-

ращивал ногти на руках и ногах, не мылся по две-три недели в бане, чтобы выглядеть изнуренным, измученным длительной дорогой и лишениями крестьянином. Подпольщик усваивал мужицкие разговоры о земле, скоте. Причем речь должна была быть не только простой, крестьянской, но и содержать в себе местные диалектизмы. Были случаи, когда подпольщики маскировались и под священнослужителей, и если эта роль хорошо удавалась, то и шансы на успех были высокими. Ради этого стоило поработать. В результате подпольщик, в поясе или в поле пальто которого, скажем, был спрятан напечатанный на лоскутке шелка мандат с большими полномочиями, благополучно пробирался через многочисленные вражеские контрольные посты, выдерживал все проверки, допросы и обыски.

Сложной была подготовка подпольщика. Ошибка грозила гибелью. Сводилась на нет длительная, кропотливая работа. Цель не достигалась, приходилось все начинать сначала [188].

Члены и сотрудники бюро и отделения, сами коммунисты, готовившиеся к работе на Урале и в Сибири, тщательно, придирчиво проверяли внешний вид, манеры, документы... Иногда обнаруживался какой-либо промах уже на фронте, непосредственно перед преодолением коммунистом фронтовой полосы. В таких случаях приходилось возвращаться обратно. Так, М. П. Туркин обнаружил по прибытии на фронт, что в паспорте часть текста, в отличие от остальной, была заполнена чернилами иного оттенка. Это, по всей вероятности, произошло потому, что документ фабриковался в два приема, с разницей в один-два дня, за это время состав чернил несколько изменился. Пришлось вернуться в Вятку. М. Н. Миков и комиссар 29-й стрелковой дивизии А. Л. Борчанинов вернули в отделение бюро коммунистку Розенталь, так как не были уверены в ее безопасности: она имела явно городскую, интеллигентную внешность, а должна была выдавать себя за крестьянку [189].

Посланцам бюро ЦК и отделения предлагался примерный маршрут следования, вид транспорта. В связи с повальными проверками белогвардейцами документов в поездах, особенно перед въездом в крупные города, некоторые наиболее опасные участки подпольщикам приходилось преодолевать на подводах или пешком.

По характеру заданий и предстоящей работы коммунисты как бы делились на шесть групп: руководители подпольных организаций (резиденты), остальные участники подпольной работы (организаторы), агенты со специальными разовыми заданиями, связные (курьеры, ходоки), разведчики и бойцы, члены партизанских, подрывных групп и отрядов, в которые входило немало и беспартийных. Следует добавить, что предусматривалась посылка (самим бюро) за линию фронта работников со специальной военной подготовкой. Но, во-первых, таковых было подобрано буквально несколько человек, во-вторых, задачи военно-боевой работы осуществлялись многими коммунистами из «невоенных», и особенно партизанскими и подрывными отрядами. Поэтому вряд ли целесообразно рассматривать эту группу отдельно. Пять из отмеченных шести (помимо третьей) групп особенно четко выделялись отделением бюро.

Посланные Сибирским бюро ЦК работники в подавляющей части поступали в распоряжение местных партийных комитетов и вместе с ними решали поставленные задачи. Только в нескольких случаях посланцы бюро ЦК получали задание сплотить и самим возглавить подпольные организации тех районов, куда они направлялись. Такие действия бюро объяснялись тем, что в непосредственно «подведомственных» ему районах (Сибирь, Южный Урал) имелись более крупные и сильные подпольные организации.

На Среднем же и Северном Урале, т. е. в районах деятельности отделения, во многих городах и заводских поселках достаточно организованного и сильного подполья не было или, во всяком случае, отсутствовали сведения о нем. О существовавших в этих районах подпольных организациях отделение бюро точными сведениями в начале своей деятельности не располагало. Вот почему отделение, как выражались его члены, проводило «колонизацию» Урала [190]. В каждый из 9 районов, на которые был разделен Средний и Северный Урал, посылались группы коммунистов в составе резидентов — руководителей всей подпольной работы и организаторов. Опираясь на коммунистов-организаторов, резидент должен был установить связь с подпольными группами, если они в районе имелись, создать единую систему организаций. В случае, если большевистское подполье

в районе отсутствовало, его предстояло создать, вовлекая в организацию оказавшихся во вражеском тылу членов Коммунистической партии и беспартийных, сочувствующих Советской власти, активных представителей трудящихся города и деревни.

Для поддержания связи между отделением бюро ЦК и резидентом, всей подпольной организацией, доставки информационных сведений выделялись коммунисты-ходоки. В докладе отделения, посланном в бюро ЦК, отмечалось: «Организаторы, по нашей мысли, должны возможно плотнее подойти к рабочей массе, разобраться в ее настроениях, нащупать почву, выяснить, не ведется ли партийная работа, и приступить к организации партийных ячеек. Они выполняют, так сказать, черновую работу. Резидент же является руководителем, связью между работниками и нами и информаторами. Для связи с товарищами в тылу, получения от них информационного материала и пр. подбираем ходоков в возможно большем количестве, дабы связь была живая, постоянная»[191].

Работники отделения бюро составили для коммунистов, направлявшихся во вражеский тыл в качестве резидентов, специальные карты с указанием тех городов, поселков и крупных сел, которые входили в тот или иной район и которые предстояло охватить подпольной работой. Составлены были также схемы-таблицы, позволявшие лучше ориентироваться в районе, удачнее выбирать первостепенные объекты для революционной работы, зная о примерной численности рабочих на них, и т. д. Приведенные данные оказались весьма приблизительными. Они в основном относились к началу гражданской войны и для 1919 г. были сильно завышенными. Однако даже приближенные сведения представляли немалую ценность для партийцев, обязанных наладить подпольную работу в указанных районах.

Сибирское бюро и отделение разработали систему шифров и пароли для участников подполья, чтобы обезопасить подпольные организации от провала. Каждой группе давался шифр в разном ключе. На случай передачи подробной письменной информации, директивных указаний требовалось обязательно прибегать к шифру. Группе коммунистов, направлявшихся на Южный Урал, для переписки, конспиративной информации был установлен шифр с использованием поэмы

М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Способ шифрования: «...первые 30 строк нумеруются (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и т. д.), в каждой строке нумеруются буквы, за исключением знаков, пишется дробь, причем верхняя цифра (числитель) означает строку, нижняя (знаменатель) означает буквы в строке. В каждом слове впереди и позади слова ставится произвольная дробь. Слово, включая и произвольные цифры, отделяется тире»[192].

Пароли, дававшиеся подпольщикам, чаще всего отличались внешней простотой. Они выглядели обычными разговорными фразами и не вызывали подозрений. В случае обращения с паролем к случайному человеку риск подпольщика был невелик: его вряд ли могли в чем-либо заподозрить. Продуманной была и система явок и встреч участников подпольной работы. В качестве резидента в Тагильский район был направлен М. П. Туркин. Поступившему позднее в его распоряжение коммунисту И. Ф. Колпащикову дали пароль: «Мы, кажется, встречались в Екатеринбурге?» На это должен следовать ответ: «Может быть, в 12-м году я был там». Явка И. Ф. Колпащикову была дана в читальный зал библиотеки Нижнетагильского завода, куда следовало приходить за час до закрытия. М. П. Туркин должен был сидеть в зале с перевязанным белой тряпочкой средним пальцем на правой руке. Если бы его там не удалось встретить, то тогда необходимо было отправиться на железнодорожный вокзал и посмотреть надписи на стене около станционного колокола. Там могло быть условное указание, куда выехал резидент[193].

Для бюро ЦК и отделения на всем протяжении их деятельности сложной и первостепенной проблемой было получение и вручение отправляющимся во вражеский тыл коммунистам явок в подпольные организации Урала и Сибири. На первых порах бюро пользовалось в основном явками, которые осенью 1918 г. были оставлены в ЦК А. Я. Валеком, Е. С. Федоровой, Д. Д. Киселевым, в декабре—январе переданы А. Я. Бакаевым, К. О. Эзерманом и другими. Среди них были явки в Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Челябинск, даже к интернационалистам-чехословакам, например, к писарю Сметане при чешском штабе в Челябинске. Не-

которые явки были к руководящим подпольным работникам Сибири: В. С. Митряеву, К. М. Молотову, М. М. Рабиновичу и др.[194] Но явки, переданные А. Я. Валеком и другими, относившиеся в основном к лету, началу осени 1918 г., даже к январю 1919 г., частично устарели: некоторые из названных работников по указанным адресам уже не проживали, переехали в другие города, иные были арестованы.

Отделение бюро в Вятке пользовалось явками, которые имелись в Уральском областном комитете партии или были переданы представителями подпольных организаций, прибывшими с Урала (С. Малышевым, П. Г. Поздиным и др.). Они были оставлены партийными организациями при их эвакуации. В крайних случаях приходилось указывать адреса просто коммунистов, чаще женщин, оставшихся дома, беспартийных, не посвященных в тайны подпольной работы горожан или крестьян, на честность которых можно было положиться. Позднее бюро ЦК и отделению были сообщены новые явки через курьеров. В связи с нередкими провалами отдельных подпольных организаций и другими причинами, в том числе сменой явок по конспиративным соображениям, бюро и отделение пользовались явками с большими предосторожностями. Вопрос о получении новых явок постоянно был в центре внимания. Опыт говорил о том, что коммунисты, посланные на Урал и в Сибирь без явок, нередко возвращались, так и не добившись встречи с представителями подпольных организаций [195].

Подпольщикам-разведчикам, посылавшимся преимущественно отделением бюро ЦК, давались поручения побывать в определенных районах и городах, на военных объектах, собирать информацию военного, политического и экономического характера. Некоторые из разведчиков направлялись в прифронтовую полосу, другие — в глубокий тыл противника. В отдельных случаях им давались явки к участникам подполья для кратковременной остановки по пути следования и получения заранее собранной информации местной организацией.

Урало-Сибирское бюро, вырабатывая у коммунистов навыки подпольной работы, требовало, чтобы они собранные сведения не записывали, а запоминали. Если этого сделать кому-то не удавалось или информация

была обильной, содержала много цифр и географических пунктов, то в таком случае предусматривалось прибегнуть к иносказательной записи. Часто шифровку приближали к обычному тексту при переписке или к заметкам коммерсанта. Одному из коммунистов, направленному с разведывательным заданием в Сибирь, бюро дало такой шифр. Было перечислено и пронумеровано 17 крупнейших городов Сибири. Вместо названия города указывался его условный номер. Если в городе формировались добровольческие части, то об этом следовало писать: «Чай у фирмы шурина купить можно». Успешно развертывающаяся мобилизация выражалась словами: «Средних сортов много». Фраза: «Высоких сортов мало» — обозначала, что мобилизация идет плохо, срывается. Соответствующие обозначения были даны формированию из добровольцев и из насильно мобилизованных. Численность гарнизонов обозначалась количеством фунтов чая на складе под каким-то определенным номером, под которым следовало понимать название определенного города. При этом можно было в записи указывать и на род войск. Под «кирпичным чаем» следовало понимать артиллерию, под «кофе» — кавалерию, «кофе мокко» — пехоту и т. д.[196]

В обстановке постоянной угрозы арестов и обысков, в которой предстояло действовать коммунистам, во время инструктажей им советовали необходимые записи делать не на бумаге, а на ткани и вшивать ее в одежду, прятать под подметкой обуви и т. д. Нащупать лоскут ткани было почти невозможно, а распарывать одежду белогвардейцы у каждого заподозренного, которых хватали везде и всюду сотнями и тысячами, были не в состоянии. Руководители подпольных организаций, работники Сибирского бюро ЦК и отделения иногда прятали в одежду курьеров записки, информацию, цифры, пароли, не ставя их об этом в известность. Так, во избежание провокации ходокам, служившим связью между отделением бюро и подпольной группой «Иван», в рубашку зашивалась парусинка с надписью «Иван». Ходокам-женщинам лоскуток с такой надписью вшивали в пояс платья [197]. С той же целью предупреждения проникновения в бюро и отделение провокаторов на мандатах ставился совершенно неприметный, но известный на пункте прибытия условный знак[198].

При инструктировании, обучении коммунистов, особенно молодых, не прошедших суровой школы подпольной революционной борьбы, указывалось на необходимость соблюдения осторожности, осторожности в дороге и на месте работы, днем и ночью... И в то же время осторожность необходимо было сочетать с революционной смелостью и решительностью. Осторожность революционера должна выражаться в умении конспирироваться, распознавать друзей и врагов, в точном и безошибочном расчете при разработке плана своих действий, тем более операции для группы подпольщиков или целой организации.

Таким образом, процесс подготовки коммунистов к подпольной работе, проводившийся Сибирским бюро ЦК РКП(б) и его отделением, был чрезвычайно сложным. Эта работа требовала своего рода ювелирного мастерства и точности. Члены и сотрудники бюро и его отделения под руководством и с помощью ЦК партии настойчивым и кропотливым трудом завершили подготовительную работу по засылке в тыл врага коммунистов. Они приступили к непосредственной реализации разработанного плана действий по руководству подпольной работой коммунистов и революционной борьбой трудящихся в тылу противника.

Глава вторая

БЮРО ЦК И ЕГО ОТДЕЛЕНИЕ ВО ГЛАВЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ ЗИМОЙ И В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ 1919 г.

1. Деятельность бюро ЦК до его временной ликвидации

С самого начала практической деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) и его отделения коренной и наиболее сложной задачей была переправа через линию фронта подготовленных для этого коммунистов.

Если успех подготовки коммунистов к подпольной работе почти целиком зависел от бюро, отделения, то организация их переброски — от отношения к этому командования, политработников воинских частей, а также от многих непредвиденных обстоятельств. Имели место случаи вмешательства в дела бюро со стороны отдельных военных работников. Коммунисты В. А. Иванов и И. И. Сакулин — посланцы отделения бюро ЦК — были задержаны одним из советских командиров. Не обращая внимания на мандаты, он пытался арестовать их и отдать под военно-полевой суд. В одном из докладов отделение бюро констатировало: «Нужно признать, что военные власти не всегда охотно оказывают содействие, а еще хуже того то, что у переходящих товарищей особые отделы армии подчас требуют объяснения, куда и зачем отправляемые товарищи идут... и почему необходимо, чтобы ЦЕКа снабдил нас документами, которые гарантировали бы наших посыльных от обысков и прочего»[1].

В дальнейшем положение нормализовалось. Политотделы и комиссары частей стали оказывать действенную помощь бюро ЦК. Бюро ЦК имело возможность через Ф. И. Голощекина (комиссара Уральского округа), И. Н. Смирнова (члена Реввоенсовета Востфронта) снабжать своих посланцев мандатами и удостоверениями. Важно было привлечь к работе по оказанию помощи отделению и бюро постоянный и ограниченный круг людей. Этого требовала конспиративность.

Отделение бюро ввело систему резидентов как своих представителей и руководителей переправы на том или ином участке фронта. Резиденты имелись в 29-й и 30-й дивизиях, в Особой бригаде [2]. Выше уже говорилось, что резидентом на участке Особой бригады являлся ее комиссар М. Н. Миков. В дивизии были посланы специальные освобожденные работники. Так, резидент отделения бюро в 30-й дивизии член партии с 1902 г. В. А. Иванченко за два месяца работы организовал переправу нескольких коммунистов [3]. В одном из писем, доставленных в 30-ю дивизию с коммунистами Ф. И. Швецовым и И. Вахрушевым, которым предстояло перейти линию фронта, говорилось: «Тов. Иванченко. Предъявители сего тт. Швецов и Вахрушев командированы нами по ту сторону фронта. Примите все меры к тому, чтобы они перешли благополучно. Постарайтесь установить, благополучно ли они перешли. Сообщите нам, как вы там устроились, каково к вам отношение в дивизии. Нет ли каких-либо сведений о положении Перми и вообще Урала? Старайтесь во всей работе соблюдать полнейшую конспирацию» [4].

Однако затем выяснилось, что В. А. Иванченко предъявляемым требованиям не вполне удовлетворял. Он с трудом налаживал связи с военными работниками и выполнял задания отделения, тогда как в этом деле требовалась большая оперативность. Одной из основных причин слабой работы В. Иванченко было то, что он являлся новым человеком в дивизии. Опыт работы М. Н. Микова на участке Особой бригады, помощь отделению, его официальному резиденту, члену партии с 1905 г. А. А. Пастоногову со стороны комиссара 29-й дивизии А. Л. Борчанинова свидетельствовали о том, что в качестве резидентов целесообразно было использовать «местных» и ответственных военно-политических работников. Отделение бюро произвело замену

В. А. Иванченко на посту резидента начальником политотдела 30-й дивизии Невельсоном.

Значительный интерес представляет инструктивное письмо, направленное Невельсону отделением бюро. Главными задачами резидента были такие: 1) переправлять посылаемых работников с наибольшей гарантией безопасности и обеспечением незаметного для белых перехода линии фронта; 2) принимать приходящих с той стороны ходоков и курьеров и отправлять их под конвоем к нам; 3) если окажется возможным, организовать с помощью местных жителей связь с тылом, дабы пользоваться этой связью для проверки — насколько благополучно проходят фронт коммунисты. Техническую сторону постановки этой работы отделение возлагало на нового резидента, подчинив ему в качестве сотрудника В. А. Иванченко.

Следовательно, вопрос с резидентством в 30-й дивизии был решен так же, как ранее в Особой бригаде: резидентом стал один из наиболее ответственных военно-политических работников соединения. Он продолжал выполнять свои основные функции, а в работе, связанной с отделением, опирался на освобожденного от всяких других служебных обязанностей сотрудника. Невельсону на расходы было передано 15 тыс. руб. Отделение предупреждало, что работу необходимо вести строго конспиративно.

Опираясь на резидентов дивизий и Особой бригады, отделение переправило на их участках на Урал и в Сибирь основную часть подпольщиков. Особенно много было сделано М. Н. Миковым. Объяснялось это и благоприятной обстановкой на левом фланге фронта, ибо в районе Чердыни и Соликамска сплошной линии фронта не было. Здесь оперировали и регулярные отряды белых, перемещавшиеся с одного участка на другой. Однако из-за отдаленности и бездорожья этот участок имел и свои теневые стороны. Несмотря на большую опасность перехода на участках 29-й и 30-й дивизии, отделением они также использовались. Близко расположенные города и железнодорожные магистрали позволяли подпольщикам быстро добираться до места назначения.

В отдельных случаях, особенно когда в тыл врага переправлялись известные партийные и советские деятели Западного и Северного Урала, которые могли быть

опознанными по пути следования, отделение бюро обращалось за помощью к политработникам соседней 2-й армии. Несколько коммунистов из Вятки было направлено в само бюро для переправы на участке 5-й армии[5]. Так, М. П. Туркин и Н. В. Жужгов 10 марта из Вятки были направлены в Уфу с просьбой к членам бюро переправить их на своем участке. В письме отделения, врученном сотруднику А. М. Батагову, говорилось: «Туркин и Жужгов едут для работы на Урал в Тагильский район (заводы Невьянский, Тагильский, Нижне- и Верхне-Салдинские и др.), и им необходимо оказать содействие в переходе фронта. Послать этих товарищей через 3-ю армию мы не решились по некоторым соображениям, а главным образом потому, что условия для перехода здесь вообще неблагоприятны. Это во-первых. Во-вторых, Туркин и Жужгов могут встретить среди белогвардейцев нашего фронта людей, их знающих, и, в-третьих, через существующие у нас переправы мы направили уже ряд товарищей и считаем за лучшее временно воздержаться от пользования ими... Между прочим, просим с тов. Батаговым сообщить нам, можем ли мы изредка в будущем пользоваться вашими переправами, и не целесообразнее ли будет, если мы будем направлять их непосредственно к месту и лицу, заведующему переправой, а не через Уфу»[6]. Позднее на участок 5-й армии посылались и другие коммунисты.

Организация переправы коммунистов Сибирским бюро была несколько иной. К этой работе здесь также привлекались политработники и командиры. Однако непосредственными исполнителями являлись разъездные сотрудники — А. Я. Бакаев, К. О. Эзерман, Э. С. Гольцман и другие, о которых уже шла речь. Они в первые же недели работы бюро нащупали участки, наиболее удобные и безопасные для перехода. В январе—феврале 1919 г. сделать это было нетрудно, так как сплошной линии фронта на участке 5-й армии в то время не существовало. В докладе Центральному Комитету партии о работе Сибирского бюро за январь отмечалось: «В Уфимском направлении нами организуются две границы (т. е. линии, направления. — *И. П.*), через которые пройдет вся работа»[7].

Указанные участки находились в районе сел Никольского и Темясово, соответственно северо-восточнее и юго-восточнее Уфы[8].

Представители бюро с помощью местных подпольщиков сделали первые шаги по созданию цепочки от этих сел, удерживаемых советскими войсками, на десятки километров в глубину вражеского фронта. В селах создавались пункты-явки у надежных крестьян. По пути следования от линии фронта до крупных центров (Златоуста, Челябинска) коммунисты получали поддержку и помощь, в том числе и подводы от крестьян— членов подпольных революционных групп. Одним из проводников южной линии переправы в районе д. Темясово был крестьянин Итмухаммет Мижавиров. Ему была доверена переправа нескольких видных коммунистов, и он с поручениями справился успешно [9]. Помогали бюро ЦК и другие крестьяне-башкиры. В районе Никольского в качестве проводников также привлекались местные крестьяне и рабочие Симско-Миньярского заводского района. Этот участок был особенно удобен, ибо на востоке от него начинался большой лесной массив. К тому же народ был настроен революционно, сочувствовал коммунистам.

Около месяца успешно использовались обе линии переправы, но в конце февраля начались осложнения. В связи с усиленной подготовкой колчаковцев к весеннему наступлению на фронт прибывали новые белогвардейские части. Обнаженные участки фронта заполнялись. В самых что ни на есть медвежьих углах стали появляться заставы и разъезды. В 20-х числах февраля члены бюро вынуждены были отметить, что проникнуть в тыл вражеской армии довольно трудно из-за уплотнения фронта. В дальнейшем в каждом отдельном случае приходилось отыскивать новые пункты по фронту 5-й армии. Прежними линиями, особенно северной, пользоваться стало крайне опасно, ибо белогвардейцы узнали, что здесь проходят коммунисты и рабочие южноуральских заводов. В конце февраля командование 6-го белогвардейского корпуса решило перекрыть путь из Никольского в Миньяр и расквартировать здесь даже в мелких поселках воинские части и подразделения [10].

В материалах бюро, воспоминаниях участников революционной борьбы против Колчака встречаются интересные данные о том, как осуществлялся переход линии фронта, какие огромные трудности приходилось преодолевать коммунистам. В конце января 1919 г. во вражеский тыл были направлены один из старейших

членов Миньярской организации большевиков К. М. Туманов и коммунист И. Б. Борисов-Цветков. Следует отметить, что бытующее до сих пор мнение, будто Борисов — питерский рабочий, присланный в Уфу из Москвы, новый человек для Урала и Сибири, не соответствует действительности. Выяснилось, что, во-первых, его подлинная фамилия именно Борисов, а не Цветков (это — нелегальная фамилия), во-вторых, вопрос о направлении его для нелегальной работы в тыл врага был решен еще 2 декабря 1918 г. в Перми. Уралобком партии направил в военно-полевой контроль 3-й армии документ, в котором говорилось, что он «рекомендует Ивана Борисова для работы по организации партийных ячеек в тылу противника»[11]. Борисов был, очевидно, уральцем или сибиряком, отступившим вместе с красногвардейскими отрядами на Урал. В Уфу Борисов приехал в январе из Вятки, видимо, вместе с Ф. И. Голощекиным и З. И. Лобковым.

В делах бюро ЦК сохранилось сфабрикованное удостоверение, подлежавшее выдаче И. Цветкову, в котором говорилось, что он «служил в акционерном обществе соединительно-кабельных заводов с 20-го июля 1910 г. по 27 сентября 1917 г.»[12]. Возможно, другой экземпляр такого документа был выдан Борисову. Известно, что в судебно-следственных материалах колчаковцев он фигурирует под той и другой фамилией. Так его знали узники Омской тюрьмы, подпольщики города. Судя по всем данным, Борисов был очень опытным и авторитетным коммунистом.

И. Б. Борисов получил задание доставить в распоряжение Сибирского ЦК РКП(б) деньги (200 тыс. руб.), проинформировать его работников о событиях на фронтах республики и затем включиться в подпольную работу на Западно-Уральской железной дороге[13]. Ему был вручен мандат бюро ЦК, написанный на куске холста[14]. Есть сведения, что с ним направлялась в тыл врага и жена — М. А. Борисова. В источниках говорится, что в Челябинске они были вместе. Не исключено, конечно, что с женой Борисов мог встретиться в Челябинске или его районе.

К. М. Туманову было вручено 200 тыс. руб. и поручено передать миньярским коммунистам указание о переправе части денег, хранившихся ими, вместе с названной суммой подпольным организациям Урала и

Сибири. Переправа И. Б. Борисова и К. М. Туманова была возложена на А. Я. Бакаева. Все трое выехали из Уфы в с. Никольское[15]. В тыл белогвардейцев И. Б. Борисов и К. М. Туманов были переправлены с некоторым разрывом во времени. Первым с проводником отправился Борисов. Он благополучно добрался до Аша-Балашевского завода и по данной ему в бюро явке связался с местной подпольной большевистской организацией. Он сообщил, что следом идет известный ашинцам К. М. Туманов, и просил организацию помочь добраться до Златоуста и далее — до Челябинска. Но местные подпольщики, опасаясь провокации, решили подождать прибытия К. М. Туманова и выяснить личность прибывшего. И. Б. Борисов был переведен в один из куреней, где и находился под строгим наблюдением[16]. К. М. Туманов с проводником Денисом Гайтановым 1 февраля в 2 часа дня вышел на лыжах из д. Зоринской и лесом направился в горы[17]. Сначала все шло благополучно, но в районе д. Средняя Лемеза на лесной дороге Туманову и Гайтанову неожиданно встретились конные казаки — до 10 человек. К. Туманова и проводника задержали, стали расспрашивать, кто они, откуда, куда идут? К. М. Туманов впоследствии вспоминал: «Я стал рассказывать, что я беженец и живу три года на Манегоре»[18], а работаю в этих лесах Балашевской дачи, в ободном заведении в местности Курышка. Тогда мне задают вопрос:

— А кто на Манегоре?

— Красные, отвечаю.

— Как ты сюда попал?

— Я им отвечаю, что я пошел к Манегоре к своему семейству, прожил там два дня, а в это время красными войсками была занята наша местность, и мне пройти оттуда без пропуска было невозможно... Я и решил идти не по дороге, а на лыжах.

— А второй кто?

— А второй — мой рабочий, постоянный житель Манегоры.

Нас все же взяли и повели в белогвардейский штаб. Дело приближалось к вечеру. Впереди ехал конный казак, а мы с лыжами на плечах следовали за ним. На одном из поворотов я, подмигнув своему товарищу, надел лыжи и спустился по горке в лес. За мной последовал и Денис. Преследовать нас казаки не могли,

так как снег был глубокий, а лыж у них не было. Стрелять же в лесу из-за темноты было делом безнадежным.

Долго плутали мы по лесам, скрываясь от белых. В конце концов я прибыл в Углежегную дачу Виляй, в 25 верстах от Аша-Балашевского завода»[19].

До Аша-Балашевского завода К. М. Туманов добрался лишь через 2 дня после И. Б. Борисова (Цветкова). По его прибытии И. Б. Борисов был снабжен документами, отправлен в Златоуст[20]. Некоторое время Туманов пробыл на Аша-Балашевском заводе, затем 4 февраля его благополучно доставил в Миньяр на своей подводе коммунист Н. П. Сулимов.

Как видно из приведенного случая, несмотря на задержание посланца бюро ЦК, в конце концов все обошлось. Но случалось и иначе. Отделение бюро ЦК весной 1919 г. подготовило и переправило для работы в Екатеринбурге группу коммунистов во главе с членом партии с 1905 г. П. И. Смирновым. По прибытии в Екатеринбург он должен был установить связь с местным подпольем, если такое окажется, создать крупную организацию, отыскать склады оружия, оставленные летом 1918 г., подготовить в городе вооруженное восстание и поднять его в момент приближения фронта.

Склады оружия находились в Сысертском заводе и Екатеринбурге. О местонахождении сысертских складов знал В. И. Печерский, а екатеринбургских — В. П. Мельников. Как вспоминал Печерский, он по поручению обкома партии в июле 1918 г. создал два склада близ Сысерти (у кварцевого прииска на Черновской горе, в шахте, и на руднике по Черновской дороге). На складах хранилось 300 винтовок, 8 пулеметов, 6 ящиков с гранатами и другие боеприпасы. Печерский участвовал и в создании склада в окрестностях Екатеринбурга — «за Шарташским озером»[21]. Склад, которым ведал молодой коммунист В. П. Мельников, находился на противоположной окраине города — за Верх-Исетским заводом.

Группа П. И. Смирнова, зашифрованная под именем «Иван», должна была связаться, в частности, с Мельниковым через наборщика М. Н. Половоротова или А. П. Ярцеву (сестру Мельникова). При встрече с Мельниковым (проживал на ВИЗе, ул. Матренинская, 4) представитель группы должен был сказать, что он послан от Уфимцева и просит оружие (Н. И. Уфимцев

летом 1919 г. руководил организацией складов и инструктировал В. П. Мельникова и В. И. Печерского).

В Екатеринбург были даны также явки к С. Д. Морозовой по адресу: Солдатская ул., угол Пушкинской (квартира Сабулева), к М. А. Банцыреву (2-я Береговая ул., электростанция), И. И. Зыкову (Дубровинская ул., 23), в д. Воронино — к П. П. Белоусовой, в д. Шайтанка — к Н. М. Зобнину, в с. Северо-Каневское — к В. А. Узянову, кроме того, явки на Черноисточнинском, Режевском и Нижнетагильском заводах и др.[22] Главной была явка к Соне Морозовой, молодой, отважной подпольщице (к тому времени она уже погибла, о чем в отделении бюро не было известно). Пароль был: «Извиняюсь, не были ли Вы в Екатеринбурге?», ответ: «Нет, я уроженка Екатеринбурга»[23].

Отделение бюро ЦК рассчитывало, что через группу «Иван» удастся установить связи подпольных организаций Среднего и Северного Урала с Сибирью. Помимо П. И. Смирнова в группу вошли опытные коммунисты, находившиеся до того на ответственной партийной работе в Вятке — В. М. Лифанов, С. Г. Грачев, Г. Е. Иванов, а также В. П. Андреева[24]. Все члены группы получили фиктивные паспорта на вымышленные фамилии. В частности, П. И. Смирнов по паспорту был В. Г. Борисовым. В. П. Андрееву, которая имела маленького ребенка, вписали в его паспорт как жену. По замыслу отделения бюро, эта «супружеская чета» в Екатеринбурге должна была снять квартиру, а остальные члены группы жить у них под видом квартирантов-«нахлебников». Через фронтовую линию группа перешла благополучно. Однако каждый последующий шаг приближал группу к трагическому концу. Ее члены были опознаны одним из офицеров Чердынского белогвардейского полка. Во время обыска один из белогвардейцев нашел спрятанные В. П. Андреевой в прическе документы: мандат отделения бюро, выданный П. И. Смирнову, адреса явок в Екатеринбурге и к Г. Л. Гудыреву в Уфалей через Челябинск. В складках кофточки и сорочки у Андреевой были обнаружены инструкции, пароли и шифр. У нее изъяли 118,5 тыс. руб.

Задержанных коммунистов препроводили в контрразведку. Начались избиения, пытки. Держались коммунисты стойко. Они знали, что казнь неминуема, но не дали дополнительных сведений о лицах, указанных

в явках, о деятельности отделения Урало-Сибирского бюро ЦК. Но Андреева проявила малодушие (вполне возможно, что белогвардейцы угрожали убить ее ребенка) и рассказала обо всем, что знала, в том числе о некоторых лицах, готовившихся в отделении бюро к переходу линии фронта[25]. Белогвардейцы бросили Андрееву с ребенком в Пермскую тюрьму, а других расстреляли[26]. Используя полученные сведения, колчаковцы произвели несколько арестов, усилили внимание к прифронтовой полосе и северному участку фронта.

Отправка коммунистов во вражеский тыл была раньше начата Сибирским бюро, нежели его отделением. В конце января через линию фронта на Урал и в Сибирь кроме К. М. Туманова и И. Б. Борисова для работы в Челябинске и Златоусте и передачи организациям 50 тыс. рублей был послан Алексеевский (Тренин). В район между Челябинском и Екатеринбургом для работы направлены Филиппов и Удалов[27].

А. И. Катунин (Агибалов) использовал ту же линию, что и Алексеевский: Архангельск, Коварды, Тайшево, Калашнино, Аисово, Нукатово, Усшангалино, Белорецк, а оттуда уже по узкоколейной железной дороге — на Златоуст и Челябинск[28]. Он прибыл в Уфу из Москвы, имея поручение от Наркомата по иностранным делам, и должен был пробраться в Благовещенск. В Сибирском бюро получил дополнительные задания и 50 тыс. рублей для передачи подпольному центру в Омске. Это было выполнено, что зафиксировано в документах подпольного обкома (ЦК)[29]. Из Омска А. И. Катунин проехал на Дальний Восток, в Благовещенск. Он выполнил поручение, данное ему в Москве, и включился в подпольную работу, которой мы еще коснемся. Здесь можно лишь указать, что благовещенскими подпольщиками, в том числе А. И. Катуниным летом 1919 г. через фронтовую линию для связи, передачи и получения информации была послана его жена[30]. В резерве бюро для посылки на Урал и в Сибирь в начале февраля находились З. И. Лобков, М. С. Иванов, прибывший из Челябинска, Э. С. Гольцман, курьер А. Я. Михеева и коммунисты Симско-Миньярского заводского района[31].

С первыми переправленными через фронтовую линию коммунистами Сибирское бюро передало следующие директивные указания (о них говорится в одном

из докладов бюро Центральному Комитету партии): «Мы, во-первых, предложили изменить название ЦЕКа на областной комитет, работающий под руководством Бюро ЦК; во-вторых, высказались против эксов, индивидуального террора и изолированных в глубоком тылу восстаний рабочих и солдат в городах и предложили поддерживать крестьянские восстания в деревнях, а восстания рабочих и солдат в городах и заводах поднимать в близком тылу, в связи с военными действиями; в-третьих, использовать капитуляцию с.-р. в военно-техническом смысле и дать отпор развращающему влиянию направления Шумяцкого»[32].

Необходимость в этих указаниях возникла в результате анализа материалов, поступивших в бюро ЦК в середине января из Сибири, доклада подпольного центра, резолюций I Общесибирской (II Сибирской) нелегальной большевистской конференции. Эти документы, устное сообщение курьера о положении в подпольных организациях и в тылу колчаковской армии в целом свидетельствовали о подъеме революционного движения, решимости коммунистов к дальнейшей борьбе против Колчака и интервентов. В явном противоречии с ними находилось письмо Шумяцкого, в котором положение изображалось так, что у коммунистов не будет перспектив на успех, если они не сблокируются с мелкобуржуазными партиями.

Сибирское бюро разобралось в сущности спора между руководителями подполья и оппортунистом и пришло к выводу, что Б. З. Шумяцкий неверно характеризует положение в Сибири, отстаивает антипартийные взгляды по вопросу об отношении к меньшевикам и эсерам. Бюро потребовало дать отпор Шумяцкому, продолжать борьбу с мелкобуржуазными партиями, в то же время используя поиски ими связей с коммунистами для усиления натиска на контрреволюцию.

Высказываясь против проведения экспроприаций, индивидуального террора, допускавшихся решениями Общесибирской конференции, бюро ЦК внесло в тактику большевистского подполья коррективы, в то же время проявило заботу о повышении авторитета коммунистов среди населения и предотвращении распыления сил, потерь в их рядах. Потребность же подпольных организаций в денежных средствах Сибирское бюро намерено было быстро и полностью удовлетворить.

Бюро ЦК сочло необходимым высказаться против изолированных вооруженных восстаний в отдельных городах на большом удалении от фронта, так как они терпели поражение. Подпольным организациям предлагалось поднимать восстания рабочих и солдат тогда, когда к данному городу приблизится фронт, чтобы повстанцы могли реально рассчитывать на успех, на помощь Красной Армии. Сибирское бюро сочло необходимым особо подчеркнуть, что подпольные организации должны поддерживать крестьянские восстания. Это служит свидетельством большой заботы Центрального Комитета партии, его Сибирского бюро о сплочении вокруг сибирско-уральского отряда рабочих, трудящегося крестьянства, объединении их усилий в борьбе с контрреволюцией.

Решение конференции о переименовании областного комитета в Центральный Комитет РКП(б) Сибири бюро ЦК партии квалифицировало как ошибочное. Потребовав от руководителей подполья восстановить прежнее название комитета, вступившее в непосредственное подчинение Сибирского бюро ЦК РКП(б), члены бюро предупреждали таким образом поползновения к местной обособленности.

Указания бюро ЦК, направленные в Омск вместе с другими директивными установками, были положены в основу при разработке резолюций III Сибирской нелегальной большевистской конференции. Сибирскому бюро, как и Центральному Комитету партии, пришлось еще не один раз решать сложные вопросы для оказания серьезной помощи сибирско-уральскому большевистскому подполью в разработке правильной тактики.

В конце зимы и весной 1919 г. вновь остро встал вопрос об отношении коммунистов-подпольщиков к мелкобуржуазным партиям. В ответ на запрос о возможности и формах использования в революционной борьбе против Колчака левых групп мелкобуржуазных партий, порвавших с белогвардейским режимом, Сибирское бюро писало, что на Урале и в Сибири никакой серьезной организации у эсеров нет и «рассчитывать на большую помощь с их стороны нам не приходится»[33]. Бюро вновь высказалось за использование этих мелкобуржуазных групп лишь в военно-техническом отношении, за создание боевых организаций из них при обязательном руководстве со стороны коммунистов.

Подпольные организации Сибири и Урала поступали так, как предлагало Сибирское бюро ЦК. Но по-прежнему другой точки зрения придерживался Б. З. Шумяцкий. Он не считался с мнением и волей Сибирского подпольного центра, решениями I Общесибирской подпольной конференции. Шумяцкий продолжал поддерживать контакты с обанкротившимися лидерами сибирских эсеров. Получив решительный отпор от подпольного центра, местных комитетов, 8 декабря он пишет письмо, адресованное Центральному Комитету, В. И. Ленину, и направляет его через линию фронта с одним из эсеров. Из Уфы письмо через местный ревком было отослано в Москву. До передачи письма в ревком эсеры сняли с него копию. Это письмо под тенденциозным заголовком «Крик сознания, совести и чести» с предпосланным ему меньшевистско-эсеровским вступлением появилось в меньшевистской «Газете печатников» 10 февраля 1919 г.

Б. З. Шумяцкий обманывал партию, заявляя, будто на обращение с письмом, которое носило совершенно антипартийный характер, его уполномочили четыре крупнейшие областные сибирские организации. Никакими данными это не подтверждается. Письмо Шумяцкого было не чем иным, как воплем перепуганного колчаковскими репрессиями нытика, не помышлявшего не только о решительной и смелой борьбе трудящихся во главе с коммунистами, но и считавшего эту борьбу бесплодной и бесполезной. Приходится это констатировать в отношении старого, опытного члена партии, допустившего в своей работе в рассматриваемое время серьезный срыв, тяжелые ошибки.

Если в докладах, информационных сообщениях и решениях подпольной конференции, доставленных из Сибири, указывалось на бурный рост революционного движения, то в письме Б. З. Шумяцкого об этом не было сказано ни слова. В нем говорилось лишь об ужасах колчаковского режима, истреблении партийных кадров, подавленности масс, которые будто бы изверились во всем. Это было явной ложью, которая понадобилась Шумяцкому для того, чтобы попытаться внушить Центральному Комитету партии мысль о том, что спастись от неминуемой катастрофы и истребления (по мнению Шумяцкого) можно лишь вступив в блок со всей «демократией».

Автор письма брал на себя смелость утверждать, что трудящиеся массы только этой мыслью и живут, смотрят на такое соглашение как на «последнюю ставку». Если в письме «Наши задачи», направленном руководителям сибирского подполья, Б. З. Шумяцкий предлагал вступить в соглашение с «социалистическими» партиями, сочтя нужным оговориться, что имеет в виду те организации, которые изгнали из своих рядов «социал-патриотов», то в «Крике сознания, совести и чести» он ратовал уже за сплочение «с правыми социалистическими партиями» «и даже просто республиканцами», иначе, добавлял он, «грядет окончательная гибель рабочего класса». Под «республиканцами» Шумяцкий имел в виду белочехов, части «народной армии», «силы военщины», которые «как будто бы дрогнули» (!) с приходом Колчака, и Комитет Учредительного собрания.

Вот с кем предлагал Шумяцкий сплотиться коммунистам. Это были не просто ошибки, а ошибки, доведенные до абсурда. Б. З. Шумяцкий, стремясь во что бы то ни стало навязать партии свои пагубные взгляды, писал Центральному Комитету партии о том, что «преступно вести дальше гражданскую войну между социалистами, даже просто республиканцами»[34]. Предложенная им платформа для сплочения с «социалистами» и «республиканцами» была капитулянтской[35].

Поскольку в бредовом письме и предисловии к нему содержались нападки на политический курс Коммунистической партии, Центральный Комитет решил дать отповедь автору письма. В «Правде» 13 февраля появилась статья видного деятеля партии Е. М. Ярославского под названием «Крик неверия — крик измены». В статье указывалось на неправильные сведения Шумяцкого о положении в Сибири, перед трудящимися ставилась задача вести в тылу Колчака дальнейшую смелую и решительную борьбу, отвергались капитулянтские предложения о создании единого «республиканско-демократического фронта» с предателями и врагами революции. В статье подчеркивалось, что соглашения с эсерами и меньшевиками допустимы лишь в том случае, когда они встанут на путь борьбы за социализм. Высказывая эту мысль, Е. М. Ярославский исходил из ленинских положений. В «Докладе об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии»

в конце ноября 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления в «союзниках» охотно легализируем... Если вам угодно учиться примеру у большевиков, — мы вступаем на путь соглашения с вами»[36]. Речь шла о соглашении с эсерами и меньшевиками, по существу, в том случае, когда они порвут с контрреволюцией, откажутся от своих мелкобуржуазных программ и встанут на путь борьбы за Советскую власть и построение социализма.

Зимой 1919 г. переговоры о соглашении на этой принципиальной основе с некоторыми учредиловцами, возглавляемыми В. Черновым, велись. Однако, делая некоторые шаги в сторону Коммунистической партии и Советской власти, они всякий раз выдвигали различные оговорки и не переставали вредить Советской республике, не порывали связей со своими собратьями по партии, находившимися в блоке с белыми генералами, служившими интервентам и внутренней контрреволюции. Но эти переговоры, выступления руководителей партии, газеты «Правда», указывавших на необходимость использования тех эсеровско-меньшевистских групп, которые встают на позиции Советской власти, имели большое значение. Они содействовали дальнейшему углублению кризиса мелкобуржуазных партий, разрыву с ними рядовых членов — рабочих, крестьян.

Таким образом, сообщая сибирским и уральским коммунистам о позициях ЦК РКП(б) по отношению к мелкобуржуазным партиям, выдвигая задачи непримиримой борьбы со взглядами Шумяцкого и его сторонников, отмечая важное значение руководства крестьянскими массами, Сибирское бюро ЦК содействовало дальнейшему совершенствованию тактики революционной борьбы, которую под руководством коммунистов вели трудящиеся Урала и Сибири. Из приведенных данных видно, что в руководстве партийным подпольем в Сибири, в целом за линией Восточного фронта ЦК партии и его Сибирское бюро при решении наиболее принципиальных вопросов действовали вместе, слаженно. Создав специальное бюро на правах своего отдела, ЦК РКП(б) отнюдь не снимал с себя не только задачу контроля, общего руководства, что естественно, но и постоянного практического участия в делах, связанных с мобилизацией и организацией сил коммунистов, трудящихся масс Сибири и других районов в целом на

решительную, наиболее эффективную борьбу с колчаковщиной.

Руководство деятельностью подпольных организаций осложнялось тем, что в бюро ЦК и отделение длительное время не поступали сведения о прибытии на место назначения перешедших линию фронта коммунистов. В середине февраля члены бюро отмечали: «В Челябинск и Омск мы посылали людей с информацией, но до сего времени не имеем оттуда вестей»[37]. Но не дожидаясь известий о первых результатах работы и памятуя о большой нужде подпольных организаций отдаленных районов Урала и Сибири в кадрах партийных работников и деньгах, Сибирское бюро ЦК продолжало направлять туда одного коммуниста за другим.

В начале февраля вслед за И. Б. Борисовым в Омск была послана молодая отважная коммунистка А. Я. Михеева. В феврале за линию фронта направляется Э. С. Гольцман. Ему было выдано удостоверение как «уполномоченному Сибирского бюро ЦК РКП(б)», которому поручалось «вести организационную работу на Урале, в Сибири и в расположении неприятельских войск»[38]. Бюро 20 февраля просило комиссара 26-й дивизии навести «срочные справки» о Гольцмане, поехавшем на левый фланг этого соединения «для установления связи с тылом противника»[39]. Удалось ли ему перейти фронтовую линию, сказать трудно. Но если Гольцман и побывал в тылу врага, то недолго, ибо в середине марта он находился в Уфе, вновь работал в бюро[40]. В материалах бюро ЦК за февраль 1919 г. имеется записка «политкома разведчасти Фалько», свидетельствующая о том, что посланцы бюро «Краснов с женой и товарищем» переброшены за линию фронта. Причем их проводили в тыл врага «верст на 45», о чем сообщили благополучно вернувшиеся назад проводники[41]. Возможно, фамилия «Краснов» — нелегальная и в записке речь идет о лицах, которых мы уже называли. Но скорее всего это была новая группа посланных в тыл врага работников, ибо обстоятельства и условия их переправы явно отличаются от других случаев.

Но члены бюро не могли быть уверенными в том, что Э. Гольцману и другим работникам удастся выполнить возложенные на них поручения и обеспечить об-

ратную связь. Располагая сведениями о жестокой расправе колчаковцев с коммунистами и рабочими Омска после происшедшего там в декабре 1918 г. вооруженного восстания, стремясь установить надежную систему связи с Сибирью и Уралом и обеспечить планомерное руководство большевистским подпольем этих районов, бюро ЦК пришло к следующему решению. В Челябинск с большими полномочиями направлялся З. И. Лобков. Действуя от имени и по поручению бюро ЦК, он должен был укрепить челябинскую подпольную организацию, упрочить или установить заново связи с коммунистами всех районов Урала и Западной Сибири. В Челябинске З. И. Лобкову и местным коммунистам поручалось организовать партийный орган по руководству большевистским подпольем в этих обширных краях. В докладе Сибирского бюро Центральному Комитету РКП(б), написанному в 20-х числах февраля, сообщалось: «Челябинск должен стать руководящим центром уральской и западно-сибирской работы»[42].

Лобкову был оформлен паспорт на имя Б. Я. Голубева, студента (и одет он был в студенческую форму)[43]. Первоначально предполагалось переправить его в районе разъезда Чуваши, западнее Уфы, на участке 26-й стрелковой дивизии. Это сделать не удалось. Пришлось спешно отправиться на правый фланг 5-й армии. В сопровождении Б. Нормана З. И. Лобков и М. С. Иванов (им было вручено 50 тыс. руб.) приехали в д. Темясово и 2 марта отправились за линию фронта, в Челябинск. Их проводником был И. Мижавиров[44]. Через несколько дней, судя по ряду документов, числа десятого они были уже в Челябинске и активно включились в партийную работу.

Вслед за Лобковым и Ивановым в Темясово в сопровождении А. Я. Бакаева направляются Д. К. Новоселов, А. И. Юревич и З. Н. Подольская. Всем им предстояло идти в Челябинск. В Темясово несколько дней ждали возвращения проводника Мижавирова. Не дождавшись его и видя, что обстановка на данном участке стала неблагоприятной, коммунисты и представитель Сибирского бюро в середине марта направились к Оренбургу. В пути следования по личному настоянию Юревича и Подольской они без проводника переходят линию фронта (сведениями о том, удачно ли закончился переход линии фронта, принимали ли они участие в

подпольной работе, автор не располагает). Д. К. Новоселов и А. Я. Бакаев 24 марта прибыли в Оренбург, связались с политработниками 1-й армии. Но выяснилось, что налаженной линии переправы здесь нет. Пришлось Д. К. Новоселову возвращаться в Сибирское бюро [45].

Делая ставку на челябинскую подпольную организацию как центр, вокруг которого должны сплачиваться подпольные организации всего Урала и части Сибири, бюро ЦК решило усилить позиции коммунистов в Златоусте, занимавшем на пути в Челябинск стратегическое положение. В случае создания в этом городе сильной подпольной большевистской организации можно было рассчитывать на вооруженное восстание или активную подрывную деятельность местных рабочих. Это могло бы значительно ослабить позиции противника на важном участке железнодорожной магистрали, содействовать успеху 5-й армии. Для «постановки партийной организации и разведки» 18 февраля Сибирское бюро направляет в Златоуст И. И. Антонова — работника особого отдела 5-й армии [46].

В связи с этим мы встречаемся с характерным (но и для революционной эпохи не столь уж частым) случаем поручения ответственной руководящей работы совсем еще юному человеку. Антонову, члену партии с февраля 1918 г., было 19 лет. Но уже до Октябрьской революции, будучи железнодорожником в Уфе, он принимал участие в революционной борьбе, получил политическую закалку. После Октября сражался на фронтах против дутовцев, белочехов, белогвардейцев. В июле 1918 г. из района Бирска особый отдел 2-й армии направляет его через фронтовую линию в Уфу для партийной и разведывательной работы. По прибытии И. И. Антонов принял деятельное участие в создании подпольной партийной организации железнодорожников, вошел в состав комитета. В ноябре он был направлен с информацией о положении в тылу, работе уфимских подпольщиков в особый отдел 5-й армии, с которым через прибывшего оттуда в начале осени М. А. Чистякова поддерживалась связь. Фронтовую линию он перешел близ ст. Абдулино, был оставлен на работе в указанном отделе [47].

Как видно, И. И. Антонов имел опыт руководящей подпольной работы, дважды благополучно переходил

линию фронта, участвовал в налаживании нелегальной разведывательной работы. Выбор бюро ЦК пал на Антонова не случайно. Молодой коммунист обладал всеми качествами для выполнения сложного и ответственнейшего задания. Не случайным было и определение места работы Антонова — Златоуст, так как он учился там в механико-техническом училище, включился в революционную работу, хорошо знал многих людей, город и его район, уезд [48].

Антонова 17 февраля обстоятельно проинструктировали о целях, задачах и методах предстоящей работы. Он должен был создать в Златоусте партийный комитет из 4—5 человек, распределив между ними следующие функции: ответственный пропагандист, ответственный организатор по Златоусту, ответственный организатор по округу и руководитель военной организации. Члены Сибирского бюро указали И. И. Антонову, что в основу организации следует положить принцип централизма, комитет ни в коем случае не должен выбираться. Следовало приложить все силы к тому, чтобы в случае провала подпольный центр оставался целым.

Перед ответственными организаторами ставилась задача создавать подпольные ячейки в Златоусте и на окрестных заводах. Ответственный пропагандист обязан был организовать выпуск листовок и как можно в большем количестве. Для этого следовало создать типографию, подобрать специальных лиц для составления листовок и работы в ней. При успешном развитии работы можно было открыть партийную школу. Лектором и организатором ее мог бы стать ответственный пропагандист.

Особо важное значение члены Сибирского бюро придавали постановке работы военной организации. Предлагалось создавать среди солдат небольшие подпольные ячейки. На создание крупных организаций следовало идти лишь перед выступлением. Осторожность вызывалась не только общими требованиями конспирации, но и тем обстоятельством, что нередко колчаковские военные власти в каждую роту под видом рядовых засылали офицеров, о чем солдаты обычно не знали. Антонову было указано, что если мобилизованные рабочие Златоустовского и других заводов будут помещены в казармах, среди них нужно создавать

«прочную партийную боевую организацию. Если мобилизованных повезут дальше — препятствовать их отправке всякими средствами». Предлагалось заранее организовать группу разведчиков и подрывников. Взрывчатые вещества доставать на заводах. По сигналу подрывники должны были взорвать железнодорожное полотно, уничтожить средства связи — телеграф, телефон и др.[49]

Разработанное для И. И. Антонова задание явилось документом, свидетельствующим о том, как верно подмечали члены Сибирского бюро ЦК характерные особенности положения в колчаковском тылу, насколько глубоко продуманными были их инструктивные установки. Выбыл И. И. Антонов из Уфы, очевидно, 19 февраля. В этот день Ф. И. Голощекин просит начальника железнодорожной станции отправить Антонова до разъезда Чуваши. Политическому комиссару 26-й дивизии предлагалось обеспечить переход коммуниста через линию фронта близ с. Никольского. И. И. Антонов линию фронта перешел благополучно, но близ нее, на ст. Вязовая, был задержан в поезде, обыскан (безрезультатно) и этим же поездом под охраной отправлен в Златоуст, к военным властям. Но он сумел совершить побег, отправившись в туалет, в котором оказалась выломленной доска, и перебрался в Златоуст. Первый этап задания Сибирского бюро выполнить удалось [50].

Выполнил И. И. Антонов и все принципиальные установки, главное — сплотил коммунистов, обеспечил создание единой партийной организации, расширил и укрепил ее связи и влияние в уезде. Но об этом мы расскажем при освещении деятельности Златоустовской подпольной организации. Здесь же следует добавить, что Антонов прилагал все меры к тому, чтобы поддерживать связь с бюро ЦК, информировал его обо всем наиболее значительном, передавал явки. Через линию фронта из Уфы в качестве связной переходила его мать — А. Н. Антонова. Позднее, в обстановке начавшегося в мае 1919 г. провала, за линию фронта были направлены подпольщики Преснякова и В. Юргут [51].

Очевидно, бюро ЦК пользовалось явками златоустовских подпольщиков для переправы в Челябинск и в Сибирь своих работников. В воспоминаниях коммунистки Н. И. Астафьевой указывается, что из Уфы был

прислан работник под кличкой «Наумка», который работал в контакте с Антоновым. Длительное время они проживали на квартире матери Астафьевой. Любопытны следующие ее воспоминания. «Помню случай, — вспоминала Астафьева, — когда один матрос под видом возвращающегося военнопленного (фактически послан для работы в тылу белых) принес письмо Пресняковой (одной из конспиративных квартир была квартира этой подпольщицы. — *И. П.*). Едва успела прочитать, как раздался стук в дверь. Я сидела у окна в квартире Пресняковой. Открыв занавеску окна, я увидела наставленные в окно штыки...»[52] Н. И. Астафьева рассказывает, что она едва успела спрятать под платьем хранившийся на квартире револьвер, как ворвались офицер и 8 солдат и потребовали от Пресняковой: «Дайте письмо, которое вы получили!» Матрос был арестован. Во время начавшегося обыска он мгновенно сунул в рот какой-то документ и съел его. Астафьева не датирует события, но говорит, что это случилось «к весне», когда работа «сильно осложнилась»[53].

Есть основания считать, что этот матрос, который, очевидно, погиб, был также направлен во вражеский тыл бюро ЦК. Один из переправленных с помощью бюро работников — Сатке, о котором подробнее речь пойдет дальше, совершив предательство, сообщал колчаковцам, что в январе—феврале готовился к переходу в Сибирь М. Г. Горчеев (эта фамилия могла быть нелегальной) — «матрос»[54]. Следовательно, о предстоящем переходе матроса через линию фронта златоустовская разведка была извещена и выследила его. Здесь важно отметить и то, что нередкими являются случаи посылки бюро, а также отделением в тыл врага работников, прямых данных о которых (как и о «Наумке» и «Горчееве») в материалах этих органов не встречается. Вероятно, это было связано с кратковременностью подготовки отправлявшихся в тыл врага, особенно связных, ходоков или переправе таковых совместно со специальными военными органами.

Таким образом, можно заключить, что бюро ЦК уже за первые полтора-два месяца работы направило в район Челябинска и Златоуста, в Сибирь и на Дальний Восток не один десяток опытных работников и курьеров. Многие прибыли в места назначений и при-

ступили к работе. Некоторые же не смогли этого сделать, были схвачены и погибли.

С первых шагов деятельности бюро взяло курс и на обеспечение подпольных организаций деньгами. Каждому переправляющемуся через линию фронта выдавались деньги на личные расходы и чаще всего также на развертывание работы. Некоторым из них были вручены крупные суммы для передачи партийным комитетам. Деньги приходилось прятать, прибегая к различным методам: конструировать чемоданы, туеса с двойным дном, тайники в предметах обихода, детских игрушках, в санях, сбруе лошадей (если приходилось пробираться под видом возчиков) и т. д. В марте колчаковцы отмечали также, что деньги коммунисты запекают и в хлеб. Они сообщали и о том, что за денежной помощью и со сведениями многие организации сами посылали своих представителей за линию фронта и те затем «вновь возвращаются в Сибирь»[55].

Обеспечением подпольщиков денежными средствами занимались различные ведомства и организации, но со времени создания бюро ЦК и отделения — в основном они. Напомним о посланных бюро подпольным организациям суммах. В Челябинск Алексеевский (Тренин) увез 50 тыс. рублей. З. И. Лобков и М. С. Иванов увезли для той же организации 50 тыс. рублей (первый из них 10, второй 40 тыс.). По 200 тыс. руб. для передачи в Омск получили И. Б. Борисов и К. М. Туманов и 50 тыс. — А. И. Катунин. В феврале с Назаровым было отправлено в Усть-Катав 10 тыс. рублей[56].

Сибирскому бюро, как мы отмечали, стало известно, что близ Миньяра местной подпольной организацией спрятано около двух миллионов рублей, принадлежащих Симскому горному округу. Сибирское бюро решило воспользоваться благоприятными обстоятельствами и передать часть денег Симского округа подпольным организациям Урала и Сибири. Сообщили об этом Центральному Комитету партии. Документа с указанием миньярским коммунистам о передаче денег на нужды подполья решили не ждать, действовать от своего имени[57]. Учитывалось, что Миньярский комитет выполнит указание бюро, если его доставит авторитетный и хорошо известный местным коммунистам человек. Выбор пал на К. М. Туманова, члена партии с

1906 г., бывшего председателя Делового совета Аша-Балашевского завода.

Пока знакомые коммунисты-рабочие устанавливали связь с председателем подпольного комитета Г. П. Новиковым, К. М. Туманов находился у П. И. Чертова. В тот период проживать в поселке было крайне опасно: он был наводнен белополяками, производились аресты. Туманов перебирается на пасеку Ф. Е. Фатеева, являющуюся своеобразной явочной квартирой. Здесь было проведено совещание активных подпольщиков. Вернувшись на завод, Туманов встретился с Г. П. Новиковым. От имени бюро ЦК К. М. Туманов поставил задачу извлечь часть денег из тайника и вместе с доставленными им направить в Челябинск для передачи местной организации, а также в Златоуст, Вязовую, на Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Аша-Балашевский заводы, в саму миньярскую организацию и в Омск. Одновременно с передачей денег Туманов предложил установить заново или упрочить имеющиеся связи с подпольными организациями указанных городов [58]. Новиков и другие руководители Миньярской организации приняли директивы бюро ЦК для исполнения. Опасения членов бюро, что подпольщики откажутся от передачи денег, оказались напрасными.

Общая сумма в 639 тыс. руб. (в том числе 201 тыс., доставленная К. М. Тумановым из Уфы и 438 тыс. руб., полученные от миньярцев) [59] была распределена посланцам бюро, очевидно, в соответствии с указанием его руководителей между организациями следующим образом: в Омск — 320 тыс. Челябинск — 100 тыс., Златоуст — 150 тыс., Усть-Катав, Катав-Ивановск, Вязовую — 50 тыс., Аша-Балашу — 10 тыс. и Миньяр — 9 тыс. рублей [60]. Следует отметить, что челябинцы по получении денег для их организации (100 тыс.) и передачи в Омск (320 тыс.) произвели перераспределение, отправив в Омск 300 тыс. и оставив себе 120 тыс.[61] Деньги эти были посланы с совершенно надежными и опытными работниками — подпольщиками П. И. Чертовым, Ф. Вдовиным и С. Г. Стукиным, которых Туманов знал превосходно [62]. Они доставили деньги в Челябинск, в том числе сумму, предназначавшуюся для Омска; вероятно, они же привезли деньги в Златоуст и другие места.

Туманов оставался в Миньяре до возвращения курь-

еров. Они вернулись и сообщили об успехе поездки, установлении связей, доставили расписки представителей подпольных организаций о получении денег[63]. Деньги, предназначенные для Омска, т. е. для ЦК РКП(б) Сибири (300 тыс. руб.), Челябинский комитет поручил доставить своему члену С. А. Кривой[64]. Выехала Кривая в Омск в конце февраля, в начале марта была уже на месте. Приехавший из Челябинска в Омск провокатор Барболин (Никольский, Ветров) 1 марта сообщал охранке, что должна прибыть С. А. Кривая. Вскоре он встретил отважную революционерку, и на основе данной информации его шеф 5 марта доносил по инстанции об этом. В период пребывания в Омске Барболин пытался следить за Кривой, но та обычно ускользала из поля его зрения. Ее встречи с руководителями сибирско-уральского и омского подполья не были прослежены. Нельзя не отметить упоминаний агента колчаковцев о привозе С. А. Кривой «двух тюков отпечатанных большевистских прокламаций»[65]. Вполне возможно, что в составе этой партии литературы были и 3 листовки, выпущенные бюро ЦК в середине февраля.

Сибирский подпольный центр подавляющую часть полученных денег передал крупнейшим местным организациям Сибири и Дальнего Востока. Омскому комитету было передано 40 тыс., в лагерь военнопленных — 20 тыс., в Барнаул — 25 тыс., Новониколаевск — 20 тыс., Красноярск — 35 тыс., Иркутск — 15 тыс., Тюмень — 5 тыс. и для Забайкалья и Дальнего Востока — 30 тыс. рублей[66].

В некоторые города деньги доставила та же отважная коммунистка — С. А. Кривая[67]. Ее приезд в Красноярск видный партийный работник А. И. Гун описывает так: «Однажды привезла деньги женщина. Приехала такая солидная дама и попросила меня выйти из комнаты, а потом, когда я зашел, то она стояла тоненькая, а на кровати и на столе лежали пачки денег. Она сказала, что деньги посланы из центра для подпольной работы»[68].

По агентурным данным колчаковцев, в Сибирь были доставлены 100 тыс. руб. и Э. С. Гольцманом[69]. В документах Сибирского ОК (ЦК) этот факт не зафиксирован. Возможно, эти деньги были переданы другим подпольным партийным комитетам.

Таким образом, только названные суммы составляют

1 003 600 руб. (учли и 4 600 руб., израсходованных в районе Миньяра). К этому следует добавить, что бюро ЦК в отчете за январь указывало также сумму в 500 тыс. руб., переданную А. Я. Валеку в момент оставления Перми для передачи сибирскому подпольному центру [70]. Несомненно, к оставлению А. Я. Валека для подпольной работы в колчаковском тылу прямое отношение имели члены только что созданного в Москве бюро ЦК. Ф. И. Голощекин еще до включения его в состав бюро ЦК, будучи главным политическим комиссаром 3-й армии, общался с А. Я. Валеком, который перед тем работал в штабе армии, выполнив летом и осенью 1918 г. ответственное задание в Сибири, в тылу врага. Затем он, по всей видимости, получил от Я. М. Свердлова задание о новом переходе линии фронта и большую денежную сумму. С. Г. Логинов после ареста белогвардейцами 31 марта 1919 г. в Екатеринбурге на следствии говорил, что во время беседы с ним в Москве Я. М. Свердлов сказал, что на Валека «было возложено ведение контрразведки красных всей Сибири»[71]. Возможно, Голощекин или даже Свердлов телеграфировали перед оставлением Валека в Перми о дополнительных задачах, которые он должен был решить, сказали ему о создании нового партийного органа под руководством и от имени которого ему предстояло действовать. Не случайно в материалах следствия по делу екатеринбургской подпольной организации содержатся сведения, что Антон Валек был оставлен в Перми по заданию Сибирского бюро ЦК. Сам А. Я. Валек говорил, что он направил в Иркутск 400 тыс. рублей [72]. (Иркутск он назвал, видимо, для введения колчаковцев в заблуждение; деньги были отправлены в Омск, увез их Факелов). Если брать во внимание деньги, направленные на Урал и в Сибирь с А. Я. Валеком (в варианте — 500 тыс. руб.), то общая сумма должна была составить 1 503 600 рублей. К этому следует добавить, что значительные денежные суммы выдавались каждому коммунисту для проживания и развертывания работы [73]. Так обстояло, в частности, с группой Валека. Далее, Я. М. Свердлов вручил А. А. Григорьеву и С. Г. Логинову, переправленным за линию фронта под руководством Ф. И. Голощекина, очень большую денежную сумму: первому для передачи в Омск 100 тыс., второму для развертывания разведывательной работы с помощью подпольных организаций (и передачи им с этой целью

части денег), по его признанию, 300 тыс. рублей. При аресте С. Г. Логинова колчаковцами у него было обнаружено 253 тыс.[74] Речь должна идти по меньшей мере о 400 тыс., а в итоге — о 1 903 600 рублях.

В середине января в Сибирское бюро из Москвы прибыл Ф. А. Сатке (Ситников), а вместе с ним Г. Ф. Ситникова, которую он выдавал за жену. Сатке привез огромную сумму денег — 1 млн 500 тыс. руб., с которыми по поручению Реввоенсовета Республики должен был переправиться в Сибирь на Экибастузские копи [75]. Сатке — венгр по национальности, бывший военнопленный. В январе 1919 г. он перешел через линию фронта, рассказал сотрудникам особого отдела 5-й армии в Уфе, а затем в Реввоенсовете Республики в Москве о том, что будто является коммунистом, инженером Экибастузских угольных копей (близ Павлодара) и представляет мощную подпольную организацию и ее штаб. Сатке заявил, что на копях имеется большое количество оружия, включая пулеметы, и несколько тысяч мадьяр и русских рабочих, готовых во взаимодействии с Красной Армией восстать и повести наступление на Омск. Просил согласия на это и финансовой помощи[76].

Ныне нам по источникам известно, что в Экибастузе ничего подобного не было, хотя некоторая нелегальная работа и велась. Плод или больного воображения, или заведомой лжи человека, который ради получения денег стал на крайне авантюристический путь, в Реввоенсовете приняли за чистую монету. Очевидно, в «информации» Сатке импонировало то, будто на копях — тысячи рабочих — венгры, которые обладали высоким духом пролетарского интернационализма, активно боролись за Советскую власть, что Сатке инженер и ему легко внедриться в среду рабочих. В это поверил председатель РВС республики Л. Д. Троцкий. О Сатке был информирован В. И. Ленин и 15 января принял его. Коменданту Кремля на бланке Ленин писал: «...т. Мальков! Податель сего — венгерский товарищ Сатке, о котором мы сейчас сговорились. Привет. Ленин»[77].

Полевой штаб Реввоенсовета Республики 20 января выдал Сатке 1,5 млн руб. и через несколько дней он приехал в Уфу, в ВЧК 5-й армии, а оттуда — в бюро ЦК. Видимо, вблизи линии фронта Сатке, проявляя нетерпение, повел себя иначе, чем в Москве. В процессе подготовки к переходу фронта он дал серьезные осно-

вания для сомнений в его искренности, надежности и преданности Советской власти. Сибирское бюро не сочло себя вправе задержать Сатке, так как он имел прямое поручение от членов ЦК, но бюро все же забрало у него половину денег (750 тыс. руб.) и направило их со своим работником[78]. Последний должен был встретиться с Сатке в Челябинске. Следовательно, с учетом этих денег сумма, направленная подполью бюро в первые два месяца 1919 г., достигла по меньшей мере 3 млн 400 тыс. рублей.

Отправив 1 февраля Сатке из Уфы на фронт для переправы в челябинском направлении, члены бюро просили ЦК партии «в будущем всякие подобные предприятия выполнять только через Сибирское бюро, ибо только в этом случае мы возьмем на себя ответственность за дело его в целом»[79]. Из Центрального Комитета в дальнейшем поступали запросы о том, выполняет ли задание Сатке, где он находится и т. д. Сибирское бюро неоднократно давало указания сибирскому подпольному центру послать на копи полномочного представителя, «дабы уяснить, наконец, с кем мы имеем дело»[80]. Но все было напрасно. Сатке в указанный район не явился.

С делом Сатке трагически переплелась судьба замечательных коммунистов, посланцев бюро И. Б. Борисова и А. Я. Михеевой, о которых шла речь выше. В литературе почти ничего об этом не говорится. Встречающиеся скудные сведения противоречивы и обычно не соответствуют действительности (в частности, утверждения о том, что Борисов якобы прибыл в Омск, выполнил поручения бюро, передал деньги областному комитету, но затем там же был арестован).

В одни и те же дни — в начале февраля были переправлены И. Б. Борисов, Ф. А. Сатке (отдельно) и через короткий промежуток времени — А. Я. Михеева. Она, как и Борисов, должна была проследовать в Омск. Им предстояло действовать вместе и по переходе линии фронта встретиться, согласно указанию бюро ЦК, в Челябинске[81]. Маршрут следования у всех троих был общим — на Златоуст и Челябинск. Поскольку Борисов и Михеева, как это значится в документах колчаковской контрразведки, проходили по одному делу с Сатке[82], можно утверждать, что именно они (точнее — Борисов) получили для переправы через фронт половину полуторамиллионной суммы[83]. Очевидно, И. Б. Борисов

200 тыс. руб. должен был передать непосредственно Сибирскому центру в Омск, а 750 тыс. отвезти в Экибастуз сам или послать кого-то другого.

Мы не знаем обстоятельств ареста, но это случилось в первой половине февраля в Челябинске или его районе. В протоколе допроса Сатке, произведенного именно в Челябинске контрразведкой Западной армии, копия которого 15 марта была направлена в Омск, называются «приехавшие сюда» (т. е. в Челябинск) и «задержанные» «Иван Борисович Цветков» и его жена «Мария Афанасьевна Цветкова»[84]. Можно на этот же счет привести еще один документ. В отношении начальника центральной контрразведки Колчака в Омскую тюрьму содержалось требование «выдать предъявителю сего фельдфебелю И. Волкову содержащихся под стражей с 27 сего февраля арестованных Ивана Борисовича Цветкова и Александру Яковлевну Михееву для допроса»[85]. Выясняется, что арестованные были доставлены из Челябинска в Омск именно 27 февраля.

Скорей всего вначале был арестован или добровольно сдался белогвардейским военным властям Сатке, он и выдал остальных. На то есть подтверждения. Во-первых, контрразведка не только оставила Сатке жизнь, но и выпустила его из тюрьмы; во-вторых, в архивах имеются данные о том, что он находился в контрразведке 6-го Уральского корпуса Западной армии, штаб которого в феврале размещался близ фронта, что дает основания предполагать, что в Челябинск он был доставлен для того, чтобы выдать Борисова и Михееву; в-третьих, о выдаче им данных коммунистов стало известно подпольным работникам (очевидно, по информации Борисова и Михеевой при общении с заключенными-омичами). Один из руководителей Омской организации в 1919 г. П. Г. Кринкин (Митя, Георгий, Железный) отмечал, что Сатке явился в контрразведку и выдал в Челябинске группу работников из трех человек, перешедших линию фронта, в том числе двух женщин[86]. И. Н. Смирнов также писал, что «Александр» арестован в Челябинске по указанию Сатке»[87]. Кринкин, говоря о провале в Челябинске, имел в виду И. Б. Борисова (Александра). Он отмечал, что во главе группы был «Александр», что он перед казнью из Омской тюрьмы передал записку. Очевидно, это была подпольная кличка И. Б. Борисова. П. Г. Кринкин мог допустить по прошествии времени и неточность, говоря о записке

«Александра»: из тюрьмы была передана записка «Александры» — А. Я. Михеевой. Была записка и «Шуры», написанная неизвестным заключенным-мужчиной[88].

Сатке давал контрразведке сведения о членах и сотрудниках бюро ЦК. В них есть, между прочим, и такая запись (речь идет о готовившихся в бюро к переходу линии фронта коммунистах): «Михайлов тоже через Миньярский завод как столяр со столярным инструментом, но внутри этих инструментов будут документы или деньги 200 000 руб. Он сам должен искать связь с приехавшим сюда Иваном Борисовичем Цветковым, жена его — Мария Афанасьевна Цветкова (оба задержаны)»[89]. Под «Михайловым» явно имеется в виду К. М. Туманов (возможно, в начале мыслилось, что деньги в Челябинск отвезет сам Туманов). Не совсем ясна запись показаний: «...он сам» должен искать связь с Борисовым-Цветковым. Если это относится к самому Сатке, то это лишний раз свидетельствует о том, что он вместе с контрразведчиками вышел на связь с Борисовым и выдал его и других.

И. Б. Борисов и А. Я. Михеева (М. А. Борисова была освобождена) на протяжении ряда месяцев томились в Омской тюрьме, подвергались пыткам и издевательствам. Но никаких сведений о бюро ЦК и других они не дали. Признавались только в том, что являются коммунистами. Так, А. Я. Михеева, молодая, красивая девушка, стойко державшаяся все время, на судебном заседании 31 мая 1919 г. спокойно, с большим достоинством ответила: «Приехала в Омск добровольно. Виновной себя не признаю. Я — член Российской Коммунистической партии большевиков».

Обоим посланцам бюро ЦК, как и ряду активных подпольщиков, был вынесен смертный приговор. От многих из них остались посмертные записки. А. Я. Михеева писала: «Не унывайте и не жалейте меня. Я умираю за идею, рада и совершенно спокойно жду своей смерти. Будьте и вы бодры и не падайте духом! Вещи разделите между собой. Александра»[90].

В прощальном письме к жене И. Б. Борисов писал: «Также прощайте, все товарищи, кто меня знает, кто может быть помнит мои труды. Но это не важно. Я обращаюсь со своими предсмертными словами к вам: мужайтесь, не падайте духом. И делайте свое великое дело... Надеюсь, после перенесенных жертв вы теперь

не остановитесь и будете творить начатое великое дело за освобождение трудящихся... Я верю в мощь пролетариата и с этой верой иду под вражескую пулю»[91].

Последней мыслью коммунистов была забота о продолжении оставшимися в живых борьбы до полной победы революционного пролетарского дела. Казнили их в ночь на 2 июня...

В связи с фактом перехода линии фронта Борисовым и Михеевой, их арестом и гибелью (а таких случаев с посланцами бюро ЦК и отделения, к сожалению, было много) следует особо подчеркнуть, что и в данном случае задание в значительной мере было выполнено. В частности, из застенков руководству сибирско-уральского подполья (это просматривается в материалах Сибирского ОК) были переданы информация и директивные установки.

Что касается Сатке, то, как уже говорилось, он был освобожден колчаковцами, проживал в Каркаралинске (очевидно, по предписанию). Его вторично арестовали 30 июля и заключили в Омскую тюрьму, но 28 сентября 1919 г. по указанию начальника центральной контрразведки он был окончательно освобожден из Омской тюрьмы[92]. После освобождения города в ноябре 1919 г. Красной Армией он был арестован советскими органами и после следствия, установившего факт его предательства, по приговору суда расстрелян[93]. Вследствие предательства Сатке полтора миллиона рублей, полученных из Москвы, и 200 тыс. руб., данных И. Б. Борисову для Сибирского ОК, оказались в руках колчаковцев. Нельзя исключать, правда, и предположение, что сам Сатке часть денег припрятал и в дальнейшем ими воспользовался или получил их в награду за провокационно-предательские действия. Но вернемся к вопросу о посылке бюро ЦК денежной помощи партийному подполью.

Отделение бюро в первый период работы не ставило перед собой задачу посылки денежных сумм действующим подпольным организациям. Однако каждой группе и отдельным коммунистам для развертывания работы выдавали обычно 5—10 тыс. рублей. Иногда суммы достигали 30—35 и 100—120 тыс. рублей[94]. Общая сумма денежных средств, выданных бюро ЦК и отделением и через них — Центральным Комитетом партии коммунистам для подпольной работы и передачи дейст-

вовавшим урало-сибирским организациям с конца декабря 1918 г. по март 1919 г., составила до 4 млн рублей [95].

Это свидетельствовало о том, какое важное значение придавала партия подпольной деятельности коммунистов в колчаковском тылу. Эта сумма была столь значительной, что позволила бы не только резко усилить масштабы подпольной работы, вооруженной борьбы трудящихся города, но и оказать большую материальную помощь партизанскому движению во всех районах Урала и Сибири. Но, к сожалению, подавляющая часть этих денег по назначению не доставлялась из-за арестов партийных работников и курьеров. В докладе членов сибирско-уральского подпольного центра, написанном в конце марта 1919 г., отмечалось, что в Омск было доставлено из Советской России всего 475 тыс. руб., в том числе в феврале 50 тыс. (точнее, 48) и в марте 300 тыс., которые доставили А. И. Катунин и С. А. Кривая [96]. Вот почему подпольный центр и подавляющая часть местных подпольных организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока продолжали нуждаться в средствах и после создания бюро ЦК.

В белогвардейский тыл Сибирское бюро направляло не только деньги, но и транспорты с советской литературой, газетами, листовками. Особое значение для завоевания на сторону Коммунистической партии трудящихся масс и мобилизации их на революционную борьбу с Колчаком имели три листовки, выпущенные в середине февраля 1919 г. Сибирским бюро ЦК, о котором мы в связи с описанием поездки С. А. Кривой в Омск упоминали [97]. Они представляли собой единую серию и были адресованы прежде всего самым широким трудящимся слоям населения Урала, а также всем мобилизованным и солдатам колчаковской армии.

Листовки, изданные за авторитетной подписью Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), в тысячах экземпляров переправленные за линию фронта, раскрывали глаза рабочим, крестьянам, казакам и солдатам на несправедливость войны против трудящихся центральных районов страны, в которую их втягивала реакция. Выше подняли голову убежденные сторонники Советской власти, сплачиваясь вокруг коммунистов-подпольщиков, подрывая колчаковскую диктатуру и готовясь к решающим боям. Значение этих листовок состояло и в том, что они являлись своего рода образцом для выпуска

литературы подпольными организациями, в рядах которых было мало теоретически подготовленных пропагандистов, мастеров печатного слова.

Во всех трех листовках бюро ЦК содержался призыв к трудящимся готовиться к вооруженной борьбе, выступлению с оружием в руках, нанесению ударов в тыл врага. В листовке «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам» бюро давало разъяснение контрреволюционной политики Колчака, целей и успехов Красной Армии, ставило задачи в деле ее поддержки: «И живые мертвецы, царствующие на Урале и в Сибири сегодня, умрут завтра, и никакая сила не спасет их от смерти.

Неудержимо идут вперед красные полки рабочих и крестьян, берут Харьков, Киев, Уральск, Оренбург, Уфу.

Всюду восстанавливается Советская власть и гибнут угнетатели рабочего класса.

Товарищи, вас мобилизуют, хотят запугать и заставить убивать своих братьев.

Вы не пойдете в ряды убийц рабочих и вместе с Красной Армией нанесете последний, смертельный удар нашим и вашим врагам.

Долой власть помещиков и буржуев!

Да здравствует рабочая социалистическая революция!

Да здравствует Советская власть!»[98]

Но призыв к вооруженной борьбе с колчаковщиной не был призывом к стихийным выступлениям в тылу и на фронте. Урало-Сибирское бюро исходило из предположения о новом наступлении советских войск, приближении фронта к промышленно-пролетарским районам Урала. Учитывалось и то важное обстоятельство, что проводившаяся в феврале 1919 г. повсеместная мобилизация в белогвардейскую армию взбудоражила трудящиеся слои населения.

Усилилось революционное брожение на южноуральских заводах, в городах и селах. Поступали многочисленные сообщения о возможности стихийных выступлений рабочих, особенно мобилизованных. Члены бюро 15 февраля писали: «Настроение широких рабочих и даже крестьянских масс безусловно большевистское. Но во всех заводах (имеются в виду южноуральские.— *И. П.*) стояли войска, в Аше — штаб казачьей диви-

зии, и поэтому все сжато. В лесах бродят сотни бежавших от мобилизации и дезертиров народной армии. На 10 февраля назначена мобилизация всей прифронтовой полосы в возрасте с 1913—1919 гг. и всех унтер-офицеров. **Есть опасение, что это ускорит взрыв** (подчеркнуто нами. — *И. П.*). Мы что можем — делаем, дабы это не вылилось стихийно и не потратились бы напрасно силы»[99].

Таким образом, выпуск листовок был приурочен к моменту белогвардейской мобилизации и рассчитан преимущественно на трудящихся прифронтовых районов Урала и солдатские массы. По замыслу бюро, листовки были одним из средств подготовки вооруженного восстания на Южном Урале, в ближайшем тылу противника. Южному Уралу, прежде всего Симско-Миньярскому промышленному району, бюро ЦК уделяло особое внимание. Об этом не раз говорили члены бюро в докладах Центральному Комитету партии. Уже в первом докладе бюро отмечалось: «В эту сторону (т. е. в район южноуральских заводов. — *И. П.*) мы направляем все наши силы...»[100]

Причин для такого пристального внимания к данному району было достаточно. Сибирскому бюро очень быстро удалось установить с Миньярским, Аша-Балашевским, Симским, Усть-Катавским и другими заводами постоянную и тесную связь. Стало известно, что там имеются сильные подпольные организации коммунистов, возглавляемые опытными работниками, что в районе Миньяра хранятся деньги и большие запасы оружия, включая два артиллерийских орудия, боеприпасов, взрывчатки. В источниках, в том числе документах бюро ЦК, имеются различные и противоречивые сведения, чаще преувеличенные. Вероятно, более точными являются те, что приведены в документах после возвращения К. М. Туманова с отрядом рабочих, для вооружения которых использовалась часть запасов: 2 горных орудия, 13 пулеметов (один неисправный), 600 винтовок (часть из них была спрятана в поселке), 400 пудов пироксилина[101].

Рабочие были готовы по призыву подпольных большевистских организаций взяться за оружие и самоотверженно бороться до полной победы над белогвардейцами. Повышалась и активность бедняцкой прослойки в селах. Таким образом, Южный Урал имел огромные

революционные потенциальные возможности, которые следовало обязательно использовать в борьбе с врагом.

Златоуст, Вязовая, Аша-Балашевский, Миньярский, Симский, Юрюзанский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Саткинский, Кусинский и другие заводы имели исключительно важное значение в районе железнодорожной магистрали на подступах к Челябинску — «воротам Сибири». Крупное восстание в этом районе, усиление диверсионной работы или предотвращение вывода врагом из строя железнодорожной линии, взрыва мостов в период наступления частей Красной Армии имели бы неоценимое значение.

После освобождения Уфы Реввоенсовет 5-й армии, с которым Сибирское бюро было тесно связано, рассчитывал весной развить новое наступление. Армия готовилась к броску вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. Разрабатываемая операция органически включала план подготовки и проведения вооруженного восстания в ближайшем тылу противника [102].

В докладе Сибирского бюро Центральному Комитету партии, написанном в начале февраля, отмечалось: «Особое внимание нами в данный момент уделяется району Уфа — Златоуст, где расположены ряд заводов, рабочие которых вполне на нашей стороне. Усиление внимания и работа в этом районе диктуется и тем, что фронт близко подходит к этим заводам и со стороны рабочих может быть оказана большая помощь войскам 5-й армии (разведка, партизанские отряды в тылу, восстания, взрывы, предотвращение взрывов неприятелем в узком коридоре железной дороги между Аша-Балашевской и Мурсулимской), для этой работы мы подбираем рабочих этих заводов, которые делают дорогу по тропинкам, им одним известным, связываются с заводами и организуют руководящую ячейку в этом районе»[103].

В течение января Сибирское бюро подобрало для посылки на Южный Урал рабочих-коммунистов, главным образом миньярцев. Помимо К. М. Туманова в их числе были Ф. Фатеев, В. П. Заикин, Е. Е. Энтальцев, М. В. Летучев и др. Большую помощь в этом бюро ЦК оказал Ф. И. Локацков, один из руководителей Миньярской, затем Уфимской подпольных организаций в 1918 г. В частности, именно он рекомендовал бюро ЦК для посылки в Миньяр К. М. Туманова. После переправы через линию фронта К. М. Туманова, спустя дней

10—15, в Миньяр направляется Ф. Фатеев. Перед ним ставились те же задачи, что и перед К. М. Тумановым. В случае ареста последнего Фатеев должен был решить вопрос с пересылкой денежных средств миньярцев в уральские города и Сибирь[104]. Но узнав в пути, что Туманов находится в Миньяре и возложенную на него задачу выполнил, Ф. Фатеев с группой рабочих вернулся в Уфу[105].

С середины февраля Сибирское бюро главное внимание сосредоточило на подготовке миньярцев и рабочих ближайших заводов к вооруженному восстанию, предупреждению стихийного выступления и выводу скрывающейся в лесах молодежи в расположение 5-й армии. Последние задачи были продиктованы тем, что объявленная в это время мобилизация всколыхнула рабочих и революционно настроенных крестьян. Подлежащая призыву молодежь отказывалась явиться на призывные пункты, скрывалась в тайниках и в лесу. Усилились стычки между трудящимися и белогвардейцами. Трудящиеся готовы были по призыву коммунистов выступить против колчаковцев с оружием в руках[106]. Бюро проводит 14 февраля совещание с находившимися в Уфе южноуральскими рабочими. В результате было решено организовать штаб, чтобы всемерно содействовать боевым успехам 5-й армии[107].

Бюро ЦК в те дни продолжало активную работу с южноуральскими коммунистами и рабочими. В помещении совнархоза 15 февраля проводится собрание пришедших накануне 39 вооруженных миньярцев, которыми руководит Ф. И. Голощекин. Собрание было бурным, проходило приподнято. Рабочие делились сведениями о положении на заводах, подчеркивали, что там наблюдается высокий накал революционной борьбы. А 16 февраля было проведено общее собрание всех рабочих-южноуральцев, проживающих в Уфе[108].

Бюро все больше убеждалось в необходимости на случай наступления 5-й армии быстрых и решительных действий по подготовке восстания рабочих Симского горного округа и незамедлительных мер по срыву мобилизации и выводу молодежи в Уфу. Бюро планировало послать в с. Никольское, основное место переправы коммунистов в обоих направлениях, для организованной встречи рабочих отрядов из-за линии фронта своего сотрудника К. О. Эзермана[109].

Для формирования штаба и организации всей рабо-

ты по подготовке благоприятных условий для наступления 5-й армии решили направить в Миньяр группу коммунистов. Ее руководителем назначили восемнадцатилетнего миньярского рабочего, члена партии с 1918 г. В. П. Заикина. Вместе с В. П. Заикиным должны были пойти М. В. Летучев и Е. Е. Энтальцев[110]. Группа В. П. Заикина получила задание встретиться в Миньяре с К. М. Тумановым, руководителями миньярской подпольной организации и совместными силами создать штаб.

В. П. Заикин вспоминает, что его тройка была приглашена «в Реввоенсовет 5-й армии и в присутствии тов. Голощекина И. Н. Смирнов дал нам задание, провел со мной тренировочное занятие по пользованию при переписке кодом, ключом к которому было слово «Владивосток». Был указан путь перехода и место, где можно найти проводника. Тов. Голощекин дал указание одеть нас в полушубки, валенки, найти крестьянские охотничьи лыжи и снабдить нас деньгами»[111].

Задачи проектируемого штаба определялись следующим образом: 1) установить постоянную связь штаба с Сибирским бюро; 2) объединить в боевые единицы скрывающуюся в лесах молодежь, дезертиров колчаковской армии и рабочих; 3) наметить пункты сбора этих боевых единиц и разработать систему сигнализации; 4) создать ряд продовольственных и снабженческих пунктов; 5) точно выяснить количество оружия, его вид, места нахождения и вооружить создаваемые отряды; 6) всеми мерами мешать отправке мобилизованных из района южноуральских заводов[112].

Группе поручили доставить подпольщикам большой транспорт литературы — 15 тыс. только что изданных бюро листовок, газеты «Правда» и «Известия». Группа была вооружена наганами и гранатами[113].

15 февраля Ф. И. Голощекин направил коменданту ст. Уфа отношение с просьбой «содействовать немедленному отправлению тт. Заикина, Летучева и Энтальцева на ст. Тавтиманово». На другой день группа отправилась к фронту[114].

Однако, как вспоминал В. П. Заикин, «перейти фронт не удалось». В дневниковых записях бюро за 18—20 февраля отмечено, что Заикин и его товарищи вернулись в Уфу вместе с встретившейся ей большой (18 человек) группой миньярцев, перешедшей линию фронта. Группу Заикина направили обратно. Причем их задачи были

уточнены: «1) связаться с Симским заводом; 2) организовать в Симах небольшую группу, человек в 10, занявшуюся подготовкой к приходу наших (заготовка провианта, переходы к нам организованными отрядами, разведка); 3) выяснить кратчайший путь в Ашу от нас; 4) организовать там запасы, такую же группу, поручив обратить внимание, главным образом, на разведку (охрана Липовой горы), местонахождение штаба; 5) организовать небольшие отряды, чтобы следить за минированными мостами и в нужную минуту помешать взрывам их; 6) закупить 150 пудов муки и дать напечь сухарей и спрятать их в определенном месте»[115].

Уточнение задач вплоть до указания места, где необходимо разместить подлежащий организации штаб (Липовая гора), было продиктовано полученной дополнительной информацией от вновь прибывших миньярских коммунистов, часть из которых играла в подпольной организации активную роль. Голощекин 21 февраля вновь обращается к коменданту ст. Уфа с просьбой переправить группу Заикина до разъезда Чуваши[116].

В литературе принято считать, что группа Заикина перешла (а то и дважды) фронтовую линию. Определенных документальных данных на этот счет, к сожалению, не имеется. В воспоминаниях же В. П. Заикина сказано, что группа встретила большой отряд миньярцев, «около 150 человек» (действительно, такой отряд, о чем пойдет речь позднее, в то время вышел из-за линии фронта), что их «переход в тыл противника на этот раз потерял значение» и они «вернулись с прибывшими в г. Уфу»[117].

Заикин затем достаточно подробно описывает бой, ранение, полученное им весной. Нет никаких признаков присутствия группы В. П. Заикина в Миньярской организации весной 1919 г., хотя сохранились многочисленные материалы и воспоминания об этом периоде ее деятельности. Задание группа не выполнила.

В те дни в Миньяре местным подпольным комитетом и К. М. Тумановым была проделана большая организационная работа по сплочению коммунистов и скрывающихся рабочих Миньяра и Аши. Подпольные организации, как и намечалось в бюро, решили отправлять рабочую молодежь, подлежащую мобилизации, через линию фронта в 5-ю армию. Через неделю после прибытия в Миньяр К. М. Туманова был организован и направлен в 5-ю армию отряд коммунистов и беспартий-

ных рабочих-миньярцев в составе 39 человек, вооруженных 9 винтовками и 12 бомбами. Отряд был в Уфе уже 14 февраля, его представители в тот же день встретились с членами Сибирского бюро ЦК. Через неделю вслед за этим отрядом в Уфу отправляется группа миньярцев в полтора десятка человек, преимущественно коммунисты, бывшие ответственные советские работники. По дороге произошла их встреча с Ф. Фатеевым (о нем мы уже упоминали), который, взяв на Моховых печах проводника, шел в миньярском направлении. Ему рассказали, что К. М. Туманов и местный партийный комитет выполнили задание Сибирского бюро. Фатеев вместе с вооруженной группой миньярцев уже из вражеского тыла 20 февраля прибыл в Уфу.

Бюро ЦК обогатилось новыми разнообразными сведениями о положении во вражеском тылу, причем не только в Миньяре, но и на многих других заводах и в городах, в том числе и в Златоусте. Миньярцы рассказали о дислокации и составе войск противника, настроении солдат и населения. Они дали уточненные сведения о количестве оружия под Миньяром, указали, что там имеется около 800 бомб и до 40 тыс. патронов [118]. Все рабочие горячо просили направить их в ряды Красной Армии, быстрее послать в бой или организовать вооруженное восстание.

Было выяснено, что в Миньяре белогвардейская мобилизация сорвана (из нескольких сот человек на призывной пункт явилась лишь горстка конторщиков), успешно развертывается работа по консолидации сил, подготовке рабочих к вооруженной борьбе. Велась работа и на других заводах, хотя по размаху там она значительно отставала.

Бюро предпринимало шаги к достижению большей организованности во всей работе, для чего посылало в Симский округ своих новых представителей, в основе поручений которых были военно-технические задачи.

Таким образом, в 20-х числах февраля Сибирское бюро уточняет и конкретизирует план действий подпольных организаций в Симском горном округе, ставит задачу усилить революционную боевую работу не только на Миньярском, но и на Симском, Аша-Балашевском заводах. В числе главных задач подпольщиков была подготовка для наступающей 5-й армии благоприятных условий для продвижения по железной дороге и создание больших запасов продовольствия.

Подпольные организации Миньярского, Симского, Аша-Балашевского заводов, преодолевая огромные трудности, проводили эту работу в феврале и марте 1919 г. Более легкой оказалась задача по обеспечению перехода скрывающейся от мобилизации молодежи в расположение 5-й армии. В 20-х числах февраля в Миньяре коммунисты, комсомольцы при участии К. М. Туманова развернули бурную деятельность по формированию отряда. К этой работе подключилась подпольная организация Аша-Балаши [119]. Симских коммунистов к этой работе привлекать не стали из-за отсутствия регулярных связей с ними и спешности задания. Проведенные переговоры с организацией Бианки дали положительный результат: они обещали послать через фронт 100 человек, но пока к этому не были готовы [120].

На состоявшемся в Миньяре совещании руководителей подпольной организации с участием К. М. Туманова был намечен план действий. Многим коммунистам, настаивавшим на разрешении им перейти в 5-ю армию и сражаться в ее рядах, решили категорически отказать, так как они были нужны для работы во вражеском тылу. Исключение было сделано лишь для отдельных коммунистов, в частности Я. Г. Заикина, А. С. Коржакова, которым угрожал арест.

Практическое выполнение плана возложили на молодого коммуниста, бывшего члена Уралобкома Союза социалистической рабочей молодежи В. В. Грачева. Вместе с другими коммунистами и комсомольцами Грачев проделал порученную ему работу быстро и успешно. В основу организации был положен принцип десятков. Десятскими назначали активных молодых рабочих. Они должны были вокруг себя сплотить группу верных товарищей, умеющих, что называется, «держать язык за зубами». Вся работа проводилась строго конспиративно. Руководящий центр поддерживал связи только с десятскими, а последние — со своим десятком. Без принятия таких мер провести работу по созданию отряда на заводах, заполненных белогвардейцами, было невозможно. Каждый боец — доброволец будущего отряда обязан был иметь при себе лыжи, 4-дневный запас пищи и оружие, хранившееся до поры в тайниках. Строго конспиративное проведение мобилизации позволило избежать провала.

В числе мобилизуемых было много бывших красногвардейцев. Подготовка к походу шла быстро и в то же

время осмотрительно, осторожно. У большинства рабочих парней лыж не было. Их изготовление особенно сложным делом оказалось для тех, у кого в доме были расквартированы солдаты. Приходилось делать лыжи по ночам в глухих конюшнях, сараях или у знакомых, в безопасных местах. Наконец, подпольный центр получил сообщение всех десятских о готовности их групп к походу. К. Туманов, взявший на себя роль проводника и руководителя отряда, в назначенный срок указал сборный пункт на углежогных Моховых печах[121]. С мерами предосторожности, применяя хитрость, рабочие вечером 24 февраля стали перебираться из поселков в лес. Уходили небольшими группами и в одиночку. Наблюдательные жители заметили, что «лежебоки»-красногвардейцы, вынужденные скрываться дома, у родственников или знакомых, рьяно взялись за возку дров и бревен из леса. По слухам, некоторые из них неизвестно кем были «наряжены» на работу. Пряча в санях лыжи, продукты, оружие, миньярцы и ашабалашевцы лесными дорогами и по бездорожью стали стекаться к Моховым печам. Собрались 170 человек. Часть рабочих была отправлена обратно из-за отсутствия у них лыж. Осталось более полутораста бойцов. Командиром отряда становится К. М. Туманов, а комиссаром — В. В. Грачев. Проводником был В. Шарков[122]. Примерно каждый второй рабочий отряда имел винтовку. Некоторые были вооружены револьверами, гранатами. Многие бойцы, рассчитывая на быстрый и легкий переход через линию фронта, продуктов питания взяли не более чем на сутки-двое. Отряд тронулся в путь 26 февраля[123].

Погода не благоприятствовала переходу. Вначале была оттепель, беспрерывно падал мокрый снег. Пробираясь на лыжах по бездорожью, по глубокому снегу, через крутые горы и чащобы, в обход сел и деревень, бойцы вымокли. У подавляющего большинства лыжи были простые, не охотничьи. При подъеме в гору они тянули лыжников назад. Приходилось лыжи то и дело снимать, идти пешком, проваливаясь по колено, а порой и по пояс в снег. Мокрый снег набивался в набухшие от сырости валенки, за ворот. Одежда вымокла так, что хоть выжимай. И вдруг ударил 40-градусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной корой. Мороз обжигал лицо, сковывал дыхание. Коченели руки и ноги, сводило суставы. Промерзали до костей. Не спасала

и быстрая ходьба. К тому же на нее не хватало и сил: шли несколько суток, не заходя в деревни, не отдыхая. Бичом отряда стал не только мороз, но и голод: через два дня похода кончились продукты. Положение отряда было ужасным. Пять суток продолжался этот стодвадцатикилометровый переход! Многие, сраженные голодом, морозом, усталостью, падали. Но их поднимали не менее уставшие товарищи и, прилагая нечеловеческие усилия, увлекали за собой. За оставшимися посылали наиболее сильных — И. А. Горшкова, Е. Д. Чертова и др.

Белогвардейцы получали сведения, что из района Моховых печей на соединение с Красной Армией идет большой отряд рабочих. Так, из допроса группы молодежи, переходившей 28 февраля фронт и захваченной дозорными 12-го Оренбургского казачьего и 43-го Верхнеуральского белогвардейских полков, было выяснено, что отряд должен перейти линию фронта 2 марта. Но точного направления движения отряда колчаковцам установить не удалось [124]. В районе Тереклы авангардная группа отряда неожиданно наткнулась на белогвардейцев. Начался неравный бой. Часть авангарда сумела укрыться в лесу. Услышав шум боя, отряд свернул в сторону и избежал столкновения с белогвардейцами [125]. Героический поход отважных продолжался. Произошла долгожданная встреча с войсками 5-й армии в селе Никольском.

Но не всем суждено было пережить радость этой встречи: в дороге погибло или попало в руки врага 10—15 человек, 40 человек обморозили конечности, четверть из них настолько сильно, что стали инвалидами [126]. Во фронтовой сводке по 5-й армии 4 марта отмечалось, что из Миньярского завода перешел вооруженный отряд рабочих в 150 человек. Миньярцы были настоящими героями, людьми удивительной стойкости и воли к победе. Безграничная преданность революции и лютая ненависть к ее врагам вдохнули в них нечеловеческие силы, и они смогли совершить беспримерный подвиг. Навсегда запомнился участникам перехода такой эпизод. Старый рабочий, член партии с 1903 г. Я. Г. Заикин ночью перед выходом из-за линии фронта упал, замерзая, стал засыпать. Подошедшему к нему А. С. Коржакову он сказал: «Иди, все равно погибну. Я останусь». Но не из тех был Коржаков, человек совершенно замечательный,

могучего телосложения, еще молодой, лет 28, но коммунист с большим партийным стажем, исключительно авторитетный в Симском горном округе. Он нашел в себе силы, поднял Заикина на плечи и вынес его на себе в расположение частей Красной Армии [127]. Всего в февральские дни в Уфу пришло более 200 миньярцев, десятки ашабалашевцев, немало симцев и других рабочих, а также крестьян [128].

В дальнейшем почти всем из них довелось вместе сражаться в рядах героической Красной Армии. Несколько миньярцев, поморозившихся во время многодневного похода, после ампутации ног и излечения добрались до своих земляков на фронте и наотрез отказывались вернуться в тыл, умоляя командиров устроить их пулеметчиками на тачанки. За своих товарищей стали настойчиво просить все участники похода. Необычную просьбу пришлось удовлетворить. Миньярцы-инвалиды прекрасно сражались, отличались бесстрашием и мужеством.

В феврале под руководством членов бюро ЦК шла работа по созданию специального особого отряда, получившего официальное наименование «отряда охотников (лыжников) 5-й армии». По замыслу бюро ЦК, такой отряд, состоящий из южноуральцев, хорошо знающих местность, мог выдвинуться далеко вперед, зайти в тыл врага, стать опорой и ядром повстанческих войск в случае успеха вооруженного восстания. Все это позволило бы прорвать вражеский фронт, внести панику в белогвардейские войска, отрезать им путь к отступлению в Сибирь, предотвратить разрушение железной дороги [129]. С отрядом лыжников бюро намеревалось послать одного из своих членов [130]. В отряд решено было включить добровольцев, главным образом рабочих Миньярского, Аша-Балашевского и Симского заводов, а также, как вспоминал Д. А. Брагин, прибывших в Уфу моряков во главе с Похолком. Командиром отряда был назначен С. Д. Павлов. Павлов, хорошо известный под именем «Мичман Павлов», с конца 1917 г. являлся командиром Северного летучего отряда, прибывшего на Урал из Петрограда, одним из военных руководителей борьбы с дутовцами. Численность отряда в начале марта достигла 270 человек. Он был хорошо вооружен, имел 8—9 пулеметов [131].

Отряд успешно и усиленно готовился к выполнению

особого задания. Бойцы ежедневно с энтузиазмом совершенствовали боевое мастерство, учились действовать в особо тяжелых условиях. В лесу, по глубокому снегу, на особо приспособленных санях из лыж перевозили боеприпасы, развертывали к бою пулеметы. Отработка тактики партизанской борьбы шла успешно. Этому способствовало то, что бойцы с полной ответственностью подходили к учениям, понимали, что без овладения военными знаниями каждым из них сложные задачи отряд выполнить не сможет. Когда, по мнению командования 5-й армии, части были подготовлены к наступлению, отряд лыжников в марте направили на выполнение задания.

В тыл колчаковских войск он должен был пройти на участке 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. Отряд прибыл на указанный ему участок, в район Старо-Кулево, 8 марта. Ночью ему предстояло пройти в горы. Но в этот день выяснилось, что вражеская Западная армия, перешедшая за два дня до того в наступление, вынудила соседнюю 27-ю стрелковую дивизию отступить. В тяжелом положении находилась и 26-я дивизия.

В связи с нависшей угрозой прорыва противника на участке 2-й бригады отряд С. Д. Павлова был спешно брошен на подкрепление и передан в распоряжение командования 26-й дивизии[132]. С. Д. Павлов получил новое назначение. Командование отрядом принял молодой коммунист, участвовавший в 1918 г. в подпольной и партизанской борьбе в Уфе и ее районе, Я. Х. Ахметов. Отряд Ахметова с боями отходил к Уфе и далее — к Белебею. Его бойцы сражались отважно, но подразделения редели, к 9 апреля в отряде осталось только 60 человек. Но в районе Уфы в него влилось большое пополнение, сотни уфимских рабочих-добровольцев, и были включены другие отряды, в частности рота моряков. По некоторым сведениям, отряд вырос до 1500 бойцов. Он становится одной из крупнейших боевых единиц, прикрывавших отход к Белебею.

В районе Новотроицка и Павловки отряд, стремившийся во что бы то ни стало сдержать и отбросить врага, начал яростную контратаку, которая оказалась успешной. В надежде на поддержку соседей, отряд ринулся вслед за отступающими колчаковцами, нанося им новые чувствительные удары. Но поскольку соседние части не смогли закрепить успеха ахметовцев, отряд,

продвинувшийся на глубину 25 километров, оказался в глубоком тылу противника. Отряд занял большой участок железной дороги, вывел из строя коммуникации, освободил ст. Давлеканово, т. е. перешел на партизанское положение. В это время противник произвел перегруппировку сил и замкнул фронт в тылу отряда Я. Х. Ахметова [133].

Отряд дрался в окружении трех вражеских полков— 13, 14 и 15-го. Он разгромил 13-й Уфимский полк, причинил большой урон другим полкам, но сам, прорываясь из окружения, нес невосполнимые потери. Отряд выходил двумя группами в направлениях на Бугуруслан и Бугульму. В одном из боев в районе Павловки смертью героя пал Я. Х. Ахметов вместе с бойцами роты моряков и В. В. Грачевым. Многие полегли в жестоком сражении, но часть бойцов, в том числе из бывшего отряда С. Д. Павлова во главе с принявшим командование коммунистом М. П. Козловым прорвались к красным и были выведены на ст. Нурлат Уфимско-Самарской линии железной дороги. После пополнения отряд вновь выступил на фронт и отважно сражался [134].

Бюро ЦК вместе с Реввоенсоветом 5-й армии перед эвакуацией Уфы выехало в Белебей, продолжая работу. Резкое осложнение положения на Восточном фронте, отступление 5-й армии и других соединений, острый недостаток опытных партийных работников послужили мотивом для временной ликвидации (временной приостановки деятельности) Сибирского бюро. Как явствует из документов, на ликвидации бюро настоял Л. Д. Троцкий. В этом факте нашла проявление постоянная недооценка Троцким Восточного фронта. Членам бюро в двадцатых числах марта 1919 г. была послана телеграмма. В ней сообщалось, что в ЦК РКП(б) принято постановление всех работников бюро влить в армию, впредь до изменения положения на фронте, после чего они могут возобновить свою деятельность [135].

Члены бюро ЦК прилагали некоторые усилия к отмене решения ЦК. Так, И. Н. Смирнов телеграфировал К. Т. Новгородцевой и Ф. И. Голощекину (последний находился в то время в Москве): «Не отрицая необходимости вливания сил в армию, я считаю ликвидацию деятельности бюро вредным, поэтому прошу тебя (Голощекина. — *И. П.*) отстоять в ЦК дальнейшее наше существование»[136]. Но положительных результатов в деле сохранения бюро его членам достигнуть не удалось.

На Пленуме ЦК РКП(б) 25 марта (председатель В. И. Ленин) стоял вопрос «Об Уральско-Сибирском бюро». 26 марта, рассмотрев его специально, Оргбюро ЦК постановило: «Сибирско-Уральское бюро в Вятке продолжает работать по-прежнему, получая инструкции и давая отчет непосредственно ЦК. Часть бюро, работавшая в Уфе, временно прекращает свою работу, согласно постановлению ЦК, всех своих работников передает в распоряжение фронта»[137]. Итак, бюро официально именуется Урало-Сибирским; отделение с этого времени рассматривается как бюро, непосредственно подчиняется ЦК. Ф. И. Голощекин был направлен на работу в Туркестанскую комиссию ВЦИК и СНК РСФСР в Оренбург, очевидно, 29 марта. В этот день ему было выдано соответствующее удостоверение[138]. Позднее, в апреле, он был назначен членом реввоенсовета Туркестанской армии, а И. Н. Смирнов — членом реввоенсовета 5-й армии[139]. Сотрудники бюро получили назначение на военно-политическую работу в 5-ю армию. Например, И. А. Ананьин назначается командиром полка, Д. К. Гончарова работала в одном из запасных полков, К. О. Эзерман — в военно-революционном трибунале 5-й армии[140]. С этого времени Сибирское бюро как коллективный орган в течение двух с лишним месяцев фактически не функционировало.

До ликвидации, в период отступления войск Красной Армии, бюро успело, однако, проделать значительную работу. В Уфе и других городах, в поселках и селах спешно создаются группы коммунистов и сочувствующих Советской власти рабочих, крестьян для подпольной работы в тылу противника. Так, К. М. Туманову, направленному на Тимашовский завод, поручили организовать разведывательную работу в тылу белогвардейских войск. В его распоряжение было выделено 8 сотрудников, заблаговременно разъехавшихся по различным пунктам Бирского и Белебеевского уездов. Сотрудники имели задание информировать Туманова о колчаковских войсках. Он должен был их передавать по скрытому подводному проводу, проведенному по реке Кинель, в штаб 5-й армии. Однако задание выполнять не пришлось, так как указанные районы Красная Армия сумела удержать[141].

При подготовке коммунистов для подпольной работы в городах и поселках, оставляемых частями 5-й армии,

члены ЦК опирались на помощь некоторых местных партийных комитетов. Например, Белебеевский комитет РКП(б) во второй половине марта разработал свои предложения о задачах коммунистов, готовящихся к работе в тылу врага, определяя формы и методы их действий. Предложения были переданы в бюро ЦК [142].

Оставшиеся в тылу белых коммунисты сразу же развернули революционную работу, успешно проводили большевистскую агитацию. Начальник военного контроля штаба 6-го корпуса армии белых сообщал 28 марта, что в Уфе оставлено значительное число членов большевистской партии, в задачи которых входили: «...агитация, срывать объявления военных властей, расклеивать свои прокламации, совершать террористические акты и, если обстановка будет благоприятной, подготовить внутреннее восстание»[143]. В конце марта колчаковцы, в частности, писали об оставленном в городе «агенте, некоем Васильеве, проживающем по Бекетовской улице»[144]. Белогвардейцы указывали на трудности борьбы с подпольщиками, так как их поддерживало и укрывало уфимское население [145].

Сибирское бюро за декабрь—март при непосредственном участии ЦК РКП(б) подобрало и подготовило для нелегальной работы в тылу колчаковцев большое количество коммунистов и беспартийных активистов, о которых уже шла речь, но которых следовало бы назвать вновь: Алексеевский, Я. В. Анисимов, И. И. Антонов, А. Антропов, И. Б. Борисов, А. Я. Валек, Р. И. Валек, Гальперин, О. Д. Гержеван-Латти, Э. С. Гольцман, М. Г. Горчеев, А. А. Григорьев, В. П. Заикин, М. С. Иванов, А. И. Катунин, Краснов, М. В. Летучев, З. И. Лобков, С. Г. Логинов, А. Я. Михеева, Назаров, «Наумка», Д. К. Новоселов, З. Н. Подольская, Ф. А. Сатке, К. М. Туманов, Удалов, Факелов, Ф. (или Н. Г.) Фатеев, Филиппов, П. П. Хорохорин, Е. Е. Энтальцев, вероятно, также М. А. Борисова, Васильев, Г. Ф. Ситникова. Следует иметь в виду еще двух лиц, переправлявшихся вместе с Красновым,— мужчину и женщину, и 8 сотрудников группы К. М. Туманова, готовившихся в марте к нелегальной разведывательной работе в районе р. Кинель. Этот перечень составляет 46 человек, из которых 32 человека фронт перешли, об одном на этот счет вопрос до конца не выяснен, и 13 человек фронтовую линию не переходили определенно.

К сказанному следует добавить, что сотрудники бюро провели конспиративную подготовку нескольких проводников, в том числе известных нам Д. Гайтанова и И. Мижавирова, также переходивших фронтовую линию. Несомненно, в период отступления из района западной части Уфимской губернии в марте бюро оставляло в тылу врага своих представителей, разведчиков, но выявить данные о них, имена (кроме Васильева, в Уфе) не удается. Наконец, важно подчеркнуть, что крупным результатом работы бюро было формирование, обучение, тщательная подготовка для действий в тылу врага партизанского отряда С. Д. Павлова в 270 человек, приступившего к операциям в прифронтовой полосе, но в силу сложившейся ситуации вынужденного отказаться от выполнения прямого задания.

Следовательно, важнейшим итогом кратковременной работы бюро ЦК на первом этапе явилась подготовка для нелегальной работы и партизанских действий в тылу противника не менее 310—315 коммунистов и беспартийных, несколько десятков из которых (около 30 или больше) были переправлены через фронтовую линию, часть из них погибла, другие успешно справились с данными им заданиями.

К моменту приостановки деятельности бюро ЦК его члены и сотрудники проделали большую работу. Особенно много было сделано для укрепления подпольных организаций на Южном Урале и развертывания там революционной борьбы. Но и коммунисты других районов Урала и Сибири, ЦК РКП(б) Сибири почувствовали резкое усиление помощи кадрами, деньгами, сведениями информационного характера. Неоценимое значение имели указания и предложения относительно направлений, форм и методов подпольной работы, тактики революционной борьбы в различных зонах колчаковского тыла. Более тесными и постоянными стали связи с близлежащими и отдаленными подпольными организациями Урала.

Для закрепления и развития достижений бюро по руководству подпольными организациями обстановка требовала продолжения его деятельности. Именно в тот момент, когда сотрудники бюро перешли на политическую работу в частях 5-й армии, в конце марта — начале апреля, крупные подпольные организации понесли небывалый урон из-за сильнейших провалов. Коммунис-

ты в этот период, как никогда, нуждались в помощи по восстановлению разгромленных врагом организаций, возобновлению их работы. В связи с этим следует считать решение о направлении Ф. И. Голощекина в Туркестанскую армию, о ликвидации (приостановке работы) бюро неоправданным и поспешным. В бюро работало всего лишь несколько человек, но значение их деятельности было поистине огромным. ЦК партии, военно-политические органы вынуждены были — иногда при отсутствии квалифицированных сотрудников — готовить коммунистов, разведчиков и засылать их в тыл врага. Этим в той или иной степени занимались Ф. И. Голощекин и И. Н. Смирнов, будучи членами реввоенсоветов.

2. Начало деятельности отделения бюро ЦК

Ко второй половине марта 1919 г. определенных результатов достигло и отделение в Вятке, начавшее развертывать работу значительно позднее, нежели само Сибирское бюро ЦК. Отрицательно сказались и трения в его составе, неправильное поведение К. М. Ракая. Претендуя на роль руководителя отделения бюро, Ракай выполнял поручение по налаживанию системы связи с подпольными организациями через лесничества без энтузиазма.

Лесные пространства, спрятанные от людского взора избушки лесников были весьма заманчивым путем связи между советской частью страны и подпольными организациями Урала и Сибири. Еще летом 1918 г. партийные комитеты и военно-политические органы использовали лесничества для засылки в тыл врага партизанских отрядов. Так было, например, под Екатеринбургом — в Монетном лесничестве, где стража и лесничий сочувствовали Советской власти. Они провели в тыл врага, минуя заставы противника, отряд Жебенева. В Шадринском уезде через леса в направлении железнодорожной станции Мишкино пробирались разведчики и коммунисты в Челябинск, Златоуст, Омск и другие города. Этим же путем они возвращались, принося ценные сведения.

Но с возникновением огромного и сплошного фронта положение изменилось. Использовать лесничества стало трудно. Во многом это объяснялось антисоветским настроением части служащих лесничеств. К. Ракай, как

он сообщал в докладе в ЦК, всю лесную полосу северного участка Восточного фронта «разбил» на три района: «Челябинский, Соликамский, Пермско-Оханский»[146].

Для установления связи с большевистски настроенными лесниками по обе стороны фронта, подбора надежных людей в качестве «временных разведчиков» в один из указанных районов был послан В. В. Марцинкевич, местный житель[147]. Предполагалось направить ряд других работников. К. М. Ракаю и его помощнику В. Э. Росову, члену партии с 1905 г., работавшему в Уральском областном, а затем в Вятском губернском отделе лесов, было известно, что по другую сторону фронта в качестве резидентов оставлены лесоводы С. И. Челядин и А. В. Кюзе. Однако конкретных сведений об использовании «лесной полосы» отделением бюро ЦК не встречается. Очевидно, связь с ними так и не была установлена или вскоре прервалась.

Члены отделения вынуждены были искать другие пути переправы работников за линию фронта, подключения к этому нужных людей. Большая заслуга в этом деле принадлежит С. Ф. Баранову, совершавшему поездки в прифронтовой полосе. О напряженности, важности этой работы свидетельствует его письмо председателю отделения: «Добрый день, Николай Иванович! Работа, которую предстояло проделать в Верещагино к-м Р.К.П., уже проделана и мне оставалось только их связать с установленными ячейками. Здесь к-м еще и до меня предпринимались меры к посылке тов. агентов в тыл к белым, но ввиду отсутствия связей с воинскими частями каждый раз были задержаны нашей заставой или разведкой, а потому посылаю к Вам для инструктирования товарища Бессонова Филитера Тимофеевича, рекомендованного Верещагинским к-м Р.К.П., который изъявил желание поехать для связи или для работы (это уж Вы решите с ним). Вы также укажете ему путь беспрепятственного прохода к белым товарища, к которому он мог бы обратиться за содействием. Кроме этого, Николай Иванович, я полагал бы направить его в Чусовской завод не столько для связи, сколько для оставленных там товарищей (у Вас имеются адреса), по Вашему указанию разместить по другим районам, более для них безопасным. Если решите сделать так, то их разыскать таким образом: пусть разыщут Климова Николая Михайловича, он живет на Дальнем Востоке, у

него спросить семейство Сивкова, а через него и найдет товарищей, которых нужно. Одним словом, Вам там виднее.

Я сегодня еду в Григорьевское, все адреса вышлю с нарочным оттуда, а сам еду на Нытвенский завод и дальше. Положение наше на фронте устойчивое. Мы стоим на ст. Шабуничи, за Нытвенским заводом...»[148]

Как видим, член отделения налаживал контакты с местными партийными органами, осуществлял подбор работников, а вместе с тем продумывал вопрос о постановке работы в тылу врага, вносил свои предложения. Но он и сам занимался организацией переправы представителей отделения. Об этом и о системе связи между ним и Н. И. Уфимцевым говорит записка последнего от 19 февраля: «Тов. Баранов! Одновременно с т. Вахрушевым, который везет настоящее письмо, выезжает из Вятки тов. Вожаков-Истомин. Прими к сведению, что Вожаков-Истомин о поездке Вахрушева не знает и не должен знать. Если не закончил свою работу, пошли с тов. Вахрушевым сообщение о проделанной работе. Истомина-Вожакова нужно направить куда следует с принятием всех мер предосторожности. Ознакомить его, насколько возможно, с обстановкой и условиями перехода и пр.»[149]

Ф. Ф. Вожаков был подготовлен для перехода фронтовой линии под фамилией Истомина. Ему в отделении был выдан соответствующий документ[150]. Негласно сопровождающий его И. Вахрушев был связным.

Постепенно центр тяжести в работе по переправе посланцев отделения перемещался к резидентам отделения в соединениях 3-й армии: М. Н. Микову (Особая бригада), В. А. Иванченко, затем Невельсону (30-я дивизия), А. А. Пастоногову и А. Л. Борчанинову (29-я дивизия).

Отделение бюро все больше использовало в деле подготовки коммунистов для засылки их во вражеский тыл опыт Военного контроля и разведывательного отдела штаба 3-й армии, разведывательных органов других соединений, которые достигли в этом больших результатов. Например, одна из разведгрупп в составе 5 человек осенью 1918 г. дважды пробиралась во вражеский тыл, один раз в гражданской одежде, другой — под видом военнопленных, возвращающихся из Германии. Им удавалось собирать важные сведения в районе

станций Утка, Ун, Кузино, Сылва и Лысьвенского завода. В форме белогвардейских офицеров 5-го Томского полка с документами уволенных в трехнедельный отпуск они 25 декабря вновь перешли фронт, двинулись по железной дороге на Камышлов — Тюмень, затем — в Шадринск. Старший (Кочетков) был одет в форму подпоручика, остальные (Барнаульцев, Васенев, Василевских, А. И. Грязных) — прапорщиков. Разведчики не ограничивались сбором информации. Они связались с подпольщиками и партизанами близ Тюмени и Шадринска и приступили к созданию крупного отряда, в то время как часть разведчиков отправилась с добытыми данными за линию фронта (затем вновь вернулась)[151].

Направляя партийных работников в намеченные районы Урала, отделение Урало-Сибирского бюро стремилось опереться на группы коммунистов, оставленных Уральским обкомом партии и отдельными местными комитетами в городах и поселках. Был известен состав таких групп в Екатеринбурге, Сысерти, Алапаевске, Перми, Мотовилихе, Лысьве, Чусовой и ряде других мест[152]. Важное значение придавалось складам оружия, оставленным на Урале в 1918 г., поскольку коренной задачей подпольных организаций было развертывание вооруженной борьбы. Отделение рассчитывало после создания сети резидентств, подпольных организаций, завершения основной работы по подготовке ими вооруженных восстаний направить туда новые группы работников, денежные средства и, если удастся, партии оружия[153]. Оружие, спрятанное в Екатеринбурге, Сысерти, в районе Перми, Алапаевска, других местах, могло быть широко использовано несколькими отрядами восставших. Начало вооруженного восстания отделение, как и бюро, приурочивало к моменту наступления Красной Армии. Инструктируя коммунистов перед отправкой на Урал, члены и сотрудники отделения строго предупреждали их об опасности преждевременных и стихийных выступлений.

Согласуя свою работу с планами советского командования развернуть наступательные операции по освобождению Урала и Сибири в начале весны, учитывая рост антиколчаковских настроений среди трудящихся в связи с февральской мобилизацией, отделение выпускает 23 февраля первый (и единственный) номер специ-

альной газеты «Пламя восстания». Газета была издана как «орган Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)»[154]. Ее название говорит само за себя: она должна послужить развитию революционного движения в тылу белогвардейцев и интервентов, поднять трудящихся Урала на вооруженное восстание.

Конкретным материалам были предпосланы лозунги:

«Диктатура Колчака держится штыками обманутых крестьян и рабочих!

Победа Колчака означает возвращение самодержавия, гнета, насилия и рабства.

Солдаты народной армии! Обратите штыки против ваших поработителей!

Идите в ряды бедняков города и деревни, переходите в братские ряды Красной Армии!»

Разнообразные, яркие статьи были написаны, главным образом, членами отделения бюро ЦК, уральскими партийными работниками. Большое место в газете уделялось характеристике нарастающего разложения колчаковщины, разброда в рядах мелкобуржуазных партий и т. д. Например, в статье «Две власти» указывалось: «Две власти борются теперь в мире — белые и красные. Вот уже более полугода, как Сибирь и часть Урала находятся под властью белых»[155]. Далее сопоставлялась политика контрреволюционеров в этих районах, политика шомпола, зуботычин и расстрелов, с политикой Советской власти, защищающей интересы трудящихся масс. В рубрике «На фронтах гражданской борьбы» правдиво освещалось положение и на севере, и на юге, и на востоке. Были помещены стихи «Большевики» и «Там, где нет большевиков», в которых поэтически, образно противопоставлена политика коммунистов политике белогвардейцев. Все статьи пронизывала идея неизбежности победы Красной Армии. Солдат колчаковской армии, трудящихся призывали к организованному вооруженному восстанию [156].

Газета «Пламя восстания», изданная тиражом в несколько тысяч экземпляров, распространялась в тылу врага и среди солдат колчаковских войск посланцами отделения Урало-Сибирского бюро и политического отдела 3-й армии. Но газета, составленная умело, содержащая сведения о положении по обе стороны фронта, усиленно скрываемом колчаковцами, зовущая в бой против угнетателей и палачей, нашла широкий спрос и за пределами района действий 3-й армии. Так, для рас-

пространения среди вражеских войск и в их тылу политотделу 2-й армии было передано 4 тыс. экземпляров газеты [157], в большом количестве она поступила в политотдел 30-й дивизии 3-й армии [158]. Уже 23 февраля с крупной партией газет по поручению отделения выехал в Глазов, а затем на фронт коммунист М. Г. Фоминых. Параллельно он выполнил и другое задание — опросил 21 военнопленного [159]. Газета сыграла свою положительную роль в политическом воздействии на трудящихся и колчаковских солдат.

Укажем на один из многочисленных эпизодов распространения большевистской литературы среди белогвардейских солдат непосредственно на фронте. Красноармейцы пользовались тем, что колчаковские власти дезинформировали солдат, и те нередко по своей инициативе стремились узнать об истинном положении на фронтах, в свободной части Советской республики, о политике ленинской партии. В один из весенних дней на участке 268-го Уральского стрелкового полка 30-й дивизии солдаты-беляки стали предлагать красноармейцам встретиться, пойти на своего рода «братание». Один красноармеец с согласия командования, с табачком в кармане, встретился с шестью солдатами. «Вскоре,— как сообщал позднее представитель информбюро дивизии А. Ермаков,— группа человек в 10 красноармейцев с гармонью и без оружия, перейдя линию окопов, с музыкой пошла по направлению к деревне, занятой противником, с целью вызвать последнего на более широкое братание, причем снова захватили с собой табак и воззвания к белым: просьбы о присылке того и другого были переданы нам от вернувшегося товарища. Подойдя к белым на довольно близкое расстояние, наши стали передавать табак и воззвания белым, причем со стороны последних кто-то крикнул, чтобы наши скорей бежали обратно и что их сейчас будут обстреливать. После чего наша группа стала удаляться к окопам». Ермаков добавлял, что «к попыткам противника завязать переписку и братание наблюдается большой интерес со стороны армейцев, которые пользуются всеми случаями для того, чтобы послать белым или воззвания, или собственные произведения, стремясь посеять разложение в рядах врага... Воззвания расходятся в большом количестве, есть сведения, что к ним наблюдается интерес со стороны мобилизованных» [160].

В тот же период, когда вышла в свет газета «Пламя восстания», заканчивалась подготовка к отправке на Урал первых групп коммунистов. В конце февраля и первой половине марта из Вятки к фронту отправились посланцы отделения бюро. В докладе отделения членам бюро ЦК сообщалось, что к 10 марта на Урал с различными поручениями ушло 19 коммунистов [161], в том числе резиденты, работники-организаторы, ходоки. Некоторые из них получили задание установить связь с коммунистами, оставленными на Урале при отступлении Красной Армии [162].

Это были упоминавшиеся выше М. И. Соловьев, П. Н. Спиридонов, С. Г. Грачев, П. И. Смирнов, В. М. Лифанов, Г. Е. Иванов, В. П. Андреева, схваченные колчаковцами, а также В. В. Марцинкевич, В. А. Иванов, И. И. Сакулин, М. П. Туркин, Н. В. Жужгов, А. Ф. Фадеев, А. И. Дубовцева, Н. Н. Вшивцев, А. Ю. Юрш и др. Иванов и Сакулин, как ходоки-разведчики, были подготовлены в числе первых. Они еще 25 февраля приехали на фронт в Усольский уезд, но там их задержали военные власти, не принявшие во внимание удостоверения, выданные от имени Особой комиссии. Переправиться им удалось лишь недели через три. В. А. Иванов вторично прибыл на фронт 13 марта. На этот раз у него, как и у И. И. Сакулина, попытка оказалась успешной.

В. А. Иванов в отчете о выполнении задания указывал, что в с. Рождественском Усольского уезда он уговорил местного коммуниста П. Н. Серинова помочь ему перебраться через линию фронта. В ночь на 15 марта они выехали на лошади, потом пошли лесом, на лыжах, и вечером 17 марта вышли на Заозерный затон. Далее Иванов один пробирался на Пермь (там его приютил учитель Стефановской школы Волков) и в другие места. И. И. Сакулин после неудачи в с. Юрла также прибег к помощи местного коммуниста О. И. Ванькова. С ним направился к Чердыни через Кондовские рудники на лыжах, лесом. Из д. Чужья Сакулин отправил Ванькова за разведданными, а сам собирал необходимые сведения в окрестностях. По возвращении Ванькова вновь перешли линию фронта. Информация И. И. Сакулина и В. А. Ванькова была весьма обширной. Она освещала положение в Перми, Мотовилихе, прилежащих к ним районах, в Усольском, Чердынском уездах, свидетельствовала о росте недоволь-

ства трудящихся колчаковщиной, волнениях среди мобилизованных и т. д.[163] Что касается других названных коммунистов, то им в то время переправиться через фронтовую линию не удалось. Причины были самыми разными: неверно оформленные документы, несоответствие собственной внешности виду того, за кого должен был выдавать себя представитель отделения, а главное — трудности в самой системе переправы. Коммунисты вернулись в отделение бюро[164]. Почти все они вновь были посланы через линию фронта, но значительно позднее, о чем речь пойдет далее.

Как видно, первые шаги отделения бюро ЦК по переправе коммунистов на Урал оказались неудачными. Из большой группы коммунистов только пятерым (включая Марцинкевича) удалось перейти линию фронта, и лишь двоим из них удалось избежать ареста и выполнить задание. Нельзя не отдать дань уважения их смелости и настойчивости. Но их деятельность не выходила за рамки встреч с отдельными лицами, сбора разведывательных сведений и практически не сказалась на улучшении работы подпольных организаций Урала. Видимо, отделение и не требовало этого от них.

Условия для передвижения в прифронтовой полосе были трудными, и коммунисты, не сумевшие перейти линию фронта, вернулись в Вятку не скоро. Телеграфом на первых порах отделение пользоваться не решалось. Члены отделения бюро, считая, что работа началась успешно, продолжали подготовку к засылке в тыл врага новых людей. При этом они полагали, что целый ряд районов работниками обеспечен и задача состоит в отправке резидентов, организаторов и связных в остальные. С появлением тех, кто линию фронта не перешел, пришлось внести значительные коррективы, возобновить подготовку групп для засылки практически во все районы Северного и Среднего Урала.

Необходимо отметить, что почти все авторы, пишущие о коммунистах, переправлявшихся в тыл врага бюро и отделением, предметно вопрос не изучают, берут «внешне лежащие данные», в силу чего получается неверная картина результатов их работы. Например, А. М. Шиндин считает, что «наибольшее количество партийных работников за этот период деятельности Сиббюро было послано его Северным отделением на Северный и Средний Урал. К 10 марта 1919 г. численный состав их достиг 19 человек»[165]. Данный и другие

авторы механически воспринимают то место из доклада отделения Сибирскому бюро о своей работе по 10 марта 1919 г. включительно, в котором говорится, что им в это время «послано всего на Урал с разными поручениями 19 товарищей»[166].

Как мы отмечали, в марте после составления данного доклада началось повальное возвращение коммунистов в отделение. И выяснилось, что перешли фронт и выполнили задание только 4 посланца из 19 (Марцинкевич, посланный К. М. Ракаем, в списке не значился). Следовательно, реальные результаты работы отделения в переправе своих представителей за линию фронта в то время были весьма незначительными. Само же бюро ЦК в это время достигло несравнимо больших успехов. Всего бюро и отделение направили к фронтовой линии до 66 человек, из которых ее перешли до 36 человек. В том и другом отношениях львиная доля приходится на бюро ЦК, а не на отделение. Преуменьшать роль первого и преувеличивать роль последнего (в рассматриваемые месяцы работы) нет никаких оснований.

Первые месяцы работы Сибирского (Урало-Сибирского) бюро и его отделения свидетельствовали о том, что Центральный Комитет партии в лице указанных органов получил важные рычаги для повышения уровня руководства большевистским подпольем Урала и Сибири, усиления разнообразной помощи ему. Руководство Центральным Комитетом подпольными организациями, прежде всего на Южном Урале, стало более оперативным и организованным. Сибирско-уральскому подпольному центру, некоторым местным нелегальным большевистским организациям стали доставлять средства, литературу, информацию. Но особенно важное значение имело усиление помощи подпольным организациям кадрами и конкретными директивными установками, разрабатываемыми в ЦК и в бюро с учетом опыта революционной борьбы коммунистов в тылу колчаковской армии, условий, в которых им приходилось действовать.

3. Коммунисты-подпольщики во главе революционной борьбы масс

Зимой 1918—1919 гг. и в начале весны 1919 г. деятельность большевистского подполья находилась на новом подъеме. Руководствуясь директивами ЦК, Сибир-

ского бюро, решениями II Сибирской нелегальной партийной конференции, подпольные большевистские организации усиливали борьбу против колчаковщины, повышали уровень руководства революционными выступлениями рабочих, солдат и крестьян. Продолжался процесс формирования новых и укрепления действующих организаций. Активностью и многочисленностью отличались Челябинская, Екатеринбургская, Златоустовская, Миньярская, Троицкая, Курганская, Омская, Томская, Кольчугинская, Барнаульская, Новониколаевская, Красноярская, Иркутская, Черемховская, Верхнеудинская, Читинская, Благовещенская, Хабаровская и Владивостокская организации. Сформировались общегородские организации там, где их прежде не было. Часть из них создали партийные работники, прибывшие из-за линии фронта по поручению бюро ЦК и других партийно-политических органов. Кроме того, они сыграли важную роль в усилении работы многих организаций и подготовке ими вооруженных восстаний.

Приезд в Екатеринбург А. Я. Валека и других работников-коммунистов привел к объединению в январе 1919 г. разрозненных групп и образованию общегородского комитета. В его состав вошли А. Я. Попов и А. Рябков (Самков), председателем стал А. Я. Валек. В марте в городе действовали десятки конспиративных «пятерок». Город был разбит на несколько районов. Районы в свою очередь делились на участки, а последние — на кварталы [167].

Основные усилия организация направляла на то, чтобы поднять на борьбу против Колчака широкие массы трудящихся. Особенно активно и организованно действовали рабочие заводов Верх-Исетского и Ятеса, где были крепкие подпольные группы [168]. Рабочие-железнодорожники проводили диверсии, выводили из строя подвижной состав, облегчая положение Красной Армии на фронте.

Подпольная организация многое сделала для освобождения из местных тюрем и конвоируемых колонн коммунистов. В этой работе отличались отважные подпольщицы П. И. Державина, Г. А. Сушенцова (в дальнейшем погибли), З. Г. Устьянцева, А. Д. Маркова.

Важные результаты в работе были достигнуты подпольщиками во главе с А. Я. Поповым в гарнизоне, состоящем более чем из 10 войсковых частей. В начале марта 1919 г. командующий Сибирской армией генерал

Р. Гайда с горечью признавал, что в «последнее время замечаются в больших размерах самовольные отлучки и дезертирство солдат из войсковых частей»[169].

Екатеринбургская организация была связана с организациями Омска, Томска, Челябинска.

В работу Челябинской подпольной организации внесли оживление посланцы бюро ЦК А. А. Григорьев З. И. Лобков и вернувшийся из Уфы член общегородского комитета М. С. Иванов. Организация с помощью бюро ЦК была обеспечена денежными средствами, имела большие запасы оружия. Под руководством Лобкова, Григорьева, членов общегородского комитета РКП(б) В. И. Гершберга — председатель, Д. Д. Кудрявцева (дядя Митяй), О. П. Хотеенкова, С. М. Рогозинского (Карпович) и других проводились совещания партийного актива. Решалась поставленная бюро ЦК задача по превращению Челябинска в центр «уральской и западно-сибирской работы». Подпольные ячейки существовали буквально на всех предприятиях города, в некоторых профсоюзных организациях, на всех участках станции Челябинск, в паровозном и вагонном депо, в мастерских, вне города — на угольных копях, железнодорожных станциях. В середине марта в организации было около 330 членов партии. В составе нелегальных групп было несколько сотен беспартийных солдат, всего же — не менее тысячи подпольщиков[170].

Челябинские коммунисты достигли выдающихся результатов в разложении колчаковских войск, в завоевании солдат на сторону Советской власти, и в этом прежде всего заслуга «дяди Митяя», бесстрашного революционера, зимой специально вступившего в армию Колчака — местный батальон. К сформированному зимой 1919 г. полку (куреню) им. Т. Г. Шевченко прикрепили коммуниста В. Г. Киселева. Его работу направляли М. С. Иванов, И. Х. Васанов, И. С. Солодовников и др. Они создали в полку революционную организацию численностью около 80 человек, ее непосредственно возглавил революционно-военный Совет под руководством В. И. Орловского. Многие члены Совета вступили в полк по заданию организации. К весне полк был распропагандирован и в массе своей готов по призыву коммунистов к восстанию[171].

Коммунисты Челябинска, как и Екатеринбурга, намеревались поднять восстание в середине апреля в надежде, что к тому времени Красная Армия освободит

Златоуст. Широкий размах приобрела идеологическая работа в массах. Особое значение имел выпуск листовок, их к марту 1919 г. было выпущено 8. По мнению видного подпольщика И. С. Солодовникова, организацией было выпущено до 20 тыс. экземпляров различных листовок [172]. В одной из белогвардейских сводок отмечалось: «На фронте в значительном количестве распространяются большевистские прокламации, из коих видно, что печатались они в Челябинске. Кроме фронтовых частей прокламации эти попадают и во вновь формируемые части войск»[173]. Действенной была и устная агитация, усиливающаяся всякий раз, когда с фронта поступали радостные известия о победах Красной Армии. Налажена была работа Красного Креста, подпольной разведки и контрразведки. Челябинский комитет передавал сведения Сибирскому бюро, командованию частей Красной Армии через специальных курьеров и отправляющихся на фронт солдат, с которыми поддерживалась прочная связь; при первой возможности они переходили к красным [174].

Успешно действовали коммунисты и в других городах и районах Урала, особенно в Златоустовском и Уфимском уездах Уфимской губернии. Златоустовской, Миньярской, Аша-Балашевской, Симской, Катав-Ивановской и рядом других организаций непосредственно и через Челябинский и Златоустовский комитеты партии руководило бюро ЦК.

Решимостью в борьбе с Колчаком отличались рабочие многих заводов и железнодорожных станций Златоустовского района. В феврале 1919 г. в Златоуст прибыл И. И. Антонов, представитель Урало-Сибирского бюро ЦК. Возложенное на него поручение — создать в Златоусте единую организацию и наладить связь с Челябинском — он выполнил. Был создан подпольный комитет в составе трех коммунистов, позднее в него кооптировались еще два человека. В соответствии с указанием бюро ЦК по предложению И. И. Антонова сформирован военный штаб из пяти человек, трое из которых были членами комитета. Укрепилась связь с отдельными подпольными группами, организациями. Возникли новые группы. Резко возросла (до 800 человек) численность подпольной организации военнопленных мадьяр и немцев. Ею руководил опытный немецкий коммунист И. И. Беккер. Он был непосредственно связан с И. И. Антоновым, горкомом. Среди военноплен-

ных вели работу и русские подпольщики И. А. Бодряков, Ф. П. и М. Г. Зайкины. Они распространяли листовки, проводили беседы. Интернационалисты наладили издание нелегальной рукописной газеты [175].

Бурный рост подпольной организации затруднил для Златоустовского комитета и военного штаба руководство ею. Тогда были созданы районные комитеты. Организация поддерживала тесные связи с Челябинском, Троицком, многими южноуральскими заводами. В феврале 1919 г. была создана организация во главе с военно-революционным штабом в Троицке. Ее возглавил коммунист, питерский рабочий Н. С. Полухин, прибывший из Челябинска. За многие месяцы активной работы организация не имела ни одного массового провала. В одном из агентурных сообщений местной контрразведки говорилось, что «организация обставлена весьма конспиративно»[176]. Объяснялось все это наличием в городской милиции группы подпольщиков во главе с П. П. Коптяковым (Око), имевшей доступ даже к секретным совещаниям с участием представителей контрразведки. Группа предупреждала о готовящихся арестах, сообщала о провокаторах.

Налаживалась нелегальная работа в Перми, Мотовилихе, Надеждинске, Уфе, в марте 1919 г. вторично захваченной белогвардейцами. Борьба подпольщиков развертывалась в Кизеле, Лысьве, Чусовой, Кунгуре, Кушве, Алапаевске, Камышлове, Ирбите, Шадринске, Бирске, Нижнетагильском, Нижнетуринском, Михайловском, Полевском, Березовском, Сысертском, Белорецком, Богоявленском заводах, в селах Пермского, Красноуфимского, Верхотурского, Екатеринбургского, Камышловского, Туринского, Челябинского, Троицкого, Златоустовского, Уфимского и других уездов. Белогвардейцы отмечали факт активной нелегальной работы в с. Горбуново, близ Тагила. Коммунистов и беспартийных подпольщиков трудящиеся крестьяне настолько активно поддерживали, что местные власти, кулаки и милиция не в состоянии были действовать открыто. Они провели «тайное собрание», на котором составили список большевиков и крестьян, сочувствующих Советской власти, и послали его военным властям. В Горбуново направили команду 14-го стрелкового полка для производства арестов. Однако собравшиеся на сход крестьяне не допустили этого, заявив, что обвиняемые односельчане «не коммунисты», что они «оговорены» и т. д.[177]

Еще более активным и многочисленным было большевистское подполье в Сибири. Сибирское бюро ЦК постепенно налаживало непосредственную связь с ним, направляло его работу. Напомним, что в числе посланцев бюро, связавшихся с сибирско-уральским центром, был А. И. Катунин. Поручение бюро выполняла челябинская коммунистка С. А. Кривая.

Особенно большое внимание уделялось работе омского подполья, численность которого достигла 600 человек. В колчаковской «столице» — Омске коммунисты вели бурную агитацию. Исключительно смело действовала среди солдат-новобранцев Омского гарнизона Вера Орлова. Следивший за ней агент контрразведки доносил, что она «смущает всех на восстание. Новобранцы очень многие поддаются ее словам. Она очень умеет все обделать, и ей верят все; многих она даже водит с собой, куда — неизвестно, и как приходят парни, так только и видишь, что навбивали себе где-то большевистского, и все благодаря ей. Она многих совращает, а те уже других, и так все идет. Особенно часто ходила она до 1 февраля; по нескольку раз в день приходила. Если она будет еще ходить, то много навредит солдатам: они все ее духу наберутся, потому что она сильно очень агитирует»[178].

Не ограничиваясь устной агитацией, Омская организация продолжала во все возрастающем количестве выпускать листовки. Часть листовок попадала в деревни через направлявшихся туда на работу членов Омской организации, связных и представителей подпольных групп некоторых сел.

В Омске, Тарском и Омском уездах большую силу представляли национальные подпольные организации и группы. Организацию «иностранных пролетариев», объединявшую венгров, немцев и других, возглавляли Э. А. Радо, Кендра (Капитан Келемен), Палачек, И. Шомоди[179]. Кроме того, в городе действовали литовская и латышская организации. Латышский партийный центр возглавлял К. Я. Карлсон. Центр объединял группы не только в Омске, но и в Таре и других городах и поселках (колониях). Подпольщики-латыши много сил отдавали военно-боевой работе. Паспортное бюро организации успешно изготавливало самые различные документы, достигая великолепного результата[180].

Главным направлением работы Омского подполья стала подготовка и проведение вооруженных выступ-

лений. Как наиболее мощная и сплоченная во всем тылу войск Колчака и непосредственно возглавляемая областным и местным комитетами партии, Омская организация пользовалась большим влиянием. Она поддерживала связи со многими подпольными организациями Сибири, Урала и Дальнего Востока. Омские коммунисты оказывали другим организациям, особенно западносибирским, помощь кадрами, средствами и т. д., в частности в Тобольской губернии — Тюмени, Кургану, уездным городам Акмолинской области — Акмолинску, Петропавловску, Кокчетаву, Атбасару. Управляющий Акмолинским уездом 5 февраля 1919 г. отмечал, что «в городе... и уезде немало имеется сторонников Советской власти, которые ведут определенную агитацию, и если Советская власть сделала бы попытку восстановить здесь свое прежнее господство, то нашла бы немалую поддержку среди населения»[181].

Большого размаха достигла подпольная работа в Семипалатинской области и Кустанайском уезде Тургайской области. Важную роль в сплочении семипалатинских коммунистов сыграл член партии с 1903 г. Н. Г. Калашников, направленный в Семипалатинск осенью 1918 г. Барнаульским партийным комитетом. Следует сказать, что семипалатинское подполье имело в своем составе не только коммунистов, но и беспартийных и представителей левого течения мелкобуржуазных партий, в том числе и социал-демократов — интернационалистов В. А. Курамжина, А. И. Богданова[182]. Во многих десятках сел восточной Семипалатинщины весной шла напряженная работа по налаживанию связей между организациями и группами, сделана была первая попытка создания объединенного партийного органа, правда, не удавшаяся из-за ареста руководителя организации в Усть-Нарыме Н. И. Тимофеева и других подпольщиков. Готовилось восстание[183].

Еще более активная работа проводилась в городах и селах Алтайской губернии, где руководящую роль играл Барнаульский комитет РКП(б), который до весны 1919 г. возглавлял И. В. Сурнов, а затем А. А. Малиновский.

При Барнаульском комитете имелись следующие отделы: агитационный с издательским подотделом, информационный, связи, Красный Крест, паспортное бюро, а также военно-революционный штаб, который возглавлял М. И. Ворожцов. Комитет опирался на пять

районных комитетов, объединявших до трех десятков конспиративных групп («пятерок»). В организацию входили промышленные рабочие, железнодорожники, ремесленники, служащие учреждений, милиционеры, солдаты, иностранцы-военнопленные. Члены пятерок по указанию общегородского и районных комитетов вели агитационно-пропагандистскую работу на предприятиях, повышая классовое самосознание рабочих. В Подгляденском районе огромную работу проводил среди кожевников, пимокатов И. Бугров. В этом же районе на мыловаренном заводе активно действовал Наумкин. Его квартира использовалась как конспиративная и как место хранения оружия. Он прятал свыше двух десятков винтовок, доставал среди рабочих паспорта, которые использовались затем при переправе подпольщиков к партизанам [184].

Представитель Барнаульского комитета коммунист А. И. Попов (Панов, Котов) в феврале—марте 1919 г. создал подпольную организацию в Бийске [185]. Параллельно с нею со второй половины марта работала другая организация, которую возглавляли П. М. Мерлин и В. С. Шадрин. Главной ее задачей была подготовка вооруженного восстания, на базе которого предусматривалось создание партизанских отрядов и руководство их действиями. Той и другой организациями много было сделано в вовлечении в революционную борьбу рабочих, солдат, среди которых преобладала молодежь уезда и крестьяне многих сел [186]. Весной 1919 г. большевистское подполье действовало в Славгороде и в Камне. Крупнейшими сельскими подпольными организациями, состоявшими в подавляющей массе из беспартийных, были Быстроистокская, Зиминская [187], Усть-Мосихинская, охватывавшие крестьян многих сел, а также организации в районах Солоновки, Востровки, Усть-Камышенки, Топольного и др. В Востровскую организацию, в частности, наряду с коммунистами А. Л. Копанем, Н. М. Прилепой, другими, входил беспартийный крестьянин, бывший унтер-офицер царской армии, будущий главком партизан Е. М. Мамонтов [188].

Подпольный комитет одной из наиболее крупных в Сибири организаций РКП(б) — Томской — возглавлял с осени 1918 г. до весны 1919 г. Х. Я. Суудер (Андрей Сируль). Комитет осуществлял руководство большевистским подпольем почти на всей территории Томской губернии, особенно много уделяя внимания промыш-

ленно-пролетарским районам: Судженке, Анжерке, Кольчугино, железнодорожным станциям (Тайге и др.), готовил восстание. К нему одновременно готовились и подпольные сельские группы, партизаны, которые должны были подтянуться к железной дороге [189].

Комитет вечером 2 марта 1919 г. предпринял попытку провести восстание в Томске и затем распространить его на другие города и районы. Но попытка была безуспешной: последовали аресты коммунистов. Оправившись от удара, Томская организация продолжила подготовку восстания, уделив больше внимания работе среди крестьян. Видную роль играли Кольчугинская, Анжерская и Судженская организации. Они боролись за расширение и укрепление своих рядов, совершенствование системы конспирации. Так, Судженской организацией был подготовлен и специально обсужден на собрании актива вопрос о дисциплине членов партии, предотвращении провала. В принятом постановлении содержались три важных, в сущности, уставных положения: «1. Каждый вступающий в организацию должен быть готов во всякое время выступить с оружием в руках на защиту революционных завоеваний рабочего класса и расширения таковых; в настоящий момент это должно выразиться в свержении буржуазно-монархической диктатуры и борьбе против мелкобуржуазно-соглашательских идей «народовластия» за власть Советов. 2. В боевой партийной организации должна быть строгая ответственность: рядовые бойцы всецело подчиняются районному комиссару и без его ведома и разрешения не могут отлучиться из копей на срок более 10 часов. Районные комиссары подчиняются военно-революционному штабу, а члены последнего общему постановлению; они ответственны перед всей организацией. 3. Члены боевой организации, вступившие в таковую с целью провокации, изменяющие организации или в решающий момент уклоняющиеся от своих обязанностей, подлежат смертной казни. Настоящее постановление распространить среди членов организации» [190].

Такие чрезвычайные меры в сложных и трудных условиях работы были вполне оправданными и позволили Судженской организации окрепнуть и стать одной из наиболее активных.

Самостоятельно в Томской губернии действовала одна из крупнейших организаций — Новониколаевская, возглавляемая комитетом в составе В. С. Онучина,

А. В. Бердниковой (Елена) и др. Эта организация, подобно Омской и другим, большое внимание обращала на создание новых нелегальных ячеек, работая главным образом в городе. Ее численность весной 1919 г. достигла 100 человек. Она выпустила 6 листовок, имела нелегальный подрывной отряд, широкие связи с другими организациями. Она была связана с революционными крестьянскими массами, направляла их борьбу. В селе Каргат работу среди крестьян вел К. Захаров и другие коммунисты. К началу апреля 1919 г. подпольная группа насчитывала 15 человек, преимущественно бывших фронтовиков. Активно работал 62-летний крестьянин А. И. Портнов. Несмотря на неграмотность, он хорошо разбирался в событиях и умело вел агитацию среди крестьян, приезжавших на базар. В Коченевской волости подпольные группы имелись в селах Кругоголовском и Коченево. В коченевскую группу наряду с крестьянами входили рабочие, скрывавшиеся от репрессий [191].

К весне 1919 г. контрразведчики напали на след Новониколаевской организации. В марте и начале апреля были арестованы три группы подпольщиков. У них нашли оружие, воззвания от имени большевистской организации к войскам и трудящимся [192]. Организация была ослаблена, но разгромить ее не удалось. Работа продолжалась.

В Восточной Сибири наиболее крупной была Красноярская организация РКП(б). С конца 1918 г. ее возглавлял комитет в составе Ф. Я. Леймана — председателя, А. И. Гуна, И. И. Кристовской и др. Вскоре в Красноярск из Западной Сибири были присланы коммунисты А. В. Байков, В. М. Аврамов и др. Состав комитета претерпел изменения. Его возглавил Байков[193]. Работа организации тормозилась безденежьем, пока в начале марта С. А. Кривая не привезла крупную сумму.

В Красноярске не было ни одного предприятия, более или менее значительного коллектива рабочих, где бы не велась подпольная работа. Опорой большевистской организации являлись железнодорожники. Не случайно белогвардейцы считали главным очагом большевизма в Восточной Сибири в тот период «город Красноярск с тремя тысячами распропагандированных железнодорожных рабочих»[194].

Большевики-подпольщики работали в уездных центрах, на железнодорожных станциях, во многих селах.

Енисейской губернии. После того как комитет уделил большое внимание водникам, направив к ним приехавшего из Томска коммуниста Н. Т. Тиунова, одним из активных звеньев городской организации стал Затон. Затонская организация начала извлекать запрятанное летом 1918 г. за обшивку пароходов оружие, передавать его городской организации и партизанам. С началом навигации на Енисее команда бронированного парохода под руководством подпольщиков захватила отряд врага и перешла на сторону партизан [195].

Помощь партизанам оказывалась деньгами, оружием, порохом, свинцом через подпольные группы кооперативного общества «Самодеятельность», торговый оборот которого весной 1919 г. достиг 7 млн руб[196], железнодорожников-движенцев и др. В городе, входя в единую систему организаций, революционное подполье действовало в 4-м Енисейском, 3-м Сибирском полках, в сербских эскадронах, среди пленных на артиллерийских складах, военнопленных венгров и представителей других национальностей, размещавшихся в военном городке. В многочисленной организации военнопленных ведущую роль играли коммунисты Д. Форгач, К. Лендьел, А. Дукес, М. Залка, А. Кратовский и др. Выпускались рукописные листовки и журнал «Енисей». В конечном итоге работа организации была направлена на подготовку вооруженного восстания [197].

Развертывалась подпольная работа в уездных городах Енисейской губернии: Канске, Ачинске, Енисейске, в десятках сел вокруг Красноярска и в отдаленных волостях.

Одно из первых мест в Восточной Сибири заняла Иркутская организация РКП(б), которая, как таковая, сложилась и была возглавлена единым партийным органом (сначала «общегородским коллективом», затем — комитетом) в начале января 1919 г. Как и при других крупнейших комитетах, при Иркутском был создан военный отдел (штаб), который уже в начале работы выпустил обращение «К солдатам»[198]. Решающую роль в формировании городского партийного центра и сплочении коммунистов сыграли посланцы ЦК и бюро ЦК партии, ранее работавшие в Иркутске, Е. С. Федорова и Д. Д. Киселев. Д. Д. Киселев по возвращении из Сибири в докладе Сибирскому бюро ЦК писал: «Я узнал, что в Иркутске нет организации, которая бы планомерно вела борьбу с правительством Колчака. Между

тем в Иркутске я узнал, что незадолго до меня приезжала т. Екатерина Федорова, привезла для Иркутской организации несколько десятков тысяч рублей, но в виду отсутствия организации увезла деньги в Томск, оставив в Иркутске 5000 рублей на нужды Красного Креста, который функционировал при Иркутском профессиональном союзе... Устроив несколько заседаний, я убедил товарищей в необходимости немедленно приступить к созданию организации, а также попутно наметил ближайшую программу действий»[199]. В числе поставленных перед иркутскими подпольщиками задач по созданию ими городской организации были развертывание агитации, распространение листовок с освещением событий внутри и вне страны, вербовка членов в подпольную организацию среди революционно настроенных масс, приобретение оружия, сбор сведений о колчаковских и иностранных войсках, выписка всех местных газет и др.[200]

Работа в городе усилилась после того, как сюда зимой и весной 1919 г. приехали опытные подпольщики А. В. Бердникова, И. А. Дорофеев, П. Ф. Москалев, В. А. Орлова, Л. В. Решетников, а затем К. П. и Д. К. Чудиновы и другие и когда из тюрьмы удалось вырваться талантливой большевичке С. И. Дерябиной. В конце зимы в организации насчитывалось уже около 150 человек[201]. Председателем Иркутского комитета РКП(б) в тот период, по-видимому, был К. И. Миронов (Икс).

Наиболее крупной и активной были глазовская и инокентьевская организации железнодорожников. В первой из них состояло до 60 членов, имелась дружина численностью примерно в 50 человек. Они вели подрывную работу, спускали под откос воинские эшелоны, добывали оружие, боеприпасы[202]. Не оставались вне поля зрения коммунистов военнопленные, солдаты, члены профсоюзных организаций. В Иркутске и Александровске томилось огромное количество политических заключенных. На 10 марта 1919 г. их было 4700 человек[203]. В тюрьмах возникает большевистское подполье. Иркутскому комитету удалось установить связь с военнопленными в Заиркутном городке, где их было около 4 тыс. человек. Они просили у подпольной организации оружие и рвались к выступлению[204]. Налаживалась работа в ряде колчаковских частей: 53-м полку, школе унтер-офицеров, казачьей сотне, артиллерийских диви-

зионах. Когда 4-й Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион, распропагандированный коммунистами, власти направили на фронт, то солдаты по дороге стали дезертировать десятками. «Несмотря на все принятые меры,— читаем мы в одном из документов, — вплоть до размещения офицеров по вагонам с солдатами, таковых бежало из эшелона 70 человек». Бежали даже те, которые, как самые ненадежные, были посажены в тюремный вагон, «вместе с ними скрылись и часовые»[205]. В остававшемся в городе 1-м Восточно-Сибирском легком артиллерийском дивизионе работала подпольная группа во главе с П. Юшковым[206].

В Иркутской губернии значительные партийные силы имелись в Черемхово (колчаковцы отмечали, что там имеется 15 тыс. рабочих и они «все почти большевики»[207]), Тулуне, Нижнеудинске, Тайшете, Усолье, Зиме, Слюдянке, Бодайбо, в целом ряде сел губернии. Как отмечали губернские власти в марте 1919 г., в селах шла «усиленная борьба» между большевистскими и белогвардейскими элементами в Балаганском и других уездах[208].

Невелики были партийные силы в далеком Якутске, но и там, и в некоторых населенных пунктах Якутской области сложилось подполье. «Якутскую организацию коммунистов-большевиков», в которую входили и беспартийные, возглавляли И. А. Васильев, Б. М. Чижик, Ф. Я. Лебедев и др. Первостепенное значение для подпольщиков Якутска имело установление связей с тюрьмой, в которой томилось около 30 человек политзаключенных, в том числе и большевики[209].

На подъеме была подпольная работа в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В Забайкальской области существовало два крупных партийных комитета: Верхнеудинский-Прибайкальский (его председателем до начала 1919 г. был Г. Т. Петров, затем — старейший коммунист А. П. Вагжанов (Петрович) и Читинский (председатель А. Е. Петров (Костя). Между этими комитетами поддерживались контакты. Читинская подпольная организация имела ту особенность, что она, как свидетельствует ряд документов, была смешанной, состояла и из коммунистов, и из членов мелкобуржуазных групп, стоявших на советской платформе. Однако организация работала под руководством большевистского сибирско-уральского центра и последовательно

проводила его решения в жизнь. Читинская организация разработала план борьбы с колчаковцами, семеновцами и интервентами, в котором учитывались требования ЦК партии, переданные Д. Д. Киселевым. Он предусматривал не только проведение агитации в массах, но и активную боевую работу: создание дружин, отрядов и специальных подрывных групп, выведение из строя железнодорожного пути, приобретение оружия, подготовку вооруженного восстания [210]. Читинский подпольный комитет наладил выпуск листовок, прокламаций. Колчаковцы отмечали, что в Забайкалье распространяется «масса документов, прокламаций и воззваний»[211].

Подпольные большевистские организации и группы весной 1919 г. успешно работали в Хилке, Зилово, Моготоне, на Нерчинском, Газимурском, Александровском заводах, Черновских копях. Эти организации, как и сама Читинская, направлявшая их работу, большое внимание уделяли подрывным действиям. «На Забайкальской железной дороге, — отмечал Д. Д. Киселев в мае 1919 г., — производились крушения всякий раз, как только партизаны Читинской организации выходили на железную дорогу»[212].

Руководящим центром подпольной работы в обширных районах Дальнего Востока был Владивостокский комитет. В декабре 1918 г. во Владивостоке оформился Дальневосточный (в начале назывался Приморским) областной комитет РКП(б), подчинявшийся Сибирскому ЦК (ОК) РКП(б). Его председателем был член партии с 1914 г. М. Э. Дельвиг, в состав комитета вошли А. А. Воронин, З. И. Секретарева, И. М. Сибирцев, А. О. Владимирский, в дальнейшем С. Г. Лазо, И. Г. Кушнарев и М. И. Губельман [213]. Комитет главное внимание сосредоточил на Приморье.

Владивостокская организация, наиболее крупная в Приморье, была коммунистической. На объединение с мелкобуржуазными организациями она не пошла. Особенностью организации было то, что она даже в условиях, когда к власти пришел Колчак, практически до конца широко сочетала нелегальную деятельность с легальной. Владивостокские коммунисты пользовались тем, что в приморском, пограничном городе, где было немало иностранцев, представителей международной буржуазной прессы, имелись трения между япон-

скими и американскими оккупантами, контрреволюционный режим в какой-то степени был не столь откровенно кровавым. Особое значение в работе коммунистов имело Центральное бюро профсоюзов Владивостока, в руководстве которого постоянно были коммунисты и сочувствующие им. Белогвардейцы боролись с профсоюзами, пытались закрыть ряд из них, но те существовали полулегально, возрождались[214]. Профсоюзы отчисляли по 10% от своих поступлений в распоряжение Красного Креста при Центральном бюро, существовавшего легально, но на самом деле являвшегося отделом подпольного партийного комитета[215].

Агитационная работа владивостокских подпольщиков была поставлена на широкую ногу, проводилась среди различных слоев населения. В частности, в период мобилизации в колчаковскую армию вышла листовка с призывом не являться на сборные пункты. Один старик смело наклеивал их на двери самого воинского присутствия три раза, при последней попытке был схвачен и казнен[216]. Примечателен и такой случай. В городе на Семеновском базаре в феврале — марте 1919 г. ежедневно появлялся слепой, который играл на гармошке и пел сатирические песни и куплеты на политические темы, затрагивая вопросы о восстании на Сучане и т. д. Колчаковцы схватили слепого, решив, возможно, не без основания, что его специально, для агитационных целей снабжали информацией или текстом подпольщики, и начали расследование[217]. Имена обоих героев остались безвестными.

В Амурской области революционную работу возглавил Благовещенский (Амурский) комитет, который до ареста белогвардейцами в марте 1919 г. возглавлял Ф. Н. Мухин — видный коммунист. Важное значение для развертывания нелегальной работы и партизанского движения на Амуре имел приезд в Благовещенск Д. Д. Киселева. Член Благовещенской организации И. И. Шеин вспоминал: «В феврале 1919 года Благовещенск посетил Д. Д. Киселев, который провел расширенное совещание обкома и рассказал о том, что происходит по ту сторону фронтов. Мухин информировал собравшихся о положении на Амуре... Приезд Киселева, переданные им указания ЦК о развертывании партизанской борьбы в тылу врага обязывали большевиков Амура действовать быстро и решительно»[218].

В Приамурье (Хабаровском уезде) революционную работу направлял Хабаровский большевистский комитет, председателем которого был Д. И. Бойко (Павлов). Хабаровские подпольщики, готовясь к восстанию, важнейшее внимание уделяли вовлечению в революционную борьбу рабочих и крестьян-тружеников. Но не забывали они и солдат Хабаровского гарнизона, от состояния которого в прямой зависимости находились судьбы повстанческо-партизанского движения. Удавалось достигнуть влияния не только на белогвардейских солдат, но и на иностранных, в том числе американских. Когда 3 февраля 1919 г. хабаровская белогвардейская милиция явилась для обыска на квартиру Володина (Слободская, 8), туда пришли американские солдаты, один из которых говорил по-русски, два других по-польски. Они препятствовали обыску, ругали агентов «кровопийцами», «палачами», выражали сочувствие русскому революционному народу [219]. Подпольные организации или группы существовали в Никольск-Уссурийске, Харбине, Петропавловске, Тетюхе, Ольге, Спасске, в десятках сел и деревень.

Общая численность большевистских подпольных организаций исчислялась многими тысячами. Весной 1919 г. их борьба на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке достигла наивысшего подъема.

Зимой и весной 1919 г. под руководством большевистских организаций прошел ряд забастовок рабочих. В числе наиболее значительных были забастовки верх-исетских рабочих в Екатеринбурге, на предприятиях Сергинско-Уфалейского и Березовского горных округов на Урале. Имели место забастовки в Сибири и на Дальнем Востоке. В конце марта 1919 г. бастовали рабочие Дальневосточного судоремонтного завода, Минного городка, мастерских добровольного флота, фирмы Кунста и Альберса, железнодорожных мастерских на Первой Речке [220]. Крупная забастовка произошла в Тюмени, ее инициаторами явились водники. Активную роль в подготовке их выступления сыграли рабочие Н. И. Татауров, Т. В. Хрусталев, И. К. Давыдов и др. Она началась 18 февраля. В нее постепенно включились почти все рабочие, ею были охвачены и команды судов [221]. Попытка судовладельцев послать на ремонт судов штрейкбрехеров провалилась. Военные власти издали приказ о расстреле участников забастовки. За-

бастовка водников, продолжавшаяся почти три недели, закончилась 7 марта [222]. Борьба водников продолжалась и в дальнейшем, только в скрытой форме: затягивался ремонт судов, уничтожались ценные детали, которые приходилось вновь изготовлять.

Подобной тактики борьбы придерживались многие рабочие коллективы Урала, Сибири и Дальнего Востока, ибо подниматься на открытое забастовочное движение без перевода его в вооруженное восстание было нецелесообразно: положения рабочим улучшить не удавалось, а их силы в результате репрессий и расстрелов дезорганизовывались и ослаблялись.

Основной задачей в деятельности всех подпольных партийных организаций была подготовка и проведение вооруженных восстаний. Областной подпольный центр стремился организовать общесибирское восстание. Центральную роль руководители подполья отводили вооруженному выступлению омских рабочих и солдат. Расчет был правильным, ибо Омск представлял собой одновременно и центр колчаковщины, скопление огромных масс собравшейся отовсюду буржуазии, и центр революционной работы в Сибири. Подготовкой восстания в Омске руководили подпольный ЦК, Центральный военно-революционный штаб, общегородской комитет, районные большевистские комитеты и штабы. Особенно много сил вкладывали в это дело А. А. Масленников, А. Я. Нейбут, П. А. Вавилов, Э. А. Радо и А. А. Бушуев. Они рассчитывали сразу же после овладения городом, захвата оружейных складов создать 20-тысячную армию, открыть фронты и немедленно начать продвижение в пролетарские районы Кузбасса, расширив тем самым район восстания [223].

К моменту намечавшегося выступления, в ночь с 21 на 22 декабря, были приведены в боевую готовность все коллективы рабочих, революционных солдат, политзаключенных и военнопленных иностранцев-интернационалистов. Но поздно вечером колчаковцы, выявив через провокаторов конспиративные квартиры, произвели аресты активных коммунистов и дружинников во 2-м районе. Руководители подполья, не знавшие о подлинных масштабах провала, приняли решение выступление отложить. Поскольку некоторые районы, дружины не были вовремя извещены об этом, в Омске произошли частичные выступления. Наиболее крупным из них бы-

ло выступление рабочих в Куломзино и Новоомске. Оно было зверски подавлено колчаковцами: погибло более тысячи человек. Несмотря на неудачу, восстание в Омске имело большое значение для подъема трудящихся масс на решительную борьбу с Колчаком.

Организации ряда других городов готовы были поддержать восстание омичей, но, узнав о его поражении, не выступили. Непосредственным отзвуком на события в Омске были руководимые подпольщиками Канско-Иланское и Бодайбинское (последнее в ночь на 26 января 1919 г.) восстания рабочих и солдат, также потерпевшие поражение. Ночью 28 января 1919 г. произошло вооруженное восстание рабочих и казаков, подготовленное подпольным комитетом в Хабаровске.

Подпольный ЦК РКП(б), руководители Омской большевистской организации, центральный и районный штабы предприняли попытку организовать новое восстание в ночь с 31 января на 1 февраля 1919 г. Но и оно потерпело поражение. В ночь с 5 на 6 февраля началось восстание в Енисейске. «Переворот в Енисейске, — отмечали белогвардейские военные власти,— совершен местными большевиками при поддержке местного гарнизона»[224]. Власть в Енисейске перешла в руки созданного повстанцами Временного революционного штаба, который возглавили С. Бобыкин, Н. Байкалов и др. По призыву штаба и сельских подпольных групп к восстанию присоединились крестьяне. Так, в с. Маклаково и ближайших селах восстание возглавила подпольная группа во главе с членом партии с 1917 г. Ф. Я. Бабкиным. Маклаковский отряд за несколько дней вырос до 300 человек. Следовательно, Енисейское восстание охватило рабочих, солдат и крестьян, приняло широкий размах. Продолжалось оно 21 день и было подавлено в ночь на 27 февраля. Несмотря на лютую стужу, повстанческие отряды, уцелевшие от разгрома, разрозненными группами ушли в тайгу, соединились с партизанскими отрядами Канского и Ачинского уездов.

В марте 1919 г. на Урале и в Зауралье произошло три городских восстания — в Тюмени, Туринске и Троицке. Тюменское восстание охватило около 1000 мобилизованных рабочих, крестьян, примкнувших к ним военнопленных красноармейцев. Оно готовилось подпольщиками-новобранцами, в числе которых были и тюменские рабочие. Одним из организаторов восстания был

П. С. Кустинский — бывший матрос. Но оно было подготовлено наспех, слабо. О его подготовке еще 11 марта через свою агентуру узнали колчаковцы и свирепо расправились с повстанцами, до одной трети их уничтожив[225]. В двух других восстаниях участвовали лишь мобилизованные.

Несмотря на некоторые особенности, восстания в сибирских и уральских городах зимой и весной 1919 г. имели много общего. Они вспыхивали в разное время и были локальными. Организовать всеобщее восстание коммунистам не удалось. Это и послужило основной причиной поражения всех выступлений. Городские восстания дезорганизовывали планы и военные действия врага, выводили на время из строя средства железнодорожного сообщения и связи, задерживали переброску на фронт воинских формирований, оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Колчаковцы вынуждены были увеличивать в своем тылу воинские гарнизоны для несения полицейской службы. Важнейшим результатом восстаний в городах было их влияние на усиление революционных выступлений трудового крестьянства и партизанского движения.

Во второй половине ноября 1918 г. началось Атбасарское (Муйнакское) восстание в Акмолинской области. Оно потерпело поражение 4 декабря того же года[226]. Восстание охватило десятки поселков и проходило под руководством большевистского подполья[227]. Наиболее крупные восстания зимой произошли в Восточной Сибири, главным образом в Енисейской губернии. В их числе были восстания трудящихся крестьян северных волостей Ачинского уезда (началось в 20-х числах декабря 1918 г., возглавляли его коммунисты Е. Т. Марутко, В. А. Уланов — представители Красноярского большевистского комитета, Д. Суров — руководитель Ачинской организации, П. Е. Щетинкин и др.), южных районов Канского и Красноярского уездов (началось 11 декабря, проходило также под руководством коммунистов и беспартийных подпольщиков В. Ф. Рутковского, Ф. Ф. Грабовского, Н. Т. Толстого, Ф. И. Богана и при участии А. Д. Кравченко), в северной части Канского уезда — Тасеевское восстание (началось в ночь на 30 декабря 1918 г., руководили им коммунисты В. Г. Яковенко, Н. М. Буда, Ф. И. Астафьев и др.), в западных волостях Ачинского уезда (началось в марте 1919 г.)[228].

Эти восстания, прежде всего Тасеевское, послужили толчком к революционным выступлениям крестьян в западных районах Иркутской губернии, главным образом в Нижнеудинском уезде.

В освобожденных от колчаковцев обширных районах возрождалась Советская власть. Так, южноканское партизанское соединение (армия) к концу зимы имело в своем составе 4 полка общей численностью до 3000 бойцов [229]. К нему присоединились совершившие трудный переход из северных районов Ачинского уезда партизаны П. Е. Щетинкина, составив 5-й полк. Главнокомандующим армией был А. Д. Кравченко, его помощником — П. Е. Щетинкин. Офицеры и генералы Колчака вынуждены были признать исключительное мужество, отвагу партизан и факт всемерной поддержки их трудовым крестьянством, городскими подпольщиками и рабочими [230].

Несколько крупных восстаний зимой и весной 1919 г. произошло в Забайкалье. При подготовке восстания Читинский подпольный комитет, местные работники в конце зимы и в начале весны 1919 г. создают партизанские отряды, в том числе и крупные. В апреле из повстанческих отрядов, сосредоточившихся в районе Богдати, было сформировано 4 полка. Командующим соединением был избран П. Н. Журавлев, начальником штаба — С. С. Киргизов, комиссаром — М. И. Бородин [231]. С этого времени партизанское движение в Забайкалье не затухало до полного разгрома белогвардейцев и интервентов.

В этот же период происходят массовые вооруженные выступления на Дальнем Востоке. Амурский подпольный комитет, местные подпольщики подготовили и зимой 1918—1919 г. подняли на восстание трудящихся десятков сел и деревень. Была создана партизанская армия, достигшая нескольких тысяч человек. В д. Малая Пера 14 февраля 1919 г. все отряды были слиты в единую Амурскую партизанскую армию, насчитывающую до 10 тыс. человек. Главнокомандующим по рекомендации обкома партии был избран коммунист Г. С. Дрогошевский. Несмотря на сосредоточение против партизан около 6 тыс. японских и других солдат, армия Дрогошевского дралась вплоть до апреля 1919 г. Она истребила, вывела из строя тысячи интервентов и белогвардейцев, но затем по решению Военного совета

была распущена. Сохранены были небольшие отряды для подрывной работы в районе железной дороги и т. д.[232] Некоторых результатов в развертывании партизанского движения добились хабаровские коммунисты. Весной 1919 г. в Приамурье удалось организовать партизанские отряды, которыми командовали Гармашов, Румянцев, Шевчук и др.[233]

В феврале — марте 1919 г. стало нарастать партизанское движение в Приморье, что было в прямой зависимости от усиления революционной работы большевистского подполья. Так, 22 февраля 1919 г. началось вооруженное восстание на Тетюхинском руднике в районе Ольги. Во второй половине марта повстанцы тетюхинско-ольгинского района объединяются с партизанами Сучанского района, которые действовали с осени 1918 г. Сложился крупнейший в Приморье партизанский район. Он расширился за счет Никольск-Уссурийского и Иманского уездов, где восстанавливалась Советская власть. По рекомендации Дальневосточного обкома РКП(б) в марте 1919 г. был организован Временный военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда в составе И. В. Слинкина (председатель штаба), Н. К. Ильюхова (комиссар и командующий партизанскими отрядами) и др.[234] В Приморье действовал и ряд других партизанских отрядов. Часть из них в оперативном отношении была подчинена штабу Ольгинского уезда.

Мы остановились на наиболее крупных восстаниях в сибирской и дальневосточной деревне, происходивших зимой 1918—1919 г. и в последующие месяцы. Но были и другие, менее крупные восстания.

С наступлением зимы 1918—1919 г. улучшилось руководство большевистским подпольем в тылу колчаковской армии со стороны Центрального Комитета партии. Это было достигнуто прежде всего за счет создания Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) и его отделения. В связи с расширением связи с подпольными организациями в ЦК стала поступать более подробная информация о положении в тылу Колчака, что позволило глубже разрабатывать оперативные планы по борьбе с врагом, оказывать разностороннюю и действенную помощь подпольным большевистским организациям, вовремя устранять допущенные ими ошибки и недостатки в работе. Однако основные силы подполь-

ные организации черпали на местах, творчески разрабатывали тактику революционной борьбы, успешно руководили массами, что свидетельствовало о жизненности и необходимости революционных идей марксизма-ленинизма, способности отдельных звеньев, ячеек Коммунистической партии действовать самостоятельно, принимать правильные решения и добиваться их осуществления даже в чрезвычайно сложных условиях.

Центральный Комитет РКП(б) Сибири, некоторые местные подпольные организации, выполняя решения нелегальных конференций, пытались организовать всеобщее вооруженное восстание. Главную ставку делали на рабочих и революционно настроенных солдат, т. е. на городские восстания. В то же время не сбрасывалось со счета и трудовое крестьянство. Однако отдельные подпольные комитеты несколько недооценивали крестьянские массы, а соответственно и работу в деревне. Но большинство общегородских комитетов зимой 1919 г. проводило большую работу среди трудящихся крестьян. По мере усиления процесса большевизации среднего крестьянства, частично вовлекавшегося в революционную борьбу, роста активности бедноты, изоляции кулачества улучшились условия для работы коммунистов, расширялась сеть сельских подпольных организаций близ промышленных очагов и в отдаленных районах. Возрастала революционность, сплоченность и боеспособность самого рабочего класса, его роль как гегемона всех трудящихся, большевистски настроенных масс.

К весне 1919 г. коммунисты достигли первых крупных успехов в разложении белогвардейской армии, частей интервентов, завоевании на свою сторону солдат, вовлечении их в революционную борьбу, обеспечении перехода на сторону Красной Армии и повстанцев.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке возникли первые мощные очаги партизанского движения, руководимого большевистскими организациями, коммунистами, сочувствующими им. Все повстанческие соединения и крупнейшие отряды появились в районах вооруженных восстаний. Восстания непосредственно влияли на рост партизанского движения.

К весне 1919 г. число членов организаций, особенно коммунистов, вступивших в партию до захвата власти контрреволюцией, активность большевистского подполья достигли наивысшей точки.

Но подпольные организации допустили и отдельные ошибки. Не получила размаха работа коммунистов в селах большинства губерний. Недостаточно прочными были связи между подпольными организациями, нередко они нарушались. Не всегда на высоте стояло руководство большевистскими организациями, слабо координировалась их деятельность Сибирским ЦК РКП(б), что послужило одной из основных причин неудач в проведении вооруженных восстаний.

В целом успехи коммунистов-подпольщиков в руководстве революционной борьбой трудящихся масс, забастовочные выступления рабочих, вооруженные восстания в городах и селах, усиление партизанского движения в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке содействовали провалу весеннего наступления Колчака.

Глава третья

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО ЦК И ОТДЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛА

1. Деятельность отделения

Весной 1919 г. на фронтах Советской республики борьба с вооруженными силами контрреволюции вступила в новую фазу.

Империалисты стран Антанты и белогвардейцы не смирились со своими поражениями, которые явились итогом осенне-зимней кампании. Они решили начать длительно готовившееся наступление одновременно на всех фронтах. Но основная ставка была сделана на Колчака, и Восточный фронт вновь стал главным фронтом республики.

Колчак развернул огромную армию — до 400 тыс. человек — самую крупную в рядах белогвардейцев. На колчаковскую армию делали главную ставку вдохновители интервенции. Оснащению военной техникой, снаряжению этой армии международным империализмом уделялось огромное внимание. Колчаковские войска 4—6 марта 1919 г. перешли в наступление, имея большое превосходство в живой силе, двукратное превосходство в артиллерии. К середине апреля враг захватил ряд приуральских городов и оказался в непосредственной близости от Волги, у Спасска всего лишь в 35 километрах. В марте перешел в наступление на юге Деникин. Активизировались белогвардейцы и интервенты на других фронтах. Над Советской республикой нависла смертельная опасность.

Партия и правительство принимали решительные меры для отпора врагам, для разгрома армий Колчака, других белых генералов и интервентов.

Огромное значение в сплочении трудящихся советской части страны и захваченных врагом районов вокруг Коммунистической партии, ее местных, в том числе и подпольных организаций, в повышении военной мощи страны и усилении натиска на белогвардейцев и интервентов сыграли исторические решения VIII съезда партии. Он состоялся в Москве 18—23 марта 1919 г.

Особо важное значение имели решения съезда об отношении к среднему крестьянству, по военному вопросу и принятая съездом новая Программа партии. По предложению В. И. Ленина, руководившего съездом, был провозглашен курс на прочный союз рабочего класса с середняком при опоре на бедноту. Этот политический курс позволял сплотить вокруг пролетариата многомиллионные массы трудового крестьянства и успешно решать задачи борьбы по защите Советской власти. Решения по военному вопросу нацеливали на дальнейшее укрепление Красной Армии.

Советское командование под руководством ЦК партии и лично В. И. Ленина в апреле 1919 г. разработало план контрнаступления. Войска Восточного фронта, которым продолжал командовать С. С. Каменев, были разделены 10 апреля на две группы. В Северную группу под командованием В. И. Шорина вошли 2-я и 3-я армии, а 1-я, 4-я, 5-я и Туркестанская армии — в Южную группу. Командующим Южгруппой Восточного фронта был назначен талантливый полководец, видный революционер М. В. Фрунзе.

Южная группа по плану советского командования наносила по врагу главный удар. «Основная идея операции, — писал М. В. Фрунзе, — удар между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир с целью окончательного разобщения и разгрома их по частям»[1]. Этот удар должна была нанести Туркестанская армия. Другие армии также получили важные для общего исхода наступательных операций задачи.

Наступление Туркестанской армии началось 28 апреля. Вслед за ней начали наступления и другие соединения и части Южной группы Восточного фронта. В результате блестящего осуществления глубоко проду-

манного плана разрыв между 3-м и 6-м корпусами Западной армии Колчака увеличился. В пролом устремились части Красной Армии, внося смятение в ряды врага. Ломая сопротивление колчаковцев, войска Южной группы 4 мая заняли Бугуруслан, 13 мая — Бугульму, 17 мая — Белебей, а 9 июня — Уфу. Западная, наиболее мощная армия Колчака вынуждена была отступать на Урал. Колчак и интервенты с целью облегчения положения Западной армии в начале июня двинули в наступление Сибирскую армию, действовавшую севернее Западной. Части Сибирской армии 3 июня захватили Глазов, продвинулись вперед на других участках. Но в результате принятых по указанию В. И. Ленина мер наступление противника остановили. Вскоре он вынужден был начать отступление и здесь. Позднее был достигнут перелом в пользу Красной Армии на Южном Урале и в степях Уральской и Тургайской областей. Начался разгром белоказачьих армий Дутова и Тостова, Южной армии (группы) генерала Белова.

Таким образом, инициатива в гигантском сражении была захвачена командованием Красной Армии и прочно удерживалась им. Наступил важный этап — борьба за освобождение от колчаковщины Урала и обеспечение условий для полного разгрома врага и освобождение Сибири.

Коренной перелом на Восточном фронте был подготовлен героической борьбой всего трудового народа страны под руководством Коммунистической партии. Достойный вклад в ослабление сил врага внесли боровшиеся в его тылу подпольщики, партизаны, все революционные массы. Умение партии сосредоточить свои силы на главных направлениях работы, мобилизовать рабочий класс и многомиллионные непролетарские трудящиеся массы дало блестящие результаты.

«Мы умели побеждать до сих пор, — говорил В. И. Ленин, — неслыханные трудности, которые история поставила на пути первой социалистической республике, ибо пролетариат правильно понимал свои задачи диктатора, т. е. руководителя, организатора, воспитателя всех трудящихся. Мы умели побеждать, ибо правильно определяли самую неотложную, самую насущную, самую злободневную задачу и на ней сосредоточивали действительно все силы всех трудящихся, всего народа»[2].

Весной 1919 г. произошли значительные изменения в среде крестьянства Сибири, Дальнего Востока и Урала. Середняк в значительной части был завоеван на сторону Советской власти. Усилился процесс формирования военно-политического союза рабочих и трудящихся крестьян в восточных районах страны. Примерно к лету на Урале и к осени 1919 г. в Сибири и на Дальнем Востоке этот союз сложился. Переход середняка на сторону Советской власти стал фактом, хотя некоторые его слои, особенно среди казачества, в тех или иных районах были подвержены колебаниям и в дальнейшем. В. И. Ленин в октябре 1919 г. писал, что «в России... борьба пролетариата... за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся заняла месяцы и годы. За два года эта борьба почти кончена, но не совсем еще кончена в пользу пролетариата. Мы только в два года завоевали окончательно сочувствие и поддержку подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевания сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян-эксплуататоров) Украины»[3].

Резкий поворот середняка на сторону Советской власти, дальнейшее революционизирование крестьянской бедноты, не говоря уже о рабочих, весной и летом 1919 г. выразились прежде всего в усилении революционных выступлений в деревне, массовом уклонении крестьян от мобилизации и дезертирстве, возникновении новых партизанских отрядов. Коммунистической партией эти важные социальные сдвиги в сибирско-уральской деревне, явный процесс разложения армии Колчака были учтены и блестяще использованы.

Однако и в этих условиях борьба с колчаковщиной протекала весьма и весьма нелегко. В связи с наступлением Деникина, угрозой центру России Южный фронт становится главным. Осложнилось положение под Петроградом. Пришлось срочно и во все большем количестве перебрасывать войсковые части, военную технику с Восточного фронта на Южный и Петроградский. Но если в этих условиях главком И. И. Вацетис, усиленно поддерживаемый Л. Д. Троцким, считал необходимым прекратить наступление на Восточном фронте, то В. И. Ленин, опираясь на поддержку ЦК РКП(б), добился его продолжения. Его точку зрения разделяли

главком С. С. Каменев, заменивший И. И. Вацетиса, и М. В. Фрунзе, назначенный командующим Восточным фронтом.

В. И. Ленин прозорливо увидел возможности и пути решения проблемы продолжения наступления на Урал при резко ослабленной мощи соединений Восточного фронта. Они заключались в предельном использовании действий по-революционному. В. И. Ленин требовал напрячь все силы, сокращать невоенные учреждения, мобилизовать коммунистов, всех жителей, крестьян прифронтовой полосы Приуралья и освобождаемого Урала, тщательно следить за политработой в войсках и среди гражданского населения и т. д. При этом В. И. Ленин особое внимание уделяет вовлечению в борьбу трудящихся в «колчакии», особенно уральских рабочих — ударной революционной силы в ближайшем тылу врага. В. И. Ленин призывал рабочих «выгнать Колчака с Урала»[4]. «С одной стороны, — писал В. И. Ленин, — громадная прифронтовая полоса, в Приуралье и на Урале, стала нашей прифронтовой полосой в силу побед Красной Армии и разложения Колчака, роста революции в колчакии... От *ослабления* наступления на Урал и на Сибирь *мы погибнем*, мы должны *усилить* это наступление силами восстающих на Урале рабочих, силами приуральских крестьян»[5].

В соответствии с ленинскими установками действовали реввоенсоветы Восточного фронта, армейских соединений, отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), а по восстановлении — и само бюро.

До начала лета бюро ЦК фактически отсутствовало, аппарат его был расформирован. Лишь некоторая работа в этот период проводилась Ф. И. Голощекиным и И. Н. Смирновым, являвшимися членами реввоенсоветов Туркестанской и 5-й армий. Причем проделанная ими работа в значительной степени была связана с оказанием помощи отделению бюро в переправе подготовленных им коммунистов в тыл врага на своих участках фронта, а также формированием специального отряда при Реввоенсовете 5-й армии для действий на Южном Урале, засылке в тыл врага отдельных коммунистов[6]. В этот период деятельность бюро ЦК находила свое выражение главным образом в работе его отделения. В связи с временной ликвидацией Сибирского бюро отделение в соответствии с решением Пленума ЦК от 25

марта, как мы видели, стало осуществлять руководство большевистским подпольем, помощь ему и в тех районах, к которым прежде не имело отношения, — на Южном Урале, в Сибири, даже на Дальнем Востоке. Отделение продолжало начатое дело.

Из документальных материалов отделения, изученных нами, явствует, что этим органом в первые полтора-два месяца с момента временной ликвидации бюро было направлено для работы и ходоками за пределы Северного и Среднего Урала, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток, более 10 человек[7]. Крайне важно указать на то, что отделение принимало меры к усилению всей работы как на Урале, так и в Сибири, причем к непосредственному руководству ею. С этой целью оно готовит и направляет для работы в Сибири двух виднейших работников, включая своего члена С. Ф. Баранова. В его анкете указывается, что он направляется в Сибирь для руководящей работы[8]. В другом документе говорится, что Баранов имел задачу «связаться с Омском и составить 2 маленьких центра для Сибири и Урала, связанных между собой; связать все организации, группы, отряды и т. д., взять руководство всей революционной борьбой в руки партии и т. д. и т. п.»[9]

Следовательно, факты говорят о том, что весной и летом 1919 г. отделение бюро ЦК подготовило и направило за пределы Северного и Среднего Урала примерно полтора десятка коммунистов; в их числе был и член отделения, посланный для руководства большевистским подпольем и партизанским движением в масштабах всей Сибири и Урала.

Напомним, что сразу после ликвидации бюро, с 25—26 марта отделение стало называться не отделением, а «Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б)». Так оно называется Пленумом ЦК партии, работниками ЦК РКП(б). Была изготовлена соответствующая печать. Одним словом, отделение стало называться так, как именовалось часто само бюро, подчеркивая тот факт, что оно расширило круг своих задач, стремясь выполнить задачи временно ликвидированного бюро. Членам отделения выдаются мандаты (удостоверения) как представителям Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б). Документы, отчеты, письма направляются в Москву, в ЦК. Одно из писем и пакет были получены Е. Д. Стасовой, сделавшей на них пометку «1919 7/VI»[10].

Члены отделения, особенно его председатель, неоднократно бывали в Москве, в ЦК партии, решали там различные вопросы. К маю (началу июня) Н. И. Уфимцев вновь приехал в Москву. Он передал ЦК партии доклад о работе отделения («политический и финансовый»), в котором говорилось о посылке работников в Сибирь [11]. Одновременно руководитель отделения направил Ф. И. Голощекину в Туркестанскую армию письмо, в котором информировал о проделанной работе и о планах на будущее. Отделение тогда весьма волновали не только вопросы нелегальной партийной, но и разведывательной работы в тылу противника. Н. И. Уфимцев обсуждал в ЦК этот вопрос. Судя по информации Уфимцева, постановка этой работы в центре не во всем удовлетворяла и в разговоре возникал даже вопрос о ее реорганизации, а на руководство ею предлагалась кандидатура Ф. И. Голощекина. Мероприятия отделения по созданию в тылу врага, в том числе в Сибири, подпольных разведывательных центров совпали с планами ЦК на этот счет [12].

Н. И. Уфимцев приехал в Москву вместе с С. Ф. Барановым, который подготовился к работе в Сибири и на Урале. Оба они имели беседы в ЦК. Посылка Баранова с сотрудниками в Сибирь была согласована с ЦК, очевидно, санкционирована им. Не исключено, что идея посылки С. Ф. Баранова в Сибирь для руководства всей работой принадлежала Центральному Комитету и приезд его в Москву вместе с Уфимцевым был осуществлен по распоряжению ЦК.

Приведенные документы говорят о том, что с конца марта 1919 г. отделение работало под руководством и непосредственным контролем ЦК партии и, в той или иной степени, членов бюро ЦК, что меры по засылке коммунистов на Южный Урал, в Сибирь и на Дальний Восток для налаживания революционной работы в этих районах осуществлялись отделением бюро не по наитию, не стихийно.

Н. И. Уфимцев с С. Ф. Барановым, которого решено было переправить на участке Южной группы Восточного фронта, направляет письмо на имя Ф. И. Голощекина. В последний момент Уфимцев решил выехать туда же. Возможно, это решение созрело в связи с необходимостью сопровождения Баранова. Возможно и другое: необходимость непосредственной встречи с

И. Н. Смирновым или Ф. И. Голощекиным, а то и с обоими, тем более что в тот момент остро встал вопрос о восстановлении работы бюро ЦК. Коммунист С. Л. Вяткин, работавший в составе Екатеринбургской и Челябинской нелегальных организаций, отправившийся на фронт вместе с распропагандированным полком им. Шевченко, принявший участие в восстании и переходе его солдат на сторону Красной Армии, вспоминал следующее. По выходе после болезни из госпиталя, он в Бузулуке «в первых числах июня... встретил... т. Уфимцева Николая Ивановича на Самарской улице, очень долго говорили о положении колчаковщины и т. д., но его более всего интересовал вопрос о Сысертском заводе»[13].

Н. И. Уфимцев мог получить от С. Л. Вяткина обширную информацию о положении на Урале. Встретился ли Уфимцев с членами бюро ЦК, мы не знаем. Возможно, встретился. Из Бузулука, Поволжья он вернулся в Вятку и продолжил работу по непосредственному руководству отделением.

В период, когда отделение[14] официально оставалось единственным звеном бюро ЦК, оно резко усилило свою работу. Собственно, по-настоящему плодотворно и результативно оно провело ее именно в период с конца марта по июнь 1919 г. В предыдущие месяцы отделением, как отмечалось выше, было сделано мало вообще и в конечном итоге — ничего совершенно в создании подпольных организаций и групп в 9 намеченных районах, так как никто из работников, посланных в некоторые из них, на место не прибыл. Почти все они вернулись в отделение. Несколько человек, кроме разведчиков, ушедших в тыл врага, погибли. Фактически вся работа по налаживанию деятельности большевистского подполья на Северном и Среднем Урале, не говоря уже о Южном, о Сибири, была впереди. Следует добавить, что задачи отделения бюро расширились и усложнились не только вследствие резкого расширения района его деятельности. Появилась новая задача — организовать разведывательную и диверсионно-подрывную работу в тылу врага, создавать и перебрасывать туда партизанские отряды и группы.

В связи с появлением новых функций и задач отделение бюро перестраивает работу, меняет свою структуру.

Деятельность отделения бюро ЦК по подготовке и переправе в белогвардейский тыл коммунистов, первые ценные сведения о противнике, доставленные ходоками, разведчиками, обратили на себя серьезное внимание военно-революционного совета, ответственных политработников и руководителей разведывательных органов 3-й армии. Они просили делиться с ними полученными сведениями, предложили координировать или даже объединить усилия по организации разведки и военно-боевой работы в тылу врага. Зав. отделением информации политотдела армии Буцевич писал Уфимцеву: «Отделение информации Политического отдела обязано как в суточных политсводках, так особенно месячных, полумесячных докладах давать Реввоенсовету Республики обзор жизни тыла противника, состояния, настроения его армии, в общих чертах ведущуюся там работу, а также о работе противника у нас в армии и прифронтовой полосе.

Ввиду этого просим давать нам на просмотр имеющиеся у Вас сведения, особенно газеты и показания перебежчиков. Все это будет по просмотре *лично мною* возвращено обратно.

Доклады Политотдела строго секретные и доставляются в Восточный фронт связью, а в Москву — собственными курьерами. Все бумаги удобнее посылать *лично* заведующему информацией»[15].

Документ не датирован. Вероятно, он относится к началу апреля 1919 г., когда после возвращения Н. И. Уфимцева из Москвы стала производиться реорганизация отделения. Он мог способствовать ее осуществлению.

Члены отделения бюро пошли навстречу Реввоенсовету 3-й армии, руководствуясь такими соображениями, как экономия сил, некоторая общность задач (в сборе информации и т.д .), слабая постановка агентурной разведки в 3-й армии [16].

После того как план создания этого органа созрел и с ним согласился Реввоенсовет армии, 5 апреля отделение бюро принимает решение о создании военного отдела[17]. Реввоенсовет брал на себя обязательства «оказывать содействие в подыскании людей», «снабжать деньгами и оружием» в обмен на информацию, столь ценную и необходимую [18]. Заведывание отделом было поручено М. А. Беляеву, которого для этого кооптиро-

вали в состав отделения бюро ЦК. Еще в период формирования отделения Сибирского бюро ему было дано право на определение структуры органа. В письме бюро отделения говорилось, что А. Г. Белобородов или члены бюро «выделяют кандидатов», а «мы утверждаем». Говорилось и в общей форме, что «вам в Вятке виднее»[19]. Подбор работников, их назначение и определение плана и методов действий «в целях сохранения строго партийного характера всего бюро» отделение бюро ЦК оставило за собой. Оно принимало меры к тому, чтобы «не дать себя вовлечь в военный водоворот», разработало план организации и работы военного отдела. Суть его выражалась в следующем: а) возможно полнее, точнее и детальнее освещать вопросы мобилизации, формирования, обучения, вооружения, снабжения, передвижения и расположения воинских частей противника на фронте и в тылу, их территориального и национального состава, личного состава штабов, управления и всякого рода учреждений; выяснять местонахождение штабов, военных телеграфов, складов, продовольственных баз, запасов вооружения, обмундирования, продовольствия и заготовок, охраны штабов, военных учреждений, складов, железных дорог, мостов и пр.; б) добывать сведения о боевых задачах фронта и отдельных частей противника; в) дезорганизовывать тыл врага и его военный аппарат[20].

Следовательно, отделу поручалась прежде всего военная разведка. Для ее осуществления в тылу белогвардейцев, а именно в Кунгуре, Перми, Екатеринбурге и Омске, намечалось создать резиденции. Имея резиденции в прифронтовой полосе и глубоком тылу противника, можно было выяснить вопросы мобилизации, формирования, обучения, снабжения, передвижения белогвардейских частей на фронт, положение в действующих войсках и их ближайшем тылу. Во главе каждого из четырех резидентств должны были стоять коммунисты-разведчики, подчиняющиеся военному отделу и в целом отделению бюро ЦК. Мыслилось в распоряжение каждого резидента дать примерно по пять агентов-разведчиков. Предполагалось подобрать 20 ходоков-коммунистов для осуществления регулярной связи. Часть их поступала в непосредственное распоряжение резидентов[21].

Для дезорганизации тыла противника (порчи же-

лезнодорожного полотна, мостов, складов и пр.) намечалось создавать небольшие отряды и переправлять их через линию фронта. Но осуществить эти обширные замыслы, в частности организовать переправу в белогвардейский тыл работников резидентств и диверсионные отряды, без специальных организаций и сотрудников руководитель военного отдела М. А. Беляев был не в состоянии. В помощь решили создать в соединениях армии особые пункты (отделы). В разработанной инструкции говорилось, что «в дивизиях и бригадах 3-й армии организуются отделы под названием «Контрольный отдел военного совета 3-й армии». Отдел состоит из заведующего и его помощника в дивизии и по одному представителю в бригадах. На обязанности их лежит обследование пригодности фронта для перехода на ту сторону, опрос пленных, перебежчиков, разведчиков противника, собрание захваченных у противника приказов, карт, записных книжек, документов, писем, газет и вообще всех материалов, относящихся к жизни по ту сторону фронта»[22].

Из составленной отделением сметы расходов выясняется, что таких фронтовых контрольных отделов должно было быть три (очевидно, два в дивизиях и один в Особой бригаде). Помимо трех заведующих отделами при них и в бригадах должно быть 10 сотрудников. Предполагалось, что общее необходимое число работников должно достигнуть 60 человек. Мыслилось ежемесячно переправлять за линию фронта по 20 человек. Приблизительный бюджет на месяц по всему военному отделу бюро составлял 372 тыс. рублей[23]. Правда, развернуть в полном объеме эту работу не удалось, но тем не менее она достигла больших масштабов. Позднее в отделении появятся инструкция «Задачи разведки» и «Инструкция для ходоков и разведчиков», полученные от военных органов[24]. Они также использовались в работе.

Как видно, задачи отделения бюро значительно расширились и усложнились. Но новое направление деятельности отделения не было каким-то чужеродным для него. Разведывательная работа, сбор информации военного характера проводились отделением и самим бюро с самого начала их деятельности, только в меньших масштабах. Это направление всегда было одним из основных в работе и подпольных большевистских органи-

заций. Подпольные организации проводили и подрывные, диверсионные операции на железной дороге, выводили из строя военные объекты, наносили ущерб врагу на военных промышленных предприятиях и т. д. Работа военного отдела тесно переплеталась с работой отделения в целом. Отделение бюро теперь имело три отдела: военный, паспортный и хозяйственный. Паспортный отдел изготовлял документы. При нем имелись мастерские: граверная и по изготовлению каучуковых штемпелей и печатей. Паспортным отделом ведали члены бюро, больше других им занимался А. А. Ляк. Хозяйственный же отдел, которым продолжал руководить И. Г. Феофанов, обеспечивал отправляющихся в тыл противника работников вещами, одеждой, продуктами и пр.[25]

О составе отделения можно судить по следующим документам. Отделение 11 апреля обратилось к начальнику гарнизона В. К. Блюхеру с просьбой выдать «пропуска на беспрепятственное хождение по городу членам Урало-Сибирского бюро и сотрудникам», в числе которых перечислены Н. И. Уфимцев, А. А. Ляк, С. Ф. Баранов, М. А. Беляев, И. Г. Феофанов, Я. Т. Желтов, А. Н. Беломоин[26]. Здесь не названы лишь кучер и уборщицы. В финансовой ведомости за июнь перечислены члены бюро (отделения): Н. И. Уфимцев, А. А. Ляк, М. А. Беляев, а также С. А. Килин; сотрудники: Я. Т. Желтов, И. Г. Феофанов, А. Н. Беломоин, А. М. Батагов, К. К. Добровольский, Д. Кригер, кучер В. С. Ермаков, «прислуга» Е. Кунгурцева и П. Федякина. В это время количественный состав отделения был наибольшим (13 человек). С. А. Килин впервые в документах отделения назван его членом (членом «Урало-Сибирского бюро»), а сотрудник Д. Кригер в оплате приравнен к членам отделения, что, очевидно, объяснялось сложностью выполняемой им работы. За июль — август значатся: Н. И. Уфимцев, А. А. Ляк, М. А. Беляев, Я. Т. Желтов, И. Г. Феофанов, Д. Кригер, А. Н. Беломоин и К. П. Рогозин[27]. Последний в число сотрудников отделения был включен лишь в это время, будучи ранее ходоком-разведчиком. Отделение прилагало усилия к привлечению для выполнения ответственных заданий опытных партийных работников. Для этого оно прибегало к помощи и местных партийных органов, и ЦК РКП(б). Весной (очевидно, в апреле — мае) через

ЦК велись переговоры об откомандировании в отделение А. Я. Зайчука и И. Ильинского, ранее работавших на Урале. Зайчук работал в Харькове и по договоренности должен был с группой выехать в Вятку. Об этом говорилось в телеграммах в исполком Харьковского губернского совета и на имя А. Я. Зайчука. Очевидно, эта группа должна была включиться в готовившийся для перехода в тыл врага отряд И. Ф. Ковальчука, с которым А. Я. Зайчук раньше вместе воевал (в телеграмме говорилось, что «соглашение Иваном достигнуто») [28].

Относительно Ильинского К. Т. Новгородцева Н. И. Уфимцеву сообщала, что в Москве он находится в командировке по делам губернского отдела образования и рекомендовала запросить согласие на выезд работника в Вятку этот отдел [29]. В распоряжение отделения были откомандированы В. А. Воробьев, К. К. Добровольский, А. Ф. Ивакин и другие члены партии с большим стажем и опытом работы. Из 29-й дивизии А. Л. Борчанинов в отделение прислал коммуниста А. И. Носкова, уже побывавшего в тылу противника по заданию полевого контроля [30]. Постепенно в отделении скопилась большая группа коммунистов из числа вновь прибывших и прежних работников, которые вернулись из прифронтовой полосы.

В работе отделения по-прежнему главными были организация и руководство большевистским подпольем в тылу врага, особенно на Урале.

Организуя работу на Урале, отделение продолжало некоторое время придерживаться первоначального курса на создание порайонных подпольных организаций, не связанных между собой и руководимых из Вятки через резидентов [31]. Вначале оно лишь в самом редком случае представителям организации одного крупного района давало явки в другие районы. Такая система работы была продиктована соображениями конспирации. Однако наряду с несомненными достоинствами она таила в себе и крупные недостатки. Не имея между собой связи, подпольные организации не могли оперативно согласовывать свою работу, готовить единовременное вооруженное выступление, обмениваться партийными работниками и т. д. Централизованное руководство каждой организацией из-за линии фронта не могло быть оперативным.

Говоря о том, что отделение на новом этапе работы по-прежнему главной задачей считало создание нелегальных партийных организаций и групп, но вместе с тем специально занялось и постановкой разведывательной и военно-боевой работы, следует подчеркнуть, что резкой грани между этими направлениями деятельности оно не проводило. И партийные, и разведывательные, и боевые группы получали целый ряд аналогичных задач. Так, задачи развертывания подрывной работы ставились не только перед теми работниками, которые шли в тыл врага по заданию военного отдела, но и перед всеми подпольными организациями и группами. С глубоким пониманием значения работы по выведению из строя железнодорожных путей и подвижного состава на Урале и в Сибири, срывающих или хотя бы затягивающих переброску на фронт новых пополнений колчаковской армии, вооружений, боеприпасов, снаряжения и продовольствия, подошло отделение бюро ЦК к разработке инструкции для подпольных партийных организаций, действующих в районе железнодорожных магистралей на Урале и в Сибири [32].

В инструкции отмечалось, что в рабочих центрах в полосе железной дороги необходимо создавать партийные организации «из самых надежных, твердых и решительных товарищей». Там, где подпольные организации уже имелись, следовало создать боевые дружины. Параллельно с подпольной партийной работой первостепенное внимание организациями должно было уделяться расстройству транспорта. Указывалось на многочисленные меры по осуществлению этой задачи. Для выведения из строя подвижного состава предлагалось систематически засыпать в буксы песок, портить мелкие, но важные детали и т. д. Засыпка песка вела к расплавлению подшипников, а также баббита, из которого они изготовлялись и которого было крайне недостаточно. Поезда с загоревшими буксами сплошь да рядом останавливались на промежуточных станциях, где не имелось железнодорожных депо.

Пути забивались, движение приостанавливалось, создавались пробки.

В инструкции отделения бюро говорилось о выведении из строя наливных паровозных кранов путем размораживания зимой и разрыва труб в другое время года, порче поворотных кругов, динамо-машин на круп-

ных станциях, «припрятывании», уничтожении материалов, необходимых для подвижного состава. Выдвигались задачи выведения из строя железнодорожного полотна и организации крушений воинских эшелонов у главных выходных стрелок, на станционных путях и на протяжении всей линии. Организация крушений непосредственно на станциях позволяла приводить в негодность чрезвычайно дефицитные стрелки, тормозить маневровые работы. В инструкции отмечалось, что организацию крушений, особенно в пути, ведущих к гибели не только колчаковцев, но и паровозных бригад, поручать подпольным организациям железнодорожников не следовало. Это должны были делать подпольщики, работающие на промышленных предприятиях, и др. В качестве одной из действенных мер по срыву железнодорожного сообщения назывались саботаж и стачки. В инструкции раскрывались особенности, преимущества тех или иных методов подрывной работы, указывалось на последствия, примерные сроки бездействия железнодорожного движения и т. д.[33]

Подпольным организациям отделение бюро давало установку координировать свои действия и осуществлять «указанные меры одновременно на всей дороге или, по крайней мере, на большом протяжении, начиная от прифронтовой полосы, для чего необходимо установить связь всех организаций»[34].

Следовательно, члены отделения пришли к выводу, что нужна постоянная связь между подпольными организациями, их совместные действия. Резидентам и некоторым работникам подполья в апреле и в последующие месяцы стали передаваться связи, явки в различные города.

Отделение настойчиво осуществляло подготовку и засылку партийных групп во главе с резидентами в те 9 районов Северного и Среднего Урала, которые были определены в начале работы. В середине апреля в Кунгур были направлены член партии с 1912 г. М. А. Медведев (резидент), некоторое время являвшийся сотрудником отделения, член партии с августа 1917 г. С. А. Медведев и член партии с 1905 г. А. Н. Петров[35]. Судя по документам, руководитель группы выехал на два дня раньше, чем его товарищи (они — 14 апреля). Еще в докладе бюро ЦК за январь 1919 г. указывалось на то, что в Кунгур послан Медведев («для организации при-

ема людей и литературы»)[36]. Но в то время его поездка в Кунгур не состоялась. Группе М. А. Медведева были даны явки не только на Урал, но и в Сибирь. В Благовещенск явка была дана в магазин Чурина к Д. Клыкову; в с. Алтай Назаровской волости Ачинского уезда Енисейской губернии к А. А. Арефьеву; в Пермь (Вознесенская, 94) к А. А. Пакалнет. Вероятно, одной из задач группы было установление связи с сибирскими подпольными организациями, организация разведывательной работы[37].

В Алапаевский район резидентом был направлен член партии с 1900 г. И. П. Пакалнет[38]. В его распоряжение направлялись коммунисты С. Я. Радостев, И. П. Колесов, И. С. Дулесов и Г. В. Здравосмыслов. Им была выдана большая денежная сумма (например, Здравосмыслову — 12 тыс. руб.). Первые четыре коммуниста пытались перейти линию фронта на участке Туркестанской, а последний — 2-й армии, но безуспешно[39]. Часть из них затем была включена в группу коммунистов, готовившихся к переходу фронта Сибирским бюро. Здравосмыслов 1 июля вернулся в отделение. В Пермь был отправлен и И. П. Пакалнет.

В район Нижнего Тагила отправились М. П. Туркин (резидент) и после нового этапа подготовки — Н. В. Жужгов, а чуть позднее — 25 мая также И. Ф. Колпащиков[40]. В одной из записок, полученных отделением на имя А. А. Ляка, говорилось, что «задержался из-за распутицы», и просил документы, одежду «под вид интеллигентного господина, который наименее всего возбуждает подозрение при путешествии. Ему и денег можно больше дать. А у простых их таскают по проверкам, потом посылают на работу, а деньги отбирают». Записка подписана так: «МТ»[41]. Очевидно, ее писал М. П. Туркин, и она свидетельствует о трудностях, испытываемых им, и мерах, принимаемых по его переэкипировке. В конце концов М. П. Туркин и Н. В. Жужгов (о ходе выполнения задания И. Ф. Колпащиковым мы сведениями не располагаем) линию фронта все же перешли. Но, как указывается в автобиографии М. П. Туркина, в указанный район они не сочли целесообразным пробираться, так как началось выступление Красной Армии, и, находясь в Лысьве, проделали там лишь некоторую работу[42].

По соседству с группой М. П. Туркина — в Кушве,

Верхне-Туринске и Нижне-Туринске должна была работать группа из трех человек: А. Ф. Фадеев (резидент), Н. Н. Вшивцев, член партии с 1914 г., и А. И. Дубовцева, член партии с 1917 г. В дальнейшем, 26 июня, в распоряжение Фадеева был послан коммунист Н. Г. Старков, но перейти в тыл врага он не успел [43].

Отделение бюро пыталось переправить группу в район Кушвы еще в марте — апреле, но безуспешно. В первой половине мая группа вновь прибыла на фронт, в Особую бригаду [44]. Обстановка для перехода фронта была неблагоприятной и в этот раз. М. Н. Миков решил переправить Н. Н. Вшивцева отдельно через северный участок [45], а А. Ф. Фадеева и А. И. Дубовцеву (изображавших чету Ермолаевых) направил в 23-й Верхнекамский полк, к его комиссару. Здесь они пробыли дней десять, ожидая благоприятного случая. Наступил июнь.

Комиссар полка не решался переправить коммунистов, не будучи уверенным в благополучном переходе ими линии фронта. Тогда А. Ф. Фадеев сам предложил план перехода, который был одобрен. В д. Южное Гординское Глазовского уезда А. Ф. Фадеев и А. И. Дубовцева взяли проводника (старичка), и он вывел их окольным путем, лесом, примерно на 40 километров в тыл белых. М. Н. Миков о благополучном переходе ими линии фронта получил сообщение комиссара полка Петрова и послал об этом донесение в Вятку [46]. В одном из сел подпольщики были задержаны колчаковцами, а затем местными кулаками. Но всякий раз выручали надежно изготовленные паспорта и умелое, уверенное поведение коммунистов, упрямо твердивших, что они — купеческая семья и возвращаются в Сибирь. «Семья» прибыла в Пермь 22 июня. Но к этому времени Красная Армия на Восточном фронте уже развернула стремительное наступление, и направляться в Кушву для организации там подпольной работы не было смысла. Было очевидно, что проделать значительной работы в Кушве до прибытия Красной Армии они не успели бы.

Фадеев и Дубовцева решили остаться близ Перми, в Мотовилихе, и включиться в революционную работу на местном заводе. Как вспоминал А. Ф. Фадеев, через брата Н. Ф. Фадеева удалось связаться с наиболее активными рабочими, в частности с А. Батиным, проинформировать их о положении в советской части страны, действиях Красной Армии и через них развернуть аги-

тацию среди мотовилихинцев. А. Ф. Фадеев выдвинул перед рабочими задачу: всячески противодействовать эвакуации колчаковцами оборудования завода. Это задание было выполнено. Рабочие получили 26 июня приказ: разобрать электромашины и все ценное упаковать в ящики. В оружейно-замочном цехе было приказано все лучшие станки также упаковать в ящики и срезать все ремни со станков. Рабочие прятали оборудование, а в ящики складывали металлолом и испорченные детали машин. Таким образом, завод совершенно не пострадал и был пущен в действие через несколько дней после освобождения Мотовилихи Красной Армией. Пермь была освобождена 1 июля. По дороге в город Фадеев встретил 200 белогвардейских солдат, пожелавших сдаться в плен. Он выстроил их, привел в Пермь и сдал в распоряжение Красной Армии [47]. Из данного примера видно, что находчивость и смелые действия коммунистов позволяли за короткое время провести в тылу врага значительную работу.

Для работы в Челябинском (Кыштымском) районе направляются член партии с 1905 г. Г. Л. Гудырев, его жена Сусанна (Фаина), позднее — коммунисты Ф. Ф. Вожаков (Истомин), затем Г. А. Кантуганов и Х. К. Богданов. Гудырева посылалась для связи, а Х. К. Богданов, о котором уже говорилось, и Г. А. Кантуганов, член партии с 1917 г.,— в Челябинск для работы среди татарского населения [48]. В июле 1919 г. отделением были получены сведения о том, что Гудырев вскоре после перехода линии фронта оказался в руках колчаковцев [49]. В материалах одного из архивов имя Ф. Ф. Вожакова, члена партии с 1915 г., родившегося в 1890 г. в Соликамском уезде, значится в числе погибших при выполнении задания отделения бюро [50]. О коммунисте Кантуганове в материалах отделения бюро и в каких-либо иных источниках сведений найти не удалось. Что касается Богданова, то он в прифронтовой полосе был обыскан белогвардейцами, затем отпущен, но остался без денег и куска хлеба. Добравшись до Челябинска, связей с подпольем установить не смог. Через некоторое время выехал в Пермь, затем вернулся в отделение бюро и какой-либо организационной работы провести не смог [51].

В Екатеринбургский район отделение 3 мая направило Ф. Г. Коркодинова. На дорожные расходы ему было выдано 5 тыс. руб. Он выдавал себя за крестьянина, бе-

жавшего из обоза красных. Прибыл на участок 30-й дивизии. Туда же на несколько дней раньше приехал из Вятки А. Е. Емшанов — ходок, имевший документы военнопленного. В. А. Иванченко организовал их переправу на позициях 269-го Богоявленского стрелкового полка. Коркодинов и Емшанов столкнулись с вражеской разведкой, и хотя к этому времени они уже смешались с группой крестьян, были задержаны, обысканы. Во время допроса легенда того и другого сработала. Были выданы пропуска. Как военнопленного Емшанова включили в группу бывших солдат царской армии, возвращающихся на Урал и в Сибирь. Пути посланцев отделения бюро разминулись.

Ф. Г. Коркодинов пробирался к Екатеринбургу и пешком, и по железной дороге. Добрался до ст. Сылва, где, усталый, заснул и был задержан патрулем, проверяющим документы, обыскан. Белогвардейцы нашли у него деньги. Начали избивать, допрашивать. Говорил, что эвакуируется из Нытвы, где продал последнюю лошадь. Версии его не поверили, с конным конвоем отправили в контрразведку. Коркодинову по дороге удалось бежать в лес. Без документов и денег, под угрозой неизбежности ареста на железной дороге он вынужден был отказаться от поездки в Екатеринбург. Сумел пробраться под Пермь, в Мотовилихинский завод. Пробыл там несколько дней, пока 1 июля не пришла Красная Армия. Ф. Г. Коркодинов связался с отделением и представил ему доклад, изложив историю своих злоключений и результаты наблюдений [52].

Отделение готовит для засылки в Екатеринбург еще группу коммунистов в составе членов партии В. А. Воробьева, А.Ф. Ивакина и Г.Н. Штальберг. Воробьеву и Ивакину — опытным печатникам (первый из них ранее был редактором «Уральского рабочего») поручалась организация нелегальной типографии, выпуска газеты и большевистских листовок [53]. Но отделение решило переправить их на участке 5-й армии и послало к И. Н. Смирнову.

Отделением решено было для постоянной работы послать новую группу коммунистов и на Северный Урал, в район Надеждинска — Лобвы, поскольку стало известно, что М. И. Соловьев и П. Н. Спиридонов, будучи арестованными колчаковцами, задание не выполнили. В группу были включены 6 молодых коммунистов, бывшие

красноармейцы А. П. Усатов, М. И. Катаргин (руководители), И. А. Шаров, А. Н. Кузнецов, А. Я. Двинянинов и А. В. Фомин. Группа имела поручение создавать подпольные большевистские ячейки в районе Надеждинского завода, Богословского, Туринского рудников, Николае-Павдинском горном округе, установить и поддерживать между ними связь и вести подготовку вооруженного выступления [54]. В записке (с указанием «совершенно секретно, по прочтении подлежит уничтожению») на имя командира и комиссара Пинего-Печорского края члены отделения писали: «Уважаемые товарищи. Податель сего тов. Усатов с 5-ю красноармейцами командирован Урало-Сибирским бюро ЦК Российской Коммунистической партии с важными и секретными поручениями.

Урало-Сибирское бюро просит вас оказать им всяческое содействие в быстром и наиболее безопасном переходе в тыл противника с соблюдением самой строжайшей тайны.

После перехода товарищей просим телеграфировать нам по следующему адресу: г. Вятка, губернский комитет ЭРКАПЕ Уфимцеву: «Доехали благополучно»[55].

Члены группы 9 мая получили нелегальные паспорта и, очевидно, в тот же или на следующий день выбыли на северный участок фронта. Двоим из них (А. Я. Двинянинову и А. В. Фомину) были вручены карабины [56], это свидетельствовало о том, что группе давалось и боевое задание. Группа Усатова (по паспорту И. С. Ожогин) — Катаргина (по паспорту Ф. В. Шумков) фронтовую линию перешла благополучно. Об этом говорится в автобиографии и воспоминаниях С. И. Катаргина, подтвержденных официальной справкой Лобвинского Совета. О себе он пишет, что «работал в качестве контрагента до прихода советских войск». Катаргин находился преимущественно в Лобвинском заводе, где по освобождении поселка и станции он организует ревком и избирается его председателем. Члены группы вели подпольную работу в том же Верхотурском уезде, и, как можно понять, никто из них не погиб [57]. Как нам известно, в районе Надеждинска — Лобвы — Новой Ляли весной и летом 1919 г. велась активная революционная борьба, развернулось партизанское движение, что косвенно подтверждает факт успешной революционной работы групп.

Таким образом, к концу весны отделение бюро направило коммунистов во главе с резидентами в 7 из 9 районов Среднего и Северного Урала: Кыштымский, Екатеринбургский, Нижнетагильский, Гороблагодатский, Богословский, Кунгурский и Алапаевский. Руководители отделения сочли возможным доложить Центральному Комитету партии и членам бюро о том, что «Средний и Северный Урал, отчасти и Южный нами теперь обеспечены хорошими партийными силами»[58]. Готовились коммунисты и для отправки в Пермский район. Оставался вне специального внимания лишь Лысьвенский район (хотя и туда имели задания заехать некоторые ходоки). Члены отделения бюро писали и о том, что партийными кадрами «отчасти» обеспечен и Южный Урал. Они имели в виду не только посылку двух групп работников в Челябинск (Кыштымский район). В мае были посланы « в Златоуст и заводы Южного Урала» И. С. Белостоцкий (резидент) и Д. Т. Богатов. Они получили явки к Г. Л. Гудыреву. Позднее туда направляются И. П. Маликов, Н. А. Фофанов и П. А. Фофанов[59]. Последние получили задание вести работу даже в Кустанае, организовать там явки (на мельнице братьев Толстых и электростанции города), т. е. в северной части Степного края[60]. Но основным районом их действий определялся Кыштымско-Челябинский. Для передачи Гудыреву было составлено шифрованное письмо: «Если у Вас был Богатов и Белостоцкий, укажите их адрес. Поддерживайте с ними постоянную связь. Сообщите, как идут дела в Челябинске. Постарайтесь послать к нам курьера с отчетом; сообщите, что Вам нужно. После этого свяжем Вас с сибирскими организациями»[61]. Белостоцкий и Богатов перешли линию фронта, но пробраться в Златоуст не успели, ибо началось наступление Красной Армии и они вскоре еще в Прикамье (в районе Песковского завода) оказались на советской территории[62]. Маликов и братья Фофановы, посланные к И. Н. Смирнову для переправы на участке 5-й армии, там получили новое задание.

Отделение бюро ЦК и далее уделяло особое внимание Богословскому и Гороблагодатскому районам (Верхотурскому уезду). Туда в 20-х числах мая отправилась новая группа во главе с членом партии с 1909 г. В. А. Сильных (по паспорту — И. П. Сизых) и членом партии с 1915 г. Ф. И. Шляхтиным (по паспорту — Я. Н. Коркунов).

Группа по предложению отделения бюро стала формироваться В. А. Сильных в начале мая. В нее включаются коммунисты-красноармейцы, в октябре — декабре 1918 г. воевавшие в составе отрядов в районе Кытлыма — Растеса, хорошо известные руководителю группы. Помимо Ф. И. Шляхтина в нее включаются члены партии И. Е. Суворкин, С. Д. Пличкин, П. И. Никонов. В последний момент в группу вошли М. И. Шляхтин (младший брат Ф. И. Шляхтина), тогда еще беспартийный, и И. П. Бабайлов. Все они, кроме Никонова, крестьянина, были рабочими[63]. Следовательно, группа включала в себя 7 человек.

К 20 мая группа была проинструктирована, в основном экипирована и готова к переходу линии фронта, к революционно-партийной и военно-боевой работе в колчаковском тылу. В этот день членам группы были выданы конспиративные документы, паспорта, как жителям Урала и Сибири, книжки военнопленных, возвращающихся из Германии в родные места. Документы отделение выдало под расписку: «1919 год, мая 20 дня,— значится в расписке В. А. Сильных.— Мною получены от Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б) следующие документы: паспорт на имя Сизых Ивана Павловича, выданный Александровским волостным прав. Иркутской губ. и уез. 1909 декаб. 12-го с явками полицейск. упр. г. Читы, пристав 2-го уч. Хабаровска и 1-й уч. Челябинского полицейского упр. К. военнопленного — под 31 463 на имя Митяева Александра Ивановича. С. Сильных»[64].

Коммунисты должны были при переходе или после перехода линии фронта в случае надобности предъявить карточки военнопленных, а в дальнейшем проживать и работать с нелегальными паспортами на руках.

Паспорта уроженцев и жителей Восточной Сибири и других отдаленных районов в случае ареста на Урале затруднили бы белогвардейцам установление личности, в какой-то мере оберегали подпольщиков от провала.

Задание группы сводилось, как уже отмечалось, к подпольной партийной и боевой партизанской работе в Богословском и Гороблагодатском горных округах. Вот почему у линии фронта, на месте переправы, группа по договоренности должна была получить дополнительное снаряжение[65]. Более полное представление о предстоящей работе группы и районе ее действия дают

явки, полученные от Сильных и Шляхтина в Турьинских рудниках (ныне Краснотурьинск) и Сосьвинском заводе на первого из них и в Кушве — на второго: «1) Турьинские рудники, Борцовская улица, дом № 41. Корзухин Константин Николаевич. Спросить Сильных-Сизых Ивана Павл.; 2) Сосьвинский завод, квартира электротехника Зырянова. Его же (т. е. спросить Сильных-Сизых.— *И. П.*); 3) Кушва, Госпитальная улица, дом Макара Ефимовича Бабаева. Спросить Коркунова Якова-Шляхтина и Турьинский тракт — Ивана Яковлевича Шляхтина. Спросить Федора (т. е. Ф. И. Шляхтина — *И. П.*)»[66]. Выходит, что подгруппа В. А. Сильных должна была непосредственно работать в Богословском, а Ф. И. Шляхтина — в Гороблагодатском округах.

Группе были вручены деньги (очевидно, около 100 тыс. руб., ибо одной из групп выдали 50 тыс.), даны шифр для переписки и составления докладов и писем в отделение бюро ЦК и пароли: для Богословского округа — «Не живет ли у вас Сидоров?». Ответ — «Жил, но уехал в Иркутск»; для Гороблагодатского округа — «Не найдется ли у вас хлеба фунта три?». Ответ — «Для Вас найдется целый пуд»[67]. Группе предстояло начинать работу не на «голом» месте, изолированном от большевистского подполья Урала. Как указывалось в материалах отделения, ей были «даны явки к Усатову и Катаргину и письма к ним и району № 2». Во 2-м районе назван был «адрес, по которому можно отыскать оружие в Екатеринбурге и Сысерти»[68]. Вместе с тем отделение бюро через своих новых посланцев требовало от резидентов соответствующих сведений и давало директивные установки. В специальном письме на имя А. П. Усатова и С. И. Катаргина отделение требовало: «Примите все меры к созданию организаций в районе, Вам порученном. Поддерживайте между ячейками связь и ожидайте дальнейших инструкций. Примите все меры к тому, чтобы послать надежного человека и подходящего ходока с сообщением о положении в Вашем районе. Подробно осветите в сообщении экономическое положение в Вашем районе. Подробно осветите в сообщении экономическое положение Урала и его заводов, настроение рабочих и крестьянских масс. Соблюдайте возможно больше осторожности»[69]. Следует обратить внимание на то, что и группа В. А. Сильных получила такие же установки.

Группа отправилась пароходом вверх по Вятке, затем на лошадях добралась до штаба Особого Северного экспедиционного отряда. Получив здесь одежду, продукты, три лодки, члены группы поплыли по Каме, стараясь прижиматься к берегу, к густым зарослям, будучи все время готовыми к схватке с врагом. В карманах были наганы, под рубашками — патронташи, на дне лодок — карабины, гранаты. Примерно на границе Вятской и Пермской губерний пробрались через фронт (там он не был сплошным). Затем в обход дорог, на которых неизбежно произошла бы встреча с колчаковцами, пошли пешком через леса и болота к Соликамску. Как ни были осторожны коммунисты, в одном месте они все же наткнулись на избушку и рыбака.

При разговорах «на политические темы» подпольщикам, выдававшим себя за белогвардейцев, удалось выяснить, что хозяин — кулак. Более того, он похвастался, что недавно выдал двух «краснопузиков». Поведение его не позволяло быть уверенным в том, что он поверил в белогвардейскую принадлежность группы. Выяснив у «рыбака» место выхода на просеку, подпольщики его «ликвидировали», иначе погоня за ними или встреча с отрядами перехвата были бы неизбежны.

Вскоре группа разделилась, и подгруппы двинулись далее своими путями. С Сильных пошли Суворкин и Бабайлов, с Шляхтиным — его брат, Пличкин и Никонов. Подгруппа Шляхтина перебралась через Каму, двинулась в Павду, собирая сведения политического, военного и экономического характера. Из Растеса в район Надеждинска для связи с Усатовым и Сильных, который должен был выйти туда же, послали С. Д. Пличкина. Автору известно лишь то, что он перед приходом Красной Армии находился в Турьинских рудниках, посетил жену В. А. Сильных А. С. Есаулкову и вручил ей деньги [70].

Из Павды Шляхтины послали родственницу П. И. Никонова Агашу в Кушву с тем, чтобы она вызвала их отца И. Я. Шляхтина с подводой. Через неделю он приехал. К этому времени подпольщики через членов семей коммунистов и красноармейцев провели организационную и разведывательную работу, изготовили новые документы, затем выехали в Кушву. Поездка оказалась неблагополучной. На одной из застав, близ д. Малая Именная, Шляхтины-сыновья были случайно опознаны.

Всех троих подпольщиков арестовали и под усиленным конвоем повели к Н. Туре. Подпольщики при входе в лес бросили в конвоиров гранату и совершили удачный побег. Вышли к Кушве и обосновались в ее окрестностях — у Шиховой горы.

Через И. Я. Шляхтина, вернувшегося домой, установили связь с подпольщиками поселка (В. Денякиным, А. Воробьевым и др.) и, опираясь на них, развернули революционную работу. Особое внимание обращалось на подрывные действия. На Горнозаводской железной дороге в районе Кушвы загремели взрывы. В Гороблагодатском округе, особенно на железной дороге, в июне 1919 г., по признанию белых, появились «солдатско-рабочие» отряды. Пользуясь тем, что в июне развернулось наступление 3-й армии, рабочие Кушвы и ряда других поселков всячески мешали отступлению врага, способствовали нарастанию паники в его рядах, тормозили, срывали демонтаж и эвакуацию оборудования предприятий, сырья, других ценностей. В июне руководитель группы Ф. И. Шляхтин отчитался о проделанной работе, передал в отделение бюро собранную информацию[71].

Трагически сложилась судьба подгруппы В. А. Сильных. Ее члены вначале успешно пробирались в заданный район, занимаясь сбором сведений, агитацией среди населения, но 19 июня в районе Усолья были арестованы. В приказе войскам 1-й Сибирской армии № 44 от 26 августа 1919 г., подписанном генералом А. Н. Пепеляевым, который на основе представленного ему дознания «предал» В. А. Сильных, И. Е. Суворкина и И. П. Бабайлова военно-полевому суду, говорится, что они «перешли фронт и собирали сведения о количестве правительственных войск, их расположении, снаряжении, вооружении, снабжении, вели противоправительственную агитацию среди войск в пользу красных, пока не были арестованы»[72]. В отношении колчаковской военной контрразведки от 31 июня 1919 г. говорится о «задержании» подгруппы Сильных. Контрразведке было известно о четырех других членах группы; от арестованных они добивались дополнительных сведений. Но контрразведчикам было сказано, что те ушли в Турьинские рудники, т. е. совсем в другом направлении, нежели Кушва[73]. Враг был сбит с толку.

Во время перевозки группы и других заключенных по железной дороге (где-то уже в Зауралье) ночью про-

изошло крушение поезда. Как вспоминал И. Е. Суворкин, «вдруг все затрещало. Наш вагон встал на дыбы, как лошадь, и грохнулся на землю. Я кувырком полетел в угол. Слышу, стон, крики, а потом началась стрельба. Уцелевшие конвоиры стали оцеплять место крушения, чтобы ни одну живую душу не выпустить на волю. Я ощупал себя: вроде бы цел, синяками отделался. А где другие? Достал схороненные спички, зажег лоскут бумаги. Илюха Бабайлов убит насмерть. У Вячеслава Сильных ноги изломаны, висят на одних сухожилиях, а кровь будто из фонтана хлещет. В сознании был еще. Узнал меня, как вспыхнула бумага. Просит: «Пристрели, Ваня! Избавь от мук». А о том не думает, бедняга, что у Вани никакого оружия нет, голые персты только». Когда оцепление в темноте стало сгонять живых в канаву, рассказывал Суворкин, он вместе с другим молодым заключенным, не получившим ранения, удачно бежал и перешел линию фронта [74].

Как отмечалось выше, отделение направляло для постоянной работы коммунистов и в Сибирь. В докладе Центральному Комитету партии по итогам работы по май включительно члены отделения указывали, что в Сибирь направлено 5 человек[75]. В докладе нет имен этих работников. Попытаемся их установить. По-видимому, здесь в числе других имеется в виду посланец ЦК РКП(б) В. И. Хотимский. Ему 4 мая были выданы паспорта на имя М. Б. Белопольского и Б. П. Хмелевского и диплом выпускника Варшавского университета. Хотимский был направлен во вражеский тыл для налаживания связи между подпольными организациями и руководящей работы в большом регионе Сибири. С ним под именем Н. А. Белопольской выехала женщина. В предательских показаниях одного из арестованных колчаковцами ходоков отмечено, что «через Самарский фронт должны перейти Богораз (женщина) и Сулимов»[76]. Несомненно, речь идет о Хотимском (в разговоре фамилия его могла прозвучать нечетко — «Хотимов», а в памяти предателя ассоциироваться с «Сулимовым»). «Белопольская» же, очевидно, Богораз (возможно, «Н. А.»). Хотимский и сопровождавшая его под видом жены Богораз (Белопольская) направлялись на участок 2-й, а затем 5-й армий. Перейти через фронт там не удалось. Как отмечал в докладе И. П. Пакалнет, безуспешной была попытка Хотимского перейти фронтовую линию и на участ-

ке Туркестанской армии. В. И. Хотимский был оставлен на работе в бюро ЦК[77]. В число 5 человек, посланных в Сибирь, включен и С. Ф. Баранов, фактически находившийся еще в Москве, в Центральном Комитете партии[78]. Остальные, очевидно, были ходоки, о которых речь пойдет далее.

Отделение бюро для установления связи с подпольными организациями Сибири, встречи с их руководителями имело несколько явок, пароли. Так, для связи с омскими коммунистами нужно было явиться на толкучий базар на Скорбященской улице, в бакалейную лавку и спросить: «Есть ли у Вас турецкие сигары?» Ответ должен был быть таким: «Есть только греческие»[79].

Несмотря на отсутствие непосредственных связей с Сибирью и Дальним Востоком, недостаток в явках и т. д., отделение бюро ЦК не оставляло надежды на достижение успеха как результата своих усилий и выполнения поручений С. Ф. Барановым, В. И. Хотимским и другими своими посланцами.

Отделение занималось вопросом организации подпольной партийной работы и революционной борьбы в городах, которые находились в тылу Красной Армии, но в случае ее отступления могли оказаться и во вражеском тылу.

На такой случай для работы в Глазове были подготовлены коммунисты А. П. Есипов и К. Е. Русских. Глазовский уездный комитет РКП(б) и ревком (возможно, по согласованию с отделением бюро ЦК) к ним подключили группу коммунистов и комсомольцев. Когда в начале июня враг захватил Глазов, то все они остались в нем и включились в нелегальную работу. Они распространяли листовки, собирали разведданные. По некоторым данным, они связались с партизанами, добывали оружие, боеприпасы и переправляли их в отряд. Часть подпольщиков, включая А. П. Есипова и, очевидно, К. Е. Русских, погибли[80].

Принимались меры (на случай отступления) по созданию подполья и в отношении Ижевска. В начале апреля в партийный комитет города были посланы «первые представители» от отделения бюро. Перед общегородским комитетом выдвигалась «задача организовать подполье», оставить в тылу врага коммунистов. Но тогда эта задача не была выполнена. Местные партийные

руководители членам отделения давали объяснения и ссылались, что вели спешную эвакуацию города[81]. Возможно, в дальнейшем ошибка была исправлена. Для подпольной работы в Вятке на случай ее оставления готовился коммунист И. Н. Киляков. Он законспирировался, обосновавшись на квартире священника. В его распоряжении находилась группа работников. Но Вятку Красной Армии удалось удержать[82].

Отделением бюро ЦК с начала апреля 1919 г. было много сделано по реализации плана работы своего военного отдела. Усиленно готовились для засылки на Урал отряды и боевые группы партизан. У руководителей Уралобкома партии, часть которых после его ликвидации осталась работать в Вятке или в политотделе 3-й армии, еще в 1918 г. вызревала идея формирования и засылки во вражеский тыл партизанских отрядов. Например, 14 октября обсуждался специальный доклад по этому вопросу («о создании нескольких отрядов для деморализации противника в его тылу»), но решения тогда принято не было, вопрос был «оставлен открытым»[83]. В связи с реорганизацией отделения бюро ЦК, созданием в нем военного отдела армейские партийные работники, члены Реввоенсовета армии стали активно помогать в создании специальных формирований. Особенно трудоемким и важным было формирование двух достаточно крупных отрядов.

Первый из них был сформирован к концу апреля. Его командиром — «атаманом» назначается член партии с 1911 г. А. С. Пушвинцев[84]. При завершении подготовки отряда к выполнению операции 22 апреля А. С. Пушвинцев просил заведующего военным отделом М. А. Беляева изготовить для партизан 15 паспортов, 10 удостоверений личности, 10 свидетельств и документы военнопленного на имя одного из партизан. При этом командир прилагал список бойцов отряда в 29 человек[85]. В начале мая отряд А. С. Пушвинцева в составе 32 человек[86], вооруженный и экипированный, направился из Вятки к фронту. Пушвинцев 11 мая направил в отделение зашифрованное донесение, в котором говорилось, что отряд находится в д. Зуевка (Зуевцы), северо-восточнее Мулино, в прифронтовой полосе. К этому времени три партизана заболели и были отправлены на излечение[87]. Из прифронтовой полосы поступило еще одно шифрованное донесение о продвижении на восток[88]. Ни-

каких, даже малейших сведений о последующих действиях отряда А. С. Пушвинцева, найти не удалось. Обстановка на фронте в то время была очень сложной. Непосредственно восточнее Зуевцов проходил фронт. По всей видимости, или непосредственно на фронте, или вскоре по переходе его где-то в верховьях северной реки Нырмич отряд погиб в неравной схватке с врагом.

К середине июня отделение подготовило для отправки в тыл врага отряд в 28 человек, сформированный из бойцов 3-й армии. Командиром отряда был назначен И. Ф. Ковальчук (Кучинский). По партийному составу отряд был неоднородным. В нем было 11 коммунистов, 13 анархистов и 4 беспартийных[89]. И. Ф. Ковальчук был анархистом. Коммунист В. И. Углев был, очевидно, его заместителем или комиссаром (за подписью обоих с пути следования послана телеграмма в отделение бюро). Бойцы в большинстве своем были уроженцами Екатеринбургского уезда. Хотя анархисты принимали участие в боях против белогвардейцев, но от мелкобуржуазных взглядов не отрешились.

Бойцы отряда И. Ф. Ковальчука были вооружены карабинами и револьверами. Они захватили с собой 2 ящика винтовочных и 112 револьверных патронов, 64 гранаты-лимонки, 40 саперных и 10 кавалерийских пироксилиновых шашек, 12 аршин бикфордова шнура, 29 походных палаток, 18 пудов сухарей и другое снаряжение и продовольствие[90]. Как видно, отряд был хорошо вооружен и мог успешно действовать. К намеченному для переправы на Крайнем Севере Урала пункту — Усть-Нем-Ксенофонтово отряд пробирался на барже и пешком. На это ушло много времени (конец июня — первая половина июля).

В это время 3-я армия стала быстро продвигаться на Урал, отряду пришлось спешить, чтобы догнать и опередить Красную Армию. Сделать это было крайне трудно. Выполнению задачи мешало и ненормальное положение в отряде. Единства и твердой дисциплины в нем не было. Между анархистами и коммунистами постоянно вспыхивали ссоры. Причиной столкновений были идеологические, политические расхождения. Анархисты высказывали несогласие с политикой Коммунистической партии, а некоторые даже поносили ее и Советскую власть вообще[91]. Отряд был задержан военными властями и 30 июня разоружен. Отделение бюро в начале июля запро-

сило военполиткома Пинего-Печорского края Аронштама и самого И. Ф. Ковальчука о причинах задержки и разоружения отряда. Был получен ответ: «Причиной разоружения послужило распоряжение комкрая, возникшее разногласие между анархистами и коммунистами и нежелание последних совместно следовать дальше». Сделан был новый запрос на имя Ковальчука по этому поводу, и 12 июля получен телеграфный ответ за его и В. И. Углева подписями, в котором сообщалось, что получен пропуск, и отряд двинулся дальше[92]. Но перейти фронт отряд так и не смог и по прибытии в Екатеринбург был расформирован[93].

Таким образом, отделение бюро в мае — июне 1919 г. направило на Урал два партизанских отряда, насчитывавших 60 человек. Действия партизан, которым удалось выйти в тыл белогвардейцев, дезорганизовали его и в определенной степени содействовали успехам Красной Армии.

Кроме этих отрядов была сформирована и 5 июня «для дезорганизации тыла противника действием» послана вооруженная диверсионно-партизанская группа в составе коммунистов В. Ф. Трушкова (руководитель), Д. И. Коротаева и А. П. Неволина. Она должна была, главным образом, выводить из строя железнодорожное полотно на Луньевской ветке горнозаводской линии, на участках Пермь — Екатеринбург и Лысьва — Бердяуш. Вскоре после перехода (14 июня) линии фронта группе пришлось вступить в бой с белогвардейско-кулацким отрядом и затем скрываться в лесу. Это и не удивительно, ибо в прифронтовой полосе колчаковцы при земских управах создавали кулацкие добровольческие дружины; в каждом селе, в деревнях, у въездов в них ставились сторожа, требовавшие у путников пропуска[94]. Коммунисты оказались разобщенными. Неволин и Коротаев действовали вместе. В дальнейшем они (точнее — первый из них) составили для отделения доклад, из которого выясняется, что они получили лишь некоторые сведения о белогвардейцах. Судьба В. Ф. Трушкова не выяснена. Данные о нем в документах отделения и других источников не обнаружены[95].

Отделение бюро исключительно большое внимание уделяло постановке разведывательной работы во вражеском тылу. В письме Ф. И. Голощекину Н. И. Уфимцев в начале июня сообщал, что из Вятки «послана пуб-

лика для 2-х агентурных отделов (Пермь и Кунгур)» и «подобрана для Омска и Екатеринбурга»[96]. Дело обстояло таким образом. Для Кунгура была подобрана и 26 мая послана группа в составе Е. Я. Пьянкова (член партии с 1906 г., руководитель), М. Я. Федорова и М. Вильданова. Группа 11 июня благополучно перешла фронт близ села Верхкамска Новомихайловской волости, Оханского уезда. Но вскоре она натолкнулась на белогвардейскую заставу; коммунисты вынуждены были скрыться. Федоров оказался один. Пьянков и Вильданов сначала были вместе, но затем и они разошлись. Пытались пробраться в Кунгур, но сделать этого не удалось. Е. Я. Пьянков вновь натолкнулся на белых. Стали допрашивать, обыскали, забрали 1300 рублей. Вдобавок был опознан, но во время конвоирования в лесу совершил побег. Примерно то же случилось с М. Вильдановым. Он также был схвачен, обыскан, деньги изъяли, но не нашли кинжал, которым он во время конвоирования воспользовался, убил двух солдат и бежал. С прибытием через неделю Красной Армии все они явились в отделение.

Были составлены группы коммунистов для «агентурных отделов» в Перми и Кунгуре. Для первого из них — Я. С. Зачернавских (член партии с 1904 г., руководитель), В. Ф. Старков, К. Л. Солонников и К. В. Устинов; для второго — В. И. Богомолов (руководитель), А. А. Мансуров и А. С. Суханов. В частности, группе Зачернавских задачей ставилось: «По прибытии в Пермь... немедленно устанавливает точные и верные явки, собирает дополнительные сведения, согласно инструкции, о силах противника и с одним из товарищей пересылает к нам. В дальнейшем в распоряжение тов. Зачернавского посылается еще несколько товарищей, которых он использует как агентов-разведчиков и ходоков»[97]. Аналогичными были задачи другой группы с той лишь разницей, что она имела задачу по прибытии в Кунгур поступить в распоряжение Е. Я. Пьянкова. Предписывалось усилить разведработу, «устраивать своих людей курьерами, писарями, телефонистами в штабах белых»[98]. На случай, если бы группа не нашла Е. Я. Пьянкова, она должна была самостоятельно развертывать разведывательную работу[99].

Группы были временно объединены и с 14 июня двинулись к фронту вместе с отрядом И. Ф. Ковальчука.

Представлялось, что окольный путь через Северный Урал более безопасен. Однако движение к фронту так затянулось, что задание группам, как и отряду, выполнить не удалось. Группы двигались вслед за Красной Армией. По прибытии затем в отделение они представили отчеты. Члены отделения направили их в свои организации [100].

В конце июня была составлена группа из 6 коммунистов: Ф. Дружинин (руководитель), И. Алексеев, И. Зенков, А. Илгашев, М. Именных и П. Милованов для Екатеринбургского агентурного отдела. Вместе с отделением она прибыла в освобожденную Пермь. Вскоре стало известно об освобождении Екатеринбурга, и задача поездки группы туда отпала [101]. Группа для Омского отдела, очевидно, так и не была сформирована.

В связи с тем что подготовка разведгрупп заняла длительное время, переправа большинства из них производилась в период наступления Красной Армии, а ранее посланную группу Е. Я. Пьянкова постигла неудача, конечный результат работы отделения в этом направлении был совершенно незначительным.

Гораздо лучше дело обстояло с подготовкой и посылкой в тыл Колчака отдельных ходоков (разведчиков), имевших поручения собирать сведения при объезде различных районов.

С разведывательными заданиями на Урал, а также в Сибирь и на Дальний Восток отправились: С. А. Килин, П. Ф. Тарасов, И. Вахрушев, Ф. И. Швецов, В. С. (В. М.) Садовин, А. Е. Ешманов, М. Д. Бурков, А. И. Бусырев (Будырев), К. П. Рогозин, М. Б. Габов, С. Н. Горбушин, В. И. Варваричев, П. С. Кочкарев, Н. П. Терентьев [102]. В делах отделения в числе посланных значатся ходоки Н. Н. Зорин, И. Я. Спиридонов, конкретных данных о переходе фронта которыми мы не нашли. Ясно лишь одно, что который-то из них, как будет показано далее, точно переправился вместе с И. Вахрушевым и Ф. И. Швецовым. Скорей всего, они переправились оба. В числе ходоков в отделении значится Н. Д. Пермяков. Напротив его фамилии сделана пометка: «Ходок-разведчик в Лысьву». Но был ли он послан туда в действительности — сказать трудно, ибо обычной отметки «отправлен» не сделано [103]. Имеется расписка Михайлова (не датированная, но относящаяся к документам июльского периода) о получении им книжки во-

еннопленного и вещей. Вероятно, этот работник был послан в тыл белых, и скорее всего — ходоком. Как будет показано далее, возникает имя В. А. Болотова, как возможно посланного в тыл врага ходока-разведчика. Следовательно, речь идет о посланных в апреле — июле в тыл врага 19 ходоках. В большинстве своем ходоки вернулись из-за линии фронта еще до ликвидации отделения бюро ЦК и представили доклады, свидетельствующие о том, что им удалось побывать во многих городах Урала и Сибири, встретиться с некоторыми подпольщиками, революционно настроенными рабочими и собрать обширные и ценные сведения.

Около полутора месяцев находился в тылу противника ответственный сотрудник отделения С. А. Килин (он выехал из Вятки 2 апреля 1919 г.). Прибыв в Кунгур 10 апреля, Килин проехал в Пермь, затем вернулся в Кунгур и опять направился в Пермь. Из Перми проехал в Екатеринбург, завернул на короткое время в Сысерть, потом направился в Челябинск, Уфу, проехал в Сибирь, в Омск. Побыв некоторое время в Омске, на ст. Татарская, он приезжает в Уфу. Через Бирск и Мензелинск Килин направился к фронту, удачно перешел его и в 20-х числах мая прибыл в Вятку. Доставленная С. А. Килиным информация была обширной и ценной. В обстоятельном докладе содержались ценные сведения, сгруппированные в 12 разделов: 1) промышленность; 2) торговля; 3) продовольствие; 4) транспорт; 5) денежное обращение; 6) армия; 7) рабочий вопрос; 8) крестьянство; 9) общественная жизнь; 10) важнейшие события последнего времени; 11) волнения и 12) условия передвижения, переписки и т. д. В докладе указывалось на явные и многочисленные признаки развала в колчаковском тылу, в белогвардейских войсках, рост революционного движения с подробным описанием Кустанайского и других восстаний [104].

К сожалению, С. А. Килин в отчете осветил лишь общее положение в тылу врага, ничего не сказав о работе коммунистов-подпольщиков, своих контактах с ними. Это читается, так сказать, между строк: обширная информация подчас носит такой характер, что часть ее могла быть получена в доверительных разговорах с подпольщиками и сочувствующими Коммунистической партии. В частности, Килин пишет, что «со многими» рабочими ему приходилось говорить, каждый из которых

«дожидает Советскую власть, которую он считает своей», что в Перми и Екатеринбурге «подготавливалось в первых числах апреля военное восстание» (так в общем было и в действительности).

Определенные косвенные данные о связях С. А. Килина с большевистским подпольем имеются в воспоминаниях бывших подпольщиков. Сысертский коммунист, хранитель склада оружия В. И. Печерский отмечал: «Во время моего ареста (имеется в виду не сам акт ареста, а пребывание в тюрьме — *И. П.*) приезжал из Вятки в апреле 1919 г. товарищ, фамилию которого жена не упомнила. Привозил письмо, справился насчет оружия и дал поручение моей жене снести письмо в Верх-Исетский завод (т. е. Екатеринбург.— *И. П.*) и передать его сестре и деньги 1000 руб. Это подтверждает Александра Ивановна Давыдова, которая жила в это время у меня»[105]. А. И. Давыдова была коммунисткой, женой члена партии с 1906 г., видного уральского партийного работника Н. М. Давыдова. Килин — бывший екатеринбургский работник, и, естественно, в городе (на ВИЗе) могла проживать его сестра. Совпадает время его заезда в Екатеринбург и Сысерть и приезда «товарища» из Вятки — апрель 1919 г. С. А. Килин о нелегальной работе коммунистов информировал членов отделения, очевидно, устно.

Несколько позднее Килина, 9 апреля, отправились из Вятки на Урал П. Ф. Тарасов (по паспорту — Камчатов) и В. С. (В. М.) Садовин. Им были обусловлены в ходе выполнения заданий встречи в Красноуфимске и Екатеринбурге. Переправил их В. А. Иванченко. Но при проверке документов молодого В. С. Садовина задержали белогвардейцы; на этом следы его теряются[106]. Бородач П. Ф. Тарасов же, выдававший себя, как отмечалось, за «божьего странника», был отпущен. («Ты, старый, иди»,— сказали ему; «старому» было лишь 40 лет.) Прибыл в Пермь, доставив туда записку А. А. Ляка. Пробыл в городе два дня, побывав и в семье. Оставаться дольше было опасно, так как почувствовал за собой слежку. Выехал в Кунгур, продолжая собирать необходимые сведения. Побывал в Красноуфимске, Екатеринбурге, ждал там Садовина, не дождался и отправился в Нязепетровск и Челябинск, заехал в Уфалей. Встречался с рабочими, знакомыми и незнакомыми, сочувствующими Советской власти, сообщавшими ему о на-

строениях в городе, на заводах. В Челябинске выяснил, что рабочие жаждут восстания, но жалуются на отсутствие, недостаток оружия. Завершил свою поездку П. Ф. Тарасов посещением Шадринска, Камышловского уезда, Чусовской [107].

В Пермь в апреле были посланы В. И. Варваричев и П. С. Кочкарев. Они были присланы в Вятку из Нижнего Новгорода, где существовали курсы по подготовке разведчиков и агитаторов из числа матросов для работы в тылу врага. Штаб 3-й армии попросил отделение бюро организовать их переправу по своим каналам. В военном отделе завершается подготовка разведчиков, после чего они «командируются» в Особую бригаду, переправляются через фронтовую линию «для получения сведений о количестве и вооружении судов» Камской речной флотилии и возвращении с ними из-за линии фронта. В. И. Варваричев и П. С. Кочкарев имели паспорта соответственно на имена Петрова и Белова. Но в начале мая, наряду с другими разведчиками, агитаторами и местными подпольщиками, Варваричев и Кочкарев были схвачены [108]. Не исключено, что разведчики некоторые сведения все же могли передать. Как в дальнейшем белогвардейцам в процессе наблюдения за действиями пермского подпольщика Быкова, раскрытого контрразведкой, удалось выяснить, сведения вкладывались в бутылку, окрашенную сурьмой. Она спускалась вниз по течению Камы. Что касается Быкова, также собиравшего данные о речной флотилии, то он 7 июня был схвачен и погиб [109].

А. Е. Емшанов выехал из Вятки позднее, 23 апреля. Уже отмечалось, что переправлялся он через фронтовую линию вместе с Ф. Г. Коркодиновым на участке 30-й дивизии. Прифронтовые колчаковские «рогатки» они прошли благополучно. Емшанов, имевший документы военнопленного, возвращающегося в Сибирь, был включен в партию бывших военнопленных и получил возможность легального проезда в Сибирь. Но документов он лишился. Их передали сопровождающему или старшему партии. Это поставило его в сложное положение. При остановках в городах он имел возможность знакомиться с положением в них, но вынужден был спешить, чтобы вовремя возвратиться в эшелон.

А. Е. Емшанов имел 10 тыс. рублей, половину из которых по заданию должен был передать «в организацию

для поддержки дальнейшей ее работы», но какую — в документах и его отчете не указано. Разведчик побывал в Перми, Екатеринбурге, Тюмени, в Сибири вплоть до Красноярска, затем стал возвращаться обратно. Он рискнул проехать без документов, хотя это было сопряжено с огромными трудностями и, естественно, риском (без документов не выдавался пропуск для проезда, а без такового в железнодорожных кассах не продавались билеты). Прибегал к помощи взяточников-милиционеров, приобретавших ему билеты. Сделал ряд остановок, в частности в Новониколаевске, Екатеринбурге, Чусовской. Затем снова поехал на юго-восток — в Бисерть, Екатеринбург, откуда 23 июня приехал в Лысьву, где получил сведения через А. В. Жихареву, и по приходе Красной Армии явился в отделение бюро ЦК, сделал обширный доклад о результатах поездки, в том числе о партизанском движении в Сибири [110].

И. Вахрушев и Ф. И. Швецов посланы были по заданию 12 апреля [111]. Переправлялись они на участке 30-й дивизии. Вахрушев в июле вернулся в отделение и представил доклад о своей поездке. В нем речь идет о том, что переправлялся он вместе с двумя другими работниками. Кто был помимо него и Швецова, сказать трудно. Мы не обладаем данными о времени и обстоятельствах выполнения задания Н. Н. Зориным и И. Я. Спиридоновым. О Спиридонове есть упоминание в материалах допроса одного из ходоков отделения, схваченного колчаковцами. Там речь идет о получении И. Я. Спиридоновым задания выйти в Надеждинский завод, связаться с подпольщиками, вести сбор военных, экономических сведений, выявить настроение рабочих, солдат, добыть и доставить образцы сибирских денег [112]. Быть может, третьим был который-то из них. Из доклада И. Вахрушева выясняется, что на линии фронта они белогвардейцами были задержаны и обысканы. «Меня отпустили», отмечает он. Из текста можно заключить, что других арестовали.

Иных данных о Швецове, как и о Зорине и Спиридонове, не имеется. Докладов в отделение бюро от них не поступало. Можно предполагать и наихудший исход уже первой встречи с белогвардейцами. Что касается И. Вахрушева, то он задание выполнил, хотя и не в полной мере, так как в деревнях многократно задерживался, и кулаки, местные власти принуждали его работать (плот-

ничать и т. д.). Его поездки на подводах по деревням, оказавшиеся такими сложными, вызваны, вероятно, характером задания, необходимостью выяснения настроений крестьян и т. д. Путь разведчика лежал на Южный Урал через Красноуфимский уезд. Побывал он и в Екатеринбурге и Челябинске. В Челябинске разыскивал «Истомина» (Ф. Ф. Вожакова), не нашел его. Выяснил, что настроение местных рабочих было «превосходным»[113].

Почти одновременно из Вятки на фронт выбыли М. Д. Бурков (30 апреля) и К. П. Рогозин (5 мая). Первый из них посылается «в Пермь и пр.» места, имея главную задачу «достать образцы документов, печатей, явок и пр.», а второй — «военная разведка, фронт, Пермь, Екатеринбург»[114]. Их задания носили особенно ярко выраженный военно-разведывательный характер. Член отделения М. А. Беляев члену Реввоенсовета 3-й армии Н. И. Муралову в начале июня сообщал: «О работе Военного подотдела бюро, к Вашему сведению, сообщаю, что во исполнение представленного Вам плана сделано следующее: отправлены в лагерь белых как ходоки: 9-го апр. т. Тарасов, 30-го апр. тов. Михаил и 5-го мая т. Рогозин. 26-го мая для постоянной разведывательной работы в прифронтовой полосе и на фронте белых отправлен т. Пьянков и с ним в его распор. тт. Федоров и Вильданов. 5-го июня отправлен т. Трушков и 2-е с ним в его распоряжение — тт. Неволин и Коротаев, для дезорганизации тыла противника действием»[115].

О названных группах и о П. Ф. Тарасове мы писали. Еще раз убеждаемся, что их подготовка и посылка в тыл врага шла в русле военно-боевой работы. В документе речь идет и о ходоках К. П. Рогозине и «Михаиле». Поскольку в другом источнике сказано, что М. Д. Бурков был послан в тыл врага именно 30 апреля[116] и другого Михаила, кроме Буркова, среди ходоков не было, то понятно, что речь идет о нем. Полагаем, что К. П. Рогозин задание выполнил. Мы уже говорили, что в июле он значился в числе сотрудников отделения (в июне же в списке таковых он не числился). Очевидно, в мае — июне Рогозин выполнял задание. Иначе вряд ли был бы включен отделением в число своих сотрудников. Сложнее обстояло дело с выяснением вопроса о М. Д. Буркове. Других сведений о нем не найдено. Но нельзя не

удержаться, чтобы не привести данные ряда колчаковских документов. Так, 1 октября 1919 г. в Омске задержан разведчик с паспортом на имя Буркова, который он назвал подложным, именуя себя на допросе Д. Е. Смирновым (М. Д. Бурков в отделении получил паспорт на свое собственное имя)[117]. В процессе допросов он заявил, что является членом РКП(б) с апреля 1918 г., в Симбирске в особом отделе Восточного фронта 27 июля получил задание вести разведработу в районе Ишима — Петропавловска — Кургана, для чего получил деньги: 100 тыс. руб. романовскими и 10 тыс.— сибирскими (колчаковскими). По его словам, через фронт был переправлен в районе Тобольска 10 сентября, 29 сентября приехал в Омск и 1 октября «случайно задержан по подозрению в участии в избиении милиционера». У него при личном обыске было найдено 10 тыс. и в доме, где он только что поселился, еще 10 тыс. руб., хотя там должно было быть 94 тыс. Колчаковцы начали выяснять, куда подевалась эта сумма. Дело о Смирнове-Буркове 13 октября было передано в военно-полевой суд [118].

Кроме приведенных фактов разведчик на допросе ничего существенного не сказал. На вопрос о том, давались ли ему явки, ответил, что никаких явок он не получил. Отказался указать адрес в Омске, где он пробыл первые два дня («остановился на неизвестной мне улице в доме № 59, где ночевал две ночи»). Колчаковцы домогались «освещения связей» разведчика с Омской большевистской организацией, но тщетно.

Конечно, вряд ли речь идет о ходоке отделения бюро, хотя полностью исключить такую вероятность нельзя. В сентябре М. Д. Бурков мог быть послан или действительно военными органами, или Сибирским бюро в тыл врага повторно. Это мог быть и один из курьеров Сиббюро (летом 1919 г. по 100 тыс. руб. для передачи подпольным организациям было, как мы покажем далее, вручено нескольким коммунистам). Не мог быть посланным с огромной денежной суммой разведчик-одиночка, не имевший явок, помощников, не получивший задачи создания разведывательной сети. Во всяком случае мы имеем дело с коммунистом, выполнявшим важное задание, вероятно, связанным с подпольщиками (если деньги не похитили при обыске колчаковские ищейки, что они делали слишком часто, то Бурков-Смирнов успел передать их Омской организации).

В других колчаковских документах мы встречаемся уже совершенно определенно с ходоком отделения бюро — А. И. Бусыревым (его фамилия в различных документах названа неточно — «Бударев», «Бусарев»). Бусырев был из тех, кто переправился не сразу. Первый раз он направлялся на участок 29-й дивизии в середине апреля. Пришлось вернуться в Вятку. Вторично направлен в тыл врага 24 мая и перешел фронт в Оханском уезде под видом возчика, «увезенного большевиками» и возвращающегося на родину (под именем А. И. Обросова). Имел задачи: выяснить настроение рабочих Урала, цены на продукты, дислокацию и численность войск, настроение солдат, собрать и доставить образцы всех сибирских денег.

Бусыреву было вручено 3 тыс. руб., записка на холсте, составленная А. А. Ляком, к пермскому коммунисту Вернику («Товарищ Верник, введи его к нашим. Ляк»).

Бусырев часть работы провел, побывал и на квартире Верника, но того уже не оказалось: жена сказала, что расстрелян. Возможно, в это время и началась слежка за Бусыревым. Времени и обстоятельств его провала мы не знаем. Можно лишь предполагать, что это случилось в Перми или ее районе, так как допросы вела так называемая военно-морская и речная контрразведка, дислоцировавшаяся некоторое время именно в указанном городе. Бусырев оказался нестойким, дал значительные показания врагу, назвал имена целого ряда работников отделения бюро, некоторых отправившихся и готовившихся для перехода в тыл врага ходоков [119].

Были посланы 21 июня ходоки-разведчики М. Б. Габов и С. Н. Горбушин, молодые люди, члены партии с 1918 г. Горбушин (под именем С. Н. Мехова) направляется в Читу для «выяснения численности войск и национальных подразделениях их», Габов (под именем М. Ф. Краева) — во Владивосток «собирать сведения о числе прибывших иностранных войск». Ехали они под видом возвращающихся из Германии военнопленных [120]. Ничего не было о их работе известно. Лишь недавно нам в материалах иркутской контрразведки довелось найти некоторые сведения. Так, 14 августа начальник Нижнеудинского пункта в иркутскую контрразведку телеграфировал: «Доношу захвачен важный шпион Горбушин приехал из Вятской губернии послан комис-

сарами для шпионажа точка Уже объехал Вятку Маньчжурию Иркутск точка Найдено заклееными стенками кошелька пятисотками сотнями две тысячи триста романовскими последнего выпуска большевиков найдены их документы точка Горбушин сознался и все рассказал точка Произвожу допрос выясняется участие других день и ночь стоят часовыми свои люди уже пытался бежать подробно докладом»[121]. На другой день нижнеудинский контрразведчик своему шефу телеграфировал, что «шпион Горбушин и с ним сидящий тоже присланный шпион Болотов бросились бежать оба убиты часовыми»[122]. В Нижнеудинск выехал сам начальник Иркутского отделения контрразведки для выяснения обстоятельств убийства разведчиков, допрашивал свидетелей и пришел к заключению, что «Болотов и Горбушин были убиты в тот момент, как пытались совершить побег»[123].

Таким образом, мы выяснили, что С. Н. Горбушин 15 августа 1919 г. во время выполнения задания, точнее — по завершении его выполнения, погиб в Нижнеудинске. Из текста телеграммы можно заключить, что при обыске у разведчиков были найдены конспиративные документы, полученные от отделения бюро. Какие дали показания на одном допросе разведчики, нам практически неизвестно: достоверные (в той или иной степени) или ложные. Совершенно ясно одно, что они не могли быть предателями и совершенно сознательно шли на смертельный риск, дважды пытаясь бежать. Разведчики погибли как герои. Есть неясность в отношении «Болотова». В телеграммах говорится, что он тоже разведчик из-за линии фронта. Скорей всего, это М. Б. Габов, имевший документ и на имя Болотова или назвавшийся этим именем. Горбушин и Габов вместе уехали, должны были работать в смежных районах в сходном по заданию направлении и, вероятно, договорились о встрече в определенном месте и совместном возвращении. Однако не лишним будет высказать и такую версию.

Отделение 20 апреля выдало Болотову Вячеславу Аркадьевичу удостоверение в том, что он «состоит на службе при Особой комиссии»[124]. В другом документе — «Кассовом отчете... с 23-го января по 31-е мая включительно» имеется запись: «30/4. Сдан обратно выданный тов. Болотову аванс 1500 руб.»[125]. Возможно, этот работник имел задание, получил для его выполнения денежную сумму, потом ему почему-то от задуманного

пришлось отказаться, а в дальнейшем, в конце июня или июле, он был послан в Восточную Сибирь для связи с Горбушиным и помощи ему. В «ближнюю» разведку, на Северный Урал, по свидетельству резидента М. Н. Микова, уходил и его сотрудник Н. П. Терентьев[126].

Следовательно, отделение бюро ЦК в постановке разведки в целом провело большую работу.

Изучая положение на Урале и в Сибири, в войсках Колчака и интервентов, отделение бюро ЦК в большей мере, чем до апреля, через свой военный отдел широко использовало также материалы опросов солдат-перебежчиков и гражданских лиц. Исключительно ценные сведения доставили представители подпольных организаций и партизанского движения: курьер Сибирского подпольного обкома РКП(б) А. И. Чижов, посланец владивостокских коммунистов Кирилюк, представитель Томской и Анжерской подпольных организаций и западно-сибирских партизан П. Ф. Лапшин, сопровождавший его анжерский коммунист Г. М. Моржин и др.[127]

Труден и опасен был их путь к фронту. Всюду подстерегал враг, малейшая оплошность могла привести к гибели. В прифронтовой полосе нельзя было появляться в деревнях, так как не было никакой гарантии, что не попадешь на глаза озверевшим кулакам. Особенно тяжелые испытания выпали на долю П. Ф. Лапшина и сопровождавшего его Г. М. Моржина. Перед выездом на Урал им были вручены паспорта на имя Кузнецова — крестьянина села Истоминское Истоминской волости, Ишимского уезда, Тобольской губернии и Севастьянова — жителя Москвы. Выехали из Томска 10 мая. Через 10 дней были в Перми, затем приехали в Кизел. Здесь Лапшин и Моржин были арестованы. Однако, убив конвоира, они сумели бежать[128]. Стали пробираться к фронту пешком, но 30 мая в д. Высоково Чердынского уезда они были задержаны местными кулаками-дружинниками и доставлены в д. Логиново к сельскому старосте.

На другой день их, как подозрительных людей, пробиравшихся к фронту, направили в село Уролку для передачи военным властям. Посланцев сибирских коммунистов сопровождали два конвоира-кулака, вооруженные ружьями. Положение было критическим. Но все же и на этот раз смелость и решительность спасла их от неминуемой гибели. Именно о них была помещена заметка в белогвардейской газете «Пермские губернские ведо-

мости»: «Задержанные под конвоем того же Малкова (кулака из д. Высоково.—*И. П.*), вооруженного берданкой, и десятского из д. Логиновой — Степана Логинова были отправлены в с. Уролку. Однако в этот день ни конвоиры, ни арестованные туда не явились. Лишь утром 2 июня Малков и Логинов были найдены убитыми недалеко от трактовой дороги на 4-й версте от д. Логиновой на Уролку. При убитых оказалось ружье Малкова, но уже в сломанном виде, а также и два паспорта, кои были отобраны у задержанных еще в дер. Высоково»[129].

Подпольщикам удалось выбраться из района д. Логиново и благополучно перейти фронт. В середине июня они были доставлены в отделение бюро ЦК, проинформировали его о работе подпольных организаций, партизанском движении, конференции представителей партизанских отрядов в Томске[130]. Материалы доклада П. Ф. Лапшина были доведены до сведения возобновившего к тому времени работу Сибирского бюро и ЦК партии. Они сыграли известную роль в том, что ЦК в июле рассмотрел вопрос о партизанском движении в Сибири и принял важные решения по оказанию помощи отрядам и усилению руководства ими. Следует, правда, оговорить, что в докладе Лапшина было немало и путаницы о партизанских отрядах[131].

Доставлявшиеся посланцами сибирского подполья, ходоками и разведчиками отделения бюро сведения о положении в белогвардейском тылу позволяли совершенствовать работу по руководству большевистским подпольем, усиливать помощь ему.

Отделение бюро ЦК, усилив к июню — июлю 1919 г. разведывательную работу, смогло оказать командованию 3-й армии и Реввоенсовету Восточного фронта исключительно большую помощь информацией о положении белогвардейских войск, об обстановке в их тылу. То, что не вполне удавалось сделать военным органам, удалось этому партийному центру. Агентурно-разведывательная и диверсионно-подрывная деятельность в тылу противника была важной и неотъемлемой функцией отделения бюро. Однако эта работа не уводила отделение от главного — организации подпольной работы в тылу противника и руководства ею.

Отделением бюро с конца марта по июнь 1919 г. были посланы для постоянной работы, связными, ходока-

ми-разведчиками и перешли линию фронта коммунисты: И. П. Бабайлов, С. Ф. Баранов, И. С. Белостоцкий, Д. Т. Богатов, Х. К. Богданов, А. И. Бусырев, М. Д. Бурков, В. И. Варваричев, И. Вахрушев, М. Вильданов, Ф. Ф. Вожаков, В. А. Воробьев, Н. Н. Вшивцев, М. Б. Габов, С. Н. Горбушин, Г. Л. Гудырев, Ф. Гудырева, А. Я. Двинянинов, А. И. Дубовцева, И. С. Дулесов, А. Е. Емшанов, А. П. Есипов, Н. В. Жужгов, Н. Н. Зорин, А. Ф. Ивакин, Г. А. Кантуганов, С. И. Катаргин, С. А. Килин, И. П. Колесов, И. Ф. Колпащиков, Ф. Г. Коркодинов, Д. И. Коротаев, П. С. Кочкарев, А. Н. Кузнецов, М. А. Медведев, С. А. Медведев, Михайлов, А. П. Неволин, П. И. Никонов, А. Н. Петров, С. Д. Пличкин, Е. Я. Пьянков, К. П. Рогозин, К. Е. Русских, В. С. Садовин, В. А. Сильных, И. Я. Спиридонов, И. Е. Суворкин, П. Ф. Тарасов, Н. П. Терентьев, В. Ф. Трушков [132], М.П. Туркин, А. П. Усатов, А. Ф. Фадеев, М. Я. Федоров, А. В. Фомин, Н. А. Фофанов, И. А. Шаров, Ф. И. Швецов, М. И. Шляхтин, Г. Н. Штальберг. О двух работниках (о переходе ими линии фронта) — Н. Д. Пермякове и В. А. Болотове — вопрос остается не вполне ясным.

Были подготовлены, но не смогли перейти фронтовую линию коммунисты В. И. Богомолов, Богораз (Н. А. Белопольская), Ф. Дружинин, Я. С. Зачернавских, И. Зенков, Г. В. Здравосмыслов, А. Илгашев, М. Именных, И. Н. Киляков, И. П. Маликов, А. А. Мансуров, П. Милованов, И. П. Пакалнет, С. Я. Радостев, Розенталь, К. Л. Солонников, В. Ф. Старков, Н. Г. Старков, А. С. Суханов, К. В. Устинов, П. А. Фофанов, В. И. Хотимский.

Таким образом, за линию фронта для нелегальной и разведывательной деятельности с конца марта по июль 1919 г. отделением было направлено до 86 работников (многие повторно). Из них 64 человека перешли (включая 2, о которых вопрос выяснен не до конца), а 22 перейти не смогли [133]. С этим учетом результатов работы отделения бюро ЦК в январе — марте эти цифры выглядят так: общее количество коммунистов, направленных за линию фронта, достигало 96, из них в тыл врага перешло до 74 человек. В составе двух партизанских отрядов в тыл колчаковцев было направлено 60 бойцов и командиров из числа коммунистов, беспартийных и анархистов. Из них фронт перешли 32 челове-

ка. Общая картина итогов работы отделения бюро по рассматриваемому направлению такова: за линию фронта направлено 156 человек, перешло его 106 человек[134].

Уместным, думается, будет назвать и тех коммунистов, которые привлекались отделением бюро для подготовки к работе в тылу колчаковцев, но по болезни и другим причинам вернулись в свои организации. Это также свидетельствует о размахе работы отделения. К тому же читателю, исследователям немаловажно знать эти имена, с тем чтобы при встрече с ними в отрывочных источниках не впасть в ошибку и не отнести их к тем, кто был послан на подпольную партийную работу. Вот имена этих коммунистов: И. Ф. Анкушин, И. В. Башкиров, Ф. Т. Бессонов, Войцеховская, К. К. Добровольский, В. А. Дрокин, Г. И. Жбанников, Н. С. Завьялов, Евреотс, А. А. Кожевников, И. И. Колыбалов, М. И. Меренов, А. И. Носков, И. Е. Пепеляев, А. А. Постников, И. Ф. Смирнов, И. Т. Смородин, М. С. Терехин, М. С. Титов (Савченко), А. В. Трофимов, М. Г. Фоминых, И. Д. Халемин, А. Л. Храковская и, вероятно, В. А. Болотов (всего 24 человека)[135]. А это означает, что отделение бюро ЦК работало с контингентом в 180 человек.

Подводя итоги работы отделения по засылке в тыл противника коммунистов и партизан, еще раз подчеркнем, что подсчет (несмотря на десятилетия работы над проблемой) весьма затруднен. Во-первых, члены отделения не во всех случаях указывали, кто из привлеченных ими коммунистов был направлен за линию фронта и кто откомандирован в свои партийные организации и т. д.; во-вторых, некоторые материалы говорят о том, что в тыл врага направлялись те лица, имена которых (особенно за июньско-июльский период) в документах вообще не значатся; в-третьих, как отмечалось выше, в ряде случаев не удается проследить за судьбой коммунистов, посланных для подпольной работы.

Погибли многие из посланцев отделения. Коммунисты, революционные массы в грозную эпоху гражданской войны проявляли высокосознательное самопожертвование, ради победы над контрреволюцией, ради светлого будущего шли в логово Колчака. Погибли в застенках кровавого адмирала многие старейшие уральские большевики. Но многие десятки их товарищей смогли избежать арестов. Их героическая работа была прояв-

лением важнейшего вклада отделения в развертывание антиколчаковского революционного движения трудящихся на Урале, а также в Сибири. И вклад этот был весьма значительным.

Отделение бюро оказывало большевистскому подполью и материальную помощь. Только за время с 20 февраля по 31 мая 1919 г. оно израсходовало, главным образом на «авансы» «товарищам, отправленным на Урал и в Сибирь с партийными поручениями», 741 680 рублей [136]. Иногда авансы, врученные суммы, как мы видели на примере группы «Иван» (свыше 100 тыс. руб.), были очень крупными, но чаще составляли несколько тысяч или более—до 10—15—20 тыс. Например, 19 июня один из коммунистов получил аванс в сумме 20 тыс. руб.[137] Июнь был исключительно интенсивным этапом в работе отделения. Полагаем, что в это время были переданы на нужды подпольщиков и партизан многие сотни тысяч рублей. Лишь отряду И. Ф. Ковальчука было выдано в конечном итоге 122 295 руб. 09 коп.[138] Сотрудник отделения И. Г. Феофанов 14 июля получил 50 тыс. руб.[139] Это все отрывочные данные, сводных нет. Но мы имеем возможность привести две цифры, которые создают представление об общей сумме расходов отделения бюро в июне — июле, о их масштабности. Разведотделом штаба 3-й армии, очевидно, совместно с военным отделом (подотделом), с отделением в целом была разработана «Смета на II полугодие 1919 г.» в сумме 1875 тыс. руб., 500 тыс. из которых выделялись резидентам, ходокам и т. п.[140] Ежемесячная доля расходов превышала 310 тыс. руб. Конечно, не все они расходовались отделением, но, во-первых, оно выполняло в то время основную разведывательно-диверсионную работу, во-вторых, решало и прежние задачи оказания помощи подполью. Полагаем, что в июне — июле отделением было израсходовано в целом, в том числе выдано коммунистам для ведения нелегальной работы и передачи подпольщикам, более 500 тыс. При учете ранее израсходованных 741 680 руб. общая сумма достигала 1 млн 250 тыс. рублей.

Заканчивая рассмотрение работы отделения бюро ЦК, следует все же отметить, что на Урале не было достигнуто тех результатов, на которые можно было надеяться, из-за гибели многих посланцев, изъятия белогвардейцами при обысках денег у части работников

и во многом в связи с тем, что наивысший размах работы отделения пришелся на период наступления войск Восточного фронта и освобождения края. Местным подпольным организациям и группам приходилось по-прежнему работать в основном самостоятельно, опираясь на свои кадры и средства. Но та помощь, которую они, прежде всего южноуральские организации, получали, все же проистекала преимущественно от бюро ЦК.

После освобождения советскими войсками 1 июля Перми отделение бюро сразу же переезжает туда. Из Перми к концу июля оно прибыло в Екатеринбург [141]. Отделение уже 1 июля выдает своим членам, сотрудникам удостоверения для проезда. «Предъявитель сего,— читаем мы в одном из них,— т. Уфимцев Николай Иванович, представитель Урало-Сибирского бюро ЦК РКП (большевиков), следует в Пермь, куда бюро переносит свою деятельность». Удостоверение датировано 1 июля 1919 г.[142]

Поскольку летом 1919 г. вновь стало функционировать Сибирское бюро, осуществлявшее руководство подпольной работой в Сибири, а Урал был уже освобожден, отделение свои задачи выполнило. Необходимость в нем отпала. Члены Сибирского бюро 27 июля послали в ЦК телеграмму, сообщая о своем скором выезде из Уфы в Челябинск и предлагая «отделение... ликвидировать, передав аппарат нам»[143]. И постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 30 июля 1919 г. отделение бюро было ликвидировано [144]. Члены отделения и сотрудники перешли на другую партийную работу на Среднем и Северном Урале (так что его аппарат бюро заполучить не смогло).

После ликвидации отделения бюро, судя по некоторым документам, Н. И. Уфимцев, избранный в состав губернского организационного бюро РКП(б), а затем — Екатеринбургского губкома партии, продолжал поддерживать деловой контакт с членами Сибирского бюро ЦК и, по-видимому, эпизодически выполнял некоторую работу. Так, 8 сентября 1919 г. по его поручению в Екатеринбургском отделении народного банка «для Урало-Сибирского бюро» было получено 450 тыс. руб. «знаками Сибирского правительства»[145]. Он подбирал и посылал в Челябинск, в бюро, отдельных коммунистов для засылки в тыл врага.

Завершая рассмотрение деятельности отделения бюро, нельзя не остановиться на одном вопросе, который

является предметом дискуссии. В исторической литературе бытует утверждение о том, что Сибирское бюро ЦК будто бы имело в своем составе два отделения — в Уфе и Вятке. Впервые подобная точка зрения была высказана М. В. Стародубцевым [146]. Она подвергнута справедливой критике. Однако в последнее время эта точка зрения возрождается вновь. А. М. Шиндин пишет следующее: «Для осуществления практической работы Сибирским бюро были созданы два организационно-структурных отделения в гг. Вятке и Уфе». Первое из них он именует «Северным», второе — «Южным»[147]. Будучи составителем сборника «Сибирское бюро ЦК РКП(б)», А. М. Шиндин вновь пишет об этом во вводной статье и, более того, документам отделения всюду предпосылает заголовки «Северное отделение», а многим документам самого бюро — «Южное отделение», игнорируя их содержание и имеющиеся заголовки в оригиналах самих документов. Эта точка зрения воспроизведена в статье о Сибирском бюро ЦК в энциклопедии по истории гражданской войны [148] и начинает распространяться в исторической литературе.

В действительности бюро ЦК имело лишь одно отделение — в Вятке. В Уфе находилось само бюро, из своей среды какого-либо отделения оно не выделяло. В документах ЦК, Сибирского бюро и его отделения речь идет об одном отделении [149]. ЦК лишь однажды — в постановлении Оргбюро от 30 июля 1919 г. употребляет выражение «Южное отделение» и «Северное отделение», но из текста видно, что в первом случае речь идет не о чем ином, как о самом Сибирском бюро ЦК.

К этому моменту в силу временной ликвидации бюро ЦК и последующего его восстановления, в то время как отделение в соответствии с установками ЦК партии стало действовать и именоваться уже не как отделение, а как бюро, в положении, структуре и взаимоотношениях составных звеньев бюро возникла специфическая и сложная ситуация. Бюро состояло как бы из двух частей, «отделений» (не только оно само, оно и отделение действовало от его имени). В связи с этим, решая вопрос о ликвидации отделения, расположенного при Реввоенсовете 3-й армии (на севере), поскольку Урал был уже освобожден и функции этого органа были исчерпаны, Центральный Комитет и употребил 30 июля (только однажды) условно приведенные термины, обозначения.

Одним словом, под Южным отделением подразумевается само бюро ЦК. Ни один из членов бюро и его сотрудников никогда не отмечал существование Южного отделения. Его «не было в природе». Было и бюро, и аппарат сотрудников при нем, а также отделение в Вятке, при Реввоенсовете-3, на севере.

В связи с этим отметим, что однажды употребленное выражение «Северное отделение», причем в момент его ликвидации, не означает, что оно так именовалось официально, действовало под таким названием. Отнюдь. Оно было создано именно как «отделение» Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) и так называлось официально. Но в отношении его ранее условно применялось как географическое обозначение такое условное наименование, как «Вятское отделение». Члены бюро в телеграммах в ЦК от 23 июня и 27 июля 1919 г. употребляют и то и другое наименования (в первом случае — «Вятское», во втором — «Северное»)[150]. Постановление Оргбюро ЦК о ликвидации отделения было принято на основе телеграммы от 27 июля, в которой употреблено обозначение «Северное» отделение («Вятским» бюро назвать его уже не могло, так как к тому времени из Вятки оно переехало в Пермь, а затем в Екатеринбург), несомненно, лишь поэтому оно (наименование «Северное») вошло в документ.

Так в действительности обстоит дело с «отделениями» бюро ЦК. Таковы итоги деятельности отделения («Вятского», «Северного»), существовавшего и действовавшего по июль 1919 г., до момента освобождения Урала.

2. Деятельность бюро

Выполняемый отделением объем работы в целом, а главным образом в оказании помощи сибирским коммунистам, в чем были сделаны лишь первые шаги, не мог удовлетворить реальных нужд подполья.

Отделение не могло восполнить образовавшегося пробела в этом вследствие временной ликвидации Сибирского бюро. После массовых арестов коммунистов-подпольщиков во многих городах, захвата колчаковцами почти всей денежной суммы, которой располагали Сибирский областной подпольный комитет, Челябинский и ряд

других комитетов, вновь чрезвычайно остро встал вопрос о кадрах и деньгах. В докладе члена Сибирского ОК П. Ф. Парнякова, написанном в апреле 1919 г., говорилось: «Провал Омска и Челябинска лишил комитет денег. Осталось 47 000 рублей. Близость восстаний потребует громадных затрат... Неполучение денег грозит свести всю организационную работу на нет»[151]. Необходимость восстановления работы бюро остро чувствовали сами его члены. Уже в начале мая И. Н. Смирнов обращается в письме в ЦК РКП(б) с предложением о восстановлении работы бюро. «Я думаю,— писал он,— что в ближайшее время Сибирское бюро должно будет возобновить свою деятельность в связи с продвижением на Восток. И раньше предполагалось, и теперь мы так думаем, что партийная работа в тылу противника должна быть преимущественно военно-боевой и всякие выступления должны быть согласованы с действиями армий»[152]. Именно с этого времени И. Н. Смирнов стал заметнее восстанавливать работу. Но она в основном сводилась к формированию специального отряда для засылки в тыл врага, как отряда Реввоенсовета.

На письме И. Н. Смирнова от 3 мая в ЦК была сделана пометка (резолюция): «К заседанию орг. бюро 11/V 1919 г.»[153] Ее можно понимать двояко: и буквально — как постановку на рассмотрение вопроса или заслушивание содержащейся в письме информации именно 11 мая, и как возможность рассмотрения вопроса в дальнейшем (после 11 мая). Письмо могло быть получено или 11 мая, или несколькими днями раньше.

На основе данной пометки на письме один из исследователей — А. М. Шиндин делает безоговорочные выводы о рассмотрении Организационным бюро ЦК РКП(б) именно 11 мая вопроса о Сиббюро ЦК и принятии решения о возобновлении его работы, укреплении кадрами и т. д. Автор пишет следующее (приводим большую цитату, так как затрагиваемые вопросы принципиально важны): «В разгар борьбы с колчаковцами ЦК партии возобновил деятельность бюро в полной мере 11 мая 1919 г. Оргбюро рассмотрело и приняло к сведению доклад о работе Сиббюро со времени организации до конца марта 1919 г.[154] Было указано, что деятельность Сиббюро необходимо возобновить в ближайшее время, согласовать военные действия Красной Армии на Восточном фронте и революционных сил, борющихся в белогвар-

дейском тылу. ЦК РКП(б) укрепил Сиббюро кадрами, способными вести нелегальную работу. С 18 мая по 3 июня 1919 г. в его распоряжении были посланы три группы коммунистов из Москвы, Одессы и Казани.

Члены Сиббюро И. Н. Смирнов и Ф. И. Голощекин приступили к практическому выполнению майского (1919 г.) решения Оргбюро ЦК РКП(б). В мае в Мелекесе был создан конный отряд особого назначения для военно-боевой и партийно-политической работы в Симском горном округе... В Белебее, освобожденном Красной Армией 17 мая, восстанавливается аппарат Южного отделения, отзывались из армии сотрудники Сиббюро, сосредоточивались, инструктировались и экипировались кадры подпольщиков»[155].

Никаких документов о рассмотрении и решении Оргбюро вопроса о Сиббюро 11 мая автор не приводит (и привести не может, ибо таковых нет вообще). Как видно из цитаты, автор содержавшиеся в письме И. Н. Смирнова предложения излагает как реальные формулировки будто бы принятых Оргбюро решений. Все это в исследовательской работе непозволительно. В приведенной цитате, как говорится, что ни слово, то ошибка или натяжка, домысел.

Отметим прежде всего, что заседание Оргбюро 11 мая 1919 г. нигде не зафиксировано. Такового, очевидно, не было. Не было принято и описываемых решений. Решения о восстановлении деятельности бюро вообще не принимались до начала июня. В ответ на письмо И. Н. Смирнова от 3 мая К. Т. Новгородцева отвечала: «Мое мнение, но подчеркиваю, мое личное: необходимо постепенно восстанавливать работу, не дожидаясь формального разрешения ЦК. Действуйте самостоятельно, как диктуют обстоятельства. Вас временно ликвидировали до более удобного момента»[156]. Это письмо Новгородцевой, как и другие документы, говорит о том, что тогда, в майские дни, решения о восстановлении работы бюро не состоялось. Можно с достаточным основанием предполагать, что пометка (резолюция) на письме Смирнова была сделана именно К. Т. Новгородцевой, как руководителем Секретариата ЦК, курировавшей работу Сиббюро и отделения, получавшей на свое имя письма от их руководителей, но попытка добиться восстановления деятельности бюро не увенчалась успехом. Никаких решений о возвращении сотрудников бюро с мест их назна-

чений, последовавших в марте, в мае не принималось. Все они в мае оставались на своих новых постах.

Забегая вперед, скажем, что в конце мая — начале июня оба члена бюро стали буквально «засыпать» работников Центрального Комитета своими телеграммами, настаивая на восстановлении работы бюро. Зачем бы это (как и принятие в начале июня Центральным Комитетом решения о восстановлении деятельности бюро) понадобилось, будь такое решение принятым еще 11 мая?! Несостоятельность утверждений о восстановлении деятельности бюро до начала июня подтверждается и воспоминаниями И. Н. Смирнова, которые упомянутым автором толкуются произвольно [157], и Д. К. Гончаровой [158].

Как видно из приведенной цитаты, А. М. Шиндин считает, что оба члена бюро в мае приступили к руководству работой бюро в Мелекесе, затем—в «Белебее», будто бы освобожденном 17 мая 5-й армией. Но, во-первых, Белебей был освобожден не 5-й, а Туркестанской армией [159]; во-вторых, И. Н. Смирнов и Ф. И. Голощекин вплоть до начала июня находились в разных местах, выполняя обязанности членов Реввоенсоветов разных армий, и изредка общались между собой посредством переписки, телеграмм; в-третьих, И. Н. Смирнов определенную работу проводил, но не в Белебее, а в Бугульме, которая была освобождена 13 мая и именно 5-й армией [160]. Иной была картина и с поступлением в бюро работников для засылки в тыл врага, о чем пишет А. М. Шиндин. Об этом мы далее будем подробно говорить. Но главное, что требуется выяснить— это вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах была официально и фактически восстановлена деятельность бюро ЦК.

Мы видим, что это произошло не в мае [161].

В конце мая — начале июня оба члена бюро предпринимают наиболее решительные шаги к тому, чтобы добиться решения о возобновлении деятельности своего партийного органа. И. Н. Смирнов 31 мая направляет секретарю ЦК РКП(б) Л. П. Серебрякову телеграмму: «Необходимо восстановить работу Сибирского бюро, ибо я невольно втягиваюсь в нее» [162].

Между членами бюро по этому вопросу ведется переписка. Ф. И. Голощекин 3 июня в записке на имя И. Н. Смирнова отмечает, что «Сибирь является кипя-

щим котлом» и «чем скорее Сибирско-Уральское бюро начнет работать, тем лучше».

Он предлагал «сейчас же телеграфировать об этом ЦЕКа за твоей и моей подписью» и сообщил, что сам таковую «уже подал»[163]. Вероятно, такая совместная телеграмма в ЦК с просьбой о возобновлении работы бюро была послана. Работники аппарата ЦК, в частности К. Т. Новгородцева-Свердлова, поддержали членов бюро[164]. Уже в середине мая решено было выдвинуть вопрос на одно из заседаний организационного бюро ЦК[165].

Сразу же по получении официального согласия ЦК на возобновление работы бюро в начале июня она сообщила об этом Ф. И. Голощекину и И. Н. Смирнову. Перед ними ставилась задача восстановить связи с отделением, руководить его деятельностью по развертыванию подпольной работы на Урале[166].

Ф. И. Голощекин от работы в Туркестанской армии был освобожден (официально 17 июня) и вновь целиком отдался работе Сибирского бюро ЦК[167]. Смирнов оставался членом Реввоенсовета 5-й армии. Работа бюро возобновилась 8 июня[168].

Постепенно восстанавливался аппарат бюро. Вернулась его бессменный секретарь Д. К. Гончарова. Вновь одной из центральных фигур в составе сотрудников становится К. О. Эзерман, занявшийся изготовлением различного рода документов. С бюро, как и раньше, сотрудничал продолжавший работать в штабе 5-й армии Э. С. Гольцман. Бюро привлекало к работе посланцев отделения бюро члена партии с 1917 г. С. Я. Радостева и члена партии с 1918 г. В. И. Хотимского, а также на некоторое время члена партии с 1917 г. А. И. Чижова (до его посылки в Сибирь). В большей или меньшей мере к работе привлекались коммунисты Симского горного округа. На протяжении всего времени поручения И. Н. Смирнова выполнял К. М. Туманов. В мае совместно с ним стал вести работу по формированию особого отряда и подготовке его к переходу в тыл врага член партии с 1905 г. П. В. Гузаков и др.

Много делали не только в общем, но и в конкретном, техническом плане сами члены бюро, особенно Ф. И. Голощекин.

Бюро возобновило свою работу, так сказать, «на ко-

лесах», в военно-полевых условиях на окраине Бугульмы, в железнодорожном тупике. Там организовал работу И. Н. Смирнов, как член Реввоенсовета 5-й армии, еще в мае, по освобождении города. «В Бугульме,— вспоминал И. Н. Смирнов,— в маленьком вагоне расположился аппарат Сиббюро. Мы подготовляли теперь к посылке в тыл противника маленькие группы товарищей для дезорганизации движения по железной дороге»[169]. Коммунист, член казанской группы Л. А. Виноградов, прибывший в бюро в начале возобновления им работы в Бугульме, о своих впечатлениях писал: «Мы разместились в одном из пассажирских вагонов железнодорожного состава, стоящего на каком-то подъездном пути, вдали от ст. Бугульмы. К нам пришел комендант поезда особого назначения. Днем выходить из него не разрешается, и лишь когда стемнеет, можно делать прогулки недалеко от него... Мы догадались, что люди этого поезда, очевидно, предназначаются для выполнения каких-то особо важных заданий. В сумерки нам принесли продовольственное довольствие и табачок. Так началась наша жизнь в поезде особого назначения»[170].

По мере привлечения сотрудников, прибывающих коммунистов, красноармейцев для партизанской борьбы число вагонов поезда бюро, очевидно, росло. Но работа бюро, его сотрудников была, как писал Смирнов, действительно сосредоточена в одном, может быть, в двух вагонах. Это создавало прецеденты одновременной встречи членов или сотрудников с несколькими лицами. Об этих ситуациях провокатор М. Н. Оглоблин (Посадский) колчаковцам сообщал, что «когда в этих вагонах говорили о делах бюро, то почти шепотом, и все отправленные этим бюро уезжали якобы на фронт, и так вели себя секретно, что, не будучи внутри организации, я не знаю, как можно узнать о существовании таковой или куда и зачем едут эти люди»[171]. Вскоре (дней через десять) после освобождения Уфы бюро переехало в этот город и поместилось на Аксаковской улице в одном из домов, арендованных от имени Реввоенсовета 5-й армии[172]. На это помещение претендовал и особый отдел Туркестанской армии, начальник которого Э. С. Кадомцев 27 июня телеграфировал в ЦК, жалуясь на «агента ЦИК Голощекина», «занявшего нашу квартиру». На телеграмму была наложена остроумная резолюция в виде записки-приклейки: «Ничего не буду предпринимать...

сами образумятся»[173]. Телеграмма вызывает интерес не только в связи с размещением бюро, но и тем, что бюро ЦК переехало в Уфу и капитально обосновалось в городе в двадцатых числах июня, не позднее 27-го. До этого оно развертывало работу в поезде в Бугульме, по пути в Уфу, в самой Уфе. Предатель Оглоблин колчаковцам сообщал, что бюро разместилось по Аксаковской улице в доме «бывшей генеральши», в квартире между Пушкинской и Малой Казанской[174]. Установление номера дома, т. е. точного адреса размещения бюро ЦК — этого крупнейшего партийного органа — оказалось возможным. А. И. Чижов, готовившийся к возвращению в Сибирь и некоторое время выполнявший обязанности сотрудника бюро, 28 июня в бухгалтерии организации «Уфимский городской водопровод» оплатил счет, выписанный на адрес: «Аксаковская улица, 45»[175].

В Уфе бюро проработало более месяца, затем переехало в Челябинск. Когда это произошло? А. М. Шиндин, например, пишет: «27 июня 1919 г. Сиббюро переехало из Уфы в Челябинск»[176]. Он исходит из содержания поданной в тот день членами бюро телеграммы в ЦК, в которой говорилось, что оно «выезжает в Челябинск»[177]. Но одно дело «выезжать», собираться для выезда, другое дело — выехать да еще и приехать... Обратимся к совокупности известных нам документов. Челябинск был освобожден 24 июля. В докладе Челябинского временного комитета РКП(б) Центральному Комитету партии в середине августа говорилось следующее. В городе создается группа в составе 7 человек для включения в ревком, который «через 2 дня вследствие тревоги (была реальная угроза захвата Челябинска белогвардейцами.— *И. П.*) эвакуировался и вернулся 1 августа обратно. Одновременно Реввоенсовет 5-й армии в Уфе, обсуждая вопрос о ревкоме и считаясь с особенностями данного района, настоял, чтобы хотя бы временно обязанности председателя ревкома взял на себя Голощекин, который и прибыл в Челябинск (одновременно было перевезено Сибирское бюро ЦК). Работа ревкома началась 1 августа»[178].

Комментарии, как говорится, излишни. Ф. И. Голощекин вместе с сотрудниками бюро приехал в Челябинск 1 августа 1919 г. И. Н. Смирнов, возможно, приехал туда в этот же день (или несколькими днями позже, но это на датировании переезда бюро сказаться не мо-

жет). Вероятно, некоторые коммунисты, готовившиеся к поездке в Сибирь, приехали позднее. Спустя много дней, 23 августа, Д. К. Гончарова обратилась с просьбой в управление делами Реввоенсовета 5-й армии выделить теплушку для перевоза из Уфы в Челябинск вещей, принадлежавших бюро[179]. В Челябинске бюро работало долго, до второй половины ноября 1919 г.

Для экипировки коммунистов по прибытии в Уфу вновь стал широко использоваться местный ломбард. Уже 19 июня в нем представители бюро приобрели вещей (из заложенных и не затребованных своевременно) на 5595 руб., в том числе куртку, брюки, штиблеты, гетры, серый пиджачный костюм, серый китель, драповое пальто и многое другое[180]. Коммунисты, прикомандированные к бюро (во всяком случае часть из них), были поселены в одну из гостиниц Уфы[181].

Во многом приходилось начинать сначала. «Бюро возобновило работу при отсутствии твердых связей с каким-либо центром в Сибири и [на] Урале. Поскольку же мы получили сведения о результате [провала в] организации в Челябинске (о чем сообщено телеграммой в ЦК), арестов в Омске и Златоусте, постольку и имеющиеся явки надо было считать не вполне верными[182]. В распоряжении бюро находился ряд лиц, годных для партизанской боевой работы, а не [для] ответственных работ, а потому осуществить задачу в таком виде, как это диктовалось общим положением, нельзя было из-за отсутствия подходящего материала...»[183]

Кое-чем могло помочь отделение, но в основном лишь связью с Уралом. Для установления связи с Сибирью оно предприняло только первые шаги. Сообщений от посланных работников еще не получило. Не имело оно постоянных, надежных связей и с подпольными организациями Урала. Те явки, которые были даны несколькими перешедшими линию фронта сибирскими подпольщиками, поступили от отделения в Уфу лишь через некоторое время после начала работы. Вообще же отделение имело связи с Реввоенсоветами 5-й и Туркестанской армий, в апреле и в мае 1919 г. прибегало к их помощи при переправе на Урал некоторых коммунистов. Так, 25 мая в 5-ю армию из Вятки были направлены, как мы уже отмечали, И. П. Маликов, П. А. Фофанов и Н. А. Фофанов, причем с просьбой переправить их на Южный Урал через наиболее безопасный участок фрон-

та, так как они получили особо важное поручение. Предварительно А. А. Ляком с извещением о выезде группы И. Н. Смирнову была послана телеграмма[184]. Прибывали и другие работники. Так что бюро ЦК, его члены непосредственно соучаствовали в делах отделения, во многих отношениях после его ликвидации продолжали и завершали его начинания.

Письмо из ЦК в отделение, извещающее его членов о восстановлении Центральным Комитетом Сибирского бюро и требующее «завязать» с ним «связь через Москву, и еще лучше, если технически это удобней,— непосредственно»[185], не застало работников в Вятке врасплох. Они и до того сами стремились поддерживать эти контакты, вести работу совместно. И это для членов бюро имело особо важное значение, поскольку, как и до его временной ликвидации, они на первых порах основной упор в работе сделали на восстановлении связей с уральскими коммунистами, усилении их работы и развертывании партизанского движения в непосредственном тылу противника, прежде всего на Южном Урале. Важно было использовать революционный потенциал уральских рабочих для ослабления войск врага на фронте, нанесения им ударов в тыл, разложения их.

Одним из первых мероприятий бюро ЦК был выпуск новой листовки — «Солдаты белой армии!». Составляя листовку, бюро учитывало, что состав колчаковской армии к лету 1919 г. радикально изменился. Кадровый офицерский состав был в основной части выбит Красной Армией в боях. На смену им пришли тысячи наспех подготовленных прапорщиков, младших офицеров из «цензовых» элементов, в том числе из учителей и прочих, близких к народу. Слой солдат-добровольцев из кулацкой и зажиточно-середняцкой среды стал тонким. Неся огромные потери в живой силе, колчаковцы стали прибегать к массовым насильственным мобилизациям крестьян и рабочих. Армия стала иной, в огромной степени подверженной воздействию большевистского слова правды, революционизированию и разложению.

В листовке, написанной живым образным языком, говорилось:

«Задал ли кто-либо из вас себе вопрос: за кого я воюю, за кого я проливаю свою кровь?

Спросите любого красноармейца, и он вам не задумываясь ответит: я борюсь за тех, кого столетия жала

рука помещика, дворянина и фабриканта; я борюсь за лучшую жизнь; я борюсь за то, чтобы раскрепостить народ.

А что ответите вы?

У вас ответ один, вы боретесь за фабриканта и даете ему возможность продолжать душить нашего брата рабочего, вы даете возможность палачу Колчаку на костях рабочих и крестьян построить себе царский трон».

Бюро призывало сознательных солдат разъяснять «своим малосознательным товарищам, в чем правда». Указывалось на нарастающий размах революционной борьбы в Сибири и на Урале, которую «Колчак с неимоверной жестокостью подавляет», «а вы в своем неведении помогаете палачу Колчаку в его злом деле против вас же». Был и такой действенный лозунг-призыв: «Восставайте, переходите на сторону рабочих и крестьян, на сторону Красной Армии»[186].

Будучи распространенной на фронте, листовка сыграла важную роль в разложении колчаковской армии.

Помимо листовки, в тыл врага переправлялась другая литература: советско-партийные и военные газеты, прокламации, воззвания, выпущенные различными органами, в том числе ВЦИК, и т. д. Такой вывод можно сделать на основе документа, который свидетельствует о получении бюро ЦК 60 пудов литературы, направленной из Москвы 23 июня с М. Гербановым[187], и многочисленные упоминания в белогвардейских документах о ее распространении.

Бюро приступило к подготовке и переправе во вражеский тыл партийных работников и связных, оказанию помощи подполью, стремясь активизировать его работу. ЦК создал для работы бюро еще более благоприятные материальные условия, чем зимой и весной 1919 г. В распоряжение бюро были переданы большие денежные суммы. На 21 августа на руках у Д. К. Гончаровой имелось около полумиллиона рублей; в Самаре хранилось 500 тысяч да в банке на счету бюро было около полутора миллионов рублей[188]. Следовательно, всего в этот период бюро располагало суммой в два с половиной миллиона рублей. Следует учесть, что к 21 августа в Сибирь бюро успело направить значительную сумму. В резерве оставалось около полутора миллионов в районе Миньяра.

В Сибирском бюро постепенно сосредоточилась большая группа коммунистов, костяк которых составили по-

сланцы отделения бюро. Среди них были С. Ф. Баранов, член отделения бюро, И. П. Маликов, Н. А. и П. А. Фофановы, оставленные от группы И. П. Пакалнета С. Я. Радостев, И. П. Колесов и И. С. Дулесов. Последние двое были присланы отдельно, очевидно, вместе с группой Маликова, так как записки к И. Н. Смирнову датированы тем же числом — 25 мая[189]. Кроме обычного письма отделение за подписью Н. И. Уфимцева И. Н. Смирнову направило зашифрованное на полотне, возможно, зашитое в одежду одного из этих двух подпольщиков. Письмо расшифровано. В нем говорилось, что посылаемых знает Радостин (С. Я. Радостев). Речь шла о характере задания, назывались явка и пароль в Нижний Тагил к М. П. Туркину, указывалось на творческие возможности посылаемых[190]. В бюро находились В. И. Хотимский, Н. А. Белопольская (Богораз), В. А. Воробьев, А. Ф. Ивакин, Г. Н. Штальберг.

ЦК партии еще 23 мая направил в Реввоенсовет А. И. Чижова, как уже отмечалось, перешедшего по поручению Омского комитета линию фронта на участке 3-й армии. В удостоверении Чижова говорилось, что он направляется «в распоряжение тов. Смирнова». Направляя в Уфу спустя месяц известного сибирского партийного работника, члена партии с 1905 г. А. А. Карлова, ЦК в его удостоверении указал, что «командируется в распоряжение Сибирско-Уральского бюро ЦК РКП»[191]. Характер текста определялся, как и в других случаях, тем, что в мае бюро официально еще не было восстановлено, И. Н. Смирнов вел работу как член Реввоенсовета 5-й армии, в июне же положение изменилось, бюро вновь заработало как коллективный орган ЦК РКП(б).

ЦК прислал также молодых одесских коммунистов С. К. Морского и Федорова, пожелавших вести нелегальную работу в тылу колчаковцев[192]. Из Москвы прибыл известный уже читателю Д. Д. Киселев и сопровождавшая его в опасных поездках жена и соратник Е. А. Киселева. С ними вместе приехал член партии с 1917 г. М. А. Аммосов (Ксенофонтов, Беднов и пр.). В. Л. Виленский — ответственный работник Реввоенсовета Республики в рекомендательном письме в Сиббюро 26 июня писал: «В Сибирь с благословения Ильича направлены... податели этого письма тов. Аммосов и т. Киселев... Оба они недавно из Сибири, имеют персональные связи, так как снабжены явками... Относитесь с полным

доверием к обоим, и особенно к тов. Аммосову,— это наш близкий товарищ. Вся бывшая Якутская ссылка (Ярославский, Г. И. Петровский, Орджоникидзе) ему безусловно доверяет. На него возлагаются контролирующие обязанности по всей экспедиции. Кроме того, его переход важно обставить особенно тщательно, так как в случае несчастья мы потеряем одного из ценнейших инородческих деятелей (Аммосов по национальности был якутом.— *И. П.*) Киселев... уже путешествовал в Сибири по поручению Якова Михайловича»[193].

Центральный Комитет партии проявлял заботу о том, чтобы Сибирское бюро имело кадры коммунистов для засылки в белочешские части. Непосредственное участие в этом принял ЦК чехословацких коммунистических групп в России; 8 июля 1919 г. им был направлен в Москву Ронзан Алойс. С удостоверением, в котором значилось, что он «действительно командируется в распоряжение Сибирского бюро Коммунистической партии в Уфе через Центральный Комитет РКП в Москве»[194]. Это был не единственный представитель чешских и словацких коммунистов, который от своих товарищей получил задание работать среди солдат контрреволюционных чехословацких войск в Сибири. С Ронзаном Алойсом в бюро во второй половине июля приехал и Гольц [195].

Прибыл из Москвы упоминавшийся М. Н. Оглоблин (по рекомендации Е. М. Ярославского). Оглоблин называл себя анархистом и делал вид, что рвется на боевую работу, готов убить Колчака и т. д. На деле он, вероятно, люто ненавидел Советскую власть, уже сложился как провокатор и стремился в «колчакию». На следствии он колчаковцам заявлял, что «представился анархистом, не будучи таковым»[196]. Вероятно, так оно и было. Чтоб не возвращаться к этой зловещей личности, расскажем о нем здесь. Должного доверия Оглоблин (Посадский) в бюро не вызывал. Явки для него были вручены сопровождавшему его к линии фронта коммунисту. Он же должен был сообщить и о конкретных заданиях. Получил Оглоблин минимальную сумму — 5 тыс. рублей. Судя по тому, как рассказывал Оглоблин колчаковцам, он находился в бюро ЦК примерно «недели 2, числа с 14 июня по 30», затем был направлен к фронту и во время боя западнее Златоуста в начале июля перебежал на сторону врага [197]. Сам он по этому поводу говорил: «Я, шедший навстречу вашим войскам, был задержан в поле

вашей цепью», что «свои услуги потому предложил Смирнову, что хотел узнать как можно больше и потом, после перебежки на сторону Русской армии, сообщить обо всем кому следует»[198]. Материалы его показаний свидетельствуют о том, что он действительно не имел конкретных явок, адресов. По-видимому, какие-либо организации из-за предательства Оглоблина не пострадали, хотя он и предлагал свои услуги: попытаться установить контакты с Иркутской организацией (узнал, что там она есть и является крупной) и т. д. И все же, потолкавшись в бюро во время его перемещения из Бугульмы в Уфу, обоснования на новом месте, когда трудней было конспирироваться, Оглоблин успел узнать довольно много и дал сведения о членах, сотрудниках этого партийного органа, сформированном партизанском отряде, группах коммунистов, готовившихся к переходу на Урал и в Сибирь. Это был второй (после Сатке) случай проникновения в бюро провокатора-авантюриста.

Прибыла в бюро и группа из 9 коммунистов из Казани. Руководители Казанской губернской партийной организации в период весеннего наступления Колчака подготовили эту группу для подпольной работы на случай, если бы враг ворвался в город. Узнав от члена Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусева о существовании Сибирского бюро ЦК, председатель губкома Н. К. Антипов в Реввоенсовет 5-й армии писал, что «в целях партийной работы за пределами Восточного фронта» направляются В. В. Аристов (Астров), С. Зубайдуллин, Х. В. Валиуллин, Х. Б. Саттаров, Л. А. Виноградов, К. А. Сибиренков, В. П. Соболев, И. П. Соболев и Симановский[199]. В. В. Аристов намечался руководителем подполья в Казани. В штабе фронта 3 июня членам группы были выданы командировочные удостоверения с предписанием явиться в Реввоенсовет 5-й армии[200]. Вскоре группа прибыла в Бугульму, в бюро.

Бюро само подбирало необходимые кадры коммунистов на месте, преимущественно из числа военнослужащих. Из армии в бюро направили П. Я. Наумова, М. И. Туринь (Турин) и др. В бюро прибыли для последующей работы на Урале и в Сибири М. Л. Александров (связной Троицкой подпольной организации), А. С. Коржаков, А. В. Поляков-Поярков, В. Г. Романчук, В. И. Уфимцев, Н. С. Шалашов, в дальнейшем и другие, почти три десятка коммунистов. Естественно, в каждый

данный момент их было меньше: часть уходила в тыл врага, прибывали новые, но в июньский период их сосредоточилось в Бугульме, в поезде, и в Уфе довольно много. Но не они одни были объектом внимания бюро. Еще больший контингент составляли будущие партизаны — красноармейцы и краснофлотцы, готовившиеся к действиям за линией фронта — до 60 человек. Работа в бюро ЦК велась интенсивно, энергично. Вновь началась переброска в тыл врага групп и отдельных коммунистов.

Бюро вслед за ЦК партии и своим отделением продолжило и завершило работу по подготовке и посылке в тыл врага для объединения и руководства большевистским подпольем в масштабах Урала и Сибири члена отделения С. Ф. Баранова. Он получил 10 июня паспорт на имя В. П. Неволина, удостоверение «о политической благонадежности», выданное якобы начальником Уфимской милиции, и пропуск до Омска [201]. Его главные задачи были определены следующим образом: связаться с Омском и составить 2 маленьких центра для Сибири и Урала, связанных между собой; связать все организации, группы, отряды, взять руководство всей революционной борьбой в руки партии и т. д. Вместе с С. Ф. Барановым, выбывшим из бюро 11 июня, наделенным обширным полномочиями, бюро направило трех курьеров с деньгами. Это были И. С. Дулесов, И. П. Колесов и В. Г. Романчук, помимо прочего, имевшие задачу передать большие денежные суммы подпольщикам и партизанам. О Дулесове и Колесове речь шла уже. Романчук был членом подпольной организации в полку им. Шевченко в Челябинске, одним из руководителей солдатского восстания на фронте 1 мая 1919 г., после чего вступил официально в Коммунистическую партию [202]. Фронт коммунисты перешли благополучно, задачи, очевидно, выполнили, ибо С. Ф. Баранов позднее вернулся из вражеского тыла, докладывая о своей работе по руководству нелегальной партийной работой и партизанским движением в районе к югу от Омска, где объединенные отряды свергли колчаковцев и восстановили Советскую власть еще до прихода Красной Армии [203]. Но воссоздать подпольный центр, который бы объединил организации Урала и Западной Сибири, С. Ф. Баранову все же не удалось. Эта задача продолжала стоять на повестке дня. Ф. И. Голощекин 29 июня телеграммой просил ЦК прислать «для организации сибирского центра...

трех человек, типа Нейбута»[204]. Но работников такого масштаба ЦК в то время выделить не смог.

В бюро завершилась подготовка для засылки в тыл белых группы В. А. Воробьева, прибывшего из Вятки. Главной задачей было создание типографии и выпуск нелегальной газеты. В докладе Сибирского бюро ЦК о деятельности с 8 июня по 8 июля 1919 г. говорится: «Отправлены прибывшие из Вятки 2 товарища — 1 для постановки типографии и 1 для более серьезной партийной работы без точного определения района, но на Урале»[205]. Речь, несомненно, идет об А. Ф. Ивакине, которому поручали организовать типографию, и В. А. Воробьеве, который совместно с Ивакиным должен был наладить выпуск газеты, а вместе с тем, как очень опытный партийный работник, бывший член Уралобкома партии, вести и иную работу.

Вместе с В. А. Воробьевым, играющим роль спасающегося от большевиков купчика, и А. Ф. Ивакиным в начале июня через фронтовую линию пробиралась и Г. Н. Штальберг с годовалым ребенком, специально взятым в детприемнике (вероятно, не в Вятке, а уже в Уфе). Эта конспиративная мера — женщина с ребенком, «жена» Воробьева — сыграла свою положительную роль. Группе удалось благополучно добраться до Челябинска, а затем и Екатеринбурга. Но в остальном все складывалось крайне неблагополучно. Как вспоминали сам В. А. Воробьев и помогавшая группе в Екатеринбурге Е. П. Сигова, все полученные в этом городе (и в Челябинске) явки оказались проваленными. Это и не удивительно, ибо, во-первых, явки давались к посланцам отделения бюро, в том числе группе «Иван», которые до места назначения или не доехали, или не смогли включиться в работу, во-вторых, в этих городах весной и летом произошли исключительно сильные провалы, коммунистов по имевшимся адресам найти было невозможно (они либо были арестованы, либо скрылись, сменили адреса).

Без помощи екатеринбургских подпольщиков Воробьев и Ивакин, широко известные по партийно-советской работе в этом городе в 1917—1918 гг., основное задание были выполнить не в состоянии. Даже единичные выходы на улицу для них представляли опасность. Тем не менее, устроившись в крохотной комнатке у знакомой семьи Батмановых, Воробьев предпринял ряд выходов в

некоторые людные места, заводил знакомства, собирал сведения. Е. П. Сиговой удалось устроить Штальберг у своей подруги; выдавали ее за жену офицера. Однако находиться в Екатеринбурге становилось день от дня опасней, и члены группы выехали в Каменск, поселились в доме матери Воробьева — Л. С. Воробьевой. Там они и встретили Красную Армию [206].

Характер завершения подготовки носила работа бюро с Д. Д. Киселевым. Д. Д. Киселев трижды переходил Восточный фронт, являлся одним из наиболее талантливых агентов ЦК, Наркомата внутренних дел. Мы говорили о Киселеве в связи с его встречей с В. И. Лениным. Расскажем о нем, его работе несколько подробнее. В июле 1918 г. Д. Д. Киселев вместе с другими видными советско-партийными работниками перешел на нелегальное положение в Иркутске. Местными коммунистами он, хотя в то время формально и был левым эсером, направляется с заданием в Москву. В августе Киселев был уже там. Его представили Я. М. Свердлову, которому он рассказал о положении во вражеском тылу. Оставался и работал некоторое время в Москве, тщательно готовился к выполнению ответственного задания. В конце ноября 1918 г. выехал на Восточный фронт, перешел его и в первых числах января 1919 г. был уже в Иркутске. Но это было лишь началом выполнения задания, данного Я. М. Свердловым, Г. И. Окуловой-Теодорович и специальными советскими органами [207]. Д. Д. Киселев стремился приложить все усилия к налаживанию подпольной работы там, где ее не было или где она была слаба. Он информирует коммунистов о положении в стране, дает им на основе полученных установок советы о задачах подпольной работы, методах борьбы, устанавливает связь между городами. В это время Иркутская подпольная организация принимает его в ряды РКП(б).

В Иркутске через Е. А. Алексееву и С. А. Огнетова Д. Д. Киселев связался с целым рядом коммунистов. Выяснил, что в городе нет единой и крупной организации, которая бы планомерно вела борьбу с колчаковщиной. Ему стало известно, что незадолго до него в Иркутск приезжала Е. С. Федорова — курьер ЦК с деньгами для организации. Но ввиду того что таковая еще не сложилась, она оставила в Иркутске только 5 тыс. руб. на нужды Красного Креста, который функционировал при профессиональном союзе, остальные

деньги увезла в Томск. Киселев проделал в Иркутске большую работу. Он провел несколько собраний подпольщиков, убеждал их в необходимости немедленного оформления организации и наметил ближайшую программу действий: устная агитация, выпуск и распространение листовок с освещением важнейших событий, вербовка членов организации среди советски настроенных трудящихся, приобретение оружия, сбор сведений о белогвардейских и иностранных войсках и т. д.

Затем он проехал на восток, побывал в Верхнеудинске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Харбине. На обратном пути остановился в Красноярске. И всюду он сумел связаться с коммунистами, информировал их, передавал директивы партии об усилении революционного, в том числе и партизанского, движения[208]. Вместе с тем, зная, что Киселев возвращается в Москву, партийные комитеты через него обращались в ЦК РКП(б) с различными предложениями и просьбами. Наиболее существенными из них были финансовые. Владивостокская и Благовещенская организации свои просьбы оформили письменно в виде доверенностей на имя Киселева, соответственно на 3 и 5 млн рублей.

В середине мая, возвращаясь из Сибири, Киселев с женой приехали в Уфу. Они выдавали себя за состоятельных людей, пробирающихся в Белебей. Решили для более безопасного проезда к фронту обратиться в Уфимскую городскую белогвардейскую милицию за пропуском. И вот уже на руках необходимая бумажка:

«Пропуск.

г. Уфа. 17 мая 1919 г.

Гр. Ивану Филипповичу Моцному с женой Екатериной Алексеевной действительно разрешается проезд до г. Белебея по железной дороге»[209].

Пропуск подписал и заверил печатью сам начальник милиции. В эти майские дни Красная Армия на южном участке Восточного фронта развернула мощное наступление. Можно было рассчитывать на то, чтобы добраться до какого-либо города в прифронтовой полосе и, умело там затаившись, дождаться своих. Киселевы так и решили. Это был совершенно правильный план действий. Они использовали пропуск, проехали к фронту, где и дождались прихода советских войск. Проехали в Москву. Киселев побывал в ЦК, во ВЦИК, Наркомате внутренних дел, передал просьбы подпольных ко-

митетов, доклад о работе Дальневосточной партийной организации, написанный на холсте, многочисленные (около 140) номера газет, освещающие существенные моменты политического и экономического положения в колчаковском, семеновском тылах, размах партизанского движения, дал обширную информацию, в том числе и В. И. Ленину. В. И. Ленин пожелал Д. Д. Киселеву счастливого пути, успеха в выполнении задания, проводил до двери и горячо пожал руку. Он просил Киселева передать привет всем работающим в сибирском подполье товарищам[210].

В Москве Д. Д. Киселев для подпольных организаций Восточной Сибири и Дальнего Востока получил 2 млн рублей. Конкретные указания о предстоящей работе ему надлежало получить в бюро ЦК. Чрезвычайно ценной была информация Киселева и для членов и сотрудников бюро; ее попросили изложить в подробном виде письменно. Киселев докладу предпослал заголовок: «Сибирскому бюро, т. Гончаровой. Инструктора-ревизора Наркомвнудела Киселева краткая докладная записка»[211].

После длительной подготовки в конце июля Д. Д. Киселев и Е. А. Киселева из Уфы направились на фронт и перешли его. В мандате, выданном Киселеву 27 июля 1919 г. бюро ЦК за подписями Ф. И. Голощекина и Д. К. Гончаровой, говорилось, что он «командируется Урало-Сибирским бюро ЦК РКП в Восточную Сибирь для организации связи, информации и снабжения средствами» организаций[212], «В мою задачу, — вспоминал Д. Д. Киселев, — входило объехать подпольные организации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где в тылу белых большевики готовили мощный удар в спину Колчака. Я должен был информировать подпольщиков об успехах Красной Армии, передать им указания партии о необходимости усилить партизанское движение в Сибири и на Дальнем Востоке и тем самым содействовать победам Красной Армии»[213].

По решению бюро, учитывавшему рекомендации партии, Киселев должен был полученные им в Москве деньги распределить следующим образом: в Иркутск 100 тыс., в Читу для Забайкалья 400 тыс., в Благовещенск для передачи части денег в Хабаровск и Харбин 1 млн и во Владивосток 500 тыс. рублей[214]. Это было меньше, чем запрашивали дальневосточники, но все же суммы очень большие.

Фронт Киселевы благополучно миновали близ Кустаная и, смешавшись с потоком беженцев, проследовали в Сибирь. Однако на этот раз Д. Д. Киселеву пришлось испытать особые трудности, горечь неудач. На ст. Татарская он был задержан колчаковцами и мобилизован в армию Колчака. В ее составе находился в Каинске, затем — в Новониколаевске, откуда дезертировал. Но это было уже в ноябре. В своих автобиографических очерках, заметках Киселев нечетко, вскользь, в какой-то мере противоречиво излагает вопрос о том, как обстояло дело с имевшимися у него денежными суммами. Создается впечатление, что они не попали в руки колчаковцев, частью сохранились, частично были переданы им подпольным организациям, в частности Барнаульской. В Новосибирске Д. Д. Киселев в период прихода Красной Армии связался с местной партийной организацией, принял участие в ее работе, а по освобождении города вошел в состав ревкома [215].

М. К. Аммосову и М. И. Туринь поручалось связаться с интернационалистски настроенным офицером польских легионеров, провести с ним, а если откроются возможности, и с другими лицами переговоры на предмет перехода польских частей, если их пошлют на фронт, на советскую территорию. Основанием для задания Аммосову было то, что такие переговоры были начаты еще в начале мая прибывшим из-за линии фронта этим польским офицером-социалистом с И. Н. Смирновым. Смирнову были оставлены пароль и явки для встречи на случай посылки для продолжения переговоров представителей Коммунистической партии [216]. Следовательно, важное и деликатное поручение М. К. Аммосову дано было не случайно.

Первоначально планировалось переправить М. К. Аммосова в Челябинск, поскольку не исключалась возможность его временного вынужденного оставления под натиском врага. Учитывалось при этом то, что он уже знал город, мог (и затем действительно сумел) найти некоторых бывших подпольщиков, в том числе Я. К. Свинцова, которые имели возможность оказать ему и его спутнице определенную помощь. Но Челябинск Красная Армия отстояла [217]. Аммосов переправляется в Сибирь восточнее Челябинска, на участке 26-й дивизии с помощью ее комиссара Н. К. Гончарова [218]. Почти одновременно переходит линию фронта и М. И. Туринь.

М. К. Аммосов обладал не только опытом нелегальной работы при царизме, когда он был формально еще беспартийным, тесно общался, сотрудничал с большевиками, в том числе и ссыльными, но и в период белогвардейщины, в частности, в Иркутске и Томске. Томским комитетом он был направлен в ЦК партии, получив документы Я. К. Свинцова, лекпома сыпно-тифозного госпиталя в Челябинске, находившегося в отпуске в Томске. В Челябинске Аммосову прибывший туда следом Свинцов и другие подпольщики подготовили надежные документы как добровольцу одного из полков, возвращающемуся из госпиталя по излечении на фронт. Аммосов благополучно перешел фронт и прибыл в Москву с информацией[219].

Подробный отчет, составленный М. К. Аммосовым по выполнении задания, позволяет обстоятельно проследить за его сложным маршрутом и ходом переговоров с польским подпольщиком. Аммосов 12 августа приехал в Омск. Встретился с нужным лицом, который в качестве уполномоченного побывал за линией фронта. Тот заявил, что военно-политические условия после мая сильно изменились и официальных переговоров вести теперь он не может, что командование приступило к переговорам с японскими властями о переброске польских войск через Японию. Офицер сказал, что он едет «на съезд в Иркутск». В ответ на вопрос Аммосова, «что будет делать Ваше командование, если красные войска займут Омск, подойдут к Новониколаевску и если Вам предложат выступить», тот ответил, что, «во-первых, мы постараемся эвакуироваться на восток, во-вторых, наши солдаты не будут сражаться с красными». М. К. Аммосов высказал предложение о необходимости договориться и заключить соглашение именно в данное время. Офицер заявил, что при той возможной ситуации, о которой шла речь, он, возможно, сам отправится к красному командованию и предложил Аммосову дождаться результатов съезда, который продлится две недели. Но не в Омске, где слишком опасно, а в другом месте.

Примерно 14 августа в Омск приехала М. И. Туринь. Договорились, что она с информацией вернется в бюро ЦК, поскольку выполнение задания затягивается. Передав Аммосову 15 августа 2 тыс. рублей, Туринь выехала на фронт, перешла его и 26 августа прибыла

в Челябинск[220]. Это был уже четвертый переход ею фронтовой линии. Роль курьера она выполняла и ранее. Очевидно, о ней, «латышке», привезшей омским латышам-коммунистам деньги, говорилось в одной из колчаковских сводок в марте 1919 г.[221]

Положение М. К. Аммосова осложнялось, поскольку до выполнения поручения он не должен был вступать в связь с партийными организациями: слишком велико по значению было его задание, чтоб усиливать риск провала. Аммосов приехал в Томск, откуда «посредством телеграфного сношения с президиумом съезда через другое лицо узнал, что съезд затянулся и кончится 6—7 сентября». Выехав из Томска, 15 сентября он прибыл в Иркутск. Навел справки в польском комитете и выяснил, что офицер уже выехал в Омск. Выяснил также положение Иркутской подпольной организации, в которой только что произошел крупный провал. На обратном пути Аммосов вновь побывал в Томске, встретился с членом Сибирского ОК РКП(б) А. Н. Сафоновой (Яковлевой), получил информацию и о местной, и о сибирских организациях в целом.

По приезде 26 сентября в Омск он сразу же встретился с офицером. Тот заявил, что обстановка в связи с объявлением Польским правительством войны Советской России стала для осуществления задуманного еще более неблагоприятной, переговоры приходится прекратить. В то же время он сообщил, что съезд в Иркутске прошел при проявлении многими делегатами революционных настроений, что «на тайных и закрытых заседаниях приняты резолюции о решительном отказе поддерживать Колчака, о том, что наши войска в Сибири должны подчиняться распоряжениям только одного польского правительства», что «решено принять самые экстренные и решительные меры к выводу войск из Сибири через Владивосток». Через данное лицо Аммосов получил информацию и о положении на Дальнем Востоке, в частности о выступлении Гайды против Колчака.

Получив через некоторое время необходимые документы, М. К. Аммосов 22 октября перешел фронт и 30 октября явился в Челябинске в бюро[222]. Миссия его и Сиббюро в целом закончилась неудачно. Договориться о переходе польских частей через рубежи Восточного фронта не удалось. Тем не менее переговоры, встречи М. К. Аммосова с офицером-интернационалистом, зани-

мавшим, видимо, высокий командный пост и одновременно связанным с коммунистическими подпольными группами в польских войсках, влиявшим лично и через других на усиление в них антиколчаковских настроений, имели немаловажное значение. И хотя белопольские войска находились в Сибири еще длительное время, вступали в отдельные бои с красноармейскими частями, разложение и революционизирование в их среде усиливалось. Участились случаи массовых переходов польских солдат на сторону Красной Армии и партизан. Само собой понятно, насколько важное значение для бюро и советского командования имела доставленная М. К. Аммосовым и М. И. Туринь свежая информация о положении в колчаковском тылу и подпольных коммунистических организациях.

В Сибирь с заданием преимущественно разведывательного характера направляется курьер А. И. Чижов. Ему оформляются документы в двух вариантах — на имена Арканникова и Смирнова. Вероятно, А. И. Чижов имелся в виду в докладе бюро Центральному Комитету партии за период работы с 8 июня по 8 июля: «Дней через 5 отправляем специального курьера для объезда всех организаций и установления твердых связей с ними»[223]. Чижов должен был прибыть в Омск и возобновить связи с местной, затем другими подпольными организациями. Ему лично или с участием других разведчиков-подпольщиков надлежало собрать сведения о гарнизонах Челябинска, Кургана, Петропавловска, Омска, Новониколаевска, Барабинска, Каинска, Томска, Мариинска, Ачинска, Красноярска, Славгорода, Барнаула, Ишима, Ялуторовска, Тюмени, Екатеринбурга, всего 17 городов. Поскольку Чижову вручен был шифр (иносказания: пехота — кофе мокко, артиллерия — кирпичный чай и т. д.), Чижов оставил в бюро адрес, по которому с ним при необходимости можно было связаться: дер. Красноярка Малокулачинской волости, на берегу Иртыша в 35 верстах от Омска, квартира сапожника И. Толстокулакова (спрашивать Арканникова). В Омске он должен был жить по документам А. А. Смирнова[224]. За линию фронта А. И. Чижов переправился. О его работе данных не выявлено[225].

Коммунистам, направлявшимся из Уфы на Урал в обстановке решающей битвы за его освобождение, давались преимущественно задания боевого характера. Таким оно было и для С. К. Морского и Федорова. Они

уже имели опыт такой работы, ибо в Одессе принимали активное участие не только в подпольной работе, но и в подготовке и проведении вооруженного восстания [226]. В конце июня Морской и Федоров были направлены в район Златоуста — Челябинска — Екатеринбурга для организации разведывательной работы на железной дороге [227]. С. К. Морской, прибыв в Златоуст, связался с Андиным, Друстом и Стальбергом, работал в Челябинске и Кургане. Бюро по его просьбе дало распоряжение направить ему находившиеся в Усть-Катаве у Усова сибирские явки шифром. В Омск Морской получил явку в магазин Мухмедшина для установления связи с Гильманом и Назаровым [228]. В этот же район (Челябинск — Златоуст) для связи был послан курьер В. И. Уфимцев (Краснов) [229], а на Урал и в Западную Сибирь на нелегальную работу — А. В. Поляков-Поярков [230].

Длительное время с большими осложнениями протекала работа по формированию и засылке за фронтовую линию групп И. П. Маликова и В. В. Аристова. Бюро решило их слить. Так возникла крупная группа из 12 коммунистов, во главе которой становятся два названных работника. Затем между ними функции распределяются так: Аристов — руководитель, Маликов — его заместитель. Группа была зашифрована как «группа № 107» [231]. Вначале ей было дано задание вести военно-боевую работу в железнодорожных районах Среднего Урала. Но затем задание было изменено: четырем коммунистам было поручено поселиться в районе Кыштымских заводов с целью организовать рабочих для партийной и военно-боевой работы, один работник должен был прибыть в Курган, другой поехать для расследования «операции Сатке», третий — в Омск для работы среди татар [232]. В итоге в «группе № 107» осталось 9 человек, остальные 3 получили персональные задания.

Подготовкой группы почти все время занимался Ф. И. Голощекин. На одном из последних инструктажей в гостинице, где проживали коммунисты, он, как вспоминает Л. А. Виноградов, говорил: «Раз и навсегда забудьте свое имя, отчество и фамилию, а хорошо запомните свое новое отчество и фамилию, знайте их так, чтобы даже когда вас неожиданно разбудили, вы могли точно, без запинок ответить. Надо также забыть в обращении друг с другом и с другими слово «товарищ»,

теперь вы «господа» и вокруг вас все «господа». Он несколько раз проверил нас: отвечаем ли мы на наши новые фамилии и не вырывается ли в разговорах слово «товарищ». Порекомендовал нам до переправки через фронт попрактиковаться в этом деле. Потом руководителю нашей группы тов. Аристову В. ...сообщил адрес явочных квартир и пароль и также проверил их»[233].

Членам группы были выданы мандаты, написанные от руки на маленьких лоскутках батистовой ткани с приложением печати. Эти лоскутки были скручены в тончайшие жгутики и тщательно зашиты в шов верхней одежды. Группе 20 июня было выдано 189 тыс. рублей [234].

Предпринята была попытка переправить группу в районе Аша-Балашевского завода по его освобождении. С помощью проводника-крестьянина эта задача была решена. Однако в д. Каменка члены группы были, как подозрительные лица, задержаны красноармейской конной разведкой. Они в полном составе были доставлены в политотдел 27-й стрелковой дивизии. Туда прибыл Ф. И. Голощекин.

Группа была разбита на небольшие подгруппы, что облегчало задачу переправы через фронтовую линию и проезд в места назначения. В одну из таких подгрупп вошли Н. А. Фофанов (руководитель), Л. А. Виноградов и Х. В. Валиуллин. Последний из Челябинска должен был направиться в Омск для работы в составе татарской подпольной группы. Подгруппа после успешной переправы в верховьях реки Юрюзань, у горы Завьялиха вновь была задержана, на этот раз местными партизанами. Они доставили коммунистов к комиссару вышедшей туда 27-й дивизии. Комиссар, осведомленный о задании задержанных, организовал переправу их в тыл врага на повозке под видом беженцев.

По пути следования посланцы бюро ЦК связались с подпольщиками в селах Александровка, Николаевка и Емангулово. Возможно, это удалось сделать благодаря полученным в бюро явкам. Руководителями подпольных групп в двух последних селах были Подкорытов и Макар Хромой. Н. А. Фофанов и его товарищи 15 июля прибыли в Челябинск. Х. В. Валиуллин отправился в Омск. Фофанов и Виноградов с трудом связались с коммунистом Глухих, так как полученные ими явки оказались провалены. Они не смогли связаться с подпольным комитетом, но вели определенную рабо-

ту, собирали разведывательные данные, которые затем передали командованию Красной Армии. В бюро ЦК Фофанов, подписавшись именем «Сидоров» (очевидно, его нелегальная фамилия), об указанных моментах, проделанной работе сообщил в докладе («Доклад от 3-х из группы 107»)[235]. Из доклада явствует, что Фофанову и Виноградову не удалось связаться с другими членами «группы № 107». Л. А. Виноградов был включен в состав Челябинского ревкома. Выполнял поручения бюро ЦК и Н. А. Фофанов.

О других членах группы мы мало что можем сказать. Известно, что И. П. Маликов и П. А. Фофанов, в связи с болезнью первого, вернулись в бюро ЦК, где были подвергнуты суровому осуждению[236].

Следовательно, в группе, выполнявшей задание, осталось 10 человек. Но поскольку часть из них получила особые задания, то численность собственно «группы № 107» для работы на Урале была меньшей. В одной из записей бюро ЦК говорится: «Группа № 107 Аристова в количестве 7 человек»[237]. В целом же, судя по всему, кроме двоих вернувшихся в бюро, все остальные 10 коммунистов ушли за линию фронта.

Данных о В. В. Аристове и еще трех коммунистах, которые сумели переправиться во вражеский тыл, обнаружить не удалось. Вероятно, именно они должны были прибыть в Кыштым. Надо полагать, что они добрались и проделали там в каком-то объеме работу. Один из коммунистов-татар и в этой подгруппе, по некоторым данным (С. Зубайдуллин или Х. Б. Саттаров), также имел, как и Валиуллин, специальное задание — вести работу в формирующихся белогвардейцами мусульманских частях, создавать в них революционные подпольные ячейки и обеспечивать переход солдат на сторону Красной Армии[238]. Следует сказать и о том, что еще в мае до восстановления бюро политотделом 5-й армии, очевидно, при участии И. Н. Смирнова был подготовлен и послан за линию фронта татарский писатель, левый эсер (в 1920 г. вступил в Коммунистическую партию с зачислением стажа с 1917 г.) Г. Г. Ибрагимов. Он должен был работать среди мусульманского населения и солдат. В Бугульме Ибрагимова снабдили лошадью, арбой, крестьянской одеждой, и под видом продавца дегтя он уехал в дальнюю путь-дорогу. Работал среди подпольщиков, солдат и населения Тюмени и Пет

ропавловска, в других местах [239]. По возвращении в бюро, в Челябинск, Г .Г. Ибрагимов констатировал, что «настроение среди мусульманского населения и среди войск определенно советское», в указанных городах подпольщики-мусульмане входят в местные организации или работают в контакте с ними.

В начале августа 1919 года, в клубе города Челябинска он сделал доклад перед пятитысячной аудиторией красноармейцев из татар и башкир и других национальностей. Талантливый писатель и революционер так вдохновил слушателей, что по окончании доклада они потребовали немедленной отправки их на фронт, против белогвардейских банд Колчака. О подвиге писателя рассказывал М. Ш. Шагиахметов, в 1918 г. также работавший в тылу врага в Оренбуржье среди башкирских солдат белогвардейских частей.

Пример деятельности Г. Г. Ибрагимова позволяет почувствовать особенности работы коммунистов-подпольщиков среди татаро-башкирского населения и солдат мусульманских частей. Известно, что В. В. Аристов в дальнейшем, в ноябре 1919 г., получает назначение в качестве зам. председателя Омского, а позднее — председателя Алтайского губревкома [240]. Вероятно, им и его товарищами по подгруппе в тылу врага была проведена большая работа.

Летом 1919 г. Сибирское бюро стало специально заниматься подготовкой и переправой в Сибирь коммунистов-иностранцев для работы в войсках интервентов. Но в его распоряжении были лишь двое — Ронзан Алойс и Гольц. Бюро решило отправить в Сибирь только одного из них, так как не имело возможности обеспечить их надежными документами. Бюро запросило в ЦК документы «специально национального характера» и просило принять к сведению, чтоб таковыми обеспечивали «при отправке товарищей и других национальностей»[241].

В материалах бюро нам больше не встречалось данных о засылке в белочешские войска своих представителей. Но можно предполагать, что и второй из названных коммунистов, и, возможно, другие, во всяком случае, если не Сиббюро, то другими органами в Сибирь засылались. Об этом, в частности, о «красном Викторе», присланном из-за линии фронта и работавшем в ноябре

1919 г. среди чехословаков-солдат в Иркутске, Черемхово, писали колчаковцы[242].

Летом и осенью 1919 г. чехословацкие войска в Сибири, используемые международной реакцией, не играли уже той роли, как за год до этого. Они были отведены в глубокий тыл; в солдатских массах нарастали антивоенные и революционные настроения. Самым популярным стал лозунг — требование об отправке солдат на родину. В огромной степени это было результатом подпольной работы среди белочешских войск коммунистов уральских и сибирских городов, революционных подпольных организаций в самих частях. Прибытие в белочешские, уже начавшие разлагаться части коммунистов из Советской России было важным событием и, несомненно, давало новый толчок к большевизации сотен и тысяч обманутых офицерами солдат.

Бюро ЦК направляет на Урал и в Сибирь в летний период и других коммунистов. В Миньяр и оттуда — в Челябинск и Сибирь для связи и доставки денег для урало-сибирского подполья посылались А. С. Коржаков и Н. С. Шалашов (в подготовке операции участвовали А. А. Козлов и И. Г. Шведов), перешедшие линию фронта в составе отряда П. В. Гузакова. Но явка, данная в Челябинск в бюро, оказалась проваленной. Они не смогли связаться с местной организацией, не имели явок в Сибирский подпольный центр и не решились на дальнейшую поездку[243]. В документах бюро есть упоминание о подготовке или посылке для работы в тылу врага в летний период Лескова[244].

В целом же выяснить вопрос о количестве и личном составе коммунистов, посланных на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток Сибирским бюро в рассматриваемый период, крайне трудно и из-за недостаточности документов и из-за того, что некоторые из коммунистов-разведчиков по договоренности посылались в тыл врага специальными военными органами. Так, член партии с 1913 г. миньярец С. Н. Родиков, входивший ранее в отряд С. Д. Павлова, находясь далеко от Уфы, в с. Байки Бирского уезда, в июне получил от особого отдела 5-й армии задание срочно перейти фронт северо-восточнее Уфы для связи с отрядом П. В. Гузакова и выполнения специального задания на ст. Кропачево. Задание Родиков выполнил, затем включился в отряд Гузакова, а по его соединении с Красной Армией явился в особый отдел и отчитался о работе[245]. Совершенно

ясно, что И. Н. Смирновым, как членом Реввоенсовета, к выполнению операции, связанной с заброской в тыл врага партизанского отряда и организацией восстания южноуральских рабочих, был подключен особый отдел. В сущности С. Н. Родиков сыграл роль агента Сиббюро ЦК.

Еще труднее выяснить имена тех коммунистов, разведчиков, которые посылались за линию Восточного фронта на участках 5-й и Туркестанской армий, к подготовке которых в апреле — мае имели причастность, как члены Реввоенсоветов, И. Н. Смирнов и Ф. И. Голощекин. В колчаковских документах речь идет о «коммунистической шпионской организации» в Авзяно-Петровском заводе, засылке ею агентов в крупные сибирские города [246].

И. А. Белоусов, активно работавший в 1918 г. в железнодорожной подпольной организации в Уфе, руководивший разведработой в 25-й чапаевской дивизии, вспоминал, что у них были две отважные девушки-разведчицы — М. Соруль и Э. Вайнер, дважды ходившие в тыл белых, во второй раз летом 1919 г. в Златоуст и Челябинск, откуда уже не вернулись, погибли [247]. Известно, что дивизия входила в Туркестанскую армию, Голощекин мог иметь к деятельности ее разведки прямую причастность. Исследователю приходится встречаться и с такими документами: 2 августа 1919 г. в Омске к начальнику центральной контрразведки явилась А. Н. Буянова и рассказала, что была вместе с Юшкиным и П. Лобуховым из Самары с разведывательной целью послана в Сибирь, перешла фронт где-то в районе Кармаскалы — Табынское, т. е. в районе действий Туркестанской армии [248]. Но во всех этих случаях факты подготовки и засылки работников в тыл врага с именами Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова можно связывать лишь в некоторой степени [249]. Ясно лишь одно, что такую работу они, особенно Смирнов, проводили и до начала июня.

Иногда удается, так сказать, волею случая в практике исследователя «просветить» «глухие», неясные документы и получить на этот счет уже совершенно определенные данные. В документальных материалах бюро ЦК есть рядом находящиеся документы, в которых значатся различные имена, в том числе «Неверова». Тут же расписка в получении (с неясно поставлен-

ной подписью) Гольцманом документов и бланков: 38 различных удостоверений, 17 студенческих свидетельств и учетных карточек, 8 готовых паспортов, 21 бессрочной паспортной книжки, 1 образец свидетельства о выполнении воинской повинности для исключенных из запаса, датированная 22 мая 1919 г.[250] Документ мало о чем говорил, разве лишь о том, что Э. С. Гольцман, работая в штабе 5-й армии, имел деловые контакты с И. Н. Смирновым по его делам в бюро ЦК и в мае 1919 г. И вдруг через многие годы мы встречаем текст автобиографии и воспоминаний А. Я. Несговорова, члена партии в 1917 г., который был уфимцем, в 1918 г. находился на подпольной работе. Читаем, что Несговоров с 5-й армией отступал из Уфы, будучи агитатором ее Реввоенсовета; затем И. Н. Смирнов и Э. С. Гольцман, начальник информационного отдела штаба армии, посылают его «для подпольной работы в тылу Колчака под фамилией Неверова А. Я.». Все становится ясным (в том числе и неразборчивая, казалось бы, подпись). Указанные документы и бланки получены А. Я. Несговоровым («Неверовым») от Э. С. Гольцмана (возможно, для передачи подпольщикам, остро нуждающимся в них). «Неверов» стал живой, реальной фигурой. Несговоров побывал в Челябинске, задание, как он пишет, выполнил, вернулся и доложил обо всем И. Н. Смирнову [251].

По прошествии некоторого времени бюро ЦК стало получать через курьеров, прибывавших из подпольных организаций и партизанских отрядов, более подробную и свежую информацию о положении на Урале и в Сибири. В числе первых ее доставили златоустовские коммунисты—подпольщики В. Горбачев, Л. Орлов, П. Сазонтов, И. Ситников, вынужденные из-за арестов перейти фронтовую линию. Определенный интерес представил опрос прибывшего оттуда левого эсера Федорова, работавшего в подполье. Впечатлениями о положении в тылу врага 4 июня поделилась разведчица, посланная туда несколькими месяцами раньше из Москвы, — Г. Озол [252]. О положении в Троицкой, Челябинской подпольных организациях, партизанском движении в районе Карабаша доложил М. Л. Александров, специально посланный троичанами для связи, информирования бюро и получения денег. Его сопровождала подпольщица М. А. Полухина. В мандате-письме, датированном 24 июня, Троицкий подпольный центр просил помощи

советом, деньгами, давал информацию о достигнутых результатах в работе организаций. В заключение южноуральские подпольщики приветствовали представителей Советской власти. «Нам виден, — писали они, — луч света подходящего к нам героического революционного авангарда, и мы также протягиваем руку навстречу своим избавителям, хотя мы и вновь загнаны в подполье, но также не остановимся ни перед какими пытками, терзаниями, продолжаем свою действенную работу для подготовления почвы для долгожданных Советов»[253].

Долог и труден был путь троицких подпольщиков. Только пешком, чаще по бездорожью, лесом, ориентируясь по солнцу, прошли они, по данным М. Л. Александрова, чуть не 500 километров. Наконец, 13 июля вышли к фронту западнее Кусинского завода на участке 35-й дивизии 5-й армии, встреченные красными разведчиками. В штабе дивизии сделали краткую информацию. Опасаясь провокации, политкомиссар направил Александрова и Полухину с охраной в Уфу в Реввоенсовет-5. Сутки и там велось за ними наблюдение, после чего М. Л. Александров был приглашен, как он выражается, «на узкозакрытое заседание в лице председателя Реввоенсовета-5 тов. Смирнова и тов. Гончаровой». Обстоятельная информация была запротоколирована. В ответ на просьбу о выдаче Троицкой и другим организациям, партизанским отрядам полумиллиона рублей был дан отказ. Руководители бюро сказали, что на Урал только что посланы деньги[254].

Из Иркутска в бюро прибыл П. Бундин. Быстро набиравшая силу Иркутская партийная организация предпринимала шаги для установления непосредственной связи с бюро ЦК или ЦК партии еще весной. В марте за линию фронта направили опытную коммунистку Т. А. Лушникову, в свое время сопровождавшую в поездке Е. С. Федорову, и А. И. Каминского — бывшего «ссыльнопереселенца», по характеристике колчаковцев; вероятно, он был тоже член РКП(б). На пути следования в Новониколаевске они были арестованы. Обыск дал улики относительно того, что они направляются за линию фронта от подпольной организации[255]. Бундину же посчастливилось выполнить задание.

Провокатор Оглоблин вражеской разведке сообщал, что в бюро во второй половине июня прибыл работник, который был «где-то около Иркутска», и сообщал, что

«в Иркутске есть не только местная организация, но даже объединяющая несколько организаций»[256]. Возможно, речь и шла о Бундине. Прибывали с информацией и другие представители организаций и посланцы самого бюро. В сопроводительной записке от 29 июля Э. С. Гольцмана на имя Ф. И. Голощекина говорилось: «Наш человек, перешедший из тыла противника, передает нам сведения, который и направляется к Вам»[257]. Все эти данные обобщались, учитывались в планировании последующей работы бюро.

Партийные работники, разведчики, связные наделялись на дорожные и прочие расходы деньгами в пределах 5—15 тыс. рублей. Работникам же и группам, посылавшимся для выполнения длительных и сложных заданий, тем более при необходимости установления связей с нелегальными организациями, помощи им и совместной работы, вручались более крупные суммы. Целый ряд работников был послан со специальным заданием установить или возобновить связь с подпольными организациями и передать им деньги. Приведем выявленные нами данные о денежной помощи бюро подполью.

Д. Д. Киселеву в Москве, как мы отмечали, было вручено 2 млн руб. для организаций Восточной Сибири и Дальнего Востока; 500 тыс. руб. было вручено или А. А. Карлову и П. Я. Наумову, отправившимся позднее, или М. К. Аммосову. Кому именно были вручены эти деньги — не ясно. В документе (записи несистемного характера) говорится и о необходимости «отправить якута», очевидно М. К. Аммосова (хотя мы не знаем национальности Наумова), и о связи с районом Красноярска, передачи «в распоряжение комитета 500 000 руб.» и о необходимости руководства партизанскими отрядами[258]. Но Аммосов имел, как предполагалось, кратковременное, хотя и очень важное поручение. Ему, по заданию, не следовало вступать в контакты с подпольными организациями. Вряд ли эти деньги были переданы ему. Сам он о них в отчете не пишет (а не мог бы не писать, имея крупное финансовое поручение). Кроме того, он, задерживаясь в Сибири по непредвиденным обстоятельствам, сам получил для дальнейшего проживания у М. И. Туринь 2000 рублей. Туринь своим поручением была связана также с М. К. Аммосовым, после встречи с ним выехала обратно. Очевидно, деньги были вручены А. А. Карлову

и П. Я. Наумову, которые направлялись для длительной работы, помощи подполью в организации руководства партизанским движением. Точнее сказать, деньги получал Наумов, не случайно проехавший сразу вглубь Сибири, возможно, как раз в Красноярск, так как известно, что Карлова дважды задерживали и, вне всякого сомнения, обыскивали, деньги нашли бы и изъяли, и сам бы он в таком случае не смог «выкрутиться». О деньгах в отчете он ничего не писал. О том, что сталось с этими деньгами, как и с самим П. Я. Наумовым, мы, к сожалению, ничего сказать не можем; 300 тыс. руб. (по 100 тыс.) увезли в Сибирь и на Дальний Восток И. С. Дулесов, И. П. Колесов и В. Г. Романчук. Группа № 107 получила 189 тыс., С. К. Морской и Федоров — 60 тыс. рублей[259]. Ф. И. Голощекин и И. Н. Смирнов приняли решение направить подпольщикам 1 млн руб. из денег, остававшихся еще в тайниках Симского горного округа. Как раз с этой целью и должны были поехать через Челябинск в Сибирь А. С. Коржаков и Н. С. Шалашов. Но из-за провала явки в Челябинске, отсутствия связи с местной и сибирскими организациями они вернулись и передали деньги бюро[260].

Следовательно, примерно за 2 месяца по возобновлении работы Сибирское бюро (и сам Центральный Комитет партии через него) направило подпольщикам 4 059 000 руб. (правда, считая и возвращенный миллион)[261]. Несомненно, это неполные сведения, без учета сумм, выданных отряду П. В. Гузакова, на «личные» расходы многочисленным посланцам бюро. Мы не знаем, например, какая сумма была выдана С. Ф. Баранову самому, помимо того, что увезли 3 курьера, направленные с ним. Но и отправленная сумма велика, жаль только, что она попала подпольщикам лишь частично.

Неудачи, которые случились с посланцами бюро, были прежде всего связаны с отсутствием твердых, а то и вообще каких-либо связей с большинством подпольных организаций к моменту и в начале возобновления его работы. Постепенно дело налаживалось, но и в дальнейшем, когда были возобновлены связи, получены новые явки, они часто из-за провалов переставали быть надежными. Вновь и вновь возникала проблема явок, адресов, проверенных, надежных, гарантирующих успех предприятий бюро ЦК. Иначе обстояло дело в отноше-

нии южноуральских заводов и подпольных организаций на них, особенно в Миньяре. Они восстановлены были быстрее всего, да и находившиеся в распоряжении бюро в формировавшемся партизанском отряде миньярские коммунисты знали местонахождение подпольных групп в лесу, надежные адреса в самом поселке. Даже в экстренном случае можно было выйти на Миньярскую и другие ближайшие подпольные партийные организации. И Реввоенсовет 5-й армии, и бюро ЦК сделали упор на усиление революционной работы в ближайшем тылу противника, приступили к подготовке вооруженного восстания в данном районе.

Еще в начале мая, предлагая восстановить бюро, И. Н. Смирнов считал необходимым «послать в глубокий тыл (до освобождения в июне Уфы район Миньяра — Златоуста действительно был таковым; к середине июня он вновь становится ближайшим. — *И. П.*) — на Урал группу товарищей для организации связи с армией, освещения тыла противника, разрушения мостов и подготовки восстания»[262]. Члены бюро не отказались от реализации плана, разработанного в феврале 1919 г. и которому не суждено было тогда осуществиться.

В мае—июне И. Н. Смирнов в Мелекесе стал формировать специальный кавалерийский отряд, как отряд Реввоенсовета 5-й армии. Он состоял в основном из миньярцев и ашабалашевцев, входивших прежде в отряд С. Д. Павлова. Их по указанию И. Н. Смирнова находили и вовлекали в отряд, даже если они состояли в различных воинских частях. Отряд на сей раз был немногочисленным — насчитывал (вместе с действовавшими с ним моряками-балтийцами) 57 человек[263]. В числе бойцов были бывшие подпольщики А. В. Брагин, В. П. Заикин, И. В. Летучев, А. И. Нечаев и др. Командиром отряда назначается П. В. Гузаков, комиссаром — К. М. Туманов. В числе руководителей до своего отбытия с деньгами в Челябинск был А. С. Коржаков[264]. Первая попытка отряда П. В. Гузакова перейти линию фронта южнее Уфы в районе с. Охлебинино на р. Белой окончилась неудачей. Отряду пришлось вернуться, и он примерно 20—22 июня направляется из Уфы на северо-восток для форсирования Уфимки и выхода в район Миньяра через леса и горы. Отряд, переодетый в белогвардейскую форму, с «офицером» (прапорщиком) во

главе на пароме переправился через реку Уфу и вышел в белогвардейский тыл [265]. Вместе с отрядом Гузакова следовал небольшой отряд (группа) подрывников матросов-балтийцев под командой Гаранина (также в белогвардейской форме). Он насчитывал примерно полтора десятка человек и прислан был в Мелекес из Питера по просьбе И. Н. Смирнова в мае [266]. Отряды сохраняли некоторую самостоятельность, одеты были в форму различных белогвардейских частей (первый — в форму 1-го Уральского гусарского полка, второй — 8-го Тюменского кадрового полка) [267].

Отряду, его руководителям, местным подпольщикам ставилась задача: опираясь на помощь партизанских отрядов и групп, поднять восстание в начале июля в обширном районе Симского горного округа и Златоустовского уезда. Имелись в виду Златоуст и до десятка заводских и железнодорожных станций, поселков. В отдельные из них (с опережением выхода в тыл врага отряда П. В. Гузакова и группы Гаранина) направляются представители бюро или особого отдела. По выходе отряда на место назначения из числа его бойцов, а возможно, и рабочих-коммунистов Миньярского завода в ряд мест также посылаются специальные работники для связи и передачи указания о начале восстания. Одним словом, операция была задумана широко. Отряд привез с собой рацию. В Златоуст был послан связной Сверлов, который, судя по некоторым данным, также имел рацию. Во всяком случае, будучи захваченным колчаковцами, он говорил о том, что распоряжения о восстании будут передаваться Гузаковым через радиостанцию, а также через крестьян-подводчиков. Сверлову надлежало связаться со златоустовцами, а через них — с подпольщиками Кусы, Миасса [268].

Белогвардейцы чрезвычайно (и не напрасно) всполошились, узнав о выходе в их тыл отряда бюро ЦК. Они пытались в конце июня перехватить и разгромить его, но из этого ничего не вышло, тем более что, как и было запланировано, восстание в тылу врага совпало с активными наступательными действиями 5-й армии. В белогвардейском стане изо дня в день усиливалась паника. Ей способствовали данные Сверлова, возможно, умышленно ложные, что ожидается наступление заброшенного в тыл белых трехтысячного отряда моряков под руководством члена Реввоенсовета 5-й армии и

другого почти такого же по численности отряда в направлении Белорецк — Троицк — Челябинск[269]. В результате партизаны смогли беспрепятственно выйти к Миньяру и остановились на Воробьиных горах, в 7 километрах от заводского поселка. Через бойцов отряда А. В. Брагина, В. П. Заикина и других была установлена связь с подпольными организациями Аша-Балашевского, Миньярского и Симского заводов. От имени бюро ЦК они дали указание местным коммунистам провести тайную мобилизацию добровольцев и незаметно прибыть в пункт сосредоточения для формирования отряда[270].

Рабочие Аша-Балашевского завода направлялись в место расположения отряда Гузакова. Шли небольшими группами с топорами и пилами под предлогом заготовки дров. Выходили на Воробьиные горы. Человек десять белогвардейцы перехватили, бросили в тюрьму, часть увезенных в Сибирь рабочих в дальнейшем погибла. Все же пришло около 100 ашабалашевцев[271]. Рабочие Миньяра собирались в том же районе. Их встречал А. С. Коржаков и переправлял на пункт формирования отряда. Одновременно готовились оружие и боеприпасы. Поставленный в известность о прибытии отряда Гузакова Ф. Е. Фатеев вызвал на свою пасеку подпольщиков И. Е. Фатеева, В. Т. Воропанова, П. И. Чертова и А. Е. Сулимова, больше других посвященных в вопросы хранения оружия. Двое из них вернулись на завод для участия в оповещении рабочих о формировании отряда, остальные вместе с Ф. Е. Фатеевым начали извлекать оружие из мест хранения и готовить для передачи в отряд[272].

Для установления связи с симцами готовился боец отряда А. И. Нечаев. В сопровождении мальчика, сына пчеловода Федюкова, он добрался до района «Второго ключа», что в 6 километрах от Сима. Произошла встреча со скрывавшейся партизанской группой в 6—7 человек во главе с Н. А. Масленниковым. Для связи и переговоров о формировании и плане действий в отряд Гузакова был послан Д. Шишкин[273]. Не дожидаясь возвращения Шишкина, Н. А. Масленников, А. М. Харчевников и другие активные подпольщики разработали план организации отряда. Местом формирования единого партизанского отряда установили «Кувшинов родник», расположенный близ Миньярского завода и

удобный на случай объединения с миньярцами. Харчевникову и Саблину поручалось немедленно отправиться на Большак, Курьяк и в другие места для розыска и вовлечения в отряд находившихся там разрозненных групп подпольщиков и скрывавшихся от мобилизации в белогвардейскую армию молодых рабочих. Остальные члены группы во главе с Н. А. Масленниковым должны были организовать встречу прибывавшим симцам и незамедлительно начать формирование отряда. При проведении этого плана были предусмотрены меры предосторожности на случай предательства или провокации со стороны отдельных лиц: место сбора отряда — «Кувшинов родник» сразу не называлось, к нему можно было попасть лишь через район землянки, в которой прежде скрывалась группа Масленникова [274].

Словно цепная реакция, в кратчайшее время через связных от одной группы к другой распространилась весть о формировании отряда. В лес тянулись рабочие из Сима. В формирующиеся партизанские отряды вступали и крестьяне, в частности села Бианки, где имелась подпольная группа, тесно связанная с миньярскими коммунистами. Часть миньярцев вообще скрывалась в этом селе.

Пока рабочие, крестьянская молодежь собирались в отряды, П. В. Гузаков, К. М. Туманов принимают решение начать подрывную работу в районе железной дороги, чтобы внести замешательство в ряды противника и помешать ему организованно отступить. Под командой матроса Гаранина через Леузы на подводах к железной дороге направилась группа в 14 человек для взрыва Кусинского моста. В тот же день подрывники под командой Гузакова отправились в сторону станций Кропачево и Усть-Катав. Их целью было взорвать крупный железнодорожный мост через реку Юрюзань под Усть-Катавом и поднять в районе действий восстание. Но выполнить задачу по взрыву железнодорожных мостов отрядам не удалось из-за большого скопления колчаковцев. Во время стычки с ними погиб Гаранин. П. В. Гузаков с отрядом направился к ст. Симская и в трех верстах от нее взорвал железнодорожный мост через речку Ерал, сняв белогвардейский караул. И хотя мост был восстановлен сравнительно быстро, дополнительную волну паники в тылу отступающего врага партизаны этой акцией вызвали большую [275]. Они разруша-

ли также железнодорожную линию и телеграфно-телефонную связь. Подрывные отряды вернулись к Миньяру.

Как действия отряда Гузакова, так и формирование новых отрядов проходили в исключительно сложной обстановке. С каждым днем к Миньяру, Аша-Балаше, Симу приближался фронт. В этом районе создавалось огромное скопление войск противника, по численности значительно превосходивших силы наступающих красноармейских частей. Хотя поднять единовременное восстание (в буквальном смысле) во всем обширном районе не удалось, в частности и из-за провала связного Сверлова, но по мере получения указаний о его начале или просто известий о восстании в Симском горном округе на вооруженную борьбу, как волна за волной, поднимаются рабочие и крестьяне других заводов и сел. Вступают в активную борьбу многочисленные партизанские отряды, их ряды бурно растут, появляются новые повстанческие формирования.

Попытки колчаковцев разгромить отряд П. В. Гузакова, отыскать места, где собирались рабочие, и захватить их к успеху не привели. Рабочие Миньяра, Аша-Балаши, крестьяне Бианки объединились в отряд численностью до 300 человек [276]. Командиром был назначен рабочий, бывший унтер-офицер М. Т. Фатеев, а помощником — бывший офицер И. Г. Соколов. Сформированы были подразделения, в основе которых были десятки (отделения). Так, командиром одного из них был назначен коммунист П. И. Рыков. Отряду было выдано свыше 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 4 пулемета с лентами из «лесных» запасов [277]. Некоторые бойцы прибыли в отряд со своим оружием. Также успешно шло формирование Симского отряда. Он насчитывал до 150—200 человек, более чем наполовину вооруженных винтовками, одним пулеметом [278]. Стремясь к соединению с отрядами П. В. Гузакова и М. Т. Фатеева, симцы послали в район Воробьиных гор группу бойцов во главе с коммунистом К. В. Рындиным [279]. Но симцы несколько затянули с организацией отряда. Миньярцы в конце июня уже вели военные действия и отклонились на запад.

Первоначально предполагалось совместными силами всех трех отрядов начать наступление на Миньяр и освободить его. Но, как выяснилось, в Миньяре сосре-

доточились весьма крупные силы белых. К тому же отряд П. В. Гузакова в ходе боевых действий, стремясь помочь наступающей Красной Армии, двинулся к Аша-Балашевскому заводу. В том же направлении стал продвигаться и отряд М. Т. Фатеева. Отряды действовали в сложных условиях, бойцы голодали. В дальнейшем положение изменилось. Появилось трофейное продовольствие. Отряды одержали несколько побед. Приходилось действовать в основном в лесах, выходя в тылы противника, с предосторожностями, используя конную и пешую разведку. Удары по противнику наносились неожиданно, и вне зависимости от сил врага были практически все успешными. Звенья отрядов действовали слаженно и смело, одерживали на своих участках малые победы, являвшиеся вкладом в общий большой успех. Командир отделения П. И. Рыков вспоминает, как в одной из атак отделение шло лесом в общей цепи, вдруг перед ним появились повозки и солдаты противника. Отделение атаковало и захватило две подводы с провизией и пленных [280]. Около Гремячихинских казарм был разгромлен конный казачий отряд. Продвигаясь далее на запад, партизаны устраивали засады, громили белогвардейцев. Один из значительных эпизодов взятия обозов П. И. Рыков описывает так: «Мы дали три залпа, и в этот момент наша конная разведка под руководством П. В. Гузакова налетает на них с криком: «К повозкам не подходить!» По-видимому, некоторые не послушались и бросились к повозкам за винтовками, а в это время наши их перестреляли. Наши тут же заворотили подводы, захватив 40 человек пленных»[281]. Партизанам в итоге достался огромный обоз с оружием, продовольствием, обмундированием, телефонной аппаратурой, кухни, скот, который угоняли с собой белогвардейцы, много пленных. Произошла встреча с Красной Армией. Вместе с красноармейцами партизаны двинулись в наступление, приняли участие в освобождении Миньяра, в дальнейших боях, но из района Кропачево были возвращены на завод [282].

Симский отряд Н. А. Масленникова 1 июля лесом направился к фронту. Вперед была выслана разведка. Прошли несколько километров, ожидая столкновения с отступающими колчаковцами. Вдруг увидели своих разведчиков, радостных, возбужденных. С ними вместе был красноармеец. Отряд спешно двинулся на трак-

товую дорогу и присоединился к 3-й кавалерийской бригаде 26-й дивизии. Бригадой командовал И. Д. Каширин. Знакомыми тропами партизаны провели красных казаков на исходные позиции для штурма Симского завода, который обороняли части противника, имевшие артиллерию; 2 июля совместная атака каширинцев и партизан, наступавших по фронту, привела к освобождению Симского завода.

В прямой связи с рейдом отряда Сибирского бюро в тыл врага находился рост численности и активности целого ряда партизанских отрядов, которые были созданы еще до июня 1919 г., в частности Усть-Катавского и Златоустовского. Меры, предпринятые Сибирским бюро по формированию отряда П. В. Гузакова и использованию его в организации вооруженного выступления южноуральских рабочих и крестьян, действия коммунистов-подпольщиков дали прекрасные результаты.

Вооруженную борьбу с колчаковцами в июле активно вели рабочие и крестьяне других районов Златоустовского и Уфимского уездов. Они, как и рабочие Симского горного округа, помогли совершить частям 5-й армии быстрый бросок в Златоустовском направлении, захватить много пленных, огромные трофеи и не дать белогвардейцам возможности эвакуировать оборудование, сырье и продукцию заводов.

Газета «На Красный Урал» сообщала: «В Златоустовском направлении нами сломлено упорнейшее сопротивление противника, бросавшего на это направление все силы, группировавшиеся в Уфимском районе... Потери противника огромны. Целиком уничтожены 3 полка, 2 полка потеряли 2/3 состава. Противник в беспорядке отходит вдоль железной дороги Уфа — Златоуст... Наша операция облегчается тем, что не только рабочие, но и крестьяне относятся к нам доброжелательно и вступают в Красную Армию по первому зову и организуют партизанские отряды, сеющие панику в тылу противника. Заводы, за исключением Симского, уже работают. На Балашевском заводе остались все машины и 400 000 пудов железа, стали и чугуна. Топлива на всех заводах хватит на год»[283].

На южноуральских заводах сразу же по вступлении в них частей Красной Армии и партизан состоялись многолюдные праздничные митинги. После каждой ре-

чи раздавались аплодисменты и мощное «ура». Участники пели революционные песни. Революционный энтузиазм рабочих был исключительно высоким. Шла поголовная запись рабочих в Красную Армию. Командование вынуждено было многим отказывать, так как оставлять заводы без рабочих было нельзя. Женщины на Миньярском и других заводах отдавали последнее и лучшее, что имели их семьи из продуктов и одежды для красноармейцев, заботливо ухаживали за ранеными[284]

Высоко оценил революционный подвиг уральских рабочих В. И. Ленин. В начале июля 1919 г. он писал: «Красная Армия, геройски продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири...»[285]

Своевременно и успешно проводя операцию по ослаблению вражеского тыла и мобилизации сил коммунистов, всех революционно настроенных рабочих и крестьян Южного Урала для организованного и смелого выступления, Сибирское бюро не забывало и о подпольных большевистских организациях других районов, занятых колчаковцами.

Подведем основные итоги проделанной Сибирским бюро ЦК в рассматриваемый период работы.

Всего за апрель (точнее — май) — первую половину августа бюро направило за линию фронта не менее 39 человек, включая 14 коммунистов, прибывших из отделения. За линию фронта ушли: М. К. Аммосов, Р. Алойс (или Гольц), В. В. Аристов, С. Ф. Баранов, Х. В. Валиуллин, Л. А. Виноградов, В. А. Воробьев, С. Зубайдуллин, А. Ф. Ивакин, Д. Д. Киселев, Е. А. Киселева, С. К. Морской, А. Я. Несговоров, А. В. Поляков-Поярков, С. Н. Родиков, Х. Б. Саттаров, К. А. Сибиренков, Симановский, В. П. Соболев, И. П. Соболев, В. И. Уфимцев, Федоров, Н. А. Фофанов, А. И. Чижов, Г. К. Штальберг и, вероятно, Лесков; в качестве курьеров: И. С. Дулесов, И. П. Колесов, А. С. Коржаков, В. Г. Романчук, М. И. Туринь, Н. С. Шалашов, т. е. всего до 32 коммунистов. В их числе 7 человек, прибывших из Вятки, которые учтены при подведении итогов работы отделения; 7 работников (Богораз (Н. А. Белопольская), Г. В. Здравосмыслов, И. П. Маликов, И. П. Пакалнет, С. Я. Радостев, П. А. Фофанов, В. И. Хотимский) перейти линию фронта не смогли. Один из чехос-

ловацких коммунистов — Гольц (или Р. Алойс), как и другие, находившиеся в бюро в это время, за линию фронта посланы не были. Несколько человек использовалось на работе в самом бюро. Всего с конца марта по середину августа бюро и отделение направили на подпольную работу до 112 человек (в том числе 14 совместно), из которых до 89 человек (в том числе 7 совместно подготовленных) перешли линию. Примерно 23 человека в бюро и отделении переправиться не смогли.

Бюро и отделением во вражеский тыл были направлены партизанские отряды А. С. Пушвинцева, И. Ф. Ковальчука и П. В. Гузакова (включая группу Гаранина) общей численностью в 115 человек. Мы учитываем в составе отряда Гузакова не 57, а 55 человек: в нем некоторое время состояли А. С. Коржаков и Н. С. Шалашов, но они затем выбыли, направившись на выполнение своего задания. Они включены нами в число посланцев бюро для нелегальной работы во вражеском тылу. Всего же в апреле — первой половине августа 1919 г. бюро ЦК и его отделение направили в тыл врага до 227 человек, из которых фронтовую линию перешло до 176 человек. Следует отметить, что значительным был процент коммунистов среди партизан, представляя, вероятно, не менее одной трети их личного состава. Следовательно, количество коммунистов из посланных за линию фронта и переправившихся туда составляло соответственно более 180 и 150 человек.

Таков основной итог работы бюро ЦК и его отделения.

3. Большевистское подполье и партизанское движение весной и летом 1919 г.

Перед коммунистами Урала, Сибири и Дальнего Востока к началу апреля 1919 г. в связи с продолжением наступления Колчака, одновременным изменением обстановки в тылу его войск, повышением революционной активности трудящихся масс встала первостепенной важности задача — усилить борьбу с контрреволюцией, увеличить помощь героической Красной Армии.

На состоянии работы коммунистов-подпольщиков, революционной борьбы трудящихся в тылу врага благотворно сказались решения VIII съезда партии и III Сибирской (II Общесибирской) нелегальной конферен-

ции РКП(б), состоявшейся в середине марта в Омске. В ней приняли участие делегаты Челябинской, Тюменской, Омской, Новониколаевской, Томской, Красноярской, Иркутской, Верхнеудинской, Читинской, Благовещенской, Владивостокской подпольных организаций и представители подпольного центра — ЦК РКП(б) Сибири [286].

Конференция обсудила широкий круг вопросов и приняла важные решения. В резолюции «По вопросам о тактике» остро ставилась задача о необходимости всемерной организации восстаний трудящихся в масштабе всей Сибири или хотя бы в рамках «обширных районов», в результате которых могла бы быть восстановлена Советская власть [287]. В качестве одной из главных выдвигалась задача развертывания партизанского движения, «партизанской войны». Был принят «Устав Российской Коммунистической партии большевиков для Сибири и Урала», «План военных организаций РКП(б) для Сибири», несколько инструкций и другие документы. В состав Сибирского областного подпольного комитета РКП(б) избирается 7 виднейших партийных работников: А. А. Масленников (председатель), Х. Я. Суудер, М. М. Рабинович, С. И. Дерябина, А. П. Ваганов, М. С. Русаков и А. Н. Усов [288].

Решения конференции были пронизаны идеями обеспечения безраздельного партийного руководства всеми революционными выступлениями рабочих, солдат и крестьян, нанесения поражения Колчаку, восстановления в освобожденных районах Советской власти, всемерного содействия боевым успехам Красной Армии.

В разгар работы, достигшей мощного размаха в конце марта, в апреле и мае 1919 г. крупнейшие подпольные большевистские организации — Челябинскую, Златоустовскую, Екатеринбургскую, Курганскую, Омскую, Томскую, Новониколаевскую, Красноярскую, Благовещенскую и некоторые другие — постиг жестокий удар. В некоторых случаях комитеты полностью, в других — частично были разгромлены. В те дни погибли А. А. Масленников, М. М. Рабинович, А. Н. Усов, А. А. Григорьев, Д. Д. Кудрявцев, А. Я. Валек, З. И. Лобков, С. А. Кривая и другие выдающиеся деятели подполья.

В Омске предпринимаются усилия к укреплению областного комитета. В апреле в него кооптируются П. Ф. Парняков и М. С. Никифоров, но они вскоре так-

же были схвачены и погибли. Оставались на свободе только Х. Я Суудер и М. С. Русаков[289]. Но последний, включившись в работу Омской организации, вскоре заболел и умер. Во второй половине июня 1919 г. по инициативе Х. Я. Суудера, переехавшего в Красноярск, а затем в Иркутск, в последнем из этих сибирских городов была предпринята попытка созыва IV нелегальной Сибирской конференции РКП(б). Она оказалась не вполне удачной. Были представлены лишь Иркутская, Новониколаевская, Томская организации и областной партийный комитет. Конференция наметила очередные задачи работы большевистского подполья и создала Сибирский ОК РКП(б) в составе Х. Я. Суудера (председатель), И. В. Сурнова, К. И. Миронова и А. Н. Яковлевой (Сафоновой)[290]. Комитет не смог выполнить функции партийного большевистского центра во всем колчаковском тылу. С Западной Сибирью он имел эпизодические связи, но в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке проделал большую работу.

С мая 1919 г. вступила в решающую фазу революционная работа коммунистов и борьба трудящихся Урала. Вновь организованно заработала Челябинская организация, возглавляемая партийным комитетом, который удалось воссоздать. В него входили А. Н. Зыков, Медведев, приехавший из Омска, и М. С. Солодовников[291]. Комитету удалось сплотить подпольщиков на железнодорожном узле, на заводе Столль, каменноугольных копях. Продолжалась работа в гарнизоне. Летом за городом, в лесу у переселенческого пункта, в других местах созывались немноголюдные собрания, обсуждавшие вопросы подготовки вооруженного восстания[292]. Собирала силы для выступления против колчаковцев Троицкая большевистская организация, связанная с Челябинской и оказавшая последней значительную помощь после весеннего провала. В Троицкой организации «по твердому списку», т. е. официально оформленных членами организации, было уже 76 человек[293]. К ним примыкало немало рабочих, солдат и политзаключенных, также принимавших участие в подпольной деятельности. Продолжалась работа среди крестьян и трудящихся казаков.

Общий подъем подпольной работы в Уфимской губернии был характерен для Златоустовского уезда и горно-заводской части Уфимского. Большие надежды Сибир-

ского бюро ЦК партии на выступление в этом районе оправдались. Весной многолюдной и крепкой стала Златоустовская организация (провал в ней произошел позднее). В апреле она уже располагала большим запасом оружия и боеприпасов. По решению комитета и военного штаба из числа нелегально проживающих в городе подпольщиков, скрывавшихся солдат, была организована и отправлена за город дружина (отряд). Она обеспечивалась оружием, продуктами питания [294]. Под ее руководством была подготовлена и проведена первомайская забастовка рабочих механического железоделательного завода [295]. С этого времени усилилась слежка за руководителями подполья, в особенности за И. И. Антоновым. По решению подпольного комитета он поселился в лесу, близ завода. Все подпольщики, которым угрожал арест, город покинули. Из них был создан партизанский отряд. Но в эти дни произошел провал организации; десятки подпольщиков оказались за решеткой; 18 человек были расстреляны, другие отправлены в Сибирь. Было раскрыто и местонахождение партизанского отряда [296]. И. И. Антонов вступил в Юрюзанский, затем в Тюбелясский отряд, в рядах которого сражался до прихода Красной Армии.

Оставшиеся в Златоусте подпольщики поднимали рабочих станции, депо на подрывные действия и дезорганизацию ближайшего тыла белогвардейской армии, внесли определенный вклад в блестяще проведенную командованием Красной Армии Златоустовскую операцию. Белогвардейцы в панике бежали, оставив 30 паровозов, около 600 вагонов, бронепоезд, 8 орудий, 32 пулемета, продовольствие. Более 3 тысяч солдат сдалось в плен. В районе Златоуста на заводах находилось более 3 млн пудов чугуна и стали, 2 млн пудов угля, 20 тыс. пудов меди [297].

Большого размаха подпольная работа достигла в Пермской губернии, включая и ее северные районы. Как уже показывалось, отделение бюро ЦК ряд коммунистов направило в Пермь [298]. В июне 1919 г. белогвардейская контрразведка отмечала: «Пермь заполнена большевистскими агитаторами и разведчиками преимущественно под видом наших военнопленных, возвращающихся домой» [299]. Большая работа в мобилизации рабочих на спасение оборудования Мотовилихинского завода была проведена посланцем отделения бюро А. Ф. Фадеевым.

Завод почти не пострадал и был пущен через 3 дня после освобождения Мотовилихи Красной Армией[300].

Нарастала подпольная работа в Екатеринбурге, особенно на Верх-Исетском заводе, в воинских частях и в лагере военнопленных — венгров и немцев. Венгерско-немецкую подпольную организацию возглавляли Ф. Ф. Паккерт и И. И. Беккер. В крупнейших городах Пермской губернии выпускались и распространялись листовки. Они были выдержаны в духе большевизма, проводили мысль о неизбежности разгрома контрреволюции и торжества дела социализма, содержали призыв к сплочению вокруг великого Ленина. Одна из таких листовок, которую распространили подпольщики Кунгура (возможно, к этому имели отношение посланцы отделения бюро во главе с М. А. Медведевым), заканчивалась так: «Товарищи, пора взяться за оружие, пора направить его против Колчака и других сторонников капитала. Долой Колчака! Да здравствует тов. Ленин! Голос пролетариата»[301].

С именем В. И. Ленина трудящиеся связывали свои лучшие надежды. Его имя звало на неустанную борьбу за Советскую власть, за свободу и социализм. Смело боролись с колчаковцами руководимые подпольщиками рабочие Екатеринбурга, Перми, Кунгура, Красноуфимска, а также Лысьвы, Чусовской, Кизела, Надеждинска, Нижнего Тагила, Усть-Утки, Александровского, Алапаевска, Верхней Туры, Кушвы, Васильево-Шайтанки, Сысерти, Режевского, Полевского, Северского, Березовского, Шадринска, Ирбита, трудящиеся крестьяне многих сел.

Определенный подъем в работе летом 1919 г. наблюдался и в Тобольской губернии: Тюмени, Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Ишиме, Таре. Находившийся в мае 1919 г. в Тюмени один коммунист-разведчик отмечал, что в ней работали подпольщики, в том числе беспартийные, среди водников, грузчиков, железнодорожников. Так, антиколчаковское движение среди многих грузчиков направляла подпольная профсоюзная организация, руководимая Калининым. Как уже отмечалось, в некоторых подпольных организациях Акмолинской области, а также в Алтайской, Томской, Енисейской и других губерниях Сибири весной и летом имели место неудачи: потери в опытных кадрах. Так было с Омской организацией. Будучи ослабленной, она не прекратила

существования и борьбы. В первых числах июня коммунисты провели конференцию, восстановившую общегородской комитет РКП(б) в составе 5 человек: председатель К. Я. Карлсон, члены И. М. Скрябинский, Ивин, П. Г. Кринкин и Й. Шомоди[302]. В дальнейшем председателем комитета стал И. М. Скрябинский[303]. Под руководством общегородского комитета Омская организация вновь сплотилась и усилила руководство революционной, партизанской борьбой трудящихся масс в Акмолинской области.

В Томске, несмотря на аресты активных работников весной 1919 г., организация оставалась единым целым и возглавлялась комитетом. Летом в него входили К. М. Молотов, Т. Екишев, В. С. Митряев, А. Н. Сафонов и др.[304] Основным в работе организации была подготовка вооруженного восстания. Поэтому она, продолжая работу среди пролетариев, усиливала внимание к солдатам и крестьянам, укрепляла связи с партизанами, посылала им информацию, медикаменты, оружие и боеприпасы. Хорошо поставлен был у коммунистов Томска, по признанию колчаковцев, сбор сведений военного и политического характера[305].

В ослабленную арестами Новониколаевскую организацию в конце марта и в апреле Сибирский подпольный обком и Омский комитет РКП(б) послали несколько видных коммунистов: И. В. Сурнова, Н. Т. Заливину, М. Ф. Кузнецову и С. Г. Черемных. Новониколаевский комитет возглавил Сурнов (до отъезда в июне в Иркутск). В качестве члена комитета продолжал работать В. С. Онучин. Новониколаевцы выпустили накануне 1 мая три листовки. В одной из них говорилось: «Сегодня — **Первое мая.** Праздник трудящихся всего мира. Этот рабочий праздник, так прекрасно совпадающий с освобождением природы от зимних оков, с обновлением ее, должен укрепить в нас веру в освобождение пролетариата от гнета капитализма... за приближение того социального переворота, который, подобно обновленной весенней природе, ведет нас в новую прекрасную жизнь»[306]. Коммунисты провели в Новониколаевске смелую первомайскую демонстрацию. В тесной связи с Новониколаевской организацией и под ее руководством работали подпольщики Каинска и Барабинска. Руководителем Барабинской организации был член Коммунистической партии Г. И. Карпунин. Видную роль в Каин-

ской организации, объединявшей как ряд рабочих и солдат, так и политических заключенных в тюрьме, играли И. Г. Макаров, А. И. Гаврилов, С. А. Ефимов, Т. Г. Рылеев[307].

Барнаульский комитет партии, подобно многим другим, поддерживая связь с Сибирским областным комитетом РКП(б), усиливал работу в городах и, что особенно важно, больше внимания стал уделять селам и пропаганде в воинских частях. В дальнейшем это послужило важнейшей причиной успешного проведения вооруженных восстаний и создания партизанских соединений. Военно-боевая работа, по мнению колчаковской контрразведки, была «наиболее организованной» в Алтайской губернии, при этом она была «раскинута не только по городам, но и по деревням»[308].

В Красноярске в мае произошел провал общегородского комитета, но уже в июне он был восстановлен в составе Н. Х. Молчанова (председатель), И. Г. Сачкова, П. Н. Меженина и др. Несколько ослабленная весной 1919 г. вновь оживилась подпольная работа в Ачинске, Канске, Клюквенской, Иланской, Минусинске.

Из месяца в месяц усиливалась деятельность Иркутской организации РКП(б), которая стала одной из наиболее крупных. Актив Иркутской организации заботился о расширении влияния на трудящихся всей обширной губернии, сплочении ее подпольных партийных сил. Так, 1 августа проводится нелегальная конференция, на которой были представлены и некоторые организации с периферии. В Иркутский губернский комитет вошли: председатель К. И. Миронов, члены Х. Я. Суудер, И. М. Касаткин и другие, позднее — М. Н. Ербанов, М. Бронштейн, Д. К. Чудинов, К. П. Чудинова и др.[309] Верхнеудинский комитет с апреля 1919 г. возглавлял И. А. Кузнецов, посланный из Омска. Амурской большевистской организацией после гибели Ф. Н. Мухина руководили Я. Ф. Яковлев (председатель), М. А. Трилиссер и др. Организация вела активную работу в Благовещенске, Алексеевске (Свободном), Зее, на железной дороге, в селах.

Как и прежде, активность проявляли приморские большевики. Их работу возглавлял Дальневосточный комитет РКП(б), состав которого претерпевал определенные изменения. На усиление влияния коммунистов Дальнего Востока в массах, укрепление связей с парти-

занами, умелую постановку разведки, информации и агитации постоянно указывали белогвардейцы[310]. Не прекращался выпуск листовок[311]. В революционной борьбе трудящихся масс, возглавляемой коммунистами, по-прежнему применялись такие формы, как забастовки, демонстрации, подрывная работа по выведению из строя предприятий, средств связи и транспорта, саботирование всех мероприятий колчаковских властей, бойкот выборов в псевдодемократические учреждения, срыв мобилизаций в белогвардейскую армию, организация массового дезертирства солдат, вооруженная борьба — восстания трудящихся в городах, селах и солдат на фронтах, партизанское движение и др.

По-прежнему подпольщики вели революционную агитацию. Летом 1919 г. большое число листовок выпускалось в Омске, где была создана новая подпольная типография, в Уфе, Челябинске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске, Владивостоке и других городах. Повсеместно велась большевистская агитация. Бесстрашные коммунисты выступали с призывом усиления борьбы против колчаковской власти на улицах, на вокзалах, на базарах, ярмарках и в других местах.

Большевистская агитация, революционная подпольная работа особенно усиливалась в национальных районах: в Семипалатинской и Акмолинской областях среди татар, казахов, в Енисейской и Алтайской губерниях, Урянхайском крае среди хакасов, тувинцев, алтайцев, в Иркутской губернии, Якутской и Забайкальской областях среди якутов, бурят и др. Не прекращалась работа среди трудящихся других, некоренных национальных меньшинств: латышей, литовцев, эстонцев, украинцев, корейцев, китайцев и др. Крупные городские подпольные организации были, как правило, многонациональными. Так, в Иркутской организации состояли русские, латыши, литовцы, эстонцы, украинцы, буряты, якуты, китайцы. Для руководства подпольной работой среди трудящихся национальных меньшинств при губкоме были созданы латышская и бурятская секции. Первую из них возглавлял М. Гольдман, а вторую—М. Н. Ербанов. В национальных районах Восточной Сибири было несколько вооруженных выступлений, развертывалось партизанское движение. Так, дважды — в апреле и июне— восставали араты Хемчикского района Урянхайского края (ныне Тувинская АССР)[312]. Но особенно бурно в

нелегальную работу и антиколчаковское движение включились русские крестьяне. Трудно выделить какой-либо район, в котором бы большевистское подполье на селе приобрело наибольший размах. Это было характерно для всех сел. Но, пожалуй, наиболее значительным большевистское подполье среди крестьян было в Алтайской, Енисейской губерниях, Забайкальской, Приморской областях и прилегающих к ним районах.

Подпольные сельские организации возникали близ крупных промышленных центров. До настоящего времени о многих из этих организаций нет даже упоминаний в исторических работах и мемуарной литературе. В качестве примера можно указать на крупнейшую Михайловскую районную организацию, возникшую 22 июня 1919 г. в южной части Татарского уезда Акмолинской области. Среди инициаторов ее создания были коммунисты, рабочие, в частности И. Сорокин и А. Труш. Летом она достигла численности 108 человек и была связана с Татарской и Омской подпольными организациями[313]. С лета 1919 г. революционная борьба уральских, сибирских и дальневосточных трудящихся крестьян охватила все губернии и во многих местах выливалась в вооруженные выступления. Рост революционной активности огромной массы сибирского трудового крестьянства в решающей степени повлиял на размах антиколчаковского движения в целом. Городские организации не прекращали организационно-политической помощи политзаключенным. В некоторых тюрьмах существовали самостоятельные большевистские организации. В летний период 1919 г. имело место несколько бунтов и восстаний политзаключенных. Так, в ночь на 30 июля произошло крупное восстание в Усть-Каменогорской тюрьме.

Чрезвычайно важное значение для борьбы с колчаковщиной имела революционная борьба коммунистов в войсках белогвардейцев и интервентов. Без разложения этих войск, завоевания солдат на свою сторону большевистские подпольные организации были бы не в состоянии добиться значительного успеха в революционной борьбе, в обеспечении победы вооруженных восстаний, усилении и повышении эффективности партизанского движения. В конце весны и летом 1919 г. в большинстве частей, гарнизонов подпольная работа велась или под руководством местных подпольных организаций, или независимо от них солдатами-подпольщиками.

Основными направлениями работы коммунистов в войсках были агитация за Советскую власть, подготовка вооруженных восстаний, организация перехода солдат на сторону Красной Армии и партизан. Осенью колчаковцы отмечали, что большевистская агитация в войсках «приняла угрожающие размеры... агитация в частях ведется открыто, без стеснения и при полном сочувствии многих солдат»[314]. С каждым месяцем все сильней разлагалась армия Колчака, нарастало дезертирство, усиливалось большевистское влияние на солдат. Весной, летом и осенью происходит ряд успешных восстаний. Выдающееся значение имело восстание солдат нескольких полков на фронте, в д. Кузькино близ ст. Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги 1 мая 1919 г. Основную силу в этом восстании составил упоминавшийся Украинский курень (полк) им. Тараса Шевченко, который был сформирован в Челябинске и почти полностью распропагандирован местной большевистской организацией. Более 2500 восставших солдат, перебивших офицеров и добровольцев, с артиллерией, пулеметами, огромным обозом поздно вечером 1 мая с пением «Интернационала» присоединились к Красной Армии. Полку им. Шевченко по просьбе солдат было присвоено наименование «210-го стрелкового Украинского им. В. И. Ленина полка»[315]. В связи с восстанием солдат большой участок белогвардейского фронта фактически обнажился, что и было использовано Южной группой Восточного фронта для развития наступления на Белебей.

На Урале до начала лета 1919 г. партизанское движение не приобретало широкого размаха, хотя отряды имелись во всех основных районах. Дело заключалось в том, что партизанские отряды, несмотря на их значительное количество, были, как правило, небольшими. При высокой насыщенности уральских городов, заводских поселков и даже многих сел белогвардейскими войсками не представлялось возможным добиться в развертывании партизанского движения тех результатов, которые были достигнуты в Сибири и на Дальнем Востоке. В числе отрядов, созданных городскими и заводскими подпольными организациями, были: Лысьвенский, Александровский (в Пермской губернии), Александровский (в Уфимской губернии), Надеждинский, Новолялинский, Режевской, Ирбитский, Алапаевский, Михайловский, Березовский, Верхнесергинский, Уральский, Троицкий, Новотро-

ицкий, Верхнетуринский, Усть-Катавский, Симский, Миньярский, два Нязепетровских, Юрюзанский, Тюбелясский, Аша-Балашевский, Белорецкий, Богоявленский. Отряды в целом насчитывали многие тысячи бойцов. Они причиняли огромное беспокойство врагу, выводили из строя железнодорожные пути, разрушали мосты, устраивали многочисленные крушения воинских эшелонов, нарушали коммуникации, совершали нападения на части и подразделения солдат, штабы, воинские обозы [316].

Часть отрядов возникла в процессе подготовки вооруженных восстаний и пополнялась в ходе их развития. Так было в Лысьве, Надеждинске, Новой Ляле, Усть-Утке, Нейво-Шайтанке, Васильe-Шайтанке, Нижнем Уфалее, Верхнем Тагиле, Невьянске, Реже, во многих других местах. В одном из колчаковских документов за июль 1919 г. отмечалось: «Части Воткинской дивизии понесли большие потери во время восстания рабочих в Тагильском, Невьянском и Режевском заводах, особенно в первом. Разбежавшиеся солдаты-дезертиры часто бросали оружие, винтовки», в этой — одной из лучших дивизий белогвардейцев осталось лишь «600—700 человек» [317]. Партизаны, рабочие-повстанцы изгоняли колчаковцев до прихода Красной Армии из десятков заводских поселков и городов, в частности из Алапаевска и Ирбита. Самостоятельно они освободили Надеждинск, Лобву, Новую Лялю, Реж, Верхний Тагил, Невьянск, Верхотурье, Висимо-Утку, Усть-Утку и др. Трое суток в Нижнем Тагиле после отступления белых и до прихода красных общественный порядок поддерживали группы рабочих. В обширном Верхотурском уезде действовало много подпольных организаций с участием представителей отделения бюро ЦК [318]. Подобная же картина наблюдалась на Южном Урале.

Летом произошло одно из наиболее крупных и успешных восстаний в колчаковском тылу — в Челябинске. Оно готовилось долго и тщательно. Части 5-й армии приближались к Челябинску. Командующий 3-й армией белых генерал К. В. Сахаров ставил задачу удержать город. Для его прикрытия был составлен крупный сводный отряд; 23 июля начались бои на непосредственных подступах к городу. В это время подпольная организация закончила последние приготовления к восстанию и начала его в ночь на 24 июля. Рабочие, главным образом железнодорожники, вступили в схватку в врагом

за овладение железнодорожным узлом. Они организовали крушение бронепоезда на выходных стрелках и заклинили главный путь. Одновременно было разобрано железнодорожное полотно близ разъезда Шершни. На станции завязался горячий бой. Восстали и дрались с врагом рабочие угольных копей. Удар с тыла ошеломил колчаковцев. Распространились слухи, что в тыл прорвались красноармейские части. Началась паника. Белогвардейцы заметались между двумя огнями, бросали оружие, снаряжение. В город утром 24 июля ворвались 243-й полк и часть 242-го. Остатки дезорганизованного сводного отряда бежали. Восстание рабочих оказало большое влияние на исход борьбы за город. В руки Красной Армии попали большие трофеи: 2 бронепоезда, 32 паровоза, 3 тысячи вагонов с углем, военным имуществом, подготовленным к эвакуации оборудованием, около 1500 пленных [319].

Челябинское восстание, как и ряд других, явилось образцом воплощения в жизнь марксистско-ленинских идей «отношения к восстанию как к искусству» и тактических установок Сиббюро ЦК РКП(б). Челябинск удалось удержать от бешеного натиска опомнившегося от паники противника малыми силами, ибо в состав частей 5-й армии влилось до 6 тыс. повстанцев и рабочих.

В восточной части Челябинского уезда, Шадринском уезде, в Зауралье в целом летом 1919 г. возникло также большое число партизанских отрядов, происходили восстания в селах. Многие из партизанских, так называемых «кустарных», отрядов остаются безвестными. О некоторых из них встречаются отрывочные сведения в белогвардейских сводках и докладах. Так, возник даже «кустарный полк» в 1000 бойцов под командованием М. К. Иванищева [320] в Шадринском уезде. «Кустарные» отряды состояли главным образом из дезертиров и укрывавшихся от мобилизации крестьян. Многие из них возникли под руководством подпольщиков, другие — стихийно.

Таким образом, на Урале и в Зауралье весной и летом 1919 г. произошли восстания в целом ряде городов, десятках поселков и сел, имелось большое число партизанских отрядов, в общей сложности более сотни. Повстанческо-партизанским движением охвачено до 15 тыс. рабочих, солдат и крестьян

Уральские рабочие, поддержанные широкими слоями

трудящихся крестьян, распропагандированными солдатами-новобранцами, фактически поднялись на всеобщее вооруженное восстание, являвшееся в планах большевистского подполья наивысшей формой революционной борьбы с Колчаком. В состоянии восстания, если допустимо такое выражение,— «невооруженного» находились тысячи рабочих, смело боровшихся за спасение оборудования предприятий, готовой продукции, сырья, во многом парализовавшие действия врага, сеявшие в его рядах панику. Все это, очевидно, имел в виду В. И. Ленин, давший высокую оценку действиям рабочих края и говоривший о «восстающих поголовно уральских рабочих»[321].

Все шире разгоралась вооруженная борьба в ближайших от Урала районах Сибири, включая Степной край, который ныне входит в Казахскую ССР. Наиболее мощным из весенних восстаний было Кустанайское, начавшееся примерно 25 марта и продолжавшееся до второй половины мая 1919 г. Оно готовилось подпольными большевистскими организациями и группами в Кустанае и во многих поселках, в том числе во Введенском, Александровском, Боровском, Каменском, Долбушинском, Аральском, Воскресенском, Викторовском, Михайловском [322]. Видную роль в его подготовке играли подпольщики: М. Г. Летунов, К. М. Иноземцев, А. Н. Кальментьев, К. В. Романов, Н. И. Миляев, Н. С. Фролов, Е. П. Кияткин и др. Восставшие захватили Кустанай, в течение нескольких дней удерживали его, отбиваясь от регулярных белогвардейских частей, насчитывающих не менее 6 тыс. солдат, казаков и офицеров с артиллерией и пулеметами [323]. Часть восставших вышла в район Челкара и соединилась с Красной Армией [324]. Крупным было и Мариновское (Атбасарское) восстание, начавшееся 1 апреля и продолжавшееся до 13 мая.

Западная Сибирь представляла собой арену более широкого и массового партизанского движения. Но до наступления лета 1919 г. резкого скачка в его нарастании не было и здесь. Исключение составляли лишь восстание рабочих и солдат в Кольчугино и восстание крестьян в Томском уезде Томской губернии. Восстанием в Кольчугино, начавшимся в ночь с 5 на 6 апреля, руководила подпольная организация. Но через двое суток оно было подавлено. Часть повстанцев влилась в отряд В. П. Шевелева.

Томский большевистский комитет возглавлял партизанское движение практически во всей губернии. Он действовал через Тайгинскую, Анжерскую, Судженскую, Кольчугинскую и другие организации и непосредственно. Примерно в начале мая 1919 г. в Томске состоялся съезд (конференция) представителей партизанских отрядов, действовавших в Томской и части Енисейской губерний. Его задачей было объединение действий всех отрядов. Был избран штаб в составе 5 человек. Один из членов штаба — коммунист П. Ф. Лапшин и был послан Томским комитетом для информации за линию фронта, о чем было рассказано в предыдущих разделах.

Одним из крупных очагов партизанского движения стали Маринский, Щегловский и Кузнецкий уезды Томской губернии. Весной и летом 1919 г. там действовало около 20 (в основном небольших) отрядов, в том числе В. П. Шевелева, П. К. Лубкова, Г. Ф. Рогова, А. Е. Сергеева, И. П. Новоселова, Т. Ф. Путилова-Смердина, А. В. Роликова-Виноградова. Некоторые из них перемещались в смежные районы Алтайской губернии и обратно; они объединялись и разъединялись, распадались и воссоздавались. Эти отряды оттягивали на себя значительные вооруженные силы врага и играли крупную роль. Нельзя не указать вместе с тем и на негативные явления в части их, анархистские тенденции у отдельных командиров и бойцов, которые коммунистам преодолеть до конца так и не удалось.

Нельзя не сказать о Кыштовском вооруженном восстании, начавшемся в конце июня и охватившем десятки волостей Тарского, Татарского и Каинского уездов. Число партизан, вооруженных винтовками, в середине июля достигло двух тысяч человек. Общее число повстанцев было в несколько раз больше. К 20 июля партизанами была занята почти вся северная от железной дороги часть уездов. После ряда побед, достигнутых в ходе ожесточенных боев, партизан постигли неудачи. Однако значительная часть сил была сохранена. Партизаны сражались с колчаковцами вплоть до прихода Красной Армии [325].

На Алтае партизанские отряды создавались, как правило, сельскими большевистскими группами и организациями. Сами они становились ядром того или иного отряда, его цементирующей и руководящей силой.

Именно таким был отряд Е. М. Мамонтова, начавший

в апреле 1919 г. действовать в районе Волчихи — Вострово. Он был небольшим — человек в 40, но беспокоил врага постоянно. В составе отряда некоторое время сражался и И. В. Мамонов (Громов), приехавший из Каменского уезда. Затем он вернулся в этот уезд и создал отряд. В июне — июле отряды добились крупных успехов. Они поддерживали между собой связь, действуя в обширном районе на стыке Славгородского, Каменского и Барнаульского уездов. Но до августа 1919 г. на Алтае имелось лишь несколько таких небольших отрядов.

В результате большой и длительной подготовительной работы в августе 1919 г. было начато вооруженное восстание трудящихся крестьян, которое с необыкновенной быстротой охватило весь Алтай. Алтайская губерния сразу же по размаху партизанского движения выдвинулась в Сибири на первое место. Коммунисты Алтая взяли под свое руководство революционную борьбу трудящихся масс, крестьянства, предупреждали стихийные выступления. Начало всеобщему восстанию положило выступление 2 августа крестьян-зиминцев, руководимых подпольщиками, связанными с Барнаулом. Зиминцы избрали командующим вооруженными силами повстанцев К. Н. Брусенцова. Был создан «Главный штаб Алтайского округа» во главе с Ф. И. Архиповым.

Мощного размаха вооруженная борьба крестьян достигла в Славгородском и Каменском уездах. Быстро вырос за счет восставших крестьян партизанский отряд Е. М. Мамонтова. К середине августа штаб отряда, размещавшийся в с. Солоновка, реорганизуется в «Главный штаб Славгородской Красной Армии»[326]. В Каменском уезде быстро формируется крупный отряд, вырастающий в соединение, которым командовал коммунист И. В. Громов. Следовательно, к концу лета на Алтае появились партизанские соединения, которые проявляют тенденцию к объединению и продолжают интенсивно расти, успешно действовать.

Енисейская губерния, в которой еще зимой и весной 1919 г. возникло несколько крупных отрядов, летом и осенью продолжала оставаться партизанским краем. Антиколчаковским революционным движением здесь также руководили большевики. Партизанское движение в Енисейской губернии не было свободным от эсеров, стремившихся в ряде мест оттеснить коммунистов, сочувствующих им беспартийных от руководства отрядами.

Но партизаны—вчерашние рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне, составлявшие громадное большинство в отрядах, сплачивались вокруг коммунистов и давали отпор эсерам.

Для борьбы против партизан Енисейской губернии и Нижнеудинского уезда Иркутской губернии колчаковцы в мае 1919 г. создали группировку войск численностью до 12 тыс. русских и иностранных солдат и офицеров при 25 орудиях и 50 пулеметах. Но этими силами колчаковцы не ограничились и вынуждены были их все время наращивать. Вначале нанесен был удар по южноканским партизанам А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. После упорных оборонительных боев партизанская армия 15 июня направилась в Урянхайский край. В строю было всего лишь 1370 бойцов, около 300 раненых и более 2 тыс. беженцев. Преодолев расстояние в 500 километров, партизаны в июле вступили в Белоцарск (Кызыл), из которого накануне белогвардейцы бежали, бросив большие запасы оружия, боеприпасов, продовольствия. К партизанам присоединилось более 500 местных добровольцев, в том числе тувинцев. До середины августа партизанское соединение дислоцировалось в Белоцарске и его районе, готовилось к новым сражениям. В губернии действовали и другие крупные партизанские силы.

Летом 1919 г. усилилось партизанское движение в Забайкалье и на Дальнем Востоке, где оно не прекращалось. Летом Владивостокская партийная организация направила в Сучанский район, к партизанам, отряды рабочих Дальзавода, порта и других предприятий. На состоявшемся в конце июня — начале июля 1919 г. съезде трудящихся Ольгинского района был избран исполком уездного Совета, призванный восстановить сельские Советы. Председателем исполкома являлся И. В. Слинкин. Командующим партизанскими отрядами был избран С. Г. Лазо [327]. В это время усилился натиск партизан на врага, включая войска интервентов. Партизаны вывели из строя Сучанские каменноугольные копи и узкоколейную дорогу. Подача угля во Владивосток полностью прекратилась [328].

Партизанское движение охватывало все новые и новые районы Приморья и Дальнего Востока. В Никольск-Уссурийском уезде действовал партизанский отряд С. П. Андреева. С ним были связаны подпольщики го-

рода, железнодорожных станций. Летом 1919 г. колчаковцы выявили одну из причин большой осведомленности «красных», т. е. партизан, о передвижении войск и т. д. в районе Никольск-Уссурийского. Она заключалась в том, что телеграфисты без ленты, «только по стуку аппарата передают все сведения на линию своим сообщникам». Контроль, который там имелся, «не в состоянии обнаружить их и работу»[329]. Во второй половине мая и особенно в августе активные действия развернули приамурские партизаны.

Шло накопление сил для воссоздания партизанского соединения и усиления натиска на японские и белогвардейские войска. В мае партизанское соединение П. Н. Журавлева в составе четырех кавалерийских полков (до 3 тыс. человек) в Забайкалье ведет бои с переменным успехом. После крупных поражений, в июне — июле партизаны вновь приступили к активным наступательным действиям. Переход в ряды партизан восставшего семеновского (1-го Забайкальского) казачьего полка привел к увеличению состава их армии до 5 полков. В 6-й полк реорганизуется Талагуевский отряд. Силы партизан Забайкалья соединением Журавлева не исчерпывались. Действовали и другие отряды [330].

Такими были основные результаты развертывания повстанческо-партизанского движения и итоги боевых действий отрядов и соединений. В их составе восстававших рабочих, крестьян, солдат и заключенных насчитывалось несколько десятков тысяч.

Деятельность бюро ЦК, его отделения, руководимых ими подпольных организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока, несмотря на отдельные недостатки, неудачи, в целом была успешной. Подпольщикам удалось восстановить областной комитет РКП(б), разместившийся в Иркутске, действия и влияние которого, правда, в основном ограничивались Восточной Сибирью.

Продолжали прибывать на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток посланцы Сиббюро ЦК, отделения бюро, они доставляли деньги, директивы, информацию. Особенно успешной была деятельность бюро по развертыванию вооруженной борьбы на Урале, в ближайшем тылу противника. Летний этап борьбы с колчаковщиной для уральских коммунистов-подпольщиков, трудящихся был заключительным и наиболее успешным. Продолжала нарастать и борьба рабочих Сибири и Дальнего

Востока, хотя до ее кульминации оставались еще многие месяцы.

Наблюдалось дальнейшее значительное усиление работы коммунистов в деревне, чему способствовал переход среднего крестьянства на сторону Советской власти на Урале, новые радикальные сдвиги влево в сибирской деревне. Наиболее существенных результатов подпольщикам удалось достигнуть в борьбе за разложение войск Колчака и интервентов, завоевание солдат на свою сторону, обеспечение их перехода к красным и партизанам. Это стало одной из причин военно-политического поражения Колчака и освобождения Уральского края сравнительно небольшими силами.

Однако враг еще был силен, способен к перегруппировке сил и активному сопротивлению. Но назрели условия для превращения повстанческого движения в повсеместное и массовое, назрел перелом, который в полной мере проявился в конце лета и начале осени 1919 г., о чем пойдет речь в последней главе.

Глава четвертая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО ЦК В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СИБИРИ

1. Завершающий этап работы бюро

Освобождение Урала, вступление Красной Армии в Зауралье открывало реальные возможности освобождения Сибири, полного разгрома интервентов и белогвардейцев. В битве за Урал колчаковской армии было нанесено поражение, хотя она и продолжала еще сопротивляться. Восточный фронт вновь перестает быть главным. Его войска в середине августа 1919 г. были разделены; 1, 4, 11-я армии и войска Советского Туркестана составили вновь сформированный Туркестанский фронт. Его командующим назначается М. В. Фрунзе. Перед фронтом была поставлена задача: разбить южную группу генерала Белова, очистить территорию Оренбургской губернии, Уральской области и Туркестана от интервентов и белогвардейцев [1]. Эта задача Туркестанским фронтом успешно выполнялась.

В составе Восточного фронта оставались 3-я и 5-я армии [2]. Ими, после перемещения М. В. Фрунзе, с 15 августа командовал В. А. Ольдерогге. После освобождения Омска 3-я армия, за исключением 30-й дивизии, переданной в 5-ю армию, была отведена на Средний Урал (командующие: до 26 августа С. А. Меженинов, затем до 6 октября М. И. Алафузо, после него — М. С. Матиясевеч). До 25 ноября 5-й армией продолжал командовать М. Н. Тухачевский, затем его заменил Г. Х. Эйхе. Фронт имел значительно меньшую ударную силу, нежели в период борьбы за Урал. Часть его сил

снималась и в дальнейшем. На завершающем этапе освобождения Сибири дралась лишь 5-я армия. В связи с этим особое значение приобретали вопросы пополнения соединений фронта за счет трудящихся освобождаемых районов и действия повстанцев и партизан в тылу врага.

В конце лета и осенью 1919 г. оставалась острой обстановка на Южном фронте. В середине сентября деникинцы развернули новое наступление, захватили Курск, Воронеж и в октябре оказались близ столицы республики — Москвы. Партия принимает радикальные меры по пополнению Южного фронта живой силой, оружием, боеприпасами. И войска во второй половине октября достигли успехов на ряде участков, освободили Орел, Воронеж. В ноябре соединения фронта развернули решительное контрнаступление и нанесли добровольческой армии Деникина тяжелое поражение, отбросив ее части далеко на юг. Успехов добился и соседний Юго-Восточный фронт. Бои еще продолжались и носили тяжелый характер, но инициативой владело уже советское командование. Отброшен был от Петрограда Юденич.

Войска Восточного фронта имели задачу окончательного разгрома Колчака и освобождения Сибири. Антанта не сбрасывала со счетов армию Колчака и предпринимала срочные меры к ее укреплению. С выходом частей Красной Армии к середине августа за реку Тобол они ощутили возрастающую силу сопротивления врага, местами переходящего в контрнаступление. Предстояла тяжелая и длительная борьба. В ходе нее следовало учесть опыт операций при освобождении Урала. И на это обращает внимание В. И. Ленин, обращаясь 24 августа с «Письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком».

Положение на Восточном фронте в сентябре осложнилось. Колчак перегруппировал свои силы на главном направлении намечаемого контрнаступления. Он имел полуторное превосходство в силах. Колчаковцам удалось оттеснить советские войска за реку Тобол. Особенно трудное положение складывалось на северном участке фронта, под Тобольском, где действовала 51-я дивизия 3-й армии, частям которой в связи с продвижением противника пришлось драться в его тылу. Части дивизии прославленного героя гражданской войны В. К. Блюхера одержали внушительную победу, в сущности, решившую

исход первого этапа Тобольского сражения. Учитывая сложившееся положение на Восточном фронте, В. И. Ленин требует быстрого пополнения его соединений за счет мобилизуемых уральских рабочих и крестьян. К началу нового наступления в составе армий фронта было уже 67 тыс. штыков и сабель [3].

Наступление началось 14 октября. Вновь форсировав Тобол, а также Ишим, войска фронта вынудили противника к отступлению. Были освобождены Тобольск, Петропавловск, Ишим. С этого времени, с начала ноября, наступил закат колчаковщины. Авангардная 27-я дивизия на плечах отступающего противника ворвалась в Омск. В завершении освобождения города приняли участие руководимые подпольщиками вооруженные рабочие. Многотысячный гарнизон был захвачен в плен. Отступление колчаковской армии и войск интервентов ускорилось, затем оно превратилось в повальное бегство.

Сибирское бюро ЦК РКП(б) по освобождении Урала в период борьбы за полный разгром колчаковщины и освобождение Сибирского края продолжает свою работу, по-прежнему занимаясь руководством коммунистическим подпольем в тылу врага. Длительное время, до ноября 1919 г., бюро ЦК продолжало работу в Челябинске. К 26 ноября оно переезжает в Омск и обосновывается там [4]. Примерно с середины августа и в последующие месяцы, как уже отчасти об этом говорилось во введении, происходит постепенная реорганизация Сиббюро. Оно все определеннее и активнее включается в работу по восстановлению партийных организаций, советских органов власти, начиная с формирования ревкомов, решая комплекс других задач, которыми обычно занимались территориальные партийные органы. Один из двух членов бюро (причем ранее специально занятый лишь его деятельностью) — Ф. И. Голощекин с середины августа полностью переключился на другую работу. Он писал 10 августа в ЦК РКП(б): «По настоянию реввоенсовета 5-й армии я одновременно с работой в Сибирском бюро взял на себя председательствование в Челябинском ревкоме»[5]. Очевидно, время вхождения Ф. И. Голощекина в ревком следует датировать днем начала работы этого органа — 1 августа [6]; 3 августа он избирается в состав временного, а 21 августа — постоянного Челябинского губкома РКП(б) в качестве его председателя [7]. Вскоре Голощекин полностью перешел

на новую работу, лично датируя этот факт серединой августа (в воспоминаниях он указывал, что был членом Сиббюро ЦК «до занятия Кургана», а это произошло 13 августа 1919 г.)[8]. Ф. И. Голощекин указывает дату своего выхода из бюро по фактическому состоянию дел. Официальный его выход из бюро следует, возможно, отнести к несколько более позднему времени. Но он, вероятно, принимал некоторое участие в решении принципиальных вопросов бюро и в дальнейшем, во всяком случае до конца августа.

В те же августовские дни создается Сибирский ревком, 27 августа утвержденный ВЦИК в составе И. Н. Смирнова (председатель), В. М. Косарева и М. И. Фрумкина (члены)[9]. Работа в этом органе отнимает основное время у И. Н. Смирнова.

Стремясь к реорганизации деятельности и фактически уже сделав в этом направлении первые и существенные шаги, бюро в конце августа или начале сентября обращается в ЦК партии с предложениями, изложенными в специальном письме[10]. «В связи с продвижением нашей армии вглубь Сибири,— подчеркивалось в письме,— перед Сибирским бюро встает новая задача,— вести работу не только по ту сторону, но и непосредственно практическую повседневную работу здесь». Отмечалось, что предложения о реорганизации бюро вносятся после коллегиального обсуждения Ф. И. Голощекиным, Б. З. Шумяцким и Д. К. Гончаровой. Речь шла о новой структуре, новых функциях, задачах и составе бюро. Упор делался на ведение работы в освобожденных районах Сибири, для чего предлагалось создать отделы: инструкторский, учетно-распределительный и издательский. Последний должен был издавать литературу и для засылки в тыл противника. Вносилось предложение для ведения всей работы «с потусторонней Сибирью, которую выполняло Сибирское бюро и специальное ответвление Центрального органа контрразведки и полевого штаба», организовать «отдел связи и информации». В эту работу хорошо было бы запрячь в полном смысле следующих тт.: И. Н. Смирнова, Б. З. Шумяцкого, Голощекина, Виленского и В. Косарева»[11]. Следует обратить внимание на то, что составители документа писали о бюро с прежними функциями и составом в прошедшем времени, говорили о новом «деле», о привлечении («запрячь») «в эту работу» (новую) лиц безотносительно того, вхо-

дили они в этот орган в данное время или нет (не пополнить имеющийся состав, а «запрячь», т. е. привлечь, подключить).

Мы не располагаем конкретными документами о том, как ЦК РКП(б) отреагировал на предложения, принял ли по ним какие-то решения. Но в последующем радикальная реорганизация бюро, начатая его руководством по своей инициативе фактически еще до составления письма, продолжалась, причем в основном в соответствии с содержащимися в нем наметками. Признаков о возражении ЦК партии на этот счет в источниках не встречается. Однако официально вопрос о бюро, в частности о его новом составе, был рассмотрен Центральным Комитетом гораздо позднее. На совместном заседании Сиббюро, Сибревкома, Челябинских губбюро и губревкома 27 декабря был рассмотрен и решен вопрос об избрании Сибирского организационного бюро РКП(б) в составе трех человек: А. П. Спунде, В. И. Хотимского и Д. К. Гончаровой [12].

К этому времени в составе Сиббюро фактически оставался один член — И. Н. Смирнов. Ответственный секретарь бюро Д. К. Гончарова с начала августа была занята на партийной работе (в Челябинском комитете). В одном из протоколов заседания бюро (от 3 декабря) записано: «Сибирскому бюро в течение года пришлось вести партийную военно-боевую работу по ту сторону фронта. Кое-что удалось нам достигнуть в своей работе. По мере того как наша армия начала продвигаться вперед на восток, работа Сибирского бюро изменилась: за ним сохранились главным образом военно-боевые задачи, а партийная работа все больше отходила. Главная причина—отсутствие связи с партийными центрами Сибири вследствие постоянных провалов последних. Еще в Челябинске возник вопрос о создании областного центра Сибири ввиду того, что освобожденным губерниям было очень трудно сноситься непосредственно с ЦК» [13].

В виде комментария следует отметить, что И. Н. Смирнов, делавший доклад, который кратко был записан, существенно преуменьшал роль бюро, в том числе состояние связей с подпольными центрами, которые, не став регулярными, тем не менее все же имелись и эпизодически двусторонне поддерживались. Приведенный текст вместе с тем содержит указание на причины реорганизации бюро и ее ход. На заседании руководя-

щих работников Сибири 6 ноября принимается решение «создать областное бюро». Были определены следующие его задачи: «создать губернские организации там, где их нет, вести учет и распределение сил в области, (организовать) издательство, партийную школу, руководить профсоюзами, кооперацией, всеми происходившими партийными и советскими съездами»[14].

Речь шла уже не об «организационном бюро», а об «областном бюро», т. е. о постоянном партийном органе. В партийный орган, названный «Сибирским областным бюро РКП(б)», избираются И. Н. Смирнов, В. М. Косарев, А. П. Спунде, В. И. Хотимский, И. Н. Стуков (два из трех членов оргбюро избраны в состав нового органа), два места были зарезервированы для представителей Западно-Сибирского областного исполкома Советов (созданного в тылу противника 9 сентября 1919 г.). Постановление решено было «оформить через ЦК партии»[15].

Поскольку постановление об этом было послано позднее, очевидно, по выяснении вопроса о представительстве в бюро от комитета Советов, оно поступило в ЦК не скоро. По всей видимости, идя в общем навстречу предложениям бюро, партийному активу Сибири, ЦК РКП(б) создает Сибирскую комиссию ЦК в составе И. Н. Смирнова, В. М. Косарева и М. И. Фрумкина. Бюро 3 декабря заслушало вопрос о создавшейся ситуации, решило свой орган сохранить, введя в него Фрумкина. Бюро просило ЦК данное решение и состав областного органа утвердить, а комиссию ликвидировать[16]. Очевидно, ЦК согласился с предложениями бюро и утвердил его. Оно действует и именуется как Сибирское областное бюро РКП(б). Такое название употребляется и Центральным Комитетом в своих документах и переписке. В дальнейшем персональный состав бюро меняется. Председателем его все время является И. Н. Смирнов.

Пленум ЦК РКП(б) 8 апреля 1920 г. рассматривает вопрос «Об организации и составе Сибирского бюро ЦК РКП(б)»[17]. Постановка и решение вопроса были обусловлены тем, что только что закончившийся IX съезд РКП(б) в резолюции «По организационному вопросу» записал, что «ЦК может образовать областное партийное бюро из ЦК для усиления и объединения партийной работы в данном хозяйственном районе»[18]. Пленум

записал: «Взять за основу предложенный т. Смирновым список в составе: председатель т. Смирнов, члены тт. Яковлева, Ярославский, Хотимский, Косарев, Гончарова»[19]. На основе приведенного пункта решений IX съезда ЦК организует также Уральское и Кавказское бюро ЦК РКП(б). Как видим, в полной мере восстанавливается статус Сиббюро как органа ЦК партии, и оно существует до 1924 г.

С весны 1920 г. бюро еще в большей мере, почти целиком и полностью переключается на руководство партийными организациями Сибири. В отчете о работе, составленном для ЦК в марте 1920 г., речь идет о направлениях и содержании работы исключительно в освобожденных районах (включая партизанские, но уже освобожденные)[20]. Лишь отчасти оно по-прежнему занимается налаживанием нелегальной и полулегальной работы на не освобожденных еще восточных окраинах Республики. Но теперь это делается через «Дальневосточное бюро РКП(б)», созданное в начале марта 1920 г. Позднее, в августе 1920 г., этот орган реорганизуется в «Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)», непосредственно подчиненное Центральному Комитету партии, и функция обеспечения руководства коммунистическим подпольем на Дальнем Востоке переходит к нему.

Как видим, Сиббюро ЦК с августа 1919 г. по весну 1920 г. радикально реорганизуется, а в дальнейшем целиком переключается на руководство партийными организациями по советскую сторону фронта. Оно становится областным органом ЦК. Название в общем сохранялось прежнее, но издаваемый ими орган именовался как «Известия Сибирского областного бюро РКП»[21].

Итак, к сентябрю 1919 г. в Сибирском бюро ЦК РКП(б) фактически остается лишь один его член — И. Н. Смирнов, занятый в большей мере, чем в прежние месяцы, и другой работой, особенно руководством Сибревкомом. Обязанности секретаря бюро продолжает исполнять Д. К. Гончарова (в дальнейшем становится и его членом), также занятая местной партийной работой.

Видным сотрудником бюро становится Б. З. Шумяцкий, прибывший в Челябинск из Москвы в августе. В одном из составленных им документов, датированных 24 июля 1919 г., указывается, что он написан в Москве [22]. К этому времени позиции Шумяцкого по вопросу политики и тактики Коммунистической партии в отношении

мелкобуржуазных партий и «республиканцев», методов борьбы с белогвардейщиной вообще и в ее тылу в частности совершенно изменились. Возымели действие критика партии, победы Красной Армии, героическая борьба подпольщиков, повстанцев и партизан Урала, Сибири и Дальнего Востока. С бюро сотрудничает В. И. Хотимский, ставший потом и его членом и занятый на партийной работе в Челябинской губернии. Выполняют в разное время определенные поручения К. О. Эзерман, Э. С. Гольцман, А. Я. Бакаев (первые по-прежнему работали в штабе 5-й армии, последний был на политработе в Челябинске). Вероятно, в бюро продолжал работать С. Я. Радостев.

Бюро по-прежнему испытывало, как оно и само отмечало, огромные трудности в проведении работы из-за отсутствия твердых связей с крупнейшими организациями Сибири, хотя и имело определенные нити связей, явки (которые приходилось использовать лишь тогда, когда они были проверены). Изредка в бюро поступали переходившие линию фронта представители подпольных организаций. В бюро прибыл видный работник Красноярской организации В. М. Аврамов (Лавров), имевший информацию и поручения и от члена (затем председателя) Сибирского ОК РКП(б) Х. Я. Суудера, и от ряда подпольных организаций. Это произошло примерно в августе 1919 г. Аврамов написал обстоятельный доклад [23]. В ноябре в бюро прибывает также красноярский коммунист П. Ф. Рухлов, представивший подробный доклад о работе большевистского подполья в целом [24]. В их информации освещалось и состояние партизанского движения в Сибири.

Один из посланцев сибирских коммунистов доставил в бюро карту расположения партизанских отрядов [25]. Такие конкретные сведения приобретали особо важное значение, так как Красная Армия приближалась к тем районам, где имелись наиболее значительные силы партизан. Все это было важно для развертывания работы бюро, определения заданий своим представителям. В августе бюро получило чрезвычайно важные постановления ЦК партии, в которых ставились задачи по развертыванию партизанского движения в Сибири. Мы датируем это августом, во-первых, потому, что постановления приняты 18—19 июля, требовалось время для оформления материалов, подбора соответствующих ра-

ботников, их инструктирования и доставки в Челябинск, во-вторых, в воспоминаниях (статье) Б. З. Шумяцкого отмечалось, что он был причастен к принятию данных постановлений, называет имена лиц, которые были посланы с ними для засылки в Сибирь (находясь еще 24 июля в Москве, он мог появиться в бюро лишь в августе).

Оргбюро ЦК РКП(б) в решениях по широкому кругу вопросов в пункте 12 «О партизанских отрядах в Сибири» 18 июля записало: «Предложить Сибирскому бюро оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации. Вопрос о директивах для партизанских отрядов переносится в Политическое бюро»[26]. Данное постановление было принято на основе получаемой Центральным Комитетом информации о положении и запросах партизанских отрядов в Сибири. Несомненно, определенную роль сыграла таковая, данная Оргбюро и Б. З. Шумяцким. Однако он, очевидно, преувеличил в этом свою роль, заявив много лет спустя, что данное постановление и постановление Политбюро, о котором мы скажем далее, были приняты «по его докладу»[27]. Шумяцкий уже длительное время не был в Сибири и не имел должной информации о партизанском движении. Отдельные авторы справедливо считают, что особо важное и непосредственное значение имела информация П. Ф. Лапшина. На его докладе, отпечатанном в отделении бюро на машинке в нескольких экземплярах, один из которых в июле был доставлен в ЦК, проставлено: «Оргбюро, п. 12, протокол 18/VII»[28]. С текстом доклада был ознакомлен и В. И. Ленин. Секретариат и, возможно, члены оргбюро беседовали с самим Лапшиным, ибо, как мы выяснили, он в сопровождении сотрудника отделения бюро с оформленным докладом поехал в Москву, в ЦК партии. П. Ф. Лапшин имел как одно из важнейших заданий подпольщиков и партизан передать ЦК просьбу о помощи партизанским отрядам, особенно денежной, что и было учтено Оргбюро. Ко всему этому непосредственное отношение имели бюро ЦК и его отделение. Совместное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина состоялось 19 июля. Оно рассмотрело 7-м пунктом повестки дня вопрос «О сибирских партизанских отрядах», утвердило постановление Оргбюро о их финансовой поддержке. Вместе с тем на заседании принимаются еще два

не менее важных пункта организационно-политического характера, являвшиеся директивными: «Постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собою постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования [...]. Поручить политработникам Востфронта выработать тезисы обращения Совета Народных Комиссаров к партизанам Сибири с целью установить их связи с местными политическими организациями о координации военных действий, с тем чтобы заранее были приняты меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины»[29].

Постановление ЦК РКП(б) о партизанских отрядах имело исключительно большое значение и для последующей работы Сиббюро, и для подпольных организаций, партизанских отрядов и соединений. Многие районы Сибири становились повстанческо-партизанскими. Вооруженная революционная борьба в тылу врага нарастала. Но в среде партизанского движения были и негативные явления, с которыми надлежало решительно бороться. При определении заданий группам и отдельным коммунистам, отправляемым в Сибирь, неизменно ставятся задачи в свете постановлений ЦК по повышению уровня организационно-политического руководства партизанским движением.

Постановления ЦК партии от 18 и 19 июля доставляются подпольщикам и партизанам Сибири. Как и кем это было сделано, сказать трудно. Мы уже отмечали, что Б. З. Шумяцкий называл коммунистов (Б. Славин, В. Жилин и Ф. Аристов), которые доставили постановления в Новониколаевск[30]. Это могло произойти в середине или второй половине августа. Но тут много неясного. Ни одного из данных трех работников в документах Сиббюро не значится. Не встречаются они и в материалах сибирских подпольных организаций и партизанских отрядов, в том числе и в районе Новониколаевска. Имя одного из них подозрительно совпадает с именем видного хабаровского подпольщика Б. А. Славина, который еще в мае 1919 г. белогвардейцами был арестован и погиб[31] и, естественно, не мог быть посланцем ЦК и Сиббюро. Так что данные Б. З. Шумяцкого, принимаемые на веру, должны получить дальнейшую научную критическую проверку. С этими оговорками мы

воспроизводим традиционную версию, построенную на воспоминаниях (статье) Б. З. Шумяцкого, полагая, что со специальной миссией по доставке в Сибирь постановлений ЦК были отправлены Ф. Аристов, В. Жилин и Б. Славин, и они ее выполнили.

Указания партизанам бюро ЦК направляло и позднее. И. Н. Смирнов отмечал, что из-за линии фронта в Челябинск в числе других прибыли два пожилых человека: крестьянин из-под Омска, доставивший «мирские приговоры нескольких волостей», спрятанные в пустотелой палке, и бывший матрос Андрияшкин, сосланный до революции на Алтай и доставивший сведения из партизанского соединения Е. М. Мамонтова. Первый из них осенью был послан с литературой, запрятанной в полозьях саней и заданием поднимать массы на восстание и двигаться на Омск для помощи Красной Армии. Посланец бюро это задание выполнил. Андрияшкин позднее также был послан в тыл врага. Добравшись до Новониколаевска, он направился на юг, к партизанам Томской и Алтайской губерний, и передал им общую директиву от РВС 5-й армии «бить по Сибирской магистрали», а затем в соединение А. Д. Кравченко — П. Е. Щетинкина для выполнения той же задачи [32].

Исследователи испытывают крайние трудности в освещении вопроса деятельности бюро ЦК по руководству подпольем, начиная с августа — сентября 1919 г. Это связано, главным образом, с резким сокращением работы бюро в этом направлении, но и (в этом мы убедились, изучая различные источники) с тем, что документация по сотрудникам велась крайне нерегулярно, о проделанной за линией фронта работе в ЦК уже не сообщалось.

В одной из предыдущих глав говорилось о пребывании в бюро А. А. Карлова и П. Я. Наумова, о том, что скорей всего именно им, а не М. К. Аммосову вручена предназначенная для подполья и партизан одна из крупнейших денежных сумм. Перед Карловым и Наумовым была поставлена задача участвовать и в нелегальной работе вообще, и в развертывании партизанского движения. Им следовало установить связь с сибирскими подпольными организациями, партизанскими отрядами и вместе с местными коммунистами развернуть в них организационно-политическую работу. В дальнейшем в докладе Сибирскому бюро А. А. Карлов писал, что

в конце августа вместе с П. Я. Наумовым был командирован «для нелегальной партийной работы в районе Средней Сибири среди партизанских отрядов». Не исключено, что именно Карлов и Наумов первыми доставили в Сибирь постановления ЦК партии. Карлову был вручен такой документ: «Тов. Васильев командируется в район Средней Сибири для партийной работы. Сиббюро ЦК РКП(б). Голощекин. Секретарь — Гончарова»[33].

Выехали коммунисты из Челябинска в конце августа. Линию фронта они перешли в начале сентября (был использован временный отход советских частей в районе Петропавловска — Ишима). П. Я. Наумов уехал вглубь Сибири[34], а А. А. Карлов задержался в районе Форностовской волости Тюкалинского уезда и помог местным восставшим крестьянам создать партизанский отряд. Затем он направился в Новониколаевск, Анжерку, Судженку и Томск. В двух первых пунктах он задерживался белыми, но, как сам отмечал, «выцарапался легко». Всюду его пребывание сказалось благотворно, особенно в Томске. В общем же, в силу сложившихся обстоятельств, Карлов вынужден был в работе отклониться от непосредственно поставленной перед ним задачи. «Товарищей,— писал он,— с которыми я должен руководить партийной работой в партизанских отрядах, по неизвестной мне причине встретить не пришлось, а потому я, вопреки данным мне Сибирским бюро директивам, был вынужден остаться в г. Томске при нелегальном партийном комитете для того, чтобы наладить связь с партизанскими отрядами, чего, конечно, за короткое двухмесячное время мне не удалось»[35].

А. А. Карлов сыграл видную роль в руководстве революционной борьбой трудящихся Томска и губернии в целом, в проведенном в декабре 1919 г. восстании[36]. Об этом пойдет речь далее.

Член партии с мая 1917 г. Г. И. Мезенов, правдивость воспоминаний которого была удостоверена другими участниками событий, писал, что после освобождения Среднего Урала от колчаковцев, где он работал в подполье, он был направлен в Сибирь. «По приходе Красной Армии,— писал Г. И. Мезенов,— я был командирован через Екатеринбургский губком и ЦеКа партии в распоряжение Сибирского бюро. По прибытии в Сибирское бюро я получил назначение боевым руководителем в

Горный Алтай в партизанско-повстанческие отряды, каковых под моим руководством [создано] 25 отрядов, где я и работал до 1921 года»[37]. Далее он подчеркивает, что кроме общего задания — работать «в повстанческих отрядах»—получил задачу бороться с бандитизмом в их среде[38]. Какой была действительная роль Г. И. Мезенова в развертывании партизанского движения в Горном Алтае, где оно достигло мощного размаха, сказать трудно, но источник носит достоверный характер. Мезенов был послан на Алтай, вероятно, под иной фамилией. Нельзя в связи с описываемым фактом не привести следующих сведений колчаковской контрразведки на Алтае, хотя они могут относиться и не к Г. И. Мезенову. В октябре 1919 г. через агентуру контрразведкой были получены данные о том, что в д. Марчиха, на заводе Санкина живет К. В. Советов — «ярый большевик», прибывший из «Советской России», который ведет агитацию[39]. Г. И. Мезенов и мог быть этим «ярым большевиком», «прибывшим из Советской России», от Сиббюро ЦК.

В августе предпринимается попытка послать для связи с сибирскими организациями М. Л. Александрова, работавшего ранее в Троицком подполье и доставившего в бюро информационное письмо. После того он находился в войсках, на фронте. Но Александров в начале выполнения задания отказался от него, ссылаясь на болезнь[40]. Мотивы работникам бюро показались неубедительными, и М. Л. Александрова направляют в Троицкий партийный комитет с закрытым письмом, «как невыполнившего возложенного на него Сибирским бюро поручения»[41]. Позднее, 27 октября 1919 г., в Красноярск из Челябинска выехал Я. Кваш и прибыл туда 18 декабря[42].

В данный период, как и прежде, бюро практиковало засылку в тыл врага коммунистов повторно по их возвращению после выполнения заданий. В конце октября вернулся С. Ф. Баранов, сделал доклад и в начале ноября Сибирским бюро вновь направляется в тыл врага для работы в том же районе, близ Омска, как пишет А. М. Шиндин, «во главе группы коммунистов»[43]. По возвращении также в Западную Сибирь был направлен А. В. Поляков-Поярков[44].

На этом конкретные сведения о посылке Сибирским бюро ЦК во вражеский тыл коммунистов на завершающем этапе борьбы с колчаковщиной, полученные в про-

цессе исследования нами и другими авторами, исчерпываются, причем они связаны с периодом начала ноября, когда бюро находилось еще в Челябинске. И все же можно определенно предполагать, что не только в последующий осенне-зимний период, но и в августе — октябре помимо названных коммунистов в тыл врага направлялись и другие. Их количество было, очевидно, незначительным. Их имена нам пока неизвестны. Прежде всего поэтому мы не можем не привести некоторых данных, имевшихся у белогвардейской контрразведки. Если они и не свидетельствуют о непосредственной деятельности бюро ЦК, то о причастности его, точнее Реввоенсовета разведслужбы 5-й армии, к этому говорят достаточно определенно. В августе 1919 г. контрразведка в Петропавловске получила сведения, что якобы около Челябинска перешли линию фронта «6 агентов большевиков»: «Зеленин, Романов, Н. Ф. Матросов, Мильт, Богданович и Русанов». Отмечалось, что они «имеют документы на польское подданство, выданные в Челябинске», едут поездами под видом беженцев и что «зимой они служили в уфимской «чрезвычайке»[45]. По агентурным данным контрразведки, полученным 24 сентября, в Красноярск примерно за месяц до этого «прибыл неизвестный эмиссар советской власти, солидный господин, прилично одетый, привез значительную сумму денег партийным работникам-большевикам», что сначала он проживал в гостинице, затем перебрался на частную квартиру. Указывалось на его связи с нелегальными военными организациями, в том числе чешскими, мадьярскими и латышскими[46].

В том и другом случае данные — агентурные. Насколько они были достоверными, судить трудно. Но исключать вероятности, что люди, о которых шла речь, были действительно посланными через фронтовую линию, причем, возможно, Сибирским бюро, нельзя. В частности, данные второго документа могли относиться не к какому-то новому человеку, а, скажем, к П. Я. Наумову. Совпадали район, куда он направился, и в какой-то мере время его действий там. А вот колчаковский документ более определенного содержания, относящийся к 17 сентября. «В поезде Забайкальской железной дороги,— говорилось в нем,— при попытке проехать в Приамурье задержаны три агента совдепского правительства — Мануйлов, Попов и Михельсон, едущие под

видом военнопленных из Германии. У этих агитаторов найдены зашитая в платье большая сумма денег и приказы к большевистским тайнам комиссарам в Приамурье»[47]. Содержание документа говорит о том, что данные три работника (подлинными ли являются названные фамилии, мы не знаем) были посланы скорей всего партийным органом и в «приказах» были директивные установки для руководства подпольем и партизанскими отрядами Приамурья.

Нередко в агентурных сводках, в белогвардейской печати появлялись сведения сомнительного свойства, малодостоверные. В сводке за сентябрь отмечалось, что в Акмолинской области «задержан большевистский агитатор-комиссар, имевший для целей пропаганды 4 миллиона руб.»[48] Из другого документа мы выясняем, что эти сведения были почерпнуты из гаезты «Сибирский казак», в одном из номеров которой сообщалось, что в конце августа в Петропавловске якобы были задержаны «большевистский комиссар», фамилия которого не упоминалась, и казак 8-го полка Перепеленко, у первого найдено 4 млн, а у второго 45 тыс. руб., «предназначенных на разложение казачьих полков»[49]. Факт сомнительный уже сам по себе из-за упоминания об изъятии у арестованных фантастической денежной суммы, особенно если иметь в виду, что она предназначена лишь на агитацию. Следует брать во внимание и то, что специальные органы Колчака о таком незаурядном факте информации из прямых источников, оказывается, не имели, а обращались к газетному сообщению. Но в целом такие материалы игнорировать при изучении и освещении деятельности бюро ЦК, тем более самого ЦК, партийных, советских и военно-политических учреждений, не следует. Они также свидетельствуют об огромном размахе работы партии по оказанию помощи коммунистам, всем трудящимся массам, поднимающимся на решительную революционную борьбу с интервентами и колчаковцами.

Конечно, приходится констатировать и то, что бюро ЦК и отделение не смогли выполнить все намечавшееся. Медленно протекал процесс подготовки коммунистов для засылки в тыл врага. Это особенно заметно проявилось у отделения. Подготовленные им группы коммунистов в массе были направлены на пункты переправ в мае и июне, когда уже развернулось наступление

армий Восточного фронта, Урал освобождался. Многие из предпринятых усилий оказались безрезультатными. Слишком велики были потери коммунистов при переходе фронтовой линии. Косвенно в этом сказалась недостаточная конспиративность бюро и отделения при подготовке некоторых работников к переходу в тыл врага.

Негативное значение имела временная ликвидация бюро, вызвавшая утрату уже налаженных контактов с подпольными центрами отдаленных районов Урала, Сибири и Дальнего Востока, которые в дальнейшем так и не удалось в полной мере восстановить. Связь, кроме как с ближайшими южноуральскими организациями, не стала оперативной, регулярной. Основные силы, кадры, средства, подпольные организации черпали на местах. Но, оценивая деятельность бюро ЦК, надо судить не по тому, что ему не удалось сделать. Все это в принципе объяснимо: бюро действовало в чрезвычайных, экстремальных условиях. Тот или иной объем издержек в его работе был абсолютно неизбежен. Оценивать работу бюро ЦК следует, главным образом, по тому, что ему даже в этих условиях, в противоборстве с колчаковской системой диктатуры («хуже царской»), ее чрезвычайно многочисленной, разветвленной и многоопытной контрразведкой с профессиональными кадрами, удалось сделать. А сделано было много, и значение сделанного велико. Надо иметь в виду, что главное в деятельности бюро — общее направление руководства подпольем, осуществление линии ЦК, помощь в выработке правильных направлений, тактики революционной борьбы коммунистов, всех трудящихся. А в этом результаты были налицо и являлись очень крупными и важными.

Подведем итоги деятельности бюро ЦК сначала за рассматриваемый в главе период, а затем и в целом, за все время действий. При этом, как и прежде, речь может идти лишь о засылке в тыл врага партийных работников, связных, разведчиков, партизан, передаче денежных сумм, поддающихся систематизированному обобщению и отражению. За линию фронта, начиная с середины августа, были направлены М. Л. Александров, Ф. Аристов, В. Жилин, А. А. Карлов, Я. Кваш, Г. И. Мезенов, П. Я. Наумов, Б. Славин, Андрияшкин и пожилой крестьянин (в район Омска), всего 9 человек, и все они, кроме Александрова, его перешли. Задания выполнили, если не считать того, чего мы не зна-

ем о конечных результатах его выполнения Наумовым. Кроме того, фронт повторно перешли А. В. Поляков-Поярков и С. Ф. Баранов, которые с заданиями также справились. Нам, к сожалению, неизвестен персональный и количественный состав группы коммунистов, посланной вместе с Барановым. Возможно, она, как и при июньском переходе им линии фронта, не превышала трех человек и состояла из связных (быть может, пожилой крестьянин, о котором вспоминал И. Н. Смирнов, был в их числе). О денежных суммах: 500 тыс. руб., значившиеся, как отправленные с «Якутом», скорей всего были увезены П. Я. Наумовым, т. е. в данный период, но они нами уже учтены. Ясно лишь одно, что деньги по-прежнему переправлялись. Надо полагать, что большая сумма была вручена С. Ф. Баранову и его группе.

Общие же итоги деятельности бюро и отделения таковы. По переправе коммунистов, связных, разведчиков, партизан: 1) послано на подпольную работу 178 человек, в том числе бюро — 78, отделением — 86, совместно — 14; 2) перешло линию фронта 142 человека, в том числе подготовленных бюро — 71, отделением — 64, совместно — 7; 3) из 142 человек на постоянную работу — 113; 4) ходоками-разведчиками, связными-курьерами — 29; 5) направлено партизан 385 человек, в том числе бюро — 265, отделением — 120; 6) линию фронта из них перешло 87 человек, в том числе подготовленных бюро — 55, отделением — 32; 7) всего направлено в тыл врага 563 человека; 8) из них перешли линию фронта — 229[50], из которых коммунистов было приблизительно 160 человек.

Общая сумма денег, направленных в тыл врага за декабрь 1918 — август 1919 г. (по следующим месяцам конкретных данных в источниках не обнаружено) самим бюро, составила 7 462 600 руб. (включая 1 млн руб. — деньги Симского округа, возвращенные в бюро). В эту сумму не вошли расходы на содержание аппарата бюро, экипировку коммунистов, партизан, в значительной мере на личные расходы посылаемых в тыл врага подпольщиков. Отделение бюро с февраля по конец мая израсходовало всего 741 680 руб., в подавляющей части на нужды коммунистов, посланных в тыл врага, и помощь подпольным организациям. Таким образом, точно учитываемая общая сумма бюро (7 462 600

руб.) и отделения (741 680 руб.) составила 8 204 280 рублей. Данные отдельных разрозненных финансовых документов отделения бюро за июнь — июль 1919 г., охватывающих лишь незначительную часть расходов на развертывание подпольной работы и партизанского движения, превышают 200 тыс. руб., израсходовано же было гораздо более 500 тыс. руб., а в целом, учитывая расходы прежних месяцев в 741 680 руб., примерно (и как минимум) — 1 млн 250 тыс. рублей. Если точные (по бюро) и приблизительные (по отделению) суммы сложить, то общая сумма составит 8 712 600 рублей. В действительности она была гораздо большей, полагаем, превышала 10 млн руб., особенно если учитывать расходы военно-политических органов 3-й и 5-й армий, тесно сотрудничавших с бюро ЦК и отделением. Конечно, как в конкретных случаях показывалось, далеко не все эти деньги были доставлены подпольным организациям, но часть из них все же сослужила добрую службу делу революционной борьбы.

Следует еще раз подчеркнуть, что все приведенные количественные данные (которые по мере продолжения изучения нами вопроса и изыскания новых документов неизменно, из года в год, и значительно увеличивались) являются неполными, а посему — минимальными. Нам не удалось дать исчерпывающих данных как по итогам только что рассмотренных направлений работы бюро, так и по другим, в том числе таким важным, как разработка тактики, помощь в этом подполью на всех этапах деятельности, координация политических и практических действий подпольных партийных и нелегальных большевистски настроенных организаций — профсоюзных, военных, революционной борьбы трудящихся масс. Причины заключаются в том, что мы имеем дело с деятельностью специального партийного органа, с конспиративными методами работы. Мы располагаем только докладами, отчетами, письмами, записками бюро ЦК за сравнительно небольшой период — с января до начала марта и с начала июня по июль — да одним письмом, относящимся к началу мая 1919 г. Январь—март и июнь—июль были, безусловно, наиболее плодотворными в работе бюро. Но и тогда, когда бюро не функционировало как коллегиальный орган, его членами, входившими в Реввоенсоветы армий, была проделана определенная работа. За период же с авгус-

та по декабрь 1919 г., не говоря уже о последующих месяцах, нет какого-либо документа, обобщающего работу по руководству подпольем и оказанию помощи ему, хотя она и проводилась. То же самое приходится говорить об отделении бюро в июне и июле 1919 г., когда завершалась его работа. Как выясняется, не отражена вся совокупная работа бюро и отделения и по зимне-весеннему периоду 1919 г. В документации фиксировалось не все, что было сделано; с другой стороны, многое из планировавшегося и зафиксированного в отчетах, докладах как выполненное не было доведено до конца. Естественно, приходилось вести подсчет на основе совокупности найденных документов, с учетом и самых отрывочных, привлечения источников, исходивших из вражеского лагеря, воспоминаний участников событий и пр. Особую трудность для разрешения представляет собой проблема о том, кто же из посланцев бюро и отделения в действительности перешел линию фронта, какова их последующая судьба, конкретно проделанная работа, вклад в деятельность большевистского подполья, партизанского движения. Естественно, важно было выяснить размеры финансовой помощи бюро подполью и повстанческо-партизанскому движению, ибо в нем остро нуждались практически все организации и обращались за ней как первостепенной.

Но работа бюро, ее итоги и значение не могут оцениваться только по количественным, поддающимся учету показателям. Большое значение имела работа по разложению частей действующей армии противника, ее ближайшего тыла и созданию максимально благоприятных условий для наступательных действий Красной Армии. Большой реальный выход имела и разведывательная деятельность бюро и отделения. Доставляемые ходоками-разведчиками, связными, другими работниками, посланцами подпольных организаций объективные достоверные сведения военного, политического и экономического характера, квалифицированно обрабатываемые, обобщаемые, имели неоценимое значение. Но главная же заслуга бюро, разумеется, заключалась в том, что оно представляло и проводило линию ЦК партии, осуществляло руководство коммунистическим подпольем в целом, добивалось посредством директивных указаний, рекомендаций и инструк-

ций совершенствования его работы, революционной тактики, форм и методов воздействия на массы, развертывания повстанческо-партизанского движения. И вне зависимости от того, в какую организацию Сибирскому бюро удалось направить работников, деньги, в какую нет, и те и другие ощущали руководящую волю этого органа, Коммунистической партии в целом. Роль ЦК РКП(б), его Сибирского бюро проявлялась в уровне и размахе нелегальной партийной работы, повстанческо-партизанского движения, достигшего на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке гигантских размеров. Помощь ЦК и бюро ЦК партии отмечалась многими видными подпольщиками. Приезд посланцев бюро, доставка директив, денег, информации и просто общение, беседы с ними, их рассказ о встречах с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, другими видными деятелями партии, в том числе уральцами, сибиряками, вдохновляли подпольщиков, партизан, действовавших в тягчайших условиях, на усиление натиска на врага, невиданное самопожертвование, героические подвиги. Влияние РКП(б), бюро ЦК на весь процесс революционной борьбы за линией Восточного фронта было постоянно в поле зрения колчаковцев, рассматривалось в качестве одной из главных причин сопротивления трудящихся. Усиление работы по руководству большевистским подпольем и партизанским движением со стороны Сибирского бюро с лета 1919 г. не осталось не замеченным колчаковской контрразведкой. В одном из ее документов отмечалось: «По полученным агентурным путем сведениям большевики... посылают преданных себе лиц в Сибирь, снабжая их громадными деньгами. В Сибири эти агитаторы высматривают элементы, недовольные существующим порядком и составляют из них пятерки, с тем чтобы каждый из их членов организовывал дальше... Действия большевиков, их планомерная военная организация, а в последнее время интенсивное фабрикование патронов указывают на то, что агитаторы из Советской России прибывают и усиливают свою работу»[51].

Усиление руководства со стороны ЦК, Сибирского бюро ЦК большевистским подпольем и партизанским движением Урала, Сибири и Дальнего Востока действительно привело к резкому нарастанию революционной борьбы во вражеском тылу. После некоторого спада в

работе многих подпольных организаций весной и летом 1919 г., вызванного большими потерями в их рядах, осенью и зимой были достигнуты новые успехи. Работа большинства подпольных организаций, особенно на Алтае, в Енисейской, Иркутской губерниях, Забайкалье и Приморье была все время на подъеме.

2. Коммунисты-подпольщики, трудящиеся в борьбе за полный разгром колчаковщины

На завершающем этапе борьбы сибирские, преимущественно восточно-сибирские, отчасти дальневосточные организации по-прежнему возглавлял Сибирский ОК РКП(б), размещавшийся в Иркутске. После того как во второй половине сентября, во время массового провала в Иркутске, был арестован, а спустя два месяца умер в тюремной больнице Х. Я. Суудер, в конце ноября 1919 г. проводится совещание («Сибирская нелегальная конференция РКП(б)»), в котором помимо И. В. Сурнова, К. И. Миронова принимали участие представитель Владивостокской (Приморской) организации А. А. Ширямов и освобожденный из тюрьмы томский коммунист М. И. Сумецкий. Последние двое были включены в комитет (Сумецкий состоял в нем кратковременно). Председателем ОК стал А. А. Ширямов [52].

Как мы уже отмечали, большую роль в руководстве организациями сыграли представители Сибирского бюро ЦК. В частности, А. А. Карлов встречался с местными работниками по пути в Томск и в самом Томске, особенно важным была постановка перед ними задач в развертывании партизанского движения. Приехав в Томск, Карлов выступил перед членами нелегального комитета с докладом, в котором содержалась информация о положении в стране, на фронтах, о решениях и деятельности партии, результатах своих встреч с коммунистами городов и рабочих поселков Томской губернии, изложение общих и конкретных задач, указаний бюро ЦК. А. А. Карлов включился в активную работу по подготовке вооруженного восстания [53]. Усилилась работа коммунистов Томской и прилегающих районов других губерний в организации и развертывании повстанческого и партизанского движения.

Омский комитет под руководством И. М. Скрябинского традиционно не прерывал связей с зауральскими и западно-сибирскими подпольными организациями и группами. Поддерживалась связь омских и татарских коммунистов с Михайловской районной организацией, численность которой возросла до нескольких сот человек. Продолжались нелегальные собрания. К концу сентября в Михайловском их состоялось двенадцать. Подпольщики создают боевую дружину и приступают к вооруженной борьбе. Но в начале октября организация была раскрыта и разгромлена, однако часть ее сохранилась и продолжала руководить революционной борьбой трудящихся крестьян всего района вплоть до прихода Красной Армии [54].

Омская организация продолжала выпуск листовок. Особое внимание уделялось агитации в войсках гарнизона. С начала октября распространяется листовка, обращенная к казакам. «Освобождение Сибири, — говорилось в ней, — дело ближайших недель, поэтому довольно молчать, только быть слепыми, пора проснуться. Втыкайте же свои штыки в землю перед армией трудящихся, переходите на ее сторону, создавайте же всюду ячейки и связывайтесь с организациями»[55]. Большевистская литература, выпускавшаяся в Омске, попадала на фронт, расходилась по всей Сибири. Организация при приближении Красной Армии резко усилила внимание к разведывательной и контрразведывательной работе, собирала сведения о состоянии гарнизона, частей и т. д. Этим, в частности, занимался коммунист Б. М. Панин, ранее работавший в Челябинской организации [56]. Добывавшиеся коммунистами сведения, очевидно, передавались командованию Красной Армии. Сведения военного характера, включая данные о вооружении частей, передавались и партизанами. Большую ценность для них представляли военные карты. Их доставлял подпольщик М. Рябинкин, работавший в топографическом отделе штаба [57].

Крупнейшей в Акмолинской области, после Омской, стала Петропавловская организация. Рабочие города, по признанию местной охранки, были настроены исключительно революционно. Особенно это было характерно для депо и кожевенных заводов, где из двух тысяч было «явных большевиков, настроенных активно, до 30%»[58]. Среди подпольщиков было много и солдат, в

том числе татар, башкир и казахов. Среди них активно работал член партии с 1917 г. К. Ю. Шафиков[59]. Петропавловцы выпускали листовки, распространяя их, как и свое влияние вообще в селах уезда. В некоторых селах Новоявленской, Семипольской волостей под руководством подпольных групп в сентябре, при подходе Красной Армии, революционно настроенные крестьяне стали захватывать власть и избирать Советы. Семипольские крестьяне вступили в вооруженную борьбу с колчаковцами. Их возглавляли Ф. Я. Радченко, Т. Гладкин и др.[60]

В числе активных была подпольная организация в Семипалатинске. В ней руководящую роль играли Н. Г. Калашников, М. Н. Соломоденко, Григорьев, А. Е. Попов, Р. Макстыс и др.[61] Важнейшим направлением работы семипалатинского подполья была тщательная подготовка вооруженного восстания, в которую вовлекались и рабочие, и солдаты.

Перед Барнаульским комитетом РКП(б) во главе с А. А. Малиновским с начала массовых вооруженных выступлений в селах встала, как коренная задача, организация всеалтайского вооруженного восстания и руководство повстанческо-партизанским движением. Комитет решает ряд сложнейших задач, в частности, вопрос об отношении к правым эсерам и меньшевикам, напрашивавшимся на объединение. В Иркутск для решения этого вопроса в Сибирском ОК направляется Д. Ф. Пешников. Членом ОК И. В. Сурновым было указано, что сотрудничество с такими эсерами и меньшевиками исключается[62]. Барнаульский комитет посылает к партизанам, в воинские части, в села целый ряд коммунистов. Они проводят совещания с представителями сельских подпольных организаций[63].

В конце лета и осенью активней стала действовать Томская организация. В начале осени в Томске состоялась городская подпольная конференция, избравшая, по сведениям А. И. Галунова (Попов), комитет из 5 человек: К. М. Молотова, С. А. Дитмана, А. Н. Сафоновой, Т. Екишева и А. И. Галунова. Когда Дитман и Сафонова были арестованы, комитет пополнился новыми членами, в том числе представителем Сибирского бюро ЦК А. А. Карловым[64]. В городской организации коммунистов насчитывалось более сотни[65]. Расширяется и укрепляется эпизодически прерывавшаяся связь с горо-

дами, поселками, селами губернии, включая отдаленный Нарымский край [66].

В Красноярске и всей Енисейской губернии нелегальная работа не прекращалась ни на один день. Комитет осенью претерпевает изменения. Вследствие арестов колчаковцами в ночь с 8 на 9 ноября и в последующие дни членов комитета вновь восстановить Красноярский комитет удалось только в первой половине декабря 1919 г. Помощь в этом оказал Сибирский ОК, в лице его представителя П. З. Шабалина. Судя по некоторым воспоминаниям, в комитет вошли П. Козлов, Ф. К. Клешнин, М. Ф. Позигун и др. [67] Вскоре комитет создал военно-революционный штаб. Продолжается и усиливается работа в Ачинске, Клюквенской, Иланской, Канске, Минусинске, на Знаменском заводе, в десятках сел и деревень губернии, включая переселенческие. Длительное время работала подпольная организация под руководством Д. Силака, Г. Ромма и А. Андерсона в эстонской деревне Эстония в Канском уезде, связанная с Канской организацией. В конце лета колчаковцы ее раскрыли. Руководители были выслежены во время поездки по заданию организации в Канск и Иланскую и арестованы. Прибывшему в деревню карательному отряду эстонцы-крестьяне (26 человек), имея всего 7 дробовиков, оказали сопротивление, посылая в солдат «осколки железа». Но самодельные боеприпасы кончились; кроме одного человека, сумевшего скрыться, все были схвачены и расстреляны, деревня сожжена [68].

Продолжала повышаться роль Иркутской организации, хотя и она не избежала ряда провалов. Во второй половине сентября колчаковцы арестовали около 30 подпольщиков города, среди которых был, как отмечалось, и Х. Я. Суудер. В Иркутск прибывали коммунисты из других городов. Окрепли городские районные организации. В Глазково, Знаменском предместье, Нагорном и Центральном районах работали не только районные штабы, но и боевые группы на предприятиях [69]. Проводится работа в Черемхово, Нижнеудинске, Иннокентьевской, Тулуне, Усолье, Половине, Слюдянке, Зиме, Балаганске, Аларе, Бодайбо, в селах, аймаках. Одной из крупнейших организаций — Черемховской руководит представитель губкома А. В. Бердникова. В крупные восстания вылилась работа подпольщиков среди политзаключенных: в ночь с 11 на 12 ноября в

Александровской пересыльной тюрьме и спустя два с половиной месяца — в Александровском централе.

В Прибайкалье и Забайкалье по-прежнему крупнейшими остаются Верхнеудинская и Читинская организации, хотя они, особенно вторая, и испытывали исключительные трудности в проведении работы. Велики были потери. В октябре 1919 г. погибли читинцы А. Е. Петров, А. И. Мироничев, Зверев, М. Таранов, Блинников и др. Организация с трудом, при помощи Верхнеудинского комитета РКП(б) была восстановлена. Комитет, в который на сей раз вошли только коммунисты, возглавил член партии с 1917 г. И. Я. Рыбицкий[70]. Оба комитета, а через них другие организации и группы были ознакомлены с решениями ЦК партии о партизанском движении и уделяли их выполнению первостепенное внимание. Не прекращалась деятельность подпольщиков в Якутске и его районе.

Инициативно действовал Дальневосточный комитет РКП(б). Он обратился 23 августа ко всем коммунистам Дальнего Востока с письмом, в котором подвел итоги партизанской борьбы за 1919 г. и выдвигал новые задачи. В письме отмечалось: «...комитет думает, что главная сила партии должна быть направлена на сторону организации сил в городах, деревнях и войсках»[71].

В чрезвычайно трудных условиях работали коммунисты в Хабаровске, Благовещенске и других городах по течению Амура. В октябре были арестованы члены Хабаровского комитета, включая его председателя Б. Г. Жданова, десятки других коммунистов. Часть подпольщиков направилась к партизанам, в села, центр тяжести легальной работы переместился в волость. Не избежали осенью 1919 г. потерь и благовещенские подпольщики, но Амурский комитет сохранился. Главные помыслы подпольщиков были направлены на подготовку вооруженного восстания. Нарастала помощь партизанам, в том числе оружием и боеприпасами. Использовались различные военные склады. Не только в воинских частях, но и в милиции создавались нелегальные группы, имевшие задачу доставать оружие[72].

В Сибири началась полоса восстаний на фронтах, открытых против партизан. Так, в ночь с 27 на 28 ноября произошло победоносное восстание солдат 43-го и 46-го Сибирского полков в селе и на станции Поспе-

лиха, которым руководила подпольная организация во главе с П. А. Семеновым. Спустя некоторое время в том же районе подпольщики провели успешные восстания команд бронепоездов «Сокол», «Туркестан» и «Степняк»[73]. В период продвижения советских войск по Сибири восстания солдат терпящей крах колчаковской армии, их переход на сторону Красной Армии и партизан стали повсеместным явлением.

К значительным успехам привела революционная работа коммунистов и интернационалистов в войсках интервентов, особенно в чешских, польских, румынских, сербских. Разлагались части американских, английских, японских войск. Солдаты требовали прекращения интервенции и возвращения их на родину.

Невиданного размаха поздней осенью и зимой 1919 г. достигло партизанское движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Оно приобрело массовый характер и (с учетом районов Урала и Степного края, современного Казахстана) включало в себя до 190 тыс. человек — значительно больше, чем в других районах страны, оккупированных интервентами и белогвардейцами.

Но следует учесть также число повстанцев, главным образом рабочих и распропагандированных солдат в городах в момент приближения к ним Красной Армии, солдат на внешних и внутренних фронтах, крестьянства в селах. В некоторых восстаниях участвовали по нескольку тысяч человек. Их точный подсчет невозможен, но приблизительную цифру назвать можно — до 30 тыс. (как минимум). Следовательно, численность повстанцев и партизан достигла 230 тыс. В литературе вообще не учитываются повстанцы, что само собой является крупным пробелом в исследованиях. Но еще существенней то, что редко берутся во внимание эти восстания, особенно солдатских масс. А между тем они играли не меньшую, а часто — гораздо большую роль, чем партизанские отряды и соединения, ибо наносили удар по врагу в наиболее крупных центрах и неожиданно для него, лишали Колчака войск, коммуникаций, арсеналов и т. д. Это лишний раз свидетельствует о том, что подпольные конференции не случайно вооруженное восстание определяли главной, высшей формой борьбы. Вооруженная борьба в колчаковском тылу проявлялась в формах вооруженных восстаний, партизанском дви-

жении и партизанских (диверсионно-подрывных и прочих) действиях. Поэтому-то мы и считаем целесообразным говорить не просто о партизанском, а о повстанческо-партизанском движении.

Повстанческо-партизанское движение вызывало полную растерянность в стане контрреволюции, вынуждало ее разрывать свои вооруженные силы на два фронта. Еще в мае 1919 г. видный колчаковский генерал А. Будберг в дневнике записал: «Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются... Средств противодействия у нас нет, т. к. все годное притянул фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания...[74] Мой «пессимизм» считает, что сейчас военными средствами нам уже не справиться с тыловыми восстаниями...»[75] Прогноз генерала оправдался.

По существу, борьба трудящихся Сибири и Дальнего Востока вылилась во всеобщее вооруженное восстание. Тот факт, что летом партизанское движение достигло мощного размаха и стало массовым, объясняется рядом причин: 1) успешным наступлением советских войск на Восточном фронте (главная причина); 2) завершающимся процессом перехода середняка на сторону Советской власти, формированием военно-политического союза пролетариата и трудящегося крестьянства; 3) дальнейшим ростом революционной активности рабочих Сибири и Дальнего Востока, большим притоком их в сельскую местность, что благотворно повлияло на антиколчаковское движение крестьянства; 4) усилением помощи коммунистам, всем революционным массам, партизанским соединениям и отрядам со стороны Центрального Комитета, Сибирского бюро ЦК партии, политических органов армий Восточного фронта, доведением до подпольных центров и повстанческих отрядов директив Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б), принятых 18 и 19 июля 1919 г.; 5) улучшением работы большевистского подполья по руководству революционной борьбой трудового крестьянства и партизанским движением.

Трудящиеся Сибири под руководством большевистских подпольных организаций, поднимаясь на вооруженные восстания, действуя в составе партизанских отрядов, начали освобождать целые районы, решать комплекс задач, в том числе задачу создания органов

революционной власти. Перед трудящимися не стоял вопрос о выборе политической формы власти, которую следовало утвердить после изгнания колчаковщины. Они заведомо знали, что это будут Советы, требование восстановления которых было написано на их революционном знамени.

Остановимся кратко на истории развития повстанческого и партизанского движения в ближайшем и в глубоком тылу войск Колчака.

Успешно, но не просто развивалось партизанское движение на Алтае. Крупные силы были брошены против соединения К. Н. Брусенцова, которое под их напором отошло в Славгородский уезд. Оно 28 августа встретилось и объединилось с отрядом Е. М. Мамонтова. Главнокомандующим избирается Е. М. Мамонтов; 1 сентября произошло слияние штабов. Начальником «Главного штаба крестьянской Красной Армии Алтайского округа» назначается Ф. И. Архипов [76]. Штаб находится в с. Солоновка, ставшем центром обширного партизанского края. Штаб был организован по принципу представительства от различных партизанских отрядов, сформированных в разных районах, т. е. являлся коллегиальным органом с выборным руководителем во главе [77].

Видную роль в развертывании партизанского движения в Каменском, части Барнаульского и Новониколаевского уездов сыграли прибывшие в район Камня томские коммунисты П. К. Голиков, К. А. Калачева, а также подпольщик Ф. Г. Гужев. При их активном участии в с. Ярки Каменского уезда в первых числах августа было проведено совещание руководителей партизанских отрядов, избравшее «Главный Военно-революционный штаб Алтайской губернии», на который была возложена вся полнота гражданской и военной власти. Начальником штаба был избран З. С. Трунтов (Воронов), помощником — П. К. Голиков, членами — И. П. Маздрин, К. А. Калачева и др.[78] Под руководством этого органа 10 августа был проведен крестьянский съезд, а 9—10 сентября в с. Леньки Славгородского уезда состоялся съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов восставших местностей Алтайской губернии. Он избрал Западно-Сибирский областной исполнительный комитет (облаком) во главе с П. К. Голиковым.

После длительных переговоров были подготовлены условия для слияния главных штабов отрядов Е. М. Мамонтова и И. В. Громова; 7 октября вопрос был решен. Главнокомандующим армии стал Е. М. Мамонтов, командиром корпуса (он был один, в дальнейшем предполагалось создание других) — И. В. Громов, начальником штаба корпуса — Я. П. Жигалин[79]. Начатая еще в сентябре работа по переформированию отрядов в полки 7 октября была завершена. Всего было создано 8 полков. Партизанская армия в то время насчитывала до 15 тыс. человек.

Армия Е. М. Мамонтова и И. В. Громова не была единственным партизанским соединением на Алтае. В августе 1919 г. мощный очаг партизанского движения возник в Горном Алтае. В октябре сформировалась 1-я Горно-Алтайская дивизия. Ею командовал И. Я. Третьяк, беспартийный, сочувствующий большевикам. И в этой дивизии, и в армии Е. М. Мамонтова шла острая борьба большевистски настроенных партизан и крестьян с эсеровско-анархическими элементами. Антикоммунистические силы постепенно изолировались[80].

Крупным партизанским районом стал Причернский («черные» — темно-хвойные леса, где первоначально размещались партизанские базы), охватывавший волости Барнаульского, Бийского, Новониколаевского и Кузнецкого уездов Алтайской и Томской губерний. Здесь сформировалось партизанское соединение под командованием Г. Ф. Рогова. В начале октября 1919 г. в нем насчитывалось не менее 3 тыс. человек. В его формировании и руководстве активно участвовали представители Барнаульского комитета М. И. Ворожцов, Я. П. Новиков и др. Существовали и другие отряды. В Причернском крае, в составе соединения Рогова, который не имел четких политических взглядов, также велась борьба коммунистов и сочувствующих им партизан против проникших в соединения и отряды анархистских и антисоветских элементов.

Тесными были связи Барнаульского комитета с 6-й Горно-Степной дивизией, которой командовал Ф. И. Архипов и которая была отдельной и непосредственно подчиненной главнокомандующему Е. М. Мамонтову, минуя штаб корпуса[81]. Эта дивизия была образована в середине ноября 1919 г. из полков заалейских (зиминских) крестьян.

В Военном штабе при Барнаульском губернском подпольном комитете концентрировались сведения о силах, расположении и планах противника. Они переправлялись командованию партизан, тем штабам, с которыми в сложной обстановке удавалось поддерживать связь [82]. Барнаульский, Каменский и некоторые другие комитеты и сельские подпольные большевистские организации, сами коммунисты-повстанцы сыграли выдающуюся роль в организации восстаний и руководстве партизанским движением на Алтае, в расширении и укреплении городов.

Так, к концу года армия Е. М. Мамонтова выросла до 50 тыс. человек.

Со второй половины ноября, когда части Красной Армии стали приближаться к Алтаю, партизанские части начали освобождать города. С этого времени устанавливаются связи с командованием 5-й армии, штабами ее соединений и частей, осуществляется координация действий. Уже 19 ноября был освобожден Славгород, а 28 ноября — Камень.

В первых числах декабря партизаны начали наступление на Барнаул с целью его освобождения. В этот момент положение колчаковцев в районе Барнаула было критическим: 5-я армия успешно и быстро продвигалась к Новониколаевску, угрожая отрезать белогвардейцам путь отхода по железной дороге. Неспокойно было и в самом городе, где подпольная организация готовила вооруженное восстание. Барнаульский комитет и штаб располагали значительными силами. Помимо подпольных ячеек рабочих к восстанию были подготовлены целиком железнодорожный батальон, 3-я рота 3-го белогвардейского полка и другие отряды.

В последний день перед выступлением — 9 декабря, когда вся подпольная организация была приведена в боевую готовность, к военному штабу подтянулись вооруженные отряды. Большевистская организация действовала почти открыто [83]. В момент эвакуации колчаковцев в ночь с 9 на 10 декабря была начата борьба за город. Восставшие отбили железнодорожный мост через Обь, предотвратили его взрыв, освободили политзаключенных, весь город. Об очищении города от белых немедленно было сообщено партизанам. Утром в Барнаул вступил 7-й полк Красных орлов, сломивший на подступах к городу сопротивление колчаковского

арьергарда. Власть в городе перешла к ревкому в составе 7 человек: 6 коммунистов и 1 левого эсера. Алтайские партизаны приняли участие в освобождении других районов Сибири.

Широкого размаха достигло партизанское движение в Томской губернии перед вступлением в ее пределы Красной Армии. Число восставших сел резко возросло в ноябре и особенно в декабре. Крупное восстание произошло в начале декабря в Щегловском, Кузнецком и Мариинском уездах. Отряды были объединены в «Советскую армию Мариинского, Щегловского и Кузнецкого уездов» (из 6 рот), которая с 21 декабря была реорганизована в «1-ю Томскую советскую дивизию» — всего около 1000 чел. под командованием В. П. Шевелева [84].

В декабре Красной Армией, партизанскими соединениями, отрядами, восставшими рабочими, солдатами и крестьянами было завершено освобождение от колчаковцев всей территории Томской губернии. Крупными событиями явились выступления в Новониколаевске, Кольчугино, Томске, Тайге. С помощью повстанцев и партизан 5-й армией в районе Новониколаевска было захвачено в плен более 30 тыс. человек, в том числе 2 тыс. офицеров и 30 генералов, значительные трофеи: около 200 орудий, 100 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 300 паровозов, 20 тыс. вагонов, огромное количество боеприпасов [85].

Разгром колчаковских войск под Новониколаевском непосредственно отразился на положении частей 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева, сосредоточенной в основном в Томске.

Утром 16 декабря, когда эвакуация гарнизона уже началась, Томский комитет РКП(б) приступил к непосредственной организации восстания, которое уже долго и тщательно готовилось. Был сформирован Военно-революционный комитет во главе с коммунистом Я. Д. Янсоном. Выпускается обращение к трудящимся, зовущее на вооруженное восстание. «Товарищи и граждане! — говорилось в нем. — Пробил решительный час борьбы с буржуазной помещичьей властью Колчака. Все на борьбу с реакцией, все на поддержку Советской власти как главной опоры в этой борьбе» [86]. Вечером 16 декабря и ночью проведена была основная работа по захвату власти в городе. Пепеляев с группой офи-

церов бежал. Утром 17 декабря в обращении к населению Военно-революционный комитет известил о восстановлении в городе Советской власти.

На смену восстаниям в Западной Сибири пришли активные вооруженные выступления рабочих, солдат и крестьян в Восточной Сибири, в пределы которой к концу 1919 г. вступила 5-я армия.

Соединение А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, находившееся в Туве, имея в своих рядах не более 1000 человек, во второй половине августа нанесло жестокое поражение отряду белогвардейцев численностью в 1500—2000 штыков и сабель. Заняв 13 сентября Минусинск, партизаны надолго остались в этом районе. В партизанские отряды вступали тысячи крестьян. Против белогвардейцев поднимались восстания в отдаленных от уездного центра волостях. В таежной Имисской волости восстание подготовила и провела подпольная организация во главе с коммунистом С. Т. Баталовым. Оно перекинулось на соседние волости. В них восстанавливалась власть Советов. Сформировав отряд в 400 бойцов, руководители восстания развернули наступление против колчаковцев в сторону Минусинска, по прибытии в который составили Кизирский партизанский полк, включенный в состав войск А. Д. Кравченко [87]. К концу ноября, как указывал П. Е. Щетинкин, партизанская армия увеличилась до 18 тыс. бойцов [88]. Во второй половине ноября она активизировала свои действия и перешла в решительное наступление в направлении на Ачинск и Красноярск.

Осенью, оправившись от некоторых неудач, вновь стали наседать на колчаковцев в районе железной дороги партизаны-тассевцы. Численность войск Североканской повстанческой армии к середине января 1920 г. достигла 3 тыс. человек [89]. Осенью 1919 г. вновь стало нарастать партизанское движение в южноканском районе и Красноярском уезде. С отрядами этих районов более тесно, чем с какими-либо другими, был связан Красноярский комитет РКП(б) [90]. Он 7 сентября провел нелегальную конференцию представителей партизанских отрядов и сельских подпольных организаций. Успешно действовал Знаменский отряд во главе с Н. М. Копыловым, а после его гибели — Н. П. Мощинским.

В конце декабря Енисейская губерния стала прифронтовым районом. В пределы этой губернии вступила

5-я армия. Вдоль железной дороги в панике отступали остатки колчаковских войск. Они надеялись зацепиться в Красноярске, удерживая город с помощью местного гарнизона. У местных колчаковцев войск фактически не было. В частях гарнизона работали коммунисты. Многие солдаты были готовы к восстанию вместе с рабочими. Другие колебались, но в момент восстания при умелом руководстве могли также его поддержать. Красноярский подпольный комитет выделил ревком в составе П. Козлова (председатель), И. Г. Фридмана, М. К. Вышковского и М. Ф. Позигуна (секретарь) [91]. Связались с командованием 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии, поставили его в известность о восстании, которое должно было начаться в городе. К началу января 1920 г. части 30-й дивизии находились в районе Ачинска, 1 января вступили в него и продолжали наступать, а 4 января, южнее Ачинска, в районе с. Кольцово, произошла первая встреча партизан Кравченко—Щетинкина с Красной Армией. В эти дни североканские партизаны вели наступление на Канск, отрезая белогвардейцам путь отступления из Красноярска.

Обстановка для восстания в Красноярске была самая подходящая. И в ночь с 3 на 4 января, когда на стороне восставших рабочих, солдат железнодорожного батальона и инженерного дивизиона был уже весь гарнизон, восстание началось. Силы восставших достигли 8 тыс. бойцов. Город был освобожден без вооруженной борьбы. Но на другой день на его подступах начались тяжелые бои с колчаковскими частями. В наступлении на город приняло участие свыше 15 тыс. солдат и офицеров. Восставшие рабочие и солдаты выдержали натиск врага и 6 января перешли в контрнаступление. К вечеру колчаковские части были разбиты усилиями восставших, частей 30-й дивизии и партизан. В районе Красноярска Красной Армией с помощью партизан и восставших рабочих и солдат было взято около 40 тыс. пленных, до 1500 генералов и старших офицеров, захвачено 40 орудий, 200 пулеметов, 4 бронепоезда, 4 аэроплана, много другой техники и боеприпасов [92].

В Иркутской губернии в ноябре 1919 г. несколько крупнейших отрядов были объединены в Северо-Восточный фронт, главнокомандующим которого стал коммунист Д. Е. Зверев. Шиткинские и баерские партизаны к концу декабря были объединены в 1-й Советский

полк и особый Советский пехотный батальон. В период сосредоточения партизан Северо-Восточного фронта по приказу иркутского большевистского подполья в районе Иркутска в середине января из партизанских полков и отрядов были сформированы три дивизии, каждая из которых насчитывала примерно по 3 тыс. человек[93]. Но и в тот период сохранялись отдельные партизанские отряды. Летом 1919 г. возник партизанский отряд в верховьях Лены, названный 1-м Верхоленским советским партизанским отрядом. Штаб отряда выпускал воззвания, призывающие трудящихся к свержению колчаковщины и восстановлению Советской власти[94].

Иркутским коммунистам на завершающем этапе борьбы с Колчаком в силу исторических обстоятельств довелось сыграть исключительно большую роль. Иркутск стал тем городом, в котором нашла свой неизбежный конец кровавая колчаковская авантюра. В Иркутске обосновалось бежавшее из Омска правительство Колчака. Туда же спешил добраться и «верховный правитель», чья власть фактически не распространялась уже за пределы поезда, в котором он ехал. Колчаком помыкали интервенты, подолгу задерживая его на различных станциях. К Иркутску стекались с запада войска интервентов. Сюда спешили недобитые части бывшей армии Колчака.

На закате колчаковщины, как и накануне ее появления, на поверхность политической жизни Сибири вновь всплыли мелкобуржуазные партии. Эсеры и меньшевики выступили в роли спасителей трижды проклятой трудящимися массами контрреволюционной белогвардейской власти. Для этого осенью 1919 г. при поддержке интервентов они образовали в Иркутске Политический центр, ядро которого составили эсеры. Политический центр стремился привлечь на свою сторону части колчаковской армии, создавая в них преимущественно офицерские подпольные группы. Политцентр через эсеровские, меньшевистские и другие мелкобуржуазные группы городов Восточной Сибири, Дальнего Востока вел борьбу за местные гарнизоны. Он предпринимал шаги по охвату влиянием трудящихся масс городов и некоторых сельских районов. Заручившись поддержкой на случай восстаний в обстановке развала колчаковской власти, эсеры и меньшевики стали добиваться контакта с большевистской организацией,

склоняя ее на совместные действия. При этом Политцентр стремился убить двух зайцев — обезопасить тыл и использовать боевые силы большевистской организации в своих корыстных целях, поставить их под эсеровско-меньшевистские знамена. Сложную задачу предстояло решать коммунистам. Поднять и возглавить восстание в декабре они не могли по той простой причине, что для этого не назрели условия, соотношение сил было не в их пользу: в Иркутске и его районе находились колчаковцы и интервенты-белочехи. В случае выступления коммунистов эсеры и меньшевики скорей всего сомкнулись бы с колчаковцами. Красная Армия да и партизанские отряды в большинстве своем были далеко от Иркутска; прийти на помощь они не могли. Иркутская большевистская организация, исходя из установок Сибирского бюро ЦК и решений III Сибирской подпольной конференции, готовила вооруженное восстание к моменту, когда Красная Армия будет на подступах к городу. Сибирский областной комитет, Иркутский губком решили не препятствовать восстанию, которое намерен был начать Политцентр, так как свержение колчаковской власти, разгром колчаковских войск расчищали почву не столько для эсеров и меньшевиков, сколько для коммунистов. Легче было бы трудящимся во главе с коммунистами обеспечить победу над «политцентровской» контрреволюцией.

Сибирский областной и Иркутский губернский комитеты отказались от каких-либо переговоров и соглашений с Политцентром. Вместе с тем они посылали своего представителя на заседания Политцентра для наблюдения за его действиями[95]. Одновременно коммунисты готовились к вооруженной борьбе. Эту работу возглавляли Сибирский комитет под председательством А. А. Ширямова и Военно-революционный штаб во главе с А. Я. Флюковым. В этот период существовал единый штаб. В нем были представлены и Сибирский, и губернский комитеты. Зная, что в скором времени Политцентром будет начато вооруженное востание, члены Сибирского ОК, губернского комитета и Военного штаба в начале декабря на совместном заседании решили: «1. Выступать одновременно с Политцентром, но свои части держать в подчинении штаба. 2. Своими частями в первую очередь захватить оружие и вооружать рабочих. 3. При выступлении не ставить прямого лозунга

перехода власти к Советам из-за наличия больших сил интервентов, но власть захватывать по мере вооружения рабочих и подтягивания к Иркутску партизанских отрядов. 4. Немедленно подтянуть к городу партизанские отряды»[96].

В ночь с 20 на 21 декабря началось восстание в Черемхово. Оно было начато эсерами и меньшевиками. Фактическими хозяевами положения в городе были коммунисты. Их положение упрочилось после того, как в Черемхово со ст. Забитуй прибыли освобожденные восставшими политзаключенные. Уже 28 декабря руководители Черемховской организации заставили политцентровцев уйти от «власти», сами взяли в свои руки руководство революционной борьбой масс[97]. Вслед за Черемховским восстанием последовали выступления на железнодорожных станциях.

В Иркутске восстание началось по призыву Политцентра вечером 24 декабря. В ходе него коммунисты собирали силы, разоблачали эсеров и меньшевиков, их лжедемократические лозунги, готовились к оттеснению их от руководства. Они брали под свое руководство повстанческие отряды на различных участках. Военный штаб был преобразован в Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин.

После многодневных боев 5 января 1920 г. восставшие заняли центр города. Политцентр и созданный им Временный Совет Сибирского народного управления объявили себя властью на территории от Иркутска до Красноярска. Фактически колчаковцы в Иркутске были разгромлены вооруженными силами большевистской организации. Пришедший к власти Политцентр поддержки в массах и революционных войсках на деле не имел. Назрели условия для взятия власти в руки Советов в Иркутске, и 19 января был создан Военно-революционный комитет в составе четырех коммунистов и одного левого эсера, представлявшего группу, которая стояла на платформе Советской власти. Председателем ревкома был А. А. Ширямов; 21 января 1920 г. политцентровцы в ответ на требование ревкома вынуждены были сдать формально находившуюся в их руках власть[98].

Таким образом, попытка мелкобуржуазных партий создать «буферное» государство в Восточной Сибири была сорвана. В Иркутской губернии восстанавливалась Советская власть. Иркутские коммунисты, в рас-

поряжении которых к концу января имелось около 16 тыс. вооруженных бойцов, сведенных в несколько дивизий, успешно руководили борьбой с отступавшими от Красноярска каппелевцами. В сложной обстановке 6 февраля 1920 г. Военно-революционный комитет, исходя из материалов следственной комиссии, вынес А. В. Колчаку и бывшему председателю колчаковского правительства В. Н. Пепеляеву смертный приговор. По согласованию с Реввоенсоветом 5-й армии утром следующего дня приговор был приведен в исполнение. Такой конец нашел себе кровавый Колчак[99]. Каппелевцы, встретив под Иркутском отпор революционной повстанческой армии, вынуждены были откатиться дальше к Байкалу; 7 марта 1920 г. в Иркутск вступили части Красной Армии.

Поражение белогвардейской армии осенью 1919 г., бегство Колчака из Омска послужили толчком к усилению подготовки вооруженного восстания в далеком Якутске. Коммунисты Якутска действовали совместно с левоэсеровской организацией. В ночь на 15 декабря 1919 г. восставшие рабочие и революционные солдаты свергли колчаковщину. Власть перешла к ревкому[100].

На Дальнем Востоке и в Забайкалье борьба с белогвардейцами и интервентами затянулась. В этом крае, в силу того что после разгрома колчаковцев и семеновцев долгое время оставались японские войска, Коммунистической партии приходилось придерживаться особой тактики. Размах партизанского движения нарастал повсеместно. Так, 27 декабря 1919 г. и 26 января 1920 г. были освобождены Сучан и Никольск-Уссурийский. В ночь с 30 на 31 января 1920 г. началось и на другой день успешно завершилось вооруженное восстание во Владивостоке. Коммунисты, учитывая обстановку, наличие в Приморье войск интервентов, пошли на установление земской власти. Временное правительство Приморской земской управы — Совет управляющих ведомствами — возглавил правый эсер А. Медведев, но заместителем его был большевик П. М. Никифоров. В состав Совета входили и другие коммунисты. Тактика приморских большевиков, добившихся нейтрализации войск интервентов, была правильной. Позднее она получила одобрение ЦК партии и совпала с его директивными установками об организации системы власти в дальневосточных районах[101].

В Амурской области, разбитой на 4 военных района, партизанское движение осенью 1919 г. продолжало шириться и было более мощным, чем в Приморье. В декабре 1919 г. партизанские отряды, насчитывающие более 20 тыс. человек, объединились; главнокомандующим единой армии был назначен И. Г. Безродных. В дальнейшем партизаны вплотную подошли к Благовещенску и в ночь с 5 на 6 февраля 1920 г. совместно с восставшими солдатами и рабочими очистили его от белогвардейцев. В те же дни партизаны освободили и другие города.

Усилили натиск на колчаковцев и партизаны Приамурья и Сахалинской области, возглавляемые Военно-революционным штабом под председательством командующего отрядами коммуниста Д. И. Бойко. Днем 16 февраля 1920 г. был освобожден Хабаровск, а 29 февраля — Николаевск-на-Амуре. Были освобождены обширные районы Дальнего Востока, в том числе национальные, население которых вместе с русскими приняло в восстановлении власти трудящихся деятельное участие [102].

Тяжелой и длительной была борьба за ликвидацию белогвардейской власти в Забайкальской области. После передачи высшей власти на занятой белогвардейцами территории генералу Семенову в Чите 16 января 1920 г. было образовано правительство восточной Российской окраины во главе с кадетом Таскиным. Таскин беспрекословно подчинялся Семенову, а Семенов — японским интервентам. Репрессии в Забайкалье усилились. Тем не менее борьба продолжалась. Партизанская армия П. Н. Журавлева к весне 1920 г. выросла до 25 тыс. человек, имела 18 артиллерийских орудий, до 70 станковых пулеметов. Действуя смело и решительно, партизаны держали семеновские и японские войска в постоянной тревоге и напряжении.

К началу 1920 г. мощное партизанское движение охватило и Прибайкалье. В начале 1920 г. в повстанческих отрядах Прибайкалья было до 6 тысяч бойцов [103]. К концу февраля их численность возросла еще на несколько тысяч. К этому времени восставшими была освобождена почти вся территория Прибайкалья. В ночь с 1 на 2 марта партизаны штурмом овладели Верхнеудинском, разгромив семеновцев. Интервенты вынуждены были, как и в дальневосточных городах,

объявить «нейтралитет», а спустя неделю начали эвакуацию войск в Читу.

Таким образом, к началу марта 1920 г. в Забайкалье и на Дальнем Востоке власть белогвардейцев была свергнута. Но в связи с наличием там многочисленных японских войск, оставшихся и после эвакуации американцев и других частей, обстановка оставалась сложной, напряженной. Первостепенной задачей было предотвращение прямого военного конфликта с Японией, ее войсками.

Весной 1919 г. на Дальнем Востоке и в Забайкалье была образована Дальневосточная народная республика — «буферное государство». На этот шаг нас вынудила сложная обстановка. Борьба за изгнание японских интервентов, за восстановление Советской власти на Дальнем Востоке продолжалась до ноября 1922 г. С колчаковщиной же было покончено раз и навсегда на всей территории Урала, Сибири и Дальнего Востока к весне 1920 г. Деятельность коммунистов Сибири и Дальнего Востока со второй половины весны 1919 г. развертывалась под знаком полного разгрома колчаковщины и интервентов.

На повышении активности подпольных организаций, усилении революционной борьбы трудящихся масс сказалась плодотворная и интенсивная работа ЦК, Сибирского бюро ЦК РКП(б) и его отделения. Особое внимание они уделяли мобилизации подпольных организаций на вооруженную борьбу — проведение восстаний в городах и селах, расширение партизанского движения и обеспечение партийно-политического руководства им. Важное значение для усиления работы коммунистов, особенно в Восточной Сибири, имел областной подпольный комитет партии, который действовал вплоть до разгрома колчаковщины.

Наступление Красной Армии на Восточном фронте, завершение поворота середняцких масс на сторону Советской власти, укрепление союза пролетариата и крестьянства, улучшение партийного руководства массами, поражение войск Колчака и интервентов, острый кризис в стане контрреволюции и другие важные факторы привели к резкому скачку в развитии революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Основную массу бойцов и командиров партизанских отрядов составляли трудящиеся крестьяне — русские и

представители других национальностей. Рабочие, несмотря на свою немногочисленность, играли в отрядах видную роль, вместе с коммунистами сплачивали ряды партизан, вели активную и решительную борьбу с кулацко-антибольшевистскими элементами. Исходя из указаний ЦК, Сибирского бюро, решений подпольных конференций, коммунисты, командный состав подавляющую часть партизанских отрядов переформировали в полки и создали мощные соединения с единым командованием, политическим аппаратом в том или ином виде, централизованным снабжением. Партизанское движение опиралось на всенародную поддержку, получая от трудящихся разностороннюю помощь. Трудящиеся воочию убедились, что только Коммунистическая партия мужественно и до конца последовательно борется за их интересы. Они глубоко осознали, что единственной гарантией от гнета, бесправия и нищеты является диктатура пролетариата, вступление на путь строительства социализма.

По организации революционных выступлений в городе, деревне и армии, размаху партизанского движения, наносившимся ударам по врагу, значению их для разгрома Колчака, несмотря на отдельные неудачные выступления, срывы и просчеты, допущенные подпольными организациями, большевистское подполье в последние месяцы 1919 г. и в начале 1920 г. достигло наибольших успехов за все время деятельности. Это обстоятельство объяснялось изменившимися и несравненно более благоприятными условиями для подпольной работы коммунистов и революционной борьбы масс. Достигнутые успехи в борьбе с колчаковщиной были бы невозможны без разносторонней и героической деятельности коммунистов и беспартийных подпольщиков. Успехи партийных организаций в тылу Колчака выглядят тем более значительными, если учесть, что многие из организаций весной 1919 г. и позднее понесли огромные потери, некоторые из них прекратили существование вообще, численность коммунистов намного сократилась. Но, несмотря ни на какие трудности, потери, коммунисты-подпольщики с огромным мужеством и самопожертвованием боролись с интервентами и белогвардейцами, успешно руководили революционной борьбой масс до победного конца, внесли в разгром врага и восстановление Советской власти неоценимый вклад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным осуществляла руководство Красной Армией, сражениями на фронтах, мобилизацией трудящихся, всех ресурсов республики на борьбу с белогвардейцами и интервентами, Неотъемлемой частью работы партии была деятельность подпольных большевистских организаций во вражеском тылу, в том числе на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Достижению победы в гражданской войне партия, коммунисты отдавали все свои силы, энергию. «И только благодаря тому, — говорил В. И. Ленин, — что партия была на страже, что партия строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти»[1].

В достижении этого «чуда» — победы над многочисленными внутренними и внешними врагами в период гражданской войны — велика заслуга и самого Владимира Ильича Ленина. В. И. Ленин, не щадя своих сил и здоровья, вел титаническую работу по руководству партией и правительством, сражениями на фронте и усилиями трудящихся в тылу Красной Армии. Ленин уделял внимание развертыванию нелегальной работы коммунистов и борьбы трудящихся в тылу противника, в том числе на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Большую роль в руководстве большевистским под-

польем в этих районах сыграли Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) и его отделение, действовавшие в сложной фронтовой обстановке. Правда, в отдельные моменты в связи с временной ликвидацией бюро ЦК, нарушением по разным причинам регулярных связей с подпольными партийными центрами, провалами некоторых из них руководство большевистским подпольем переставало быть оперативным и конкретным, но тем не менее оно не прерывалось. Как свидетельствуют документы и материалы, у бюро ЦК наиболее тесными и постоянными были связи с уральскими, особенно южноуральскими подпольными организациями. На их работе возникновение и деятельность Сибирского бюро ЦК сказались особенно благоприятно. Но, действуя через своих посланцев, Сибирский ОК РКП(б), бюро ЦК в конечном итоге последовательно направляли деятельность и сибирско-дальневосточных коммунистов-подпольщиков.

Основные направления работы Сибирского бюро ЦК РКП(б) и его отделения, при проведении которой они руководствовались ленинскими принципами партийной конспирации, складывались из разработки и передачи руководителям подполья директивных установок, издания прокламаций, листовок и газет, распространения их, а также других советско-партийных периодических изданий в прифронтовой полосе и в тылу врага, подбору коммунистов, подготовки и переправы их за линию фронта для постоянной партийной, военно-боевой, разведывательной работы и для связи, формирования и посылки на Урал, в ближайший тыл противника партизанских отрядов и групп, координации их действий с действиями наступающей Красной Армии повстанцев, материально-финансовой и иной помощи большевистским подпольным организациям и партизанам, руководства их борьбой, в конечном итоге революционной борьбой широких трудящихся масс, против интервентов и белогвардейцев в целом. Решая эти и другие задачи, бюро ЦК и его отделение опирались на помощь целого ряда партийных, советских и военно-политических органов и отдельных видных работников.

По мере освобождения Урала и Сибири Красной Армией Сибирское бюро ЦК все больше переключается на работу по восстановлению на их территории партийных и советских организаций, народного хозяйства

и тем самым открывает новую страницу своей истории, требующую специального рассмотрения.

Основные результаты деятельности Сибирского бюро ЦК и его отделения нашли свое выражение в конечном итоге в борьбе коммунистов-подпольщиков, партизан и повстанцев, в достигнутых ими успехах. Подпольные организации Урала, Сибири и Дальнего Востока были связаны между собой. Между крупнейшими из них связи поддерживались постоянно и были неразрывными. Подпольными организациями руководил Сибирский областной комитет РКП(б), который действовал на протяжении почти всего периода колчаковщины, а также губернские, областные, общегородские и другие подпольные комитеты. Они проводили в жизнь политическую линию партии, директивы ЦК и Сибирского бюро ЦК, постановления нелегальных сибирских конференций.

В своей деятельности ЦК и бюро ЦК, Сибирский областной комитет РКП(б), подпольные партийные организации постоянно обращались к опыту нелегальной деятельности партии в условиях царизма, широко применяли и обогащали его. Политика и тактика большевистского подполья строилась на основе непременного учета быстро меняющейся обстановки на Урале, в Сибири и в стране в целом.

Важнейшим результатом работы коммунистов-подпольщиков было вовлечение трудящихся в революционную борьбу, всемерное развертывание ее. Революционная борьба трудящихся против колчаковцев и интервентов за освобождение Урала, Сибири и Дальнего Востока и восстановление Советской власти проявлялась в самых различных формах. Основной из них было вооруженное восстание, действия повстанцев. Исключительно важное значение играло и партизанское движение. Вооруженное восстание и партизанское движение, как формы революционной борьбы, были тесно связаны между собой, нередко переходили одна в другую. Вооруженные методы борьбы, в целом как решающие, были продиктованы конкретными историческими условиями — обстановкой гражданской войны в стране, составной частью которой была острейшая классовая борьба в «колчакии», неприемлемостью мирных, ненасильственных форм борьбы за восстановление власти Советов.

Говоря о борьбе трудящихся против Колчака, важно подчеркнуть, что она была в значительной степени и результатом политического самовоспитания масс. Особенно велико было значение перехода на сторону Советской власти среднего крестьянства, на собственном опыте убедившегося в антинародной сущности мелкобуржуазных партий и буржуазной системы власти, повышения уровня политического сознания и революционной активности рабочих и деревенской бедноты. В. И. Ленин 7 ноября 1919 г. отмечал: «Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевиков, этой победы не было бы»[2].

Революционная борьба трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока во главе с большевистскими подпольными организациями явилась одним из решающих факторов, обусловивших разгром Колчака и интервентов и освобождение края. Она создавала благоприятные условия для боевых действий Красной Армии, облегчала и ускоряла решение стратегической задачи Советского государства, рассчитанной на полную победу над белогвардейцами и интервентами. Раскрывая роль революционной борьбы трудящихся в тылу Колчака, В. И. Ленин в сентябре 1919 г. говорил: «Красной Армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной Армии»[3]. Особенно велика роль партизанско-повстанческого движения в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока, до большинства которых не дошли регулярные войска Красной Армии. Революционные массы очистили эти районы от колчаковцев собственными силами.

Опыт работы Сибирского бюро ЦК и его отделения имеет непреходящее историческое значение. Он свидетельствует о большой и разнообразной организационно-политической деятельности Центрального Комитета партии и специально созданных им органов, об умении подбирать и готовить кадры для работы в подполье, направлять его усилия на успешную работу в массах. Он учит коммунистов и трудящихся стран, борющихся за переход к социализму, за демократию и национальную независимость, смелым и решительным революционным действиям в крайне неблагоприятных условиях,

в условиях жесточайших репрессий, умелому использованию ранее накопленного опыта подпольной работы, творческому подходу к марксистско-ленинской теории в применении ее на практике. Опыт подпольной работы коммунистов в период иностранной интервенции и гражданской войны нашел широкое применение в годы Великой Отечественной войны в западных районах страны, временно оккупированных гитлеровцами, и получает отражение в практике мирового коммунистического движения, в процессе борьбы трудящихся за социальный прогресс.

Советские люди помнят о массовом подвиге сотен и тысяч коммунистов-подпольщиков, в том числе посланцев ЦК, Сибирского бюро ЦК, его отделения, и беспартийных борцов против Колчака. Подвиги героев гражданской войны, многие из которых отдали во имя победы идей Великого Октября свои жизни, служат нынешнему поколению советских людей вдохновляющим примером в борьбе за всестороннюю перестройку нашего общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

[2] Там же. Т. 45. С. 387.

[3] Там же. Т. 40. С. 41.

[4] В свое время нами была опубликована отдельными разделами работа «Сибирское бюро ЦК РКП(б) и его отделение во главе большевистского подполья в тылу колчаковских войск» (см.: Из истории уральских и сибирских партийных организаций: Труды / Свердл. горн. ин-т им. В. В. Вахрушева. Свердловск, 1971. Вып. 5; 1972. Вып. 6; 1973. Вып. 7). Сам характер сборников (труды вузов) и минимальный тираж не позволили привлечь к работе внимание широкой читательской аудитории. Главное же то, что в работе решены лишь некоторые вопросы, причем недостаточно полно.

[5] *Плотников И. Ф.* К вопросу о партийных центрах по руководству большевистским подпольем на Урале и в Сибири в годы гражданской войны // Из истории уральских партийных организаций. Свердловск, 1964; *Он же.* Деятельность Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) и его отделения (1918—1919 гг.) // Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1966; *Он же.* Историография Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967. Вып. 11 (Учен. зап. / УрГУ им. А. М. Горького); *Он же.* Историография и источники истории большевистского подполья Урала и Сибири в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Свердловск, 1968; *Он же.* К историографии деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны (1918—1920) // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала. 1918—1920. Свердловск, 1982; *Он же.* Историография Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны (1918—1920) // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905—1920). Свердловск, 1983; *Он же.* К историографии деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны (1918—1920) // Партийные и советские организации Урала во главе борьбы трудящихся за

разгром интервентов и белогвардейцев (1918—1920). Свердловск, 1984.
в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Свердловск, 1960; *Он же.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., 1968; *Он же.* В тылу врага. Большевистское подполье Уфимской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1919). Уфа, 1971; *Он же.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918—1919). Свердловск, 1978; *Он же.* Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986.

[6] См. подробнее: *Плотников И. Ф.* Большевистское подполье

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Подсчитано нами на основе данных А. Г. Рашина (см.: Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956. С. 44—45, 68—69).

[2] Вопросы истории КПСС. 1967. № 4. С. 48.

[3] *Кадейкин В. А.* К вопросу об уровне промышленного развития и составе рабочих Сибири в период пролетарской революции // Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1965. С. 35, 37.

[4] См.: История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 358.

[5] См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 20—21.

[6] См.: *Сафронов В. П.* Октябрь в Сибири: Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск, 1962. С. 376.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 16—17.

[8] В чехословацком корпусе находилась примерно лишь четверть всех военнопленных чехословаков. Немало чехов и словаков в годы гражданской войны сражались в рядах Красной Армии и партизанских отрядах.

[9] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 321.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 241.

[11] См.: Партийный архив Свердловского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64; Вопросы истории. 1956. № 10. С. 98.

[12] См.: *Молотов К.* Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921. С. 18—19; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 62.

[13] См.: Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАНО), ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37; д. 632, л. 7; Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.): Док. и мат-лы. Новосибирск, 1959. С. 64.

[14] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 65.

[15] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 8; д. 584, л. 32; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 1; Архив Главного секретариата редакции «Истории гражданской войны в СССР», ф. 6, оп. 5, папка 19, д. 1; Партизанское движение в Западной Сибири. С. 61.

[16] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 60.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 241.
[18] Там же. С. 54.
[19] Там же. С. 39.
[20] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 620, л. 3—5.
[21] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 219.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 300—302.
[23] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 368—370.
[24] Народное дело. 1918. 24 авг.
[25] См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (в дальнейшем — ЦГАОР), ф. 147, оп. 11, д. 43, л. 37—38; *Хаптаев П. Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. С. 92.
[26] Друг армии и народа. 1919. 19 июля.
[27] Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 96.
[28] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 59.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 28, л. 2.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 77—78.
[31] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 53—54. В сборнике при перепечатке документа допущены отдельные неточности, о чем свидетельствует его фотокопия, помещенная на следующей странице.
[32] См.: Известия. 1980. 20 марта.
[33] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 11, 15.
[34] См.: Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 100; Сибирское бюро ЦК РКП(б). Новосибирск, 1978. Ч. I. С. 59.
[35] См.: Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 100.
[36] См. примечание в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». С. 283.
[37] См.: Исторический архив. 1962. № 2. С. 100—102.
[38] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): Док. и мат-лы. М., 1962. С. 334.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 11.
[40] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАКбО), ф. I-V, оп. 8, д. 54, л. 54—55.
[41] Слово написано неразборчиво, возможно, в «Совет»; если так, то можно предполагать, что имелся в виду или Реввоенсовет Восточного фронта, членом которого был И. Н. Смирнов, или Реввоенсовет Республики.
[42] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 69; Исторический архив. 1962. № 2. С. 107. «Поедет обратно», — вероятно, мыслилось послать А. Я. Бакаева с поручением вновь в Сибирь. Однако членами бюро он был оставлен в нем как сотрудник.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 93.
[44] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 42; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 62.
[45] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 68.
[46] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 1.
[47] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 23; д. 602, л. 80; Партия в период иностранной интервенции и гражданской войны. С. 340; См. подробнее об этом: Партийное руководство революционной

борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала. Свердловск, 1982. С. 18—21.

[48] Имеющие широкое хождение утверждения, что при создании бюро его председателем становится Ф. И. Голощекин (или И. Н. Смирнов), несостоятельны. Члены бюро работали на паритетных началах. Под документами они подписывались как «члены бюро». Лишь осенью 1919 г. после реорганизации бюро, выхода из него Ф. И. Голощекина (он отмечал, что членом бюро был «до занятия Кургана», т. е. до 13 августа 1919 г.; см.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 526, л. 9) председателем становится Смирнов. И. Н. Смирнов в дальнейшем из партии был исключен.

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 8.

[50] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 39, л. 69, 93, 99; ПАКбО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 55.

[51] И. Н. Смирнов в телеграмме ЦК сообщал, что он «ехал две недели до Уфы» (см.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 62). А. Я. Бакаев отмечал, что «ехали долго, прибыли 15—16 января» (см.: ПАКбО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 55).

[52] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 398, л. 2; ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.

[53] См. показания предателя Ф. А. Сатке в колчаковской контрразведке: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 398, л. 2; ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.

[54] Д. К. Гончарова, имевшая среднее медицинское образование, оказала В. И. Ленину первую помощь во время покушения на него у завода Михельсона, сопровождала его в Кремль.

[55] Подлинная фамилия К. О. Эзермана — Эзермал, но с момента ссылки его из Прибалтики в Сибирь, в том числе в рассматриваемое время и до конца своих дней, он всегда жил и работал под именем «Эзермана». Под этим именем он и погребен в г. Кулдига (Латвийская ССР), где длительное время был председателем горисполкома, скончавшись 26 апреля 1948 г. (см.: Советская Кулдига. 1948. 28 апр.). Поэтому нет никаких оснований изменять его имя на Эзермал, как это настойчиво делает А. М. Шиндин — составитель сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (см.: с. 16, 282, 290—291 и др.).

[56] К. О. Эзерман, находившийся летом 1918 г. на подпольной работе в Омске, еще 14 августа был направлен через линию фронта, побывал в Челябинске, Златоусте, Самаре, Сызрани (21 августа), перешел там линию фронта, прибыл в Москву и представил доклад ЦК РКП(б) Сибири и информацию Я. М. Свердлову. Затем направляется в Пермь. Нами обнаружен его опросный лист в штабе 3-й армии от 9 сентября 1918 г. (см.: Центральный государственный архив Советской Армии (в дальнейшем — ЦГАСА), ф. 176, оп. 3, д. 400, л. 11—12). К этому времени он был уже в Перми. Эзерману Уралобкомом партии и военными органами были даны инструкции, 30 тыс. руб., и он направляется в Омск. В октябре 1918 г. он прибыл туда, передал подпольщикам деньги, вновь включился в нелегальную работу. В декабре Эзерман во второй раз направляется с информацией и документами в ЦК и благополучно доставляет их.

[57] См.: Партийный архив Башкирского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАБО), ф. 7655, оп. 1, д. 375, л. 23—25; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 398, л. 2.

[58] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 62.

[59] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 3—4, 11, 14; ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 5—6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2211, л. 2; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 23; д. 584, л. 11—12; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; д. 48, л. 53—54; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 15, 62, 84.

[60] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 68, 76.

[61] Там же. С. 76.

[62] См.: Там же. С. 69—70; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1—2.

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 93, 99; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 53.

[64] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[65] См.: ЦПА, ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 3.

[66] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 638, л. 4—6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[67] Гражданская война на Южном Урале (1918—1919): Сб. док. и мат-лов. Челябинск, 1962. С. 208—209.

[68] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 79.

[69] Н. И. Уфимцев принял самое непосредственное участие в организации подпольной работы на Среднем Урале.

[70] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 53; д. 1186, л. 2—4; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 78—79; *Сивков В. Ф.* Пережитое. Пермь, 1968. С. 219—222.

[71] См.: Гражданская война на Южном Урале. С. 211—212.

[72] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 885, л. 1; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 19; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 161; *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 годах (Хроника событий). М., 1976. С. 300. Нельзя согласиться с А. М. Шиндиным, полагающим, что в составе отделения было бюро — «Северо-Уральское бюро». По его версии, структура была такой: отделение — бюро — президиум бюро. При этом он в качестве членов бюро и его президиума указывает всех членов отделения: Н. И. Уфимцева, А. А. Ляка и С. Ф. Баранова (см.: *Шиндин А. М.* Историография Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны в Сибири. Новосибирск, 1974. Вып. 102. С. 52; *Он же.* Введение // Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 14—15). Как мы видели, в президиуме состояли лишь председатель и секретарь. Бюро же в отделении не создавалось. Термин «бюро» иногда его членами и членами Сиббюро в переписке и телеграфных разговорах употреблялся в смысле «отделение». Существовало отделение Сибирского бюро (с президиумом) и штатом сотрудников при нем (см. подробнее об этом в нашей статье в сб. «Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала». Свердловск, 1983. С. 92—95.

[73] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9. В сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (см. с. 95) допущены неточности в перепечатке документа.

[74] Гражданская война на Южном Урале. С. 211.

[75] См.. Там же. С. 212.

[76] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 638, л. 4—6.

[77] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[78] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 4.

[79] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 3, 7 а.

[80] См.: Там же. Л. 3.

[81] ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 22.

[82] См.: *Казаков А. Я.* О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) // Вопр. истории КПСС. 1960. № 1. С. 131 и др.

[83] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

[84] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 99.

[85] См.: Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем — ГАСО), ф. 1200-р, оп. 2, д. 63-е, л. 3 и об.

[86] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 20, 52—53; д. 1186, л. 2—4; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 26; ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 63-е, л. 3.

[87] См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 128-б, л. 1—2.

[88] См.: Партизанское движение в Западной Сибири. С. 79—87.

[89] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 62, 69.

[90] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 8.

[91] См.: Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 34; В борьбе за власть Советов. Свердловск, 1957. С. 211; *Валек Р.* Жизнь в борьбе: Воспоминания о большевистском подполье. Свердловск, 1963. С. 99.

[92] *Шиндин А. М.* Историография Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны в Сибири // Установление и упрочение Советской власти в Сибири. Новосибирск, 1974. С. 53.

[93] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 61—62.

[94] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 67.

[95] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 1—2.

[96] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 280.

[97] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 19.

[98] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 505, л. 7, 162; д. 885, л. 1; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 161.

[99] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117.

[100] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 185.

[101] См.: Там же.

[102] В частности, члены бюро именовали свои доклады ЦК то как доклады «Сибирского», то как «Урало-Сибирского» бюро ЦК (см., напр.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 13).

[103] В отличие от некоторых авторов мы показали, что после временной ликвидации, приостановки деятельности самого бюро отделение не ослабило, а резко активизировало свою деятельность, послав в тыл врага, как мы подсчитали, почти полторы сотни коммунистов и бойцов — партизан, причем и в те районы (Южный Урал, Сибирь, Дальний Восток), которыми прежде занималось бюро. Как же было не сказать об этом?!

[104] См.: Установление и упрочение Советской власти в Сибири. С. 58—59.

[105] Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 539. Заметим, что в приведенном положении имеется и фактическая неточность. Отделение стало именоваться как бюро не с февраля, а только в конце марта 1919 г., после Пленума ЦК от 25 марта.

[106] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 505, л. 7; *Шиндин А. М.* Деятельность Сибирского бюро ЦК РКП(б) с момента организации и до конца 1919 г. // Материалы XI научной сессии Новосибирского пединститута. Новосибирск, 1967. Вып. I. С. 33.

[107] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117.

[108] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 49.

[109] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 64; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 49; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1972. Т. 7. С. 405—407.

[110] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 8.

[111] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 117; д. 505, л. 7; *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 гг. (Хроника событий). С. 300.

[112] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 65. Штамп имел развернутое название органа: «Р.С.Ф.С.Р. Урало-Сибирское Бюро Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)».

[113] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 1 (см. также: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 161, где текст искажен).

[114] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 162.

[115] См.: Там же. Л. 52, 101, 189—190; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 177—179.

[116] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 42; д. 582, л. 3—4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[117] *Смирнов И.* Миньярцы // Октябрь на Южном Урале. М.; Л., 1926. С. 88.

[118] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 69, 73 и др.

[119] Омские большевики в борьбе за власть Советов: Сб. док. и мат-лов. Омск, 1952. С. 163.

[120] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 22; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1071, л. 89; Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 163. Оригиналы записок Я. М. Свердлова и Ф. И. Голощекина колчаковцы уничтожили, предварительно сняв с них копии. Они указывали, что, в отличие от записки Свердлова, вторая записка написана черными чернилами (составители сборника, на который мы только что ссылались, ошибочно отмечали, что обе они написаны красными чернилами и принадлежат перу Свердлова). В найденных нами заверенных копиях текст несколько разнится с тем, который бытует в документальных сборниках. Считаем необходимым отметить, что авторство Ф. И. Голощекина второй записки установили впервые мы весной 1961 г. в докладе на заседании Военно-исторической секции при Центральном музее Советской Армии, текст которого тогда же был разослан в ИМЛ при ЦК КПСС и во все крупнейшие партийные архивы Сибири и Урала. Опубликовать же результаты нам довелось лишь спустя три года (см.: Из истории уральских партийных организаций. Свердловск, 1964, С. 72—73).

[121] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 18; д. 1503, л. 6.

[122] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 75.

[123] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 22; Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 458; Партийный архив Курганского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАКО), ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 545. В чемодане белогвардейцы обнаружили упомянутые записки, удостоверение военного контроля на имя А. А. Григорьева и, как отмечали колчаковцы, 37 510 руб. (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 6). Поскольку в чемодане оказалось и удостоверение на имя Григорьева, возможно, он не вскрывал двойного дна чемодана, все 100 000 рублей находились там же и при обыске их большая часть, очевидно, была присвоена самими колчаковскими контрразведчиками. Однако нельзя исключать, что чемодан Григорьевым вскрывался и он передал часть денег Челябинской орга-

низации, ибо доставленная им сумма денег предназначалась «для четырех крупных организаций» (см.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 69). В связи с арестом Л. З. Годисовой и обнаружением у нее записки Я. М. Свердлова и прочего многие авторы в прошлом, а некоторые и ныне ошибочно утверждают, что она была связной ЦК, Сиббюро ЦК и многократно переходила линию фронта. На самом деле линию фронта она не переходила ни разу.

[124] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 3—5; Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 123—127.

[125] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 21; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 73.

[126] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2; д. 584, л. 27—31.

[127] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 21; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 74.

[128] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 79.

[129] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

[130] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 4.

[131] В некоторых документах вместо Кунгурского указывается Курганский район. Судя по всему, в этих случаях допущены оговорки; имеется в виду Кунгурский район.

[132] См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 63-е, л. 3; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 74.

[133] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[134] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 209.

[135] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 38, л. 84, 99; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 209.

[136] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 5; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 9.

[137] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1079, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2211, л. 2.

[138] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 2—5; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2211, л. 2.

[139] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 10.

[140] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 64, 109; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 5; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 62.

[141] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 64—65.

[142] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 24—25; д. 585, л. 24; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 77.

[143] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 25.

[144] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 8; оп. 2, д. 585, л. 5; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 52; д. 505, л. 1.

[145] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2211, л. 2.

[146] ЦГАОР, ф. 304, оп. 1, д. 8, л. 1.

[147] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 101.

[148] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-а, л. 84; д. 15-в, л. 263; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32.

[149] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 219.

[150] Там же. Л. 217.

[151] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 48; д. 585, л. 32; ЦГАСА, ф. 39736, оп. 1, д. 118, л. 25—26.

[152] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 6; ПАСО ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 122.

[153] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 250.

[154] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15.

155 ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 23, л. 4.
156 См.: Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 166—167.
157 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 61; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 3.
158 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.
159 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 24—25; д. 585, л. 24; д. 582, л. 2.
160 См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 141.
161 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 117, 120; д. 504, л. 43.
162 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 285.
163 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 70, 75, 77; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 87.
164 См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 52—53, 73.
165 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 35—36, 108, 143—144, 150—157; д. 1222, л. 33.
166 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 73.
167 См.: Там же.
168 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 4—5.
169 Члены отделения бюро ЦК ставили в известность о привлечении ими для подпольной работы коммунистов, отдельных руководителей местных партийных организаций.
170 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 211.
171 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 78.
172 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 109.
173 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 111; д. 883, л. 54.
174 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 54.
175 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 111.
176 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 45.
177 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 73; д. 505, л. 28—29; д. 883, л. 48.
178 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 73.
179 Там же. Л. 92.
180 См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 4.
181 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 14.
182 См.: Там же. Л. 263—264.
183 См.: Партийный архив Пермского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАПО), ф. 90, оп. 3, д. М-20.
184 ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 91, л. 22.
185 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504. л. 55.
186 Там же. Л. 66.
187 См.: ПАПО, ф. 90, оп. 3, д. М-20; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 31.
188 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 38—40; д. 2334, л. 2—4; ПАПО, ф. 90, оп. 3, д. М-20.
189 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 21, 148; д. 1222, л. 33—34.
190 ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 251.
191 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 52.
192 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 141.
193 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 106.
194 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 24—25; ЦГАОР, ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.
195 ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 10.

[196] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 115, л. 4—6.
[197] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 75.
[198] См.: Там же. Л. 32.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[1] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 252.

[2] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 52; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 5.

[3] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 28—29, 43.

[4] Там же. Л. 28.

[5] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474. л. 23—24; ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 151—152.

[6] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474, л. 23—24. М. П. Туркина и Н. В. Жужгова на участке 5-й армии переправить не удалось. Они вернулись в Вятку и были переправлены западнее Перми (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1222, л. 34), о чем речь пойдет далее.

[7] Партия в период иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1962. С. 336.

[8] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11; д. 585, л. 23—24.

[9] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11—12.

[10] См.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94.

[11] ПАСО, ф. 4, оп. 1, д. 22, л. 33.

[12] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 26.

[13] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 335—336.

[14] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 19-а, л. 336.

[15] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 84—86; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 505, л. 22.

[16] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190.

[17] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; д. 585, л. 22; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 87.

[18] Манегора — параллельное местное название с. Никольского.

[19] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 85—87; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 22.

[20] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 120.

[21] ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 184-п, л. 4—5.

[22] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 150; д. 505, л. 74—75, 78; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433 л. 2—5.

[23] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 4.

[24] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 143—144, 150—153, 163; д. 2332, л. 28.

[25] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1086, л. 2—5; д. 1433, л. 4—5; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. 1, л. 335. К счастью, Андреева знала лишь некоторые (екатеринбургские) адреса. Тяжело пострадала семья Мельниковых. Усугубилось положение уже находившегося под арестом В. П. Мельникова, который вследствие жесточайших пыток, истязаний на его глазах матери сошел с ума и умер в Пермской психиатрической больнице в июле 1919 г. спустя неделю после прихода Красной Армии. Погиб его брат П. П. Мельников. Другой брат — А. П. Мельников, тяжело больной после пыток, и А. П. Ярцева были освобождены из Пермской тюрьмы Красной Армией.

[26] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2334, л. 4—20. В. П. Андреева

была освобождена из тюрьмы с вступлением в Пермь Красной Армии.

[27] Каких-либо данных о судьбе Алексеевского, Филиппова и Удалова автору найти не удалось.

[28] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 37; Сибирское бюро ЦК РКП(б). Новосибирск, 1978. С. 92.

[29] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; д. 585, л. 23; д. 593, л. 251. А. И. Катунин партийному центру вручил не 50, а 48 тыс. руб. (см.: Там же. д. 602, л. 80).

[30] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 35, л. 7.

[31] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2.

[32] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 336.

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

[34] Газета печатников. 1919. 10 февр.

[35] Впоследствии Б. З. Шумяцкий признавал, что в период колчаковщины он «совершил серьезные ошибки» (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2196, л. 25—26).

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 220.

[37] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[38] ПАНО, ф. 5, оп 6, д. 120, л. 35. По сведениям белогвардейцев, Э. С. Гольцману было выдано 100 тыс. руб. (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 2).

[39] ПАНО, ф. 5, оп. 6. д. 120, л. 26.

[40] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 122, л. 1.

[41] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 32.

[42] Там же. Д. 636, л. 8.

[43] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 7.

[44] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11—12.

[45] См.: Там же. Л. 11—13; оп. 6, д. 120, л. 4; ПАКбО, ф. I—V, оп. 8, д. 54, л. 56.

[46] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 8; оп. 6, д. 120, л. 69.

[47] См.: Советская Башкирия. 1981. 3 сент.

[48] См.: Ленинец (орган Башкирского обкома ВЛКСМ). 1973. 19 мая.

[49] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 83—84.

[50] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 1—3. Воспоминания И. И. Антонова со слов его жены В. П. Антоновой (эпизод, связанный с арестом и побегом).

[51] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 2.

[52] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.

[53] Там же.

[54] См.: ЦГАОР, ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.

[55] ЦГАОР, ф. 3872, оп. 1, д. 23, л. 1.

[56] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 251; д. 585, л. 22.

[57] В протоколе заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 22 января 1919 г. было записано: «Деньги миньярских и симских рабочих впредь до занятия нами Миньяра и Симска остаются в руках рабочих» (Вопросы истории КПСС. 1965. № 8. С. 113). Однако информация об этом решении запоздала. В дальнейшем ЦК против использования денег миньярцев не возражал.

[58] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л 88—89, 140.

[59] Мы приводим цифры по финансовому подробному и сбалан-

сированному отчету К. М. Туманова (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 1—2; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 105—106). Встречающаяся в материалах бюро ЦК и приводившаяся отдельными авторами цифра 629 тыс. руб. (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16; д. 593, л. 251) неточна. Она была сообщена бюро рабочими, пришедшими из Миньяра еще до возвращения оттуда К. М. Туманова (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16). Подпольщиками при выполнении операции было израсходовано 4600 руб.

[60] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2.

[61] О том, что в Омск было увезено 300 тыс., говорила на следствии С. А. Кривая (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79). Именно такая сумма была получена Сибирским ОК (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 80).

[62] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1. д. 1252, л. 88, 140; Партийный архив Челябинского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 416, л. 4.

[63] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2.

[64] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 6—21; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79.

[65] ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 2, 14, 21; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 79. Точное датирование времени отъезда С. А. Кривой из Челябинска важно во многих отношениях, в частности для опровержения распространенных утверждений о том, что она работала в Челябинске вместе с З. И. Лобковым и А. А. Григорьевым. В действительности С. А. Кривая выехала из Челябинска до их приезда туда.

[66] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 4.

[67] См.: Там же. Д. 627, л. 11.

[68] Славное сорокалетие: Из истории Красноярской партийной организации (1917—1957). Красноярск, 1957. С. 198.

[69] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 2.

[70] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

[71] Там же. Д. 1499, л. 14.

[72] См.: Там же. Л. 14—15; ЦГАСА, ф. 402218, оп. 1, д. 10, л. 8. В документах содержатся противоречивые сведения относительно того, какую сумму денег имела и должна была передать в Сибирь группа А. Я. Валека. В некоторых из них говорится, что А. Я. Валек получил осенью 1918 г. в Москве 2 млн руб. Белогвардейская печать писала, что в Перми «для организации оставлено 800 000 керенками» (Уральская жизнь. 1919. 9 мая). Часть денег (возможно, более половины) А. Я. Валеком была взята с собой, когда он с другими коммунистами остался в Перми для подпольной работы. По одним сведениям (протоколу допроса А. Я. Валека, приведенному нами), в Сибирь («в Иркутск») было отправлено 400 тыс. руб., по другим — две суммы (одна — в ЦК РКП(б) Сибири, другая — в Иркутск). Этих денег коммунисты Омска не получили.

[73] К. М. Туманов за период сравнительно кратковременной поездки в Миньяр на организацию отряда лыжников, оплату проводников в оба конца имел более 5 тыс. руб. В финансовом отчете бюро он указал, что 4600 руб. «израсходовано на разведки, проводников, подводы, лыжи, харчи и проч.» и остаток в 600 руб. сдал И. Н. Смирнову (см.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 106).

[74] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 13; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 835, л. 75.

[75] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 56.

[76] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 286.

[77] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 432.

[78] Члены Сибирского бюро, информируя 15 февраля о проделанной работе отделения бюро, писали: «Посылали и деньги — 300 000 руб. и еще 500 000 руб. да на одно специальное дело 1 500 000 руб.» (ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9). Последняя сумма — это, несомненно, деньги, привезенные Сатке. Составители сборника «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» исказили документ (с. 95), напечатав вместо «500 000 руб.» «50 тыс. руб.»

[79] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 50.

[80] Там же. Л. 50—56.

[81] См.: Там же. Л. 50.

[82] См.: ЦГАОР, ф. 236. оп. 1, д. 19-а, л. 336. Фотокопия мандата бюро ЦК, выданного И. Б. Борисову, запрашивалась одной инстанцией у другой «для приложения к делу о Сатке, Борисове и др.».

[83] И. Н. Смирнов писал об этом достаточно определенно, указывая, что 750 тыс. были переданы «Александру», посланному вслед за Сатке и прибывшему незадолго до того «из третьей армии» (см.: Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 130). Ясно, что речь идет о И. Б. Борисове.

[84] См.: ЦГАОР, ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11. И. Н. Смирнов писал, что «Александр» из Вятки прибыл с женой. Очевидно, И. Борисов переправился через фронтовую линию вместе с ней.

[85] ЦГАСА, ф. 40218, оп. 1, д. 87, л. 59.

[86] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 59. Нечто сходное в начале мая 1919 г. сообщал челябинский коммунист В. Г. Киселев, перешедший к красным: «Урало-Сибирским бюро были посланы в Челябинскую организацию 3 товарища... с полутора миллионами рублей; и, как ему сообщили, 2 из них пойманы и расстреляны, а третьему удалось удрать, но без денег» (Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 191).

[87] Борьба за Урал и Сибирь. С. 131—132.

[88] См.: Омские большевики в борьбе за власть Советов. Омск, 1952. С. 179—180.

[89] ЦГАОР, ф. 1470, оп. 1, д. 21, л. 11.

[90] Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 180.

[91] В борьбе с контрреволюцией: Сб. док. мат-лов. Омск, 1959. С. 117—119.

[92] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 34, л. 38.

[93] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 2. И. Н. Смирнов, в отличие от П. Г. Кринкина, писал, что Сатке умер от тифа еще до завершения следствия (см.: Борьба за Урал и Сибирь. С. 133).

[94] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 3; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 54. Мы отмечали, что при аресте группы «Иван» (П. И. Смирнова) у Андреевой было изъято 118 500 руб.

[95] Одну из попыток выяснения общей и частных сумм, посланных бюро ЦК подпольным организациям Урала и Сибири в рассматриваемый период, сделал А. М. Шиндин (см. примечания в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». С. 290). Он пишет: «В январе и феврале 1919 г., согласно публикуемым финансовым отчетам и докладам, Сиббюро направило в тыл врага через своих сотрудников 3 317 900 руб. на организацию нелегальной партийной работы. В

Челябинск — 200 тыс. руб. с А. А. Григорьевым, Трениным (Алексеевским), З. И. Лобковым, М. С. Ивановым; в Миньяр — 201 тыс. руб. с К. М. Тумановым; в Омск — 250 тыс. руб. с И. Б. Борисовым (Цветковым), А. И. Катуниным (Агибаловым); на Экибастузские копи — 1500 тыс. руб. с Сатке (Ф. А. Ситняковым) и Александром. 53 большевистским организациям Урала и Сибири, числящимся в списке Сиббюро, дано 218 900 руб. В Перми, при отступлении советских войск, группе коммунистов во главе с А. Я. Валеком оставлено 500 тыс. руб. Миньярская большевистская ячейка на эти же цели выделила из подпольной кассы 443 200 руб. Из большой суммы, отправленной Сиббюро в белогвардейский тыл, только часть поступила в распоряжение подпольных большевистских организаций. Благополучно доставили деньги в Омск И. Б. Борисов (Цветков) и А. И. Катунин (Агибалов). Из Миньяра в Златоуст было привезено 150 тыс. руб., в Челябинск Ф. Вдовин привез 100 тыс. руб. для местной партийной организации; Чертов и Стукин — 320 тыс. руб. для Сибирского обкома РКП(б). Из Челябинска в Омск эти деньги переправила С. А. Кривая в марте 1919 г. Из 100 тыс руб, доставленных в Челябинск А. А. Григорьевым, на партийные цели использовано только 63 тыс. руб., 37 тыс. были изъяты вражеской контрразведкой при аресте у Л. З. Годисовой в Новониколаевске». Здесь что ни слово, ни цифра, то и ошибка или неточность, не говоря уже об общей сумме, весьма заниженной. Не вдаваясь во все детали приведенных высказываний, укажем лишь на наиболее значительные ошибки. Приведенные данные относятся и к декабрю 1918 г. И. Б. Борисов деньги в ОК, в Омск не доставил; 218 900 руб., якобы данных 53 уральским и сибирским организациям, взяты из документа, в котором лишь проектировались ежемесячные расходы на организации, которые также названы предположительно. Одним словом, этой суммы подпольщикам не посылалось. Деньги, врученные А. А. Григорьеву, предназначались не столь для Челябинской организации, как для ОК РКП(б) (Омска). Причем, как мы уже писали, скорее всего основную часть суммы присвоили при обыске Л. З. Годисовой колчаковцы. Приведенные нами данные основаны на достоверных источниках. При этом мы брали во внимание лишь денежные суммы, направленные подпольщикам Сибирским бюро ЦК и его отделением, часть из которых поступала из ЦК РКП(б). Не рассматривались те денежные суммы, которые переправлялись через фронтовую линию ЦК непосредственно, помимо бюро, и другими, в частности военными органами. Например, зимой в конце 1918 г. в Сибирь доставила крупную сумму денег, полученных в ЦК, Е. С. Федорова (сама она указывает 200 тыс. руб.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 565, л. 28).

[96] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 80; Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 143. Следует отметить, что некоторые суммы получала латышская партийная организация, имевшая центр в Омске и длительное время действовавшая практически самостоятельно. Колчаковцы 12 марта 1919 г. отмечали, что «в г. Омск прибыла из Советской России сестра милосердия — латышка, привезшая для местной организации Латышской партии большевиков-коммунистов деньги» (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 120, л. 7).

[97] Все три листовки имеются в ПАНО (ф. 5, оп. 2, д. 587, л. 1—3 и д. 589, л. 1). Две из них хранятся в ПАСО (ф 41, оп. 1, д. 505, л. 11, 13). Они опубликованы (по материалам ПАНО) в

сб. «Партизанское движение в Западной Сибири» (с. 57—60 и 114—115) и частично в ряде других сборников документов и материалов. В материалах Сибирского бюро имеется дневник работы за февраль месяц и ряд других документов, позволяющих установить точные даты выпуска листовок. Листовки «Вставай, подымайся, рабочий народ!» и «Солдаты и казаки» выпущены 13 февраля, а 14 февраля — «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам» (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 7). О выпуске этих листовок идет речь в ряде документов и писем того же периода.

[98] Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959. С. 115.

[99] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[100] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 31.

[101] См.: Сибирское бюро ЦК РКП (б). С. 85—86, 187. Количество винтовок (600), очевидно, указывалось без учета имеющихся для вооружения отряда (около 100 винтовок; многие из бойцов взяли с собой «личное» припрятанное оружие).

[102] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10—11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1—2; д. 584, л. 20, 30—31, 56; д. 636, л. 9; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9; д. 1252, л. 74—75.

[103] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 335—336.

[104] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2; д. 584, л. 15.

[105] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15—16. Второй инициал Фатеева нам установить не удалось, отдельные авторы считают, что его звали Ф. Е. Фатеев. Но этот подпольщик (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 40) в данное время находился в Миньяре и сам отмечал, что Сибирское бюро из Уфы в Миньяр посылало другого человека; он называет его Н. Г. Фатеевым.

[106] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

[107] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 8; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 80.

[108] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 80—82.

[109] См.: Там же. С. 84.

[110] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 70, 75, 77.

[111] Воспоминания В. П. Заикина. С. 17—18. Хранятся у автора книги.

[112] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 120, л. 8.

[113] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 82.

[114] ПАНО. ф. 5, оп. 2. д. 593, л. 30.

[115] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 86—87.

[116] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 19.

[117] См.: Воспоминания В. П. Заикина. С. 18.

[118] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 40.

[119] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190.

[120] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 101.

[121] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 92—105.

[122] См.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 92, 105, 140; д. 1213, л. 134; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 77, л. 43. В некоторых воспоминаниях называется цифра 160—170 человек. Точные сведения о численности отряда имеются только в одном документе — записи беседы с бойцами отряда,

прибывшими в Уфу 4 марта. Там сказано, что в отряде было 120 миньярцев и 28 ашинцев (Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 100).

[123] Агенты контрразведки штаба 6-го белогвардейского корпуса сообщили, что за два часа до их прибытия в Терпелинские казармы к фронту прошел отряд лыжников-рабочих (см.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94).

[124] См.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 82—83.

[125] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1810, л. 4.

[126] См.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 80—82; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 92, 106; д. 1760, л. 11—12; Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 256; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 101.

[127] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 80. В материалах Сиббюро сохранился финансовый отчет Я. Заикина, составленный 5 апреля 1919 г. Из него следует, что он получил в бюро 5 тыс. руб. «на расходы по командировке в полосу фронта для установления связи с тылом противника». Он израсходовал 1996 руб. 80 коп. и 3003 руб. 20 коп. вернул в кассу бюро (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 593, л. 105). Речь, очевидно, идет о выполнении задания именно Я. Г. Заикиным. Об А. С. Коржакове речь пойдет еще далее.

[128] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94. Белогвардейцы отмечали, что на сторону Красной Армии мелкими отрядами переходили и крестьяне. Так, из д. Ивановка за линию фронта ушел отряд в 23 человека. Всего в феврале в связи с проводившейся мобилизацией на этом участке фронта, по данным колчаковцев, перешло до 400 человек (См.: ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 82—83, 94).

[129] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 30.

[130] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 28; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 71, 187. В докладе в ЦК в мае 1919 г., по прошествии времени Смирнов писал, что в отряде было «200 штыков». Это расходится с данными более ранних документов бюро и является цифрой преуменьшенной.

[131] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 28; ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 20.

[132] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 20.

[133] Распространенное мнение, что отряд Я. Х. Ахметова был, как партизанский, специально послан в тыл врага, неверно.

[134] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 84, л. 21; *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 408—412; *Эйхе Г. Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 101—160.

[135] См.: Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 101. Автор публикаций Л. М. Спирин называет днем отправки телеграммы 22 марта, но ссылки на документ не приводит. Другой автор называет дату «временной приостановки», как он выражается, деятельности бюро ЦК 24 марта (см. сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». С. 295).

[136] Материалы XI научной сессии Новосибирского пединститута, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Новосибирск, 1967. Вып. 1. С. 33.

[137] ЦПА ИМЛ, ф. 17. Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 26 марта 1919 г.

[138] См.: *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 годах (Хроника событий). М., 1976. С. 306.

[139] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

[140] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 3—14; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 325.

[141] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 92—93. Бюро ЦК приняло активное участие в формировании из эвакуированных рабочих 2-го уфимского полка (см.: Материалы XI научной сессии Новосибирского пединститута. Вып. 1. С. 32).

[142] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 58.

[143] ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 122.

[144] Там же. Л. 103.

[145] См.: Там же. Л. 122.

[146] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 6—7.

[147] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 11, 86. Каких-либо сведений о В. В. Марцинкевиче и выполнении им задания нами не найдено. Известно лишь, что после гражданской войны он остался в живых. Можно предположить, что задание он выполнил.

[148] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 78.

[149] Там же. Л. 71.

[150] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 72.

[151] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 34, л. 28—33.

[152] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; оп. 4, д. 1433, л. 2—5; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 75, 78.

[153] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1433, л. 4—5.

[154] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 9.

[155] Там же.

[156] Там же.

[157] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 126.

[158] См.: Там же, д. 506, л. 17.

[159] См.: Там же.

[160] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 55, л. 159.

[161] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 347.

[162] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 54.

[163] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 9, 13—14, 86—87. Составителями сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (с. 164) допущены искажения текста доклада В. А. Иванова. В частности, время приезда его на фронт указывается 18 марта, тогда как это произошло 13 марта.

[164] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 42—43, 130—158, 218, 232—234, 269—283; д. 506, л. 9—14, 87.

[165] См. вводную статью в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». С. 18.

[166] Партия в период военной интервенции и гражданской войны. С. 347.

[167] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, л. 101—102.

[168] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 741, л. 32.

[169] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 4, л. 11.

[170] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 3; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 359, л. 16; Государственный архив Челябинской области, ф. 991-р, оп. 1, д. 1, л. 24, 37; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 118.

[171] См.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 329, л. 28—30; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 639, л. 31.

[172] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 335, л. 144—145.
[173] ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 139.
[174] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 33; Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1962. С. 263; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 118.
[175] См.: ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 327, л. 97; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2.
[176] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-а, л. 89.
[177] См.: ЦГАОР, ф. 3845, оп. 2, д. 1, л. 57.
[178] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 16, л. 2—14.
[179] См.: ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 88, л. 7—10.
[180] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 850, л. 74; ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 17, л. 6—7; Партийный архив Омского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАОО), ф. 19, оп. 24, д. 88, л. 7—10.
[181] Центральный государственный архив Казахской ССР (в дальнейшем — ЦГА Каз. ССР), ф. 125, оп. 1, д. 47, л. 175.
[182] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1014, л. 6—7; *Пахмурный П. М.* Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1965. С. 421—422.
[183] См.: Партийный архив Семипалатинского обкома КПК, ф. 1199, оп. 1, д. 1, л. 6—10; Государственный архив Павлодарского обкома КПК; ф. 18, оп. 1, д. 93, л. 1.
[184] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 48; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1018, л. 26.
[185] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1019, л. 8—10; Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935. С. 38—42.
[186] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15-б, л. 52.
[187] См.: Партизанское движение в Западной Сибири. С. 187—188; Повстанческое движение на Алтае. С. 43—44.
[188] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 47-б, л. 51; Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (в дальнейшем — ПААК), ф. 1061, оп. 3, д. 36, л. 3; оп. 1, д. 265, л. 24—42; д. 244, л. 35; Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1957. С. 273—274.
[189] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 23; д. 228, л. 85—86.
[190] Там же. Д. 12, л. 22.
[191] См.: Боевые годы. Новосибирск, 1959. С. 148—149.
[192] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 10-б, л. 88; д. 118, л. 6.
[193] Партийный архив Красноярского крайкома КПСС (в дальнейшем — ПАКК), ф. 64, оп. 4, д. 337, л. 1, 3; оп. 5, д. 325, л. 1; д. 382, л. 3, 13; д. 576, л. 26.
[194] ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 483.
[195] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 157, л. 11—20.
[196] См.: ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 7, л. 305.
[197] См.: ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 483; ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 124, л. 29; Пролетарская революция. 1929. № 10. С. 100—105.
[198] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 8, л. 15—18; ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 82.
[199] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 192—193.
[200] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16.
[201] См.: Там же; *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны. М., 1962. С. 67.
[202] См.: ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 65.

[203] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 6, л. 214.
[204] См.: ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 2.
[205] ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, д. 15, л. 563.
[206] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 8, л. 15—18.
[207] ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 156, л. 9.
[208] См.: ЦГАОР, ф. 253, оп. 2, д. 76, л. 483.
[209] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1607, л. 1; Автономная Якутия. 1925. 15 дек.; 1928. 16 дек.
[210] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16.
[211] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 145.
[212] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 16—17.
[213] См.: *Беликова Л. И.* Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1967. С. 22—23.
[214] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 21.
[215] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 108.
[216] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 23.
[217] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 16, л. 94.
[218] Красный остров: Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре в 1918—1922 гг. Хабаровск, 1967. .С 165—166.
[219] См.: ЦГАОР, ф. 135, оп. 1, д. 68, ч. I, л. 170.
[220] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 21; Эхо. 1919. 3 апр.
[221] См.: ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 96, л. 3—5, 35—41.
[222] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 12, л. 1; ф. 1429, оп. 1, д. 96, л. 35—48.
[223] См.: В борьбе с контрреволюцией. С. 101.
[224] ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 920, л. 2.
[225] См.: ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 95, л. 2—11; *Рощевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 228—245.
[226] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 2; Партийный архив Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем — ПА КФИМЛ), ф. 811, оп. 1, д. 28, л. 15—19. Партийный архив Кокчетавского обкома Компартии Казахстана. Воспоминания Ф. В. Щербатюка. Л. 14.
[227] См.: ЦГА Каз. ССР, ф. 544, оп. 1-б, д. 26, л. 143.
[228] См.: ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, д. 11, л. 140—141; Государственный архив Красноярского края (в дальнейшем — ГАКК), ф. 1752, оп. 1, д. 26, л. 110—117; ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 582, л. 101; Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 133—134, 152, 153, 241—252.
[229] История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 116.
[230] См.: Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (в дальнейшем — ЦГА РСФСР ДВ), ф. р. 2789, оп. 1, д. 159, л. 1.
[231] См.: ЦГАОР, ф. 135, оп. 1, д. 68, ч. I, л. 254; Красногвардейцы и партизаны, Чита, 1957. С. 46.
[232] См.: *Крушанов А. И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962. С. 167—173; *Малышев В. П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 163—185.
[233] См.: *Крушанов А. И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. С. 174—175.
[234] См.: Там же. С. 157.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[1] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 176.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 143.

[3] Там же. Т. 39. С. 221.

[4] См.: Там же. Т. 50. С. 336, 344.

[5] Там же. Т. 39. С. 54.

[6] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10—11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 52, 101.

[7] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 90—92, 117; д. 885, л. 348—352.

[8] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 50.

[9] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1962. С. 352.

[10] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 159.

[11] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 71—72; ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 251.

[12] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 48—49.

[13] ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 220-в, л. 2.

[14] В связи с тем, что Сибирское бюро ЦК в дальнейшем было восстановлено и партийный орган в Вятке вновь вошел в его непосредственное подчинение, мы будем именовать его по-прежнему «отделением».

[15] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 19.

[16] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 48—49; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 19.

[17] В документах, причем в одних и тех же, этот орган называется и «подотделом», и «отделом» бюро ЦК (см.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 218—221; ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 4). Учитывая, что в таком важном документе, как «Общая схема организации Урало-Сибирского бюро» (см.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 218) во всех случаях речь идет о «военном отделе» наряду с хозяйственным и паспортным, мы будем называть его «отделом».

[18] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 48—49.

[19] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). Новосибирск, 1978. С. 95—96.

[20] См.: Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919: Сб. док. Челябинск, 1962. С. 215.

[21] См.: Там же.

[22] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 219—220.

[23] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 1; ф. 221, оп. 2, д. 106, л, 22.

[24] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 80, л. 27—35.

[25] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 217—218.

[26] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 20.

[27] См.: Там же. Д. 1186, л. 2—4.

[28] Там же. Д. 505, л. 62—63.

[29] См.: Там же. Л. 144—145. А. Я. Зайчука (его фамилия в документе записана неправильно — «Зайчик») и Ильинского в числе работников отделения в списках нет. Очевидно, им так и не удалось освободиться от выполняемой работы и прибыть в отделение бюро.

[30] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 143.

[31] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 217.

[32] Инструкция носит общее название «Организация партий-

ных организаций в тылу противника и направление работы их» (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 345). При публикации документа составители сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (с. 162—163) допустили произвольные сокращения и искажения текста.

[33] Представляется, что инструкция была составлена по поручению отделения бюро Г. Л. Гудыревым, позднее направленным на подпольную работу в Челябинский район и по опыту производственной работы являвшимся железнодорожным десятником. Почерк заполненной им анкеты и текста инструкции сходный (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 305—307, 332, 345—347).

[34] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 345—347.

[35] См.: Там же. Л. 119—129; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; оп. 6, д. 97, л. 7. Длительная и тщательная проверка источников позволяет со всей определенностью говорить о том, что группа М. А. Медведева была направлена в Кунгур, а не в Курган. В ряде случаев сотрудники отделения бюро допустили описку, которая перешла в некоторые сборники документов и публикации.

[36] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1.

[37] Материалов о том, как работала эта группа, нам найти не удалось. На одном из документов отделения бюро напротив фамилии М. А. Медведева сделана заметка — «прошел». Следовательно, можно предполагать, что его группа линию фронта перешла (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 119). В определенной мере и переход группы в тыл врага, и факт выполнения ею задания в Кунгуре и его районе подтверждают два следующих документа: 20 августа 1919 г. Н. И. Уфимцев получил в Екатеринбурге пропуск для поездки в Кунгур, а 23 августа им была получена расписка от Медведева на 8 160 руб. (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 82, л. 196—197). По всей видимости, Уфимцев специально ездил в Кунгур для встречи с М. А. Медведевым, который по какой-то причине не появился в отделении бюро в Екатеринбурге. Переданные Уфимцеву деньги, как можно понимать, были остатком от полученной Медведевым в отделении бюро в Вятке суммы на расходы. Смущает лишь то, что И. П. Пакалнет, описывая свои неудачные попытки перейти линию фронта на Южном участке, упоминает и Медведева, находившегося якобы там же; возможно, имеется в виду и кто-то другой.

[38] Правильное написание фамилии — Пакалнет.

[39] См.: ПАСО; ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 41, 78.

[40] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 130, 137—138, 218—219.

[41] См.: Там же. Д. 82, л. 39—39об.

[42] См.: Там же. Д. 1222, л. 34.

[43] См.: Там же. Д. 504, л. 267—278; д. 506, л. 24.

[44] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 266, 277; д. 883, л. 41; д. 2334, л. 4—20.

[45] Сведений об Н. Н. Вшивцеве, его последующих действиях и судьбе нам не удалось найти. Не упоминает о нем в воспоминаниях и А. Ф. Фадеев.

[46] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 30.

[47] См.: Там же. Д. 506, л. 69—70; д. 2334, л. 17—20.

[48] См.: Там же. Д. 885, л. 37, 334—352; д. 504, л. 90, 92, 120.

[49] Иванников, перешедший на сторону красных, 21 июля 1919 г. дал сведения отделению бюро. Суть их сводилась к тому, что, будучи арестованным и приведенным в конце марта или начале апреля в штаб белогвардейского корпуса, он случайно че-

рез кратковременно открытую дверь в соседнюю комнату увидел Г. Л. Гудырева и услышал, что тот во время допроса давал определенные показания, в том числе о посылке его на Урал для подпольной работы с денежной суммой (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 25). Гудырев, очевидно, погиб. Не исключено, что не удалось избежать ареста и его жене, отправившейся из Вятки вместе с ним.

[50] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1216, л. 172—173.

[51] См.: Там же. Д. 506, л. 85.

[52] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 34—37, 44—45.

[53] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 352; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 184.

[54] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 15; д. 504, л. 249—260.

[55] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 15.

[56] См.: Там же. Д. 885, л. 235—247.

[57] См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 17-к, л. 2—6.

[58] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 42.

[59] См.: Там же. Д. 504, л. 96—97, 101—104.

[60] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 106.

[61] Там же. Д. 504, л. 332.

[62] См.: *Белостоцкий И. С.* Обязательно победим! // В боях и походах. Свердловск, 1959. С. 319.

[63] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 251—257; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. II, л. 323.

[64] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 252.

[65] См.: Там же; Воспоминания М. И. Шляхтина (см.: Новая жизнь (орган Верхотурского РК КПСС и районного Совета народных депутатов). 1967. 2 апр.).

[66] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 253.

[67] Там же; ГАПО, ф. 656, оп. 1, д. 5, л. 74.

[68] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 253.

[69] Там же. Л. 249.

[70] См.: Новая жизнь. 1967. 2 апр.; Воспоминания А. С. Есауловой (хранятся у автора).

[71] См.: ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 181, л. 13; Новая жизнь. 1967. 7 мая.

[72] ГАПО, ф. 656, оп. 1, д. 5, л. 74.

[73] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. II, л. 323.

[74] Воспоминания-рассказ И. Е. Суворкина, по памяти много лет спустя записанные М. И. Шляхтиным (см.: Новая жизнь. 1967. 17 мая). В. А. Сильных ошибочно именуется «Виктором Силкиным».

[75] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 78. Ф. Т. Бессонов в документах отделения бюро не значится, очевидно, по каким-то причинам он не прибыл. Следует отметить, что прямым результатом работы С. Ф. Баранова в Верещагино явилось и то, что местный комитет партии подготовил и при эвакуации оставил в тылу врага группу коммунистов во главе с Ф. М. Кряжевских. Она успешно работала, пока Верещагино не было освобождено Красной Армией. Примечательно, что группа помогала переходить линию фронта другим коммунистам и разведчикам. Вполне вероятно, что она выполняла и задание отделения бюро ЦК. Сам Кряжевских в мае 1919 г. был арестован колчаковцами, подвергался пыткам. Но будучи больным тифом, в изоляторе Пермской тюрьмы связался

с местными подпольщиками, совершил побег и спасся (см.: Вся жизнь — народу. Пермь, 1981. С. 129—130).

[76] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 108.

[77] См.: Там же. Д. 505, л. 111; д. 883, л. 54.

[78] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 883, л. 54.

[79] Там же. Д. 505, л. 127.

[80] Там же. Д. 504, л. 289—290; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2. С. 68; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968. С. 149—151.

[81] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 20.

[82] См.: Там же. Л. 26; *Сивков В. Ф.* Пережитое. Пермь, 1968. С. 222.

[83] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 43—44.

[84] См.: Там же. Д. 504, л. 306.

[85] См.: Там же. Д. 505, л. 50.

[86] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 36. Список личного состава отряда в делах отделения бюро ЦК не сохранился.

[87] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 129. Подпись под донесением стоит условная — «атаман п. о. сорви-голова». Несомненно, это была подпись А. С. Пушвинцева, так как в то время другого крупного отряда, подготовленного отделением, не было. Как «атаман» А. С. Пушвинцев подписывался под документами еще в Вятке.

[88] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 71—72; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 50, 129; ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 251.

[89] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 76—77, 149—151; д. 2327, л. 3, 8; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32; ГАСО, ф. 1200-р, оп. 1, д. 2-а, л. 24. Назовем персональный состав отряда и партийную принадлежность его командиров и бойцов: Н. Г. Белоусов, Е. Т. Вяткин, К. Е. Вяткин, С. Л. Ежов, К. Н. Жемчугов, Г. Н. Зобнин, И. П. Копылов, И. Г. Маринцев, А. П. Панов, Г. Е. Русин, В. И. Углев (коммунисты); В. Г. Абрамов, Л. С. Барышников, Б. И. Богданов, М. О. Заднепровский, И. Ф. Ковальчук (И. Ф. Кучинский), С. М. Моршинин, Н. Г. Пономарев, И. П. Розе, В. Г. Федоров, Е. Л. Фоминых, Н. М. Четверкин (анархисты); А. П. Ежов, А. П. Попов, П. Н. Уфимцев, Н. К. Ушаков (беспартийные).

[90] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 149—151.

[91] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2327, л. 3; д. 505, л. 71—78, 90, 92—93, 185—186, 212.

[92] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 90—93, 185—186.

[93] См.: Там же. Л. 71—74; ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 177-к, л. 3.

[94] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 6.

[95] См.: Там же. Д. 504, л. 178—180; д. 506, л. 172—173.

[96] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 49.

[97] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 152; д. 506, л. 27—31, 170—171.

[98] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 68.

[99] См.: Там же. Л. 195.

[100] См.: Там же. Д. 506, л. 71—74.

[101] См.: Там же. Л. 40.

[102] См.: Там же. Д. 505, л. 178; д. 506, л. 1—6, 36—59, 64, 86, 110, 208.

[103] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 82, л. 209; д. 504, л. 60, 87, 288;

д. 506, л. 39—50, 64, 208, 299; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. I, л. 326.

[104] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 1—6. Ныне документ с некоторыми сокращениями опубликован в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (см.: с. 166—167).

[105] ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 184-п, л. 5. И в делах отделения хранилась явка: «Сысертский завод, Красная улица, Василий Иванович Печерский от Иваныча (речь идет об Уфимцеве. — *И. П.*). См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 82, л. 78.

[106] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 38.

[107] См.: Там же. Л. 38—39.

[108] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 5, л. 90, 222; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 80, л. 104—106.

[109] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15-б, л. 224.

[110] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 44—50.

[111] См.: Там же. Л. 53—62; д. 885, л. 210—211.

[112] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. 1, л. 326.

[113] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 63—64.

[114] Там же. Д. 504, л. 296, 299.

[115] Там же. Д. 505, л. 152.

[116] См.: Там же. Д. 504, л. 296.

[117] См.: Там же. Д. 81, л. 295.

[118] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 15, л. 12—13; ф. 236, оп. 1, д. 1-б, л. 306; д. 15-а, л. 30—31.

[119] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, л. 326; д. 15-в, л. 263

[120] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 81, л. 58, 87—88; д. 504, л. 58—60, 84—87.

[121] ЦГАСА, ф. 39515-с, оп. 1, д. 251, л. 48.

[122] Там же. Л. 49.

[123] Там же. Д. 249, л. 53.

[124] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 80, л. 90.

[125] Там же. Д. 885, л. 9.

[126] См.: Там же. Ф. 221, оп. 2, д. 388, л. 32—40. Выявленные и приведенные нами сведения о посылке отделением своих представителей, в данном случае ходоков, разведчиков, не являются, очевидно, исчерпывающими. Начальник контрразведки колчаковского фронта 20 августа 1919 г. сообщал в Омск, что туда (в основном из Камышлова) следует несколько разведчиков-большевиков, из которых один — А.А. Попов — с документами на имя Бурдакова арестован (см.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. 1, л. 182). Отделение бюро, в частности М. А. Беляев, могли готовить или принимать участие в подготовке Попова и других разведчиков перед ликвидацией или при передаче своих дел по военному отделу штабу 3-й армии.

[127] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 21—23, 32—33, 127—128.

[128] См.: Там же. Л. 33.

[129] Пермские губернские ведомости. 1919. 11 июня; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 166.

[130] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 33.

[131] П. Ф. Лапшин в сопровождении П. Колобова выехал в Москву. Отделение бюро им на расходы выдало 4 тыс. руб. (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 82, л. 203).

[132] Коммунистов партизанско-диверсионной группы В. Ф. Трушкова (3 чел.), имевшей задание, по характеру сходное с таковым у ряда других групп, мы указали все же в данном перечне.

[133] Было послано 14 коммунистов для переправы на участке 5-й и Туркестанской армий. Решением этой задачи занимались и члены бюро ЦК. Фронт перешли 7 человек; часть из них получила или дополнительные, или совершенно новые задания (об этом конкретно речь пойдет далее). Поэтому следует считать, что это было достигнуто в результате общих усилий и отделения, и бюро.

[134] Конечно, следует иметь в виду, что данный нами перечень лиц, посылавшихся отделением бюро ЦК в тыл врага, может оказаться неполным, особенно относительно июньско-июльского периода, когда строгого учета, должного оформления документов сотрудниками уже не велось. Так, нам только из краткого отчета Ф. Дружинина стало известно о посылке его группы из 6 человек к линии фронта для перехода в Екатеринбург. Следовательно, приведенный нами перечень посланцев следует считать минимальным, близким к полному, но не исчерпывающим. В связи с этим следует сказать об опубликованном в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (с. 182—184) «Списке коммунистов, отправленных Северным отделением в колчаковский тыл на подпольную работу» (в нем названо 85 чел.). Во-первых, он далеко неполный; во-вторых, в нем значится не менее 34 человек, которые так и не переправились за линию фронта; в-третьих, часть работников переправлялась самим бюро ЦК; в-четвертых, «группа в 5 человек» под руководством В. А. Сильных фактически состояла из 7 человек и направлялась в сущности не только и не столько для партизанской, сколько для обычной нелегальной работы; в-пятых, опущен партизанский отряд А. С. Пушвинцева численностью 32 человека, хотя он был послан и раньше упомянутого в перечне отряда И. Ф. Ковальчука; в-шестых, целый ряд фамилий, имен, отчеств искажены; в-седьмых, среди посланных были не только коммунисты, но и анархисты, и беспартийные.

[135] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, л. 1—352. Следует оговорить, что, как уже отмечалось, А. И. Носков до прибытия в отделение бюро уже побывал в тылу противника.

[136] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 9—10.

[137] См.: Там же. Д. 82, л. 161.

[138] См.: Там же. Л. 210—212.

[139] См.: Там же. Л. 202.

[140] Там же. Л. 204.

[141] См.: Там же. Д. 505, л. 189.

[142] Там же.

[143] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 46, л. 21.

[144] См.: Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 100.

[145] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 208.

[146] См.: *Стародубцев М. В.* Большевики и трудящиеся горнозаводского Урала в борьбе против иностранных интервентов в период первого похода Антанты // Научные работы кафедры марксизма-ленинизма Московского горного института. М., 1958. Вып. 1. С. 65.

[147] *Шиндин А. М.* Деятельность Сибирского бюро ЦК РКП(б) с момента организации до конца 1919 г. // Материалы XI научной сессии Новосибирского пединститута. Новосибирск, 1967. Вып. 1. С. 29.

[148] См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 539.

[149] К примеру, даже в «Финансовом отчете бюро ЦК Цент-

ральному Комитету партии», в котором указываются статьи денежных расходов, значится: «IV. Расход на работников бюро и при бюро» (см.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 76). Куда было бы проще (да и просто необходимо) отчитываться о расходах на членов бюро, членов его («Южного») отделения и сотрудников или хотя бы просто упомянуть раздельно о бюро и «Южном отделении», существуй такое на деле!

150 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 46, л. 21; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: Сб. док. М., 1972. Т. 8. С. 654.

151 Омские большевики в борьбе за власть Советов. Омск, 1952. С. 106.

152 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 188. В приведенной части цитируемого документа составители выпустили часть текста.

153 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10.

154 В другом случае А. М. Шиндин пишет еще и о принятии «постановлений ЦК партии 15 мая», о которых ни в каких источниках нет даже и косвенных данных, упоминаний. Не приводит источников и сам автор (см.: «Примечания» в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)». С. 285).

155 *Шиндин А. М.* Введение // Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 27.

156 ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 25.

157 Так, если И. Н. Смирнов отмечал, что был «большой перерыв в работе Сиббюро» (см.: Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 131, 152), то А. М. Шиндин, ссылаясь на эти же воспоминания, пытается доказать обратное, что «не было перерыва» (см.: *Шиндин А. М.* Историография Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны в Сибири // Установление и упрочение Советской власти в Сибири. Новосибирск, 1974. С. 47—48).

158 См.: *Смирнов И.* Борьба за Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь; ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318. Воспоминания Д. К. Гончаровой.

159 См.: История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 112.

160 См.: Там же. С. 109.

161 Подробнее о временной ликвидации, приостановке и возобновлении деятельности бюро ЦК см.: *Плотников И. Ф.* К историографии деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны (1918—1920) // Партийные и советские организации Урала во главе борьбы трудящихся за разгром интервентов и белогвардейцев (1918—1920). Свердловск, 1984.

162 См.: Материалы XI научной сессии Новосибирского пединститута. Вып. 1. С. 33.

163 ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

164 ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 25.

165 См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

166 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 27. Точную дату решения ЦК о возобновлении работы Сибирского бюро нам установить не удалось. Телеграмма (нами выявлена лишь ее неполная копия) К. Т. Новгородцевой не датирована. Вероятно, решение ЦК было принято 4—6 (скорей всего 6) июня, так как, во-первых, 3 июня Ф. И. Голощекин писал еще о необходимости посылки новой те-

леграммы с предложением о восстановлении бюро (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13), во-вторых, в Вятку было послано письмо, извещавшее о решении ЦК и датированное 6 июня (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 154).

[167] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 154.

[168] Ошибочные высказывания А. М. Шиндина приобретают широкое распространение. В частности, в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (с. 539) утверждается, будто «Оргбюро ЦК РКП(б) в мае 1919 г. возобновило деятельность Сиббюро». О действительном же решении, принятом в начале июня, даже не упоминается.

[169] Борьба за Урал и Сибирь. С. 152.

[170] Воспоминания Л. А. Виноградова. Хранятся у автора.

[171] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 205.

[172] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 154; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1071, л. 77; д. 1079, л. 2.

[173] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 130, л. 38—39.

[174] ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 179, л. 1—2; ПАНО, ф. 5, оп 4, д. 1079, л. 2; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 203.

[175] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 115, л. 3—4.

[176] Из истории Западной Сибири. С. 105.

[177] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 46, л. 21.

[178] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 236.

[179] См.: Там же. С. 304.

[180] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 37, л. 10.

[181] Из воспоминаний Л. А. Виноградова.

[182] Так оно и оказалось в действительности.

[183] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 19—19об; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 351—352. Данный и другие документы и факты предупреждают от попыток преувеличивать объем работы и роль И. Н. Смирнова по руководству подпольем в апреле—мае, считать, что перерыва в работе бюро не было и т. д., как это пытаются делать отдельные авторы.

[184] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 52. В сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (с. 180) при публикации документа допущена ошибка в его датировании: вместо «25 мая» указано «25 марта».

[185] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 154.

[186] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 115—118.

[187] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 50.

[188] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 11.

[189] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 52; ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 29.

[190] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 4—5.

[191] См.: Там же. Д. 120, л. 8, 54.

[192] См.: Там же. Д. 97, л. 11—12. А. М. Шиндин пишет, будто из Одессы через Москву прибыло «шесть человек, в том числе С. К. Морской и Федоров» (см.: *Шиндин А. М.* Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) по укреплению большевистского подполья Урала и Сибири (январь—декабрь 1919 г.) // Из истории Западной Сибири. С. 189). В то же время, кроме этих двух коммунистов, других одесситов он ни в данном, ни в других случаях назвать не может, а имеет в виду как источник показания провокатора Оглоблина. Оглоблин колчаковцам сообщал: «Я столкнулся в бюро, было человек шесть прибывших в бюро от Серебрякова» (ЦГАСА, ф. 39624,

оп. 1, д. 179, л. 1). Но это вовсе не значит, что эти «человек шесть», прибывшие из Москвы, были одесситами; прибывали, как мы видели, из Москвы и другие коммунисты. В материалах, данных Федоровым и Морским, идет речь лишь о них двоих. Только они и получили задание в бюро. Лишь они значатся в его материалах. Опираться на показания провокатора, лишь кое-что видевшего и кое-что слышавшего, в рассмотрении важных вопросов не следовало.

193 Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 301—302.

194 ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, л. 37.

195 См.: Там же. Л. 39.

196 ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1071, л. 77—78.

197 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 297; ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 179, л. 1.

198 ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1071, л. 77—79.

199 См.: Там же. Оп. 6, д. 120, л. 44.

200 Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 297.

201 См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 81, л. 49—51.

202 См.: ЦГАОР, ф. 1453, оп. 2, д. 52, л. 63; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4; д. 636, л. 15; оп. 4, д. 1028, л. 4—5.

203 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 31.

204 Переписка секретаря ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель—май 1919 г.): Сб. док. М., 1972. Т. 7. С. 409.

205 Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 352.

206 См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 3, д. 36, л. 3. Воспоминания Е. П. Сиговой, записанные автором. Г. Н. Штальберг работала затем зам. председателя Екатеринбургской губернской ЧК.

207 См.: ГАНО, ф. р.-1350, оп. 1, д. 5, л. 2—3.

208 См.: Там же. Л. 3; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 17—18.

209 ГАНО, ф. р.-1350, оп. 1, д. 1, л. 17; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 17—18. В воспоминаниях Д. Д. Киселева, часть которых опубликована, говорится, будто бы он перешел линию фронта в апреле 1919 г. Несомненно, автор воспоминаний запамятовал события и допустил неточность. В материалах Сибирского бюро сохранился доклад Д. Д. Киселева. В нем сказано, что из Сибири в Москву он отправился 5 мая (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 17). Сохраненный Киселевым и сданный им в архив пропуск, полученный в Уфе, датирован 17 мая. По-видимому, Киселев и его жена переправились через линию фронта в 20-х числах мая.

210 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 620, л. 2—5; Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961. С. 61—62.

211 ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 17.

212 ГАНО, ф. р.-1350, оп. 1, д. 1, л. 50.

213 Годы огневые, годы боевые. С. 60.

214 См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 9.

215 См.: ГАНО, ф. р.-1350, оп. 1, д. 1, л. 50; д. 5, л. 3; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 300—301; Годы огневые, годы боевые. С. 62—63.

216 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 227, 301—302.

217 См.: За Советскую власть в Якутии: Воспоминания. Якутск, 1957. С. 229.

218 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 232.

219 См.: За Советскую власть в Якутии. С. 224—226.

220 См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 227—229, 303.

[221] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 120, л. 7.

[222] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 227—232.

[223] Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 352.

[224] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 115, л. 3—6.

[225] Из разговоров со старыми коммунистами выяснилось, что А. И. Чижов остался после изгнания Колчака из Сибири в живых. Отсюда можно заключить, что задание он выполнил.

[226] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 11.

[227] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4, 60; д. 636, л. 15.

[228] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 299—300. Выполнил ли Федоров задание от начала до конца с С. К. Морским или действовал самостоятельно, и в чем оно конкретно выразилось, мы не знаем: источники отсутствуют. Назаров, вероятно, был послан в Усть-Катав бюро ЦК еще 15 февраля 1919 г. для передачи денег местной организации.

[229] Не исключается возможность того, что описанный нами во второй главе факт перехода линии фронта «Красновым» (вместе с другим товарищем и женщиной), по документу не датированному, но находящемуся в материалах зимне-весеннего периода 1919 г., относится именно к В. И. Уфимцеву (Краснову).

[230] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 338, 341.

[231] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 580, л. 1; д. 636, л. 15; оп. 6, д. 92, л. 10; д. 120, л. 44—45.

[232] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 352.

[233] Из воспоминаний Л. А. Виноградова.

[234] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 352.

[235] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 21.

[236] См.: Там же. Д. 580, л. 1, 8.

[237] Там же. Д. 636, л. 15.

[238] См.: Там же. Оп. 6, д. 120, л. 45.

[239] ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 21, л. 21.

[240] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 325.

[241] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 41.

[242] См.: ЦГАОР, ф. 296, оп. 2, д. 3, л. 11; д. 12, л. 11.

[243] См.: ЦГАОР, ф. 236. оп. 1, д. 1-г, ч. II, л. 75—76; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4; ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 88-ш, л. 3.

[244] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 1. Нельзя исключать вероятности, что под именем «Лескова» значился один из членов «группы № 107». П. А. Фофанов перед выездом из Вятки получил два паспорта — на имя П. А. Ляпунова и В. Н. Лескова (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 81, л. 112).

[245] См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д. 128-р, л. 9, 9 об.

[246] См.: ЦГАСА, ф. 39915, оп. 1, д. 166, л. 72—72об.; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. I, л. 156.

[247] См.: ПАБО, ф. 7655, оп. 5, д. 55, л. 2—7.

[248] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 20-б, л. 261.

[249] Прямых документальных свидетельств на этот счет не выявлено.

[250] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 8.

[251] См.: ПАБО, ф. 7655, оп. 2, д. 23, л. 49—50.

[252] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 13, 15, 40, 41, 53.

[253] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 3.

[254] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1291, л. 23; ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 3.

[255] См.: ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 81—82.

[256] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 204—205.

[257] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 46.

[258] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 97, л. 9.

[259] См.: Там же. Д. 636, л. 15.

[260] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 4; д. 585, л. 10; д. 636, л. 15; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. II, л. 75-76.

[261] М. Л. Александров в воспоминаниях отмечал, что при встрече с И. Н. Смирновым и Д. К. Гончаровой в середине июля в Уфе ему было сказано, что «только что» Челябинской организации посланы «в чемодане с двойным дном» 250 тыс. руб. (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1291, л. 3). Мы полагаем, что в данном случае имелась в виду часть сумм, посланных с подпольщиками, которых мы называли.

[262] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 118.

[263] См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 351; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 82; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 541, л. 5.

[264] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 93.

[265] Время отправки отряда П. В. Гузакова в район Миньяра историками определяется неточно. Например, П. С. Лучевников в книге «Гражданская война на Южном Урале» (Челябинск, 1958, с. 147) и авторы монографии «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» (с. 325) пишут, что отряд перешел фронтовую линию еще в мае. В действительности до середины июня отряд находился на месте. Одному из его руководителей А. С. Коржакову еще 12 июня бюро дало поручение (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15). Предатель Оглоблин, прибывший в бюро числа 14-го, застал отряд еще на месте. Он отмечал, что отряд ушел «приблизительно 27 июня» (фактически отряд выступил несколькими днями раньше (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1052, л. 78; д. 1079, л. 2). К 25 июня отряд уже переправился через Уфу и последовал в ашабалашевском направлении. Об этом сообщалось в белогвардейской переписке (Колчаковщина на Урале. Свердловск, 1929. С. 203).

[266] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 188; ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. I, л. 76.

[267] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. I, л. 76.

[268] См.: Там же.

[269] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 82.

[270] См.: Там же. Д. 1213, л. 190; д. 1252, л. 77—78, 93—94.

[271] См.: ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 68, л. 25.

[272] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190.

[273] См.: Там же. Д. 1252, л. 141.

[274] См.: Там же. Л. 72—73; д. 1255, л. 21; ф. 221, оп. 2, д. 474, л. 2, 51—58.

[275] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, л. 78, 97.

[276] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 97. В воспоминаниях встречаются сведения о том, что в отряде было 250 человек (см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 64).

[279] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 107.

д. 68, л. 25.

[278] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1702, л. 4; ПАСО, ф. 41,

оп. 1, д. 1255, л. 21, 73; д. 1071, л. 48; ф. 221, оп. 2, д. 474, л. 2, 51—58. В воспоминаниях численность отряда называется от 120 до 300 чел. В оперативной сводке штаба 3-й кавалерийской бригады 26-й дивизии говорится, что «при подходе к заводу Симскому к частям Верхне-Уральского казачьего полка присоединился отряд рабочих Симского завода, скрывавшихся до сих пор в лесах и горах, силою около 100 человек при одном пулемете» (Гражданская война на Южном Урале. С. 319). Вероятно, эти сведения не являются точными. Но они позволяют сделать вывод о том, что авторы публикаций численность отряда значительно преувеличивают.

[277] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 141; ПАБО, ф. 7655, оп. 1,

[280] См.: ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 68, л. 25—26.

[281] Там же. Л. 26.

[282] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, л. 97—100.

[283] На Красный Урал. 1919. 15 июля.

[284] См.: Правда. 1919. 10, 16, 20 июля.

[285] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44.

[286] См.: Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 164.

[287] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 602, л. 20; Партизанское движение в Западной Сибири. С. 75, 78.

[288] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 2, 14; Омские большевики в борьбе за власть Советов. С. 166; Партизанское движение в Западной Сибири. С. 105.

[289] А. П. Вагжанов и С. И. Дерябина выехали соответственно в Читу и Екатеринбург. Первый из них погиб. Дерябина была арестована. Освобождена из тюрьмы Красной Армией.

[290] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 1—8; оп. 3, д. 156, л. 20; Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.): Сб. док. Иркутск, 1959. С. 400.

[291] Из письма А. Н. Зыкова к автору данных строк.

[292] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 76, л. 1—9.

[293] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2058, л. 31.

[294] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 590, л. 1—2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.

[295] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 3, 41.

[296] См.: Там же. Л. 2—3; 40—41, ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1—2; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. С. 153.

[297] См.: *Спирин Л. М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 197.

[298] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 15-в, л. 263; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 299.

[299] ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 95, л. 11—12.

[300] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2334, л. 30—32.

[301] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 59.

[302] См.: ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 56, л. 24—27; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 93—94; Пролетарская революция. 1928. № 1. С. 82.

[303] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 259, л. 79.

[304] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 581, л. 4; Партийный архив Томского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАТО), ф. 4204, оп. 3, д. 31, л. 9—10, 17; д. 29, л. 23; оп. 4, д. 13, л. 7; д. 50, л. 5.

[305] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 391, л. 26.

[306] ЦГАОР, ф. 5151, оп. 1, д. 4, л. 151.

[307] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 36, л. 20—21; Государственный архив Павлодарской области, ф. 18, оп. 1, д. 25, л. 4—10.

[308] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1498, л. 2.

[309] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 158, л. 20; Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. С. 403.

[310] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 77, л. 1—13; ЦГА РСФСР ДВ, Р-734, оп. 1, д. 1, л. 2—5.

[311] См.: ЦГА РСФСР ДВ, Р-734, оп. 1, д. 1, л. 13—15; Р-548, оп. 1, д. 48, л. 88—92 и др.

[312] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 25, л. 15; За свободу народа: Сб. восп. Кызыл, 1957. С. 76—77.

[313] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 181; оп. 10, д. 48-б, л. 48—51; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 6.

[314] ЦГАОР, ф. 293, оп. 2, д. 21, л. 1.

[315] ЦГАСА, ф. 238, оп. 3, д. 26, л. 35—36; ф. 3509, оп. 1, д. 5, приказ № 81.

[316] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 271.

[317] ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 19, л. 302-в.

[318] См.: ГАСО, ф. 1200-р, оп. 2, д 17-к, л. 2—6; Тагильский рабочий. 1984. 20 июля.

[319] См.: Государственный архив Челябинской области, ф. 627, оп. 1, л. 259, л. 4; Красный Урал. 1919. 7 авг.; Правда. 1919. 6 авг.

[320] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. I, л. 162; ф. 1476, оп. 1, д. 4, л. 37.

[321] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44.

[322] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 10; Государственный архив Кокчетавской области, ф. 361, оп. 1, д. 2, л. 11.

[323] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 23, л. 18; ф. 293, оп. 1, д. 16, л. 1, 4, 34.

[324] См.: Борьба за власть Советов в Кустанайских степях. Кустанай, 1959. С. 133—137.

[325] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 1, д. 19, л. 265; В огне революции и гражданской войны: Воспоминания. Омск, 1959. С. 169—170.

[326] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 167—168. В документах штаб именовался также «Главным штабом крестьянской Красной Армии» (см.: Там же. С. 211, 216 и др.).

[327] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 77, л. 25; ф. 4531, оп. 1, д. 210, л. 108; Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.): Сб. док. Владивосток, 1955. С. 24—27.

[328] См.: ЦГАСА, ф. 39515-с, оп. 1, д. 400, л. 8—245; *Беликова Л. И.* Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1967. С. 160.

[329] См.: ЦГАОР, ф. 135, оп. 1, д. 68, ч. I, л. 107.

[330] См.: *Крушанов А. И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962. С. 232—237.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] См.: *Кузьмин Г. В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917—1922 гг. М., 1977. С. 241.

[2] Туркестанская и 2-я армии летом 1919 г. были расформированы.

[3] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 4. С. 348.

[4] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). Новосибирск, 1978. С. 304.

[5] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 3.

[6] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 236.

[7] См.: Там же. С. 245; Красный стрелок. 1919. 26 авг.; ПАЧО, ф. 77, оп. 1, д. 27, л. 28—29.

[8] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 526, л. 4.

[9] См.: Сибирский революционный комитет (Сибревком): Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1959. С. 28—29.

[10] Письмо не датировано. На нем проставлена регистрационная дата «4 сентября 19 г.», сделанная бюро то ли после отсылки машинописного варианта, то ли по получении известия, что оно поступило в этот день в ЦК (см.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 548, л. 43). Поэтому полагаем, что его безоговорочное датирование 4 сентября (см.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 238—239) является неправомерным. Подписи под документом нет, но, судя по некоторым признакам, он составлен Б. З. Шумяцким, очевидно, по поручению И. Н. Смирнова или Ф. И. Голощекина.

[11] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 43; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1962. С. 354. Фамилия В. М. Косарева в документе названа неточно — «Косорев».

[12] См.: Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 240.

[13] Там же. С. 248—249.

[14] Там же. С. 241.

[15] Там же. С. 241—242.

[16] Там же. С. 249.

[17] С подлинником протокола заседания Пленума ЦК партии от 8 апреля, выдержки из которого опубликованы в сб. «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» (с. 280), мы познакомиться не имеем возможности. В публикации вопрос дается в такой формулировке: «Об организации в составе Сибирского бюро ЦК РКП(б)». В оригинале, вероятно, вопрос дан или в формулировке: «Об организации и составе Сибирского бюро ЦК РКП(б)», или протоколирующим допущена описка, ибо иначе получается ошибка смысловая, неправомерность такой формулировки вопроса. Когда обсуждался предыдущий вопрос «О составе Сибирского ревкома», то он именно так и был сформулирован (официально он давно, еще 27 августа 1919 г. постановлением ВЦИК был утвержден). Вопрос о бюро именно в формулировке «Об организации и составе Сибирского бюро ЦК РКП(б)» мог и должен был встать правомерно, так как оно осенью и зимой, как мы видели, в сущности превратилось в областное бюро РКП(б), теперь же речь шла вновь о бюро как об органе ЦК — «бюро ЦК РКП(б)» и его составе.

[18] IX съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 428.

[19] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 280.

[20] См.: Там же. С. 276—277.

[21] Подробнее о процессе реорганизации бюро, наших возражениях некоторым авторам по этому вопросу см.: *Плотников И. Ф.* К историографии деятельности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны (1918—1920) // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала. Свердловск, 1982. С. 8—14.

[22] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 52.

[23] Полагаем, что попытка датировать прибытие В. М. Аврамова в бюро ЦК июлем является неверной. В своей датировке мы исходим из содержания его доклада и документов бюро.

[24] См.: ПАОО, ф. 19, оп. 24, д. 74, л. 14—15; ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 576, л. 32; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 627, л. 1—21; Борьба за

власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.): Сб. док. и мат-лов. Томск, 1957. С. 481—484.

[25] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 7.

[26] Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959. С. 119.

[27] Сибирские огни. 1933. № 7—8. С. 158—161.

[28] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 369.

[29] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 119.

[30] См.: Сибирские огни. 1933. № 7—8. С. 158—161.

[31] См.: Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны. М., 1968. С. 375. Некоторые авторы лицо, названное Б. З. Шумяцким, и Б. А. Славина отождествляют.

[32] См.: Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 153—154.

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 4, 7.

[34] Выяснить вопрос о работе П. Я. Наумова в Сибири по выполнению задания бюро ЦК из-за отсутствия документов и материалов не представляется возможным.

[35] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 4.

[36] См.: Там же. Ф. 71, оп. 15, д. 318, л. 7.

[37] ГАСО, ф. 1200-р, оп. 1, д. 3-м, л. 102—103; оп. 2, д. 157-м, л. 6.

[38] Там же.

[39] ЦГАОР, ф. 3497, оп. 1, д. 4, л. 30.

[40] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1291, л. 3.

[41] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1550, л. 10.

[42] См.: *Шиндин А. М.* Периодизация истории Сибирского бюро ЦК РКП(б) и особенности его деятельности в отдельные периоды // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1971. Вып. 64. С. 186.

[43] Сибирское бюро ЦК РКП(б). С. 31.

[44] См.: Там же. С. 338.

[45] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. I, л. 72.

[46] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 88, л. 1.

[47] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 389, л. 71.

[48] ЦГАОР, ф. 147, оп. 11, д. 43, л. 39.

[49] Там же. Д. 33-а, л. 227.

[50] Мы не учли часть группы С. Ф. Баранова, не зная ее количества. Не включены в сводные цифры проводники, среди которых были и коммунисты, также выполнявшие определенный объем работы.

[51] ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р.-548, оп. 1, д. 48, л. 84.

[52] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 603, л. 1—2; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2165, л. 7, 15—16; Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1927. С. 21.

[53] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 851, л. 4, 6—7.

[54] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 181; оп. 10, д. 48-б, л. 48—51; ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 6.

[55] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. II, л. 123—124.

[56] ЦГАСА, ф. 39624, оп. 1, д. 168, л. 1—14.

[57] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 20, л. 187; ф. 236, оп. 1, д. 22, л. 137—139.

[58] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 253.

[59] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 15, д. 24, л. 69; Партийный архив Северо-Казахстанского обкома Компартии Казахстана. Воспоминания К. Ю. Шафикова. Л. 8—9.

[60] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 189; ф. 3288, оп. 1, д. 69, л. 1—6.

[61] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 314, л. 29; д. 15-в, л. 288.

[62] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1018, л. 57—58.

[63] ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. I, л. 167.

[64] См.: ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 29, л. 24; д. 31, л. 10, 14—17; оп. 4, д. 50, л. 5.

[65] См.: ПАТО, ф. 4204, оп. 3, д. 29, л. 24.

[66] См.: ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 391, л. 26; ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 103.

[67] См.: ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 924, л. 77, 92, 97, 170; оп. 7, д. 63, л. 2; Государственный архив Иркутской области, ф. 245, оп. 1, д. 1719, л. 14—16; Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 370.

[68] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, л. 17.

[69] См.: ЦГАОР, ф. 296, оп. 2, д. 12, л. 17.

[70] См.: *Василевский В. И.* Дела легендарных дней. Иркутск, 1970. С. 30—31, 79.

[71] Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1955. С. 269—270.

[72] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 125, л. 1.

[73] См.: ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 281, л. 1—3; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2037, л. 1—4; Партизанское движение в Западной Сибири. С. 422—425.

[74] Будберг имеет в виду бесчинства и зверства карателей, в конечном итоге способствовавшие нарастанию революционной борьбы масс.

[75] *Будберг А.* Дневник белогвардейца (колчаковская эпопея). Л., 1929. С. 76.

[76] Партизанское движение в Западной Сибири. С. 206—208.

[77] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, д. 591, л. 3.

[78] См.: Партизанское движение в Западной Сибири. С. 242—244.

[79] См.: Там же. С. 339—342.

[80] См.: *Третьяк И. Я.* Партизанское движение в горном Алтае, 1919 г. Новосибирск, 1933. С. 65—76.

[81] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 48.

[82] Там же. Л. 49.

[83] См.: Там же; ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 147, л. 12—14.

[84] См.: Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919): Сб. док. Томск, 1957. С. 491—509.

[85] См.: *Журавлев М. Н., Юдахин Г. Н.* Большевики Новониколаевска в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Новосибирск, 1963. С. 60.

[86] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1056, л. 9.

[87] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1332, л. 71—93.

[88] См.: Годы огневые. С. 169.

[89] См.: Там же. С. 299—302; Документы героической борьбы. Красноярск, 1959. С. 419.

[90] См.: ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 88, л. 1.

[91] См.: Годы огневые. С. 55.

[92] См.: Там же. С. 59.

[93] См.: *Дворянов Н., Дворянов В.* В тылу Колчака. М., 1966. С. 214.

[94] См.: ЦГАОР, ф 147, оп. 10, д. 91, л. 27.

[95] См.: Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии: Воспоминания. Иркутск, 1957. С. 411—420.

[96] *Солодянкин А. Г.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960. С. 92.

[97] См.: ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1401, л. 1—3; *Солодянкин А. Г.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. С. 93—94, 97.

[98] См.: Последние дни колчаковщины. С. 192—195.

[99] См.: Там же. С. 208—209. Колчак и эшелон с золотым запасом были доставлены в Иркутск 15 января. Коммунисты обеспечили надежную охрану. Суд над Колчаком и Пепеляевым и исполнение вынесенного приговора еще до прибытия Красной Армии были ускорены тем, что белогвардейское подполье при подходе к Иркутску каппелевцев намеревалось напасть на тюрьму.

[100] См.: Автономная Якутия. 1922. 15 дек.; 1939. 15 дек.

[101] См.: ЦГАОР, ф. 135, оп. 1, д. 55, л. 142.

[102] См.: История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 359—360; *Крушанов А. И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962. С. 288—296; Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 140.

[103] См.: История Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. С. 117—118.

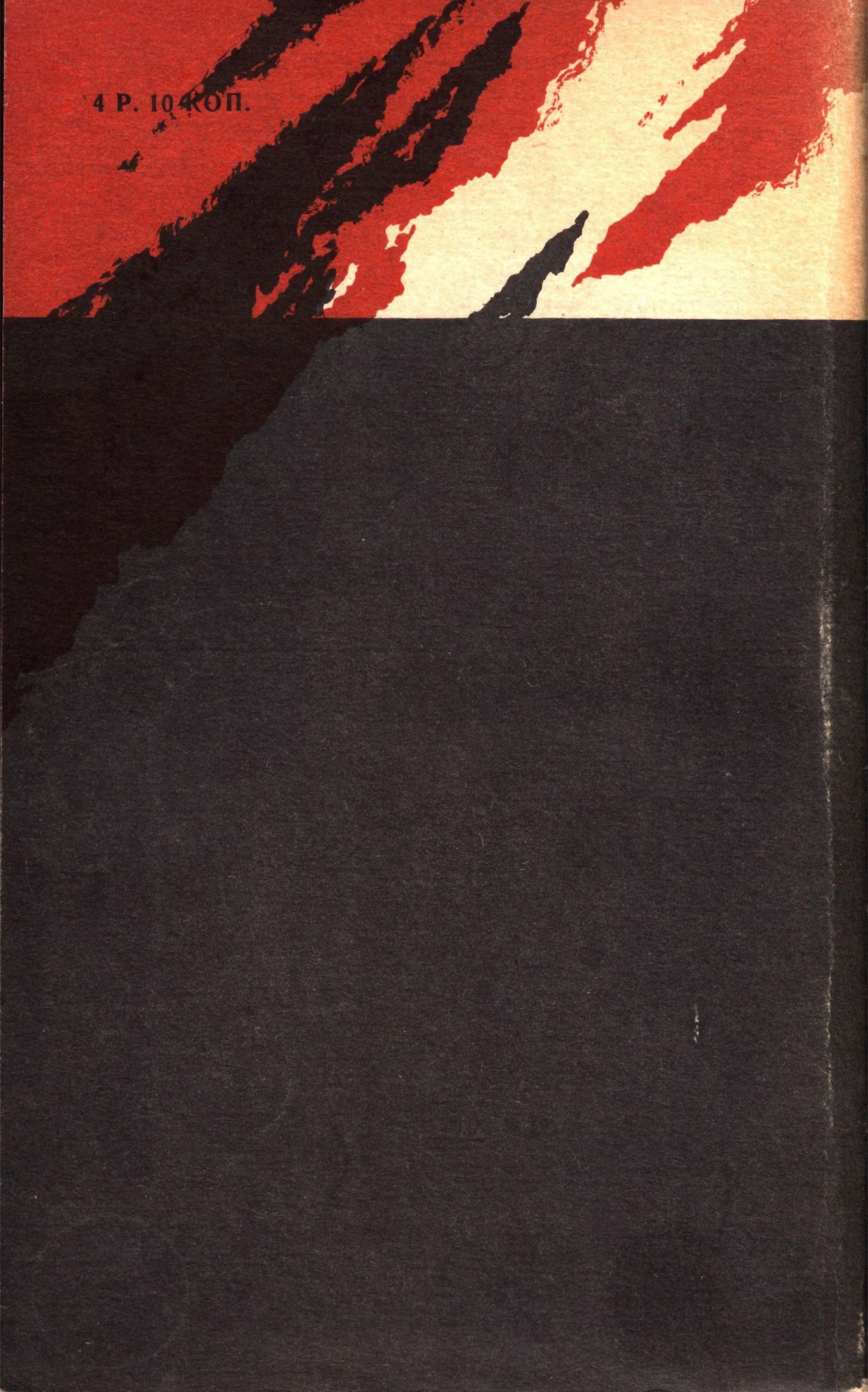
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 240.

[2] Там же. Т. 39. С. 299.

[3] Там же. С. 177.

ОГЛАВЛЕНИЕ

4 Р. 10 КОП.

ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В ТЫЛУ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК

И. Ф. ПЛОТНИКОВ